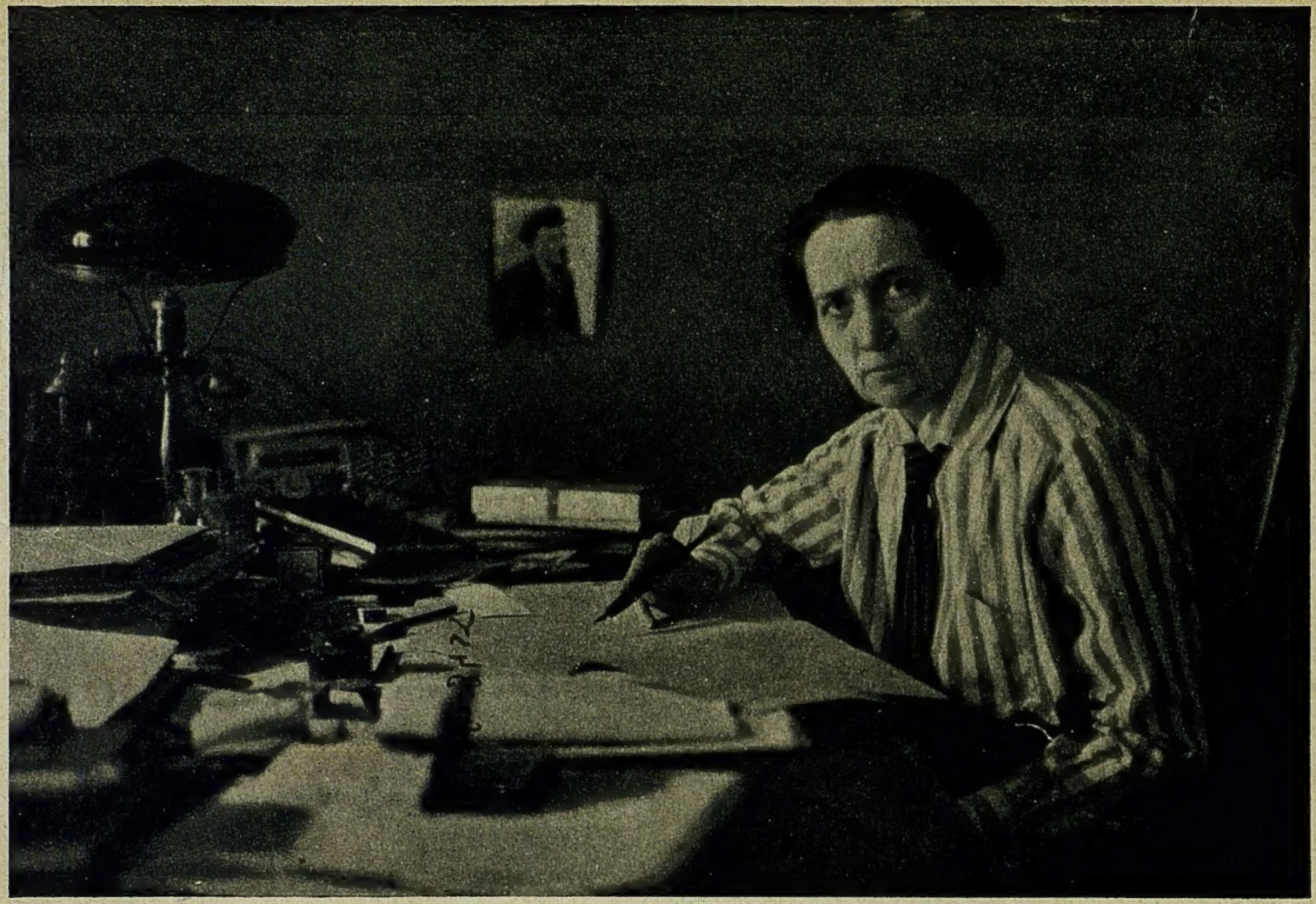
E41
189



Евгения Богдановна БОШ.

E41/189

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (Б.) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (Б.)

Б-86

ЕВГЕНИЯ БОШ

ГОД БОРЬБЫ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ С АПРЕЛЯ 1917 Г. ДО НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

ПРОВ. 1935

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

197-132

КАБИНЕТ ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 197132 г.

Гиз № 7942. Главлит № 26738. Напеч. 6000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

УЧАСТНИКАМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА УКРАИНЕ
В 1917 И 1918 ГОДАХ

ПОСВЯЩАЮ СВОЮ РАБОТУ,

АВТОР.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Автор этой книги ушел из жизни, не дождавшись ее появления в свет. Благодаря этому книга приобретает характер своего рода политического завещания.

На сколько нам известно, если не считать брошюры того же автора от 1919 года: «Национальное правительство и Советская власть на Украине», это — первый труд, посвященный периоду 1917—1918 г.г. на Украине, в котором делается попытка дать освещение событий этого времени не только на основании собственных воспоминаний и личного архива, но и на основании добросовестно подобранного в Киеве, Харькове и других местах печатного и письменного материала. Все это вместе дает группе товарищей, проведших год борьбы в непосредственной совместной работе с Евгенией Богдановной Бош, основание предпослать данной книге несколько слов, которые, как им думается, будут нелишними для освещения обстановки, в которой ей пришлось работать и бороться, для обрисовки самого образа ее, как революционера, политического борца и партийного деятеля, и для понимания ее роли в революции и в партии, уяснения места, которое она занимала.

Силы революции на Украине в начале 1917 года были до крайности слабы. Партия большевиков вышла из подполья с очень немногочисленными силами, сама же обстановка мало благоприятствовала быстрому обрастанию новыми кадрами в этой промышленно-отсталой, сравнительно с остальными частями старой России, области. Лишь на крайнем востоке имелось сплоченное рабочее население и тем самым — предпосылка для существования большевистской организации. Во всей остальной Украине существовали об'единенные с.-д. организации, где большевики довольно мирно уживались с разными оттенками меньшевиков, вплоть до оборонцев. Но и в самих большевистских организациях, поскольку они существовали самостоятельно, не видно было твердой, определенной

линии. Что же касается уяснения себе специальной украинской обстановки, то дело в наших организациях обстояло из рук вон плохо.

Уйдя с головой в борьбу с меньшевиками за влияние в рабочих массах, сильные организации Харькова, Екатеринослава и других центров промышленной части Украины склонны были недооценивать значение и силу национального фактора, тесно связанного с крестьянским вопросом, и дальше провозглашения голой формулы: «право наций на самоопределение», не шли. Это пренебрежение к столь важным вопросам довольно забавно смешивалось с очень пессимистической оценкой перспектив революции и возможности вовлечь в нее украинское крестьянство, что приводило к стремлению парторганизаций обособить Донецко-Криворожский район, как не украинский, предоставив три четверти Украины своей судьбе или, что то же, — передать ее в руки украинской мелко-буржуазной контр-революции. Внести ясность в положение, в оценку его со стороны партии, выработать единую линию, — являлось неотложной задачей, и в роли инициатора по этому вопросу выступает не кто иной, как товарищ Бош. Организацией Окружного Комитета, который она создала и активнейшим участником которого она являлась, распространением его влияния на юго-западный фронт, до сих пор бывший целиком под влиянием соглашателей, российских и украинских, — было положено начало об'единению партийной линии, которое на Всеукраинской партконференции в декабре получило свое завершение созданием Краевого партоб'единения. Такое об'единение было крайне необходимо, так как без помощи пролетарских районов нечего было рассчитывать на успех в остальной части Украины, а, наоборот, можно было легко предвидеть, что предоставленная сама себе мелко-буржуазная стихия, окрепнув и войдя во вкус власти, без труда захлестнула бы и соседние пролетарские островки.

Каково же было общее положение?

На Украине, в частности в ее земледельческой части, в Правобережье и примыкающих Черниговской и Полтавской губерниях, революция с самого начала натолкнулась на противника, которого в северной и центральной части бывшей России налицо не имелось. В России против революции выступала крупная империалистическая буржуазия и, находящаяся в плену ее идеологии, честно и добросовестно выполнявшая ее задания, мелкая буржуазия, получившая свое выражение в керенщине. Последняя поневоле должна была оперировать в своей агитации демагогическими понятиями и словами из старого лексикона, вроде: «родина», «отечество» и пр.,

давно навязшими в зубах и никого не согревающими, даже когда к ним прибавляли эпитеты: «свободная», «социалистическая».

Другое дело — на Украине. Там февральские дни развязали силы молодой украинской буржуазии, выступившей с новыми лозунгами, по наружности очень радикальными, создавая новые, еще не изжитые иллюзии, пользуясь новой фразеологией, как всякое молодое движение. Крупная буржуазия, конечно, отнюдь не отсутствовавшая, совершенно не появлялась открыто на политической арене. Ее роль целиком выполнялась украинскими соглашателями-националистами. В своей борьбе с центральной властью за влияние на массы они поневоле принуждены были дать этим массам больше, чем считала необходимым давать керенщина. Выразилось это и в решении аграрного вопроса — правда, не таком радикальном, как нашей партией, но по внешности с ним схожем — еще задолго до созыва Учредительного Собрания. Сказалось это в вопросах войны и мира, строения армии, сказалось, наконец, в конструкции власти, совершенно не знавшей периодов Гучков-Милюков и коалиционного правительства, а с самого начала представлявшей собой подобие пресловутого лево-эсеровского «однородно-социалистического». Все это не только давало успех перед массами, но, поскольку мы в российском масштабе шли тогда об руку с левыми эсерами, — еще очень долго сбивало с толку даже многих товарищей из рядов нашей же партии, приучало считать Центральную Раду чуть не близким по духу союзником, с которым можно столковаться, или неопасным противником, с которым, если понадобится, можно без всякого труда расправиться.

Таким образом, с самого начала 1917 года на Украине создалась, как ее назвала тов. Бош в упомянутой брошюре, ситуация «треугольного боя», особенно ярко выразившаяся в ноябрьские дни, но бывшая налицо еще задолго до них. Надо откровенно сказать, что оружие для этого боя хотя и было дано нашей партии старыми работами Владимира Ильича, но к моменту, когда его нужно было пустить в ход, оно оказалось недостаточно отточенным. Только в процессе борьбы оно отточилось, и последние точки над «и» по украинскому вопросу были поставлены Лениным лишь в конце 1919 года, в его известной статье в «Коминтерне» и в письме к украинским рабочим и крестьянам того же времени, т.-е. в момент освобождения Украины от Деникина. В 1917 же году приходилось руководствоваться лишь весьма общими направляющими указаниями и самому находить формы применения их в конкретной обстановке.

И тут мы подходим к моменту, во весь рост обрисовавшему фигуру Евгении Богдановны Бош, как политика, революционера и большевика-ленинца. Строго придерживаясь руководящих директив Ленина, всегда глубоко, вдумчиво относившегося к национальному вопросу, тов. Бош выбрала единственно правильную линию, которую только и могла занять партия революционного пролетариата, и выступила со всей своей активностью в защиту ее внутри нашей организации. Эта линия заключалась в том, чтобы, оценив всю важность национальной проблемы, вырвать этот колоссальной силы и веса лозунг, лозунг национального освобождения и национального самоопределения, из рук мелкой буржуазии, сделать его своим, пролетарским лозунгом, на деле продемонстрировать крестьянству, что только под гегемонией пролетариата, только при существовании создаваемой им формы общественного и государственного строя, возможно полное решение этого вопроса, — без того, чтобы само национальное освобождение и самоопределение не превращалось в свою противоположность, в орудие угнетения широких масс, что неминуемо происходит под властью буржуазии.

Если к этому еще прибавить, — а последнее нужно для молодых партийцев, не знающих состояния нашей партии в 1917 году, — что партия не имела настолько централизованного руководства, как в настоящее время, когда по самым простым вопросам даются из центра самые подробные директивы, что при разрухе транспорта и телеграфа и нахождении их в руках противника не было возможности подчас по целым неделям и больше сноситься с центрами, — тогда станут ясны огромная роль и колоссальные заслуги Евгении Богдановны перед партией и революцией. Находясь в самом узле всех сложных политических событий в политическом центре огромной области, — национальном украинском центре в 1917 году, бывшем также крупным военным пунктом, — в Киеве, т.-е. городе, вдобавок почти не имевшем промышленного пролетариата, она сумела внутри партии провести чисто ленинскую линию, поставить во всю полноту проблему власти. Тов. Бош сумела после завоевания власти, в короткий четырехмесячный срок, бросить в массы революционные семена, давшие свои первые всходы уже через несколько недель после наступления реакции в форме непрерывной цепи крестьянских восстаний против немцев и гетмана и широко разветвленной партизанской борьбы, и, наконец, плоды в виде восстановления Советской власти, прочно стоящей ныне на украинской земле.

Здесь не мешает кстати констатировать, что если Советская власть принуждена была свертывать временами свой флаг на Украине, то каждый раз лишь под влиянием внешних сил: немцев, деникинцев, поляков и прочих. Собственных же сил украинской контр-революции на свержение ее нехватало, — слишком глубоки были корни, пущенные идеей Советской власти. Сам Петлюра, пытавшийся после ухода немцев и гетмана вновь утвердиться в Киеве, принужден был маскироваться большевистскими лозунгами и если частично удержался на короткое время, то только до тех пор, пока массы не раскусили, что его большевизм — это большевизм второго сорта, подделка под истинный.

В отношении обрисовки образа Евгении Богдановны данная книга дает читателю очень мало и, даже наоборот, способна затемнить действительную роль этой центральной фигуры тогдашней политической жизни, создавшей своей деятельностью благоговейную к себе память товарищей и сосредоточившей на себе всю ярость, клевету и бешеную ругань врагов. По врожденным ли свойствам характера, под влиянием ли невыгодного впечатления от уже появившейся многочисленной мемуарной литературы, очень сильно грешащей в сторону суб'ективизма, Евгения Богдановна на всем протяжении книги старательно затушевывает свою роль в описываемых событиях, очень редко упоминая свое имя и местоимение первого лица. Такой способ изложения об'ективно приводит не только к затушевыванию собственной роли, но местами затемняет и самую картину. Например, не излагая своей позиции в Киевском Комитете в период апрель — июль, она создает впечатление, что внутренние разногласия в нем вовсе не были так велики, и что Комитет довольно легко принял чисто ленинскую линию, изложенную в «Письмах из далека», — впервые привезенных товарищем Бош, — в директивах Ленина из заграницы и в апрельских тезисах. Она умолчала о своем выступлении против Альберта Тома, которым киевская организация впервые открыто выявила свою физиономию вовне, навлекши на себя бешеную травлю всей соглашательской прессы, на которую пришлось так же решительно отвечать (до тех пор особого боя с меньшевиками не велось). Надо заметить, что это выступление тов. Бош было экспромптным, без предварительной санкции Комитета.

Далее, описывая конференцию, принимавшую резолюцию по вопросу о «Демократическом совещании», она, хотя и упоминает о своей речи, но не говорит, что именно по ее инициативе и была

созвана конференция и перерешено по ее же настоянию постановление КК, принятое в ее отсутствии. Описывая открытие первого С'езда Советов Украины, Евгения Богдановна не упоминает, что «товарищ, выступивший вперед» и принявший на себя всю бешеную площадную ругань гг. Стасюков и тому подобных и угрозы с их стороны самосудом, была именно она. Таких примеров можно найти сколько угодно.

Вообще говоря, в большинстве случаев, когда автор говорит «мы», «ОК» и «товарищ», и когда речь идет о действительно революционном шаге, выступлении или заявлении, следует читать — Евгения Богдановна Бош. Это имя ярко выделяется на фоне истории «Года борьбы» и заслуживает, чтобы его твердо запомнили все молодые кадры нашей партии, идущие на смену усталым борцам. Книга Е. Б. может послужить для них превосходным руководством, по которому они могут научиться тому, как ленинец, предоставленный самому себе и лишь пользуясь общим учением Владимира Ильича, целиком это учение впитавший и усвоивший, умеет ориентироваться в сложнейшей обстановке, не дать себя сбить с ленинского пути, а проводить его учение в жизнь, несмотря на все затруднения, а подчас и препятствия в собственных рядах.

Группа старых товарищей.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

1917 год на Украине богат революционными событиями и представляет не только общий интерес для историка, как период активной борьбы, но должен быть особенно внимательно изучен, как один из крупнейших опытов революционной борьбы в крае, населенном ранее угнетенным национальным меньшинством. Между тем, за период с февральского переворота до занятия Украины оккупационными войсками в наших архивах совершенно отсутствуют подлинные документы, а имеющиеся печатные материалы, главным образом, газеты, требуют серьезной проверки, особенно — военные сообщения. Этот период прошел на Украине почти в непрерывной вооруженной борьбе, вначале с Временным Правительством, потом с Центральной Радой и наконец с оккупационными войсками, а постоянные эвакуации заставляли уничтожать подлинные документы: разрыв же сообщений приводил к тому, что наши газеты пользовались случайными, непроверенными сообщениями и давали неверные сведения.

Я поставила своей задачей восстановить этот ярко врезавшийся в память период, хотя бы в общих чертах, по своим блокнотным заметкам, черновым наброскам и отрывочным протокольным записям, а также и на основании печатных материалов и имеющихся в моем личном архиве документов; восстановить хронологическую цепь событий и дать строго проверенные сведения о деятельности наших партийных и советских руководящих организаций. Не имея у себя полного комплекта украинских газет 1917 — 1918 г.г., я лишена была возможности выбора наиболее интересных резолюций, воззваний и постановлений. Я отнюдь не предполагаю дать полную хронику событий, так как считаю, что восстановить этот период революционной борьбы на Украине полностью возможно только путем коллективной работы активных участников того периода.

Данную работу я рассматриваю как первый шаг по пути собирания материала за 1917 — 1918 г.г., надеясь, что общими усилиями мы сможем восстановить прошлое и дать проверенный исчерпывающий материал будущему историку Украины.

Е. Бош.

7 июня 1924 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Киев.

После февральского переворота Киев становится центром национальной жизни Украины.

В начале марта все национальные, социалистические и либерально-демократические партии об'единяются и выделяют свой орган — Центральную Раду, — как «непартийную» организацию, ставящую своей целью украинизацию всей жизни Украины и об'единение украинцев. «Некоторое время Ц. Р. должна была служить преимущественно национальным центром, она ставила перед собой задачу собрать все силы, какие имело украинство, теми же силами привести массы к национальной осведомленности, закрепить национальные достижения, а тогда, опираясь на это, творить социальную перестройку в соответствующих наших национальных формах и в том понимании самой «перестройки», какое допускалось нашим пониманием сущности революции», — так формулировал Винниченко роль и задачи Ц. Р. [1]).

По всей Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской губ., спешно начинают организовываться националисты — «учителя, кооператоры, адвокаты, студенты организуют свои товарищества, созывают совещания, с'езды, и не для своих профессиональных нужд, а для украинизации их» [2]).

Все партийные разногласия были отброшены во имя «единства украинских сил». «Мы не боялись потерять в этом единстве — говорит в той же работе с.-д. Винниченко — свою социал-демократическую чистоту. Не боялись уже хотя бы и потому, что на ту социалистичность, которая была тогда в партии с.-д., никто не покушался. Мы понимали революцию, как буржуазно-демократическую, мы сами не делали никаких покушений на буржуазно-демократический строй, и благодаря этому со стороны несоциалистических элементов не могли встретить никакого отпора. Мы в своей деятельности были только республиканцами и демократами, а не социалистами».

---

[1]) В. Винниченко — «Відродження нації», Видавництво Дзвін, Київ — Відень, 1920 р.

[2]) Там же, стр. 77.

Так на ряду с комиссарами Временного Правительства и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов организуется национальный Совет—Ц. Рада. Это обстоятельство крайне осложняет политическую обстановку в Киеве и создает сложные условия для работы киевской партийной организации, перед которой с первых же дней переворота, кроме общих для всех членов партии вопросов, встает необходимость дать правильную оценку вновь образовавшемуся национальному центру, определить свою тактику и взаимоотношения с Ц. Радой. Требуется не только ориентировка в сложной политической обстановке, но и умение и такт в проведении в жизнь требования нашей партии «права наций на самоопределение».

Но киевская партийная организация, как и большинство организаций провинции, находилась в тот момент еще в процессе оформления и все силы уделяла своей внутренней организации и выборам в Советы. На экстренном заседании Комитета с ответственными партийными работниками, созванном в день нашего приезда [1]), в конце марта, секретарь Киевского Комитета сообщил о состоянии киевской партийной организации. Открывая собрание, секретарь об'явил, что с момента февральского переворота киевская организация никакой связи с центром не имела и информировалась только по газетам, поэтому президиум решил созвать расширенное собрание ответственных работников с целью заслушать от нас сообщение о петроградских событиях, работе Пе-Ка и решениях Ц. К. партии. Полностью удовлетворить требования киевских товарищей мы не смогли, так как в Петрограде пробыли недолго, но этот пробел заполнили подробной информацией о решениях заграничной части Ц. К. партии и сообщением последних директив, данных тов. Лениным из Швейцарии телеграммой перед нашим от'ездом из Христиании в Петроград для передачи российским товарищам.

Сообщив последние директивы Ц. К. партии — «Никакого доверия Временному Правительству, вся власть Советам, беспощадная борьба с Керенским, вооружение народа и организация демократических Дум», — мы предложили собранию сейчас же обсудить их и выявить к ним свое отношение. Но собрание постановило отложить обсуждение, считая необходимым предварительно обсудить директивы Ц. К. партии только в Комитете и тогда уже, с определенным мнением Комитета, поставить на обсуждение общегородской партийной конференции, а это заседание использовать для обоюдной информации.

Из доклада секретаря Комитета положение в Киеве рисовалось следующее: начавшееся в Петрограде восстание вызвало боль-

---

[1]) Ю. Пятаков и Е. Бош были раньше членами Киевск. Комит.; в 1913 году получили ссылку на поселение, в 1914 году бежали за границу, а дня за 3 до амнистии вернулись в Петроград и в конце марта приехали в Киев.

шой под'ем в массах, но вооруженного столкновения не было. После образования Временного Правительства произошла смена властей, путем замены царских ставленников комиссарами Вр. Прав. Выйдя из подполья, все находящиеся в Киеве партийные товарищи-большевики занялись собиранием своих сил; созвали общегородскую партконференцию, правда, весьма неполную; избрали временный Киевский Комитет, который занялся, главным образом, оформлением районов и выборами в Совет Раб. Депутатов. В данный момент партийная организация насчитывает около 200 членов, главную опору имеет в пролетариате обмундировочных мастерских — «революционные портные», как шутя их называли; широкой массовой работы нет; в войсках связь только налаживается. Сложность происходящих событий, отсутствие связи с центром, бедность в руководящих работниках вынуждали Комитет отодвигать обсуждение принципиальных вопросов, а тем самым лишали организацию возможности выступления в массах с точно формулированными требованиями, что значительно суживало работу парторганизации в рядах киевского пролетариата. Заканчивая свою информацию о работах парторганизации, секретарь отметил, что дальше оставаться в таком положении невозможно и что необходимо скорейшее оформление принципиальной линии Комитета.

Наше положение в Сов. Р. Д. и Исполкоме рисовалось не блестящим. Выборы в Совет Р. Деп. проводились всеми социалистическими партиями при активном участии нашей организации. Пролетариат Киева принимал активное участие в выборах, но в массах не было представления о роли Советов. Большинство на выборах получили мелко-буржуазные партии. Это об'яснялось, главным образом, тем, что Киев не пролетарский центр, — самые крупные предприятия насчитывают не больше 1½—2 тысяч рабочих, — но и таких немного, большинство рабочих занято в мелких предприятиях и мастерских, последние носят еще характер ремесленных предприятий; в железнодорожных мастерских, насчитывающих от 6 до 8 тыс. рабочих, сохранились меньшевистские организации, и рабочие находятся под их влиянием. В Совете Раб. Деп. громадное большинство за мелко-буржуазными партиями. Наша фракция не оформлена. Меньшевики в подавляющем большинстве. На заседаниях Совета представитель с.-д. (б) с трудом получал слово и должен был выступать с большой осторожностью, дабы не вызвать скандала. В Исполкоме Совета Р. Д. большинство также за меньшевиками и бундовцами, наша фракция очень невелика, и Комитет не руководит ею, хотя имеет там своего представителя, т. Макса Савельева (недавно приехавшего в Киев). Словом, руководили работой Исполкома и Совета меньшевики и бундовцы, наша фракция выжидательно присматривалась.

На выборах в Совет Солд. Депут. наша организация участия не принимала, за отсутствием связи с войсками. Совет избран из делегатов войск Киевского военного округа, — засилье офицеров-ка-

детов и октябристов; председатель Совета — правый с.-р.; нашей фракции нет, и представителя от парторганизации (большевиков) в Совете Солд. Депут. нет.

Этой обоюдной информацией и решением ввести нас, как старых киевских комитетчиков, сейчас же в Комитет и в ближайшие дни созвать общегородскую партконференцию заседание закрыли.

В первых числах апреля состоялось общегородское партсобрание. Основным вопросом порядка дня было обсуждение вышеприведенных директив Ц. К. партии. Киевский Комитет полностью присоединился к этим директивам, и на общегородском партсобрании никаких принципиальных разногласий по этому вопросу не выявилось. Приняли единогласно резолюцию, предложенную Киевским Комитетом.

К этому времени Киевский Комитет начал полностью руководить партийной жизнью. Обсуждению вопросов нашей тактики уделялось немало времени и внимания и—не только в Комитете, но и на районных партсобраниях. Работа парторганизации оживилась, влияние организации в рабочих массах значительно расширилось, и стала крепнуть связь с заводами и воинскими частями.

Но вопрос национальной жизни Украины в Парт. Комитете все еще оставался не затронутым. Назначенный Ц. Р. на 5 — 7 апреля Всеукраинский Национальный Конгресс прошел мимо киевской парторганизации. Киевский Партийный Комитет (б.) не выявил своего отношения к созываемому конгрессу и массам никаких раз'яснений по этому вопросу не давал. А в это время в зале Купеческого собрания, на заседаниях конгресса, руководители Ц. Рады читали рефераты, проводили свои решения и закрепляли их постановлениями «украинского народа». На этом конгрессе Ц. Р. провела постановление добиваться «автономии Украины в Федеративной России и приспособления к народу, т.-е. украинизации, всех органов административной, хозяйственной и культурной жизни».

Значительно сплотила организацию и сблизила ее с рабочими массами первомайская демонстрация, так как только наша организация выступала самостоятельно и с революционными лозунгами, остальные социалистические партии шли с Советом, с лозунгами, приемлемыми для «организации непартийной».

За несколько дней до первого мая пленум Совета Рабочих Депутатов принял постановление о праздновании 1-го мая и поручил Исполкому выработать лозунги и маршрут шествия. В Исполкоме была выделена комиссия, в которую вошли и члены нашей фракции. На первом же заседании комиссии резко столкнулись две точки зрения. Большинство комиссии — мелко-буржуазные партии — старалось доказать меньшинству, большевикам, необходимость выработки «демократических» лозунгов, приемлемых для всего Совета Р. Д. — «организации непартийной». Продолжительные дебаты ни к чему не привели, комиссия раскололась, и на пленум Совета внесено было два проекта — большинства и меньшинства.

Прошло предложение большинства комиссии. Руководство всей демонстрацией взял на себя Исполком Совета Р. Д., без участия фракции большевиков. Большевикам отвели отдельные пункты для сбора и отдельный маршрут прохождения.

Демонстрация носила характер не первомайский. В ней принимали участие все слои населения, которые участием в демонстрации хотели выявить свое отношение к февральскому перевороту. Демонстрировали не только оба Совета, с которыми шли все мелко-буржуазные партии, но и национал-демократы, устроившие свой сбор у памятника Богдана Хмельницкого, все учебные заведения, начиная с высших и кончая школами малышей, весь гарнизон и даже юнкера и кадеты. Сбор получился колоссальный, но единой демонстрации не было, составились две основных колонны—Совет и большевики. К этим основным колоннам присоединились отдельные шествия со своими лозунгами, вливаясь в общее русло как самостоятельные единицы. И хотя в организации демонстрации не было единства, но под'ем был так велик, что, внешне сглаживая разобщенность, каждое отдельное шествие, встречаясь, обменивалось громом дружеских приветствий. Так, на Театральной площади наша колонна встретилась с войсками, шедшими только со своими военными значками: никто не знал, что за часть и зачем она вышла. В первый момент—настороженное внимание. Но неожиданно из наших рядов раздались приветствия, войска остановились, взяли на-караул и под звуки военного оркестра пропустили все наше шествие. На площади Богдана Хмельницкого колонна большевиков столкнулась с колонной Ц. Рады, шедшей с «желто-блакитными» знаменами, и — также обменялась приветствиями. Посторонний наблюдатель мог решить, что существует трогательное единение, однако, так мог думать только наблюдатель, но не участник. Даже «неискушенные» чувствовали то сдержанно-осторожное отношение, что окружало колонну большевиков и те шествия, что подходили с плакатами: «Вся власть Советам!». Ядро нашей колонны составляли профсоюзы, Арсенал и обмундировочные мастерские, а к ним подходил ряд заводов и мастерских с плакатами: «Вся власть Советам!». И наша колонна, несмотря на изолированное положение, получилась довольно внушительных размеров.

В Киеве это была первая организованная рабочая демонстрация после февральского переворота. Атмосфера отчужденности, окружавшая наше шествие, сплачивала тесней не только членов партии, но и рабочие массы, присоединявшиеся к нашей колонне.

Полностью развернулась работа киевской парторганизации и значительно расширилось ее влияние в массах в конце мая — в начале июня. Выделилось шесть районов—Печерский, Городской, Подольский, Шулявский, Демиевский и Железнодорожный—с выборными районными комитетами и постоянными организаторами и агитаторами. Активные районные парт. работники: т.т. Довнар-Запольский, Соколов, Поляков, Пивень, Жук, Свистунов, Богданов,

Кудрин, Рувим, Нусбаум, Морозов, Гамарник, Логинов, Веденский, Либер, К. Голубенко, Вера Бухарцева и Соколова, начали проводить регулярные митинги на заводах, где освещались вопросы текущей политической жизни, сообщали о работах Совета, разоблачали политику враждебных партий и проч. Общегородской комитет выделил своих постоянных агитаторов — Вит. Примакова, Ев. Эдельштейна, Горвица, Зерницына, которые почти полностью ушли в агитационную работу.

Профсоюзной работой занялись авторитетные в массах товарищи Рафаил, Майоров, Горбачев, Дора Идкин — и в президиуме Центрального Бюро профсоюзов мы имели наше большинство. Председателем союза металлистов был избран т. Горбачев (б.).

В Совете Раб. Депутатов и Исполкоме оформились наши фракции, и заметно росла дисциплина в них. Дружные и единодушные голосования нашей фракции Совета не раз доводили до белого каления мелко-буржуазные партии. Заседания фракции происходили регулярно; кроме общеполитических докладов, там подвергались предварительному обсуждению предложения и резолюции, вносимые фракцией в Совет. На каждом пленуме Совета Р. Д. против предложений мелко-буржуазных партий выступал представитель с.-д. (б) с резолюцией от фракции. Влияние меньшевиков начало заметно слабеть. Нередко предложения фракции большевиков поддерживались не только беспартийными рабочими, но и рабочими, членами фракции меньшевиков, и не только в Совете, но и на предприятиях в рабочих массах.

Попытка меньшевиков поднять свой пошатнувшийся авторитет путем поддержки и распространения гнусной лжи о тов. Ленине и возвратившихся из заграницы большевиках — ни в Совете, ни в рабочих массах не встретила поддержки. Большинство киевских ответственных товарищей работали в Киеве в подполье, на них привыкли смотреть как на своих людей, и когда на митингах рассказывали о жизни и деятельности тов. Ленина, массы верили большевикам, а не меньшевикам. Приезд Дейча, выписанного меньшевиками с целью агитации и усиления своего влияния, не только не помог им восстановить пошатнувшееся доверие масс, но еще больше ослабил его. Даже среди железнодорожных рабочих, где в начале революции меньшевики пользовались влиянием, их поддерживали главным образом техники и администрация.

В Совете Солд. Деп. наша организация уже имела своего представителя, тов. Леонида Пятакова, и в Исполкоме Совета небольшую свою фракцию. Правда, место в Исполкоме Солд. Деп. отвоевали с большим трудом, так как громадное большинство Совета находилось под влиянием правых партий.

Приступили к организации Красной гвардии и усилили работу в войсках. Сорганизовалась крепкая группа организаторов-агитаторов солдат, работавшая под руководством тов. Леонида Пятакова, бывшего солдатом и пробывшего два года на империалистической

войне. И уже опорой парторганизации стали арсенальцы и авиаторы. Дисциплина и организованность последних в июльскую демонстрацию имела решающее значение и предотвратила вооруженное столкновение.

После июльских выступлений в Петрограде на собрании Киевского Комитета с представителями от заводов и фракции Совета Раб. Деп. было постановлено организовать мирную демонстрацию солидарности с петроградскими рабочими. Это решение вызвало бурю негодования со стороны всех советских мелкобуржуазных партий. Но запретить демонстрацию они не рискнули и на заседании Совета Раб. Деп., в противовес «большевистскому» выступлению, назначили на тот же день свою демонстрацию— солидарности и поддержки Вр. Правительства.

Вся буржуазия и черносотенцы высыпали в день демонстрации на улицу, ожидая столкновения и предвкушая удовольствие от расправы с большевиками. Наши демонстранты получили от парткомитета директивы — проходить спокойно, не поддаваться провокационным вызовам и не допускать вооруженного столкновения.

Как только наша колонна, стройно шедшая сплоченными рядами, во главе с арсенальцами и летчиками, с плакатами: «Вся власть Советам», вышла на Крещатик, где в это время, против Гор. Думы, остановилась демонстрация мелко-буржуазных партий с портретом Керенского и знаменами: «Да здравствует Вр. Правительство!», ее начали окружать плотным кольцом беснующиеся обыватели, среди которых был громадный процент офицеров, осыпая демонстрантов руганью и угрожающе помахивая изящными палками с серебряными набалдашниками. Стоявший на тротуаре седовласый генерал в своем остервенении дошел до того, что выхватил шашку из ножен и замахнулся ею над проходившими в демонстрации работницами. Тогда крайняя пролетарка молча, быстрым движением выхватила из его рук обнаженную шашку и, разломав ее пополам, так же молча бросила ему обе половины. Чем ближе приближалась наша колонна к Гор. Думе, тем теснее смыкалось кольцо и тем неистовей становилась ругань, а когда почти подошли к остановившейся мелко-бурж. демонстрации, раздался единичный револьверный выстрел, и сейчас же на подножку нашего автомобиля, шедшего впереди со знаменем Комитета и расчищавшего дорогу, вскочили какие-то типы и потянулись к знамени. а на передок автомобиля вскочил поручик Башинский, член Совета Солд. Деп., крича что-то неистово в толпу. Тогда раздалась наша команда: «Товарищи арсенальцы и летчики, спокойно вперед!». В ту же секунду, мерным шагом, с суровыми, спокойными лицами, вышли арсенальцы и летчики, не ломая рядов, окружили знамя и сомкнутыми рядами выстроились впереди автомобиля. Только раздалась команда, толпа беснующихся контр-революционеров вместе с блестящим поручиком шарахнулась и рассыпалась во все стороны с криком: «Сейчас будут стрелять». В первый момент казалось,

наши не выдержат и бросятся на удиравших. Но снова раздалась наша команда: «Смирно! Медленно вперед!» — и наша колонна стройно, с пением «Интернационала» последовала дальше.

В начале июля началась работа среди женщин-работниц и жен запасных; особого женотдела при Комитете не существовало, но выделилась группа товарищей, специально занявшихся этой работой. Организовывались специально женские митинги жен запасных, в мастерских и на фабриках созывали собрания всех работниц. Первые сыграли не последнюю роль при выборах в Городскую Думу. Но, отдавая свои голоса большевикам, они навлекли на себя гнев и репрессии думских заправил, последствием чего получился забавный инцидент. Разозленные задержкой пособий жены запасных ворвались в зал во время заседания, стащили с трибуны «уважаемого» главу города и, тормоша его и неистово ругаясь, требовали сию же минуту выдачи задержанных пособий, заявляя при этом, что не выпустят его из своих рук до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены. Глава города оказался в плену у раз'яренных женщин.

Сорганизовалась польская секция с.-д. (б) при Комитете—во главе с товарищем Фиалеком, неутомимым работником и горячим агитатором; правда, своей горячностью он нередко вызывал недовольство товарищей комитетчиков. Так, во время приезда Церетели в Киев, для переговоров с Центральной Радой по вопросу об автономии Украины, на пленуме Совета Рабочих Депутатов после доклада Церетели и ответной речи представителя большевистской фракции—члена Комитета,—товарищ Фиалек, возмущенный «слишком корректным» выступлением члена Комитета, взял самочинно слово и отчитал Церетели и Временное Правительство по-своему — «по-пролетарски», как он заявил Комитету, когда ему сделали выговор за нарушение партдисциплины.

В выборах в Городскую Думу киевская парторганизация принимала активное участие—организовала широкую предвыборную агитацию с агитационными грузовиками, плакатами, воззваниями, рассылала своих агитаторов, организовывала массовые митинги и проч. и проч. Наш список шел самостоятельно, всякие блоки были отвергнуты. Но провели в Городскую Думу, кажется, только 9 человек — непролетарский центр давал себя чувствовать, захлестывала мелко-буржаузная стихия. Кроме того, в нашей партийной среде и в рабочих массах серьезного значения Городской Думе никто не придавал, ее рассматривали, как организацию обывателей, и потому в предвыборной работе и в выборах в Г. Д. наблюдалось больше желание разоблачить противников, чем провести своих. Наши агитаторы под всякими предлогами проникали на собрания мелко-буржуазных партий и своими неожиданными выступлениями устраивали форменный переполох. Так, на одном из меньшевистских собраний Виталий Примаков сумел получить любезное приглашение от самих организаторов собрания, назвав себя «солда-

тиком», только что прибывшим с фронта. Его выступление на собрании «приглашенных» произвело впечатление разорвавшейся бомбы; президиум засуетился, вызвал спешно своего лидера... Но в результате собрание было сорвано.

Парторганизация росла и крепла и к VI с'езду партии насчитывала до 800 членов. Росло и крепло и ее влияние в рабочих массах.

19 августа открылась первая киевская конференция фабрично-заводских комитетов. Конференция подавляющим большинством избрала председателем Иванова Андрея (б) и по докладу «О текущем политическом моменте» за резолюцию меньшевиков было подано 51 голос, а за резолюцию большевиков — 141 голос [1]). По докладу о локаутах (докладчик меньшевик и содокладчик большевик) громадным большинством прошла резолюция [2]), предложенная Юрием Пятаковым (председатель Киевского Комитета большевиков).

28—29 августа, в связи с полученными сведениями о корниловском выступлении, на всех заводах и в воинских частях прошли митинги и почти всюду громадным большинством принималась следующая резолюция, предлагаемая членами парторганизации (б.):

> Наглому выступлению контр-революции во главе с Корниловым, не останавливающимся перед открытием фронта, желающему сокрушить революцию и установить кровавую диктатуру, необходимо противопоставить организованный отпор рабочих и солдат, готовых по призыву революционных организаций выступить во всеоружии на защиту революции. Поэтому мы требуем: 1) самой решительной борьбы с контр-революционерами, ареста главарей контр-революции и предания их революционному суду, 2) освобождения всех революционных интернационалистов, 3) прекращения репрессий по отношению к левой печати, 4) вооружения революционных рабочих и солдат [3]).

И эту же резолюцию *единогласно* приняли на заводах: Арсенал, Гретер (недавняя опора меньшевиков), Ауто, Заманский, Неедли и Унгерман, Фильверт и Дедин, судостроительная верфь, фабрика Спилноти, Демиевский снарядный завод и военно-обмундировочные мастерские. На Южно-Русском заводе была принята единогласно аналогичная резолюция с поправкой о выступлении только по призыву Советов. В 147 пехотной Воронежской дружине к резолюции был прибавлен пункт о немедленной передаче земли, до Учредительного Собрания, крестьянским комитетам. На заседании центрального совета фабрично-заводских комитетов резолюция, предложенная фракцией большевиков, прошла единогласно.

---

[1]) Резолюция—в приложении № 3.
[2]) Резолюция—в приложении № 3.
[3]) Резолюция отпечатана в «Голосе Социал-Демократа» от 30 августа 1917 г., орган Киевского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (б.).

КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА 2

Настроение рабочих и солдатских масс и рост влияния большевистской парторганизации начали вызывать серьезную тревогу в рядах мелко-буржуазных партий. И когда офицеры из солдатского Совета и деятели Городской Думы в корниловские дни попытались спровоцировать киевский пролетариат на вооруженное выступление, то лидеры меньшевиков недвусмысленно дали понять, на чьей стороне их сочувствие—они готовы были поддержать любое контрреволюционное выступление, направленное на разгром нашей организации. Провокационная уловка была проведена под видом революционного протеста Полуботьковского полка против распоряжений Времен. Прав.

Полуботьковский полк только формировался Ц. Радой, состоял в большинстве из дезертиров, не был еще вооружен и находился версты за три от города в казармах. И этот полк в одну ночь, без единого выстрела, снял все караулы в городе и даже сменил караул у дома, занимаемого военным комиссаром Врем. Прав. Все было проведено провокаторами *слишком* организованно. Наутро в городе жизнь шла обычным порядком, ничто не указывало, что ночью произошел переворот, и даже члены Исполкома Совета Раб. Деп. (б) и члены парткомитета (б) ничего не знали о ночных происшествиях. Но когда начали сходиться на работу, то совершенно неожиданно в помещение комитета — в здании Исполкома Совета Раб. Деп.—явился офицер с отрядом и об'явил, что все, находящиеся в этом помещении, арестованы по предписанию Совета Солд. Д. и общественных организаций. Члены Исполкома Сов. Р. Д. (б-ки) сейчас же отправились в президиум Исполкома С. Р. Д. за выяснением причин ареста членов комитета и с требованием немедленного освобождения. Но меньшевистский президиум заявил, что ничего не знает о причинах ареста и так как он произведен по ордеру Исполкома Сов. Солд. Депут., то он не считает возможным вмешиваться. Тогда наши добились экстренного созыва Исполкома Совета Р. Д., где требовали обсуждения действий президиума, расследования организованного выступления и предания суду виновных. Собрание Исполкома было более чем бурное. Наша фракция свои требования ставила ультимативно, заявляя, что в противном случае выходит из Исполкома и апеллирует к Совету и избирателям — пролетариату г. Киева. Мелко-буржуазные партии струсили и пошли на уступки. Исполком потребовал немедленного освобождения арестованных членов комитета — сейчас же после пред'явления требования Исполкома они были освобождены,—и избрал тройку (два члена нашей партии и один меньшевик) для расследования. Меньшевики и бундовцы под всякими предлогами отказывались от вхождения в эту тройку. Наша фракция настаивала, чтобы предупредить возможность новой провокации.

К этому времени пришли сведения, что полуботьковцы окружили мастерские и склады Арсенала и на всех углах выставлены усиленные караулы юнкеров. Избранная тройка немедленно на-

правилась к Арсеналу. Тут пришлось увидеть знакомую картину «доброго старого времени», картину организованных еврейских погромов.

У запертых ворот складов с оружием сгрудилась кучка—человек 30-40 — невероятно ободранных людей, что-то выкрикивающих, в большей части безоружных. Ее окружили с улицы, но не со стороны здания, человек 25 хорошо вооруженных юнкеров, спокойно наблюдавших оборванцев. Когда мы под'ехали, все сразу умолкло, юнкера предупредительно пропустили нас к «восставшим». На наши вопросы «повстанцы» некоторое время ничего не отвечали, потом раздались отдельные выкрики: «Чего говорить, бери оружие», но тут из их же рядов раздались протестующие голоса: «Будет кричать, это — члены Исполкома Сов. Р. Д.». Из сбивчивых ответов, наконец, выяснилось, что они 3 дня сидят без хлеба и что пришли к ним вечером «люди» и стали звать «итти в город, там дадут хлеба и обмундирование».

У главного здания Арсенала рабочие сами быстро ликвидировали враждебное настроение. Понаблюдав некоторое время, как человек 150 полуботьковцев, расположившихся у Арсенала, как бы для обстрела, робко выжидают и пугливо озираются по сторонам, товарищи из ячейки (б-ки) вышли незаметно и рассыпались в рядах полуботьковцев, где повели дружеские расспросы и разговоры. Собрав достаточные сведения, они вернулись в Арсенал и предложили рабочим открыть ворота и накормить «повстанцев», в виду того, что они никакой опасности для Арсенала не представляют и все говорят одно: «хлеба не дают, 3 дня не ели». И когда члены Исполкома Совета Рабоч. Деп. приехали в Арсенал, там уже все было ликвидировано, часть разошлась, а часть мирно жевала хлеб, запивая кипятком. К вечеру вся комедия прекратилась: полуботьковцы ушли спокойно в казармы, усиленные наряды юнкеров были сняты.

Но все силы парторганизации и киевского пролетариата были устремлены на борьбу за власть Советов, и национальное освобождение Украины отодвигалось классовой борьбой. Поэтому деятельность Ц. Рады не только не вызывала интереса в рабочих массах, но и в самой парторганизации ей не придавали большого значения. А тем временем Ц. Рада созывала с'езды—только украинцев; создавала свои селянские спилки и войсковые рады; организовывала национальные полки из запасных солдат-украинцев («Полк Богдана Хмельницкого, — по словам Винниченко, — служил хотя и небольшой, но верной опорой украинцам»...); выделила Малую Раду (исполнительный орган Центр. Рады), — и, не встречая противодействия со стороны революционных масс Киева и не принимая участия в революционной борьбе, Ц. Рада крепла, сплачивая мелко-буржуазные, собственнические и кулацкие слои города и деревни под лозунгом об'единения всех украинцев для национального освобождения Украины. И после октябрьского пере-

ворота Ц. Рада заговорила от имени всего украинского народа и об'явила себя государственной властью Народной Украинской Республики.

К Всероссийскому с'езду Советов большинство киевского пролетариата и часть гарнизона стояли за немедленный переход власти к Советам Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Но для проведения в жизнь этого решения потребовалось три месяца ожесточенной борьбы с национальной буржуазией и российской контр-революцией, об'единившейся вокруг Центр. Рады.

В момент октябрьского восстания киевского пролетариата, Центр. Рада, под видом содействия революционной массе, заняла все караулы своими войсками и стала фактически властью в городе. Все государственные учреждения — почта, телеграф, казначейство и проч.—охранялись ею, и она не замедлила назначить туда своих комиссаров и взять все учреждения в свое полное распоряжение.

Имея в своих руках весь государственный аппарат в столице Украины, Центр. Рада, после декретирования Советом Народных Комиссаров права народов на самоопределение,—вопреки требованию рабочих, боровшихся вооруженной рукой против Вр. Правительства за власть Советов, — об'явила себя государственной властью Украинской Народной Республики. И с первых чисел ноября приступила к переговорам с Сов. Нар. Комиссаров РСФСР и начала исподволь проводить свои приказы и постановления и стягивать войска с фронта в Киев. Киевский Совет Рабоч. Деп. механически был устранен, и его положение оставалось то же, что и до октябрьского восстания, с той только разницей, что теперь на пути к власти Совета стояла не российская, а украинская буржуазно-демократическая коалиция. Киевский пролетариат попал в ловушку, и приходилось ему всю борьбу начинать сначала, но уже не с Времен. Правительством, а с Украинской Центральной Радой. И с октября 1917 г. по февраль 1918 г. киевский пролетариат вел ту же лихорадочную революционную работу — разоблачения политики буржуазно-демократической коалиции и мобилизации революционных сил, — что петроградский пролетариат провел с февраля по октябрь 1917 г. Октябрьский переворот в Киеве произошел в январе 1918 года.

2. Областной Партийный Комитет с.-д. (б-ков) Юго-Западного края.

По инициативе Киевского партийного комитета, в средине апреля 1917 г. было создано организационное бюро по созыву областного партийного Совещания, с целью об'единения парторганизаций большевиков Юго-Западного края и образования областного партийного центра.

Организационное Бюро разослало извещение, с указанием дня совещания и вопросов, подлежащих обсуждению, в парторганизации 7 губерний: Киевской, Черниговской, Подольской, Волынской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской. Но на совещание прибыли только представители первых 4-х губерний, остальные губернии ни делегатов, ни ответа не прислали.

Совещавшиеся делегаты приняли решение открыть заседание первой Областной Конференции, но в виду отсутствия делегатов от остальных губерний постановили считать ее конференцией только Киевского Округа и в дальнейшем стремиться к созданию Юго-Западного Областного об'единения.

Основная работа конференции сосредоточилась на вопросе об организации области. Широко развернулись дебаты вокруг двух вопросов: 1) какие губернии должна в себя включать Юго-Западная область, и 2) возможно ли допускать об'единение организации с.-д. (б-ков) с интернационалистами. По этим вопросам конференция приняла постановления: 1) признать необходимым создание Юго-Западного Областного Об'единения, включая Киевскую, Черниговскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую и Херсонскую губернии и 2) включить в областное об'единение только парторганизации с.-д. (б-ков), что же касается организаций об'единенных, то как правило, они входить не могут, но в отдельных случаях, когда перевес сил в партийной организации имеется за большевиками, Областному Комитету предоставляется право включать их с представлением на утверждение Областной Конференции.

Конференция избрала Окружной Комитет в составе следующих 5 товарищей: Тарнагродского, Неровни, Ю. Пятакова, Цырлина и Е. Бош; секретарем Окружного Комитета—Е. Бош.

Работа Окружного Комитета свелась к оформлению парторганизаций Киевского Округа и налаживанию связей с парторганизациями всего Юго-Западного края, другими словами,—к исключительно организационной работе. Это вызвано было тем обстоятельством, что большинство провинциальных организаций—губернских и уездных, — входивших в областное об'единение, были крайне слабенькими; в некоторых губерниях еще не были избраны губкомы, а в уездах и местечках имелись и об'единенные с интернационалистами организации. Окружному Комитету поэтому пришлось отдать свои небольшие силы на укрепление губернских организаций и вести работу на местах в направлении изживания об'единенных организаций.

И в этом направлении работа Окружного Комитета дала ко времени 2-й конференции значительные результаты. Но что касается установления связи с крупными организациями Херсонской и Полтавской губерний, то тут все попытки остались тщетными, и организация Юго-Западного Областного Об'единения ни на шаг не двинулась вперед. Послать своих представителей в эти губернии Окружной Комитет был не в силах, за отсутствием средств,

а на неоднократные письменные запросы не получал никакого ответа.

В конце мая или в первых числах июня в Киеве собралась вторая Областная Партконференция. Извещение о дне конференции и порядок дня были разосланы в 6 губкомов. Но на конференцию прибыли только делегаты от Черниговской, Киевской, Подольской, Волынской губерний и от Гомельской парторганизации. Первые три губернии были представлены достаточно полно, Волынская же слабо, за отсутствием на местах парторганизаций.

Так открылась 2-я Областная конференция Киевского округа. По заслушании доклада Окружного Комитета, конференция подтвердила постановление 1-й конференции о создании Юго-западного Областного Об'единения и поручила избранному областному Комитету послать своего представителя в крупные организации Херсонской и Полтавской губерний, чтобы столковаться с парторгнизациями на месте.

Конференция избрала в областной комитет т.т.: 1) Тарнагродского, 2) Гриневича, 3) Цырлина, 4) Е. Бош, 5) Неровню, 6) Гишвалинера («Парижанин»), а 7-е место предоставила секретарю Киевского партийного Комитета, так как секретариат Областного Комитета, по решению конференции, должен был находиться в Киеве, и парторганизация Киева должна служить опорным пунктом во всей работе Областного Комитета.

Областной Комитет избрал председателем Е. Бош и секретарем Гриневича и выделил Секретариат Областного Комитета из трех лиц—Е. Бош, Гриневич и секретарь Киевской парторганизации.

Работу пришлось вести в крайне трудных условиях. Каждый член Областного Комитета выполнял ответственную работу в своей губернской парторганизации и выезжать на места на продолжительное время совершенно не мог. А для содержания постоянных разъездных работников нужны были средства. Денежные же ресурсы Областного Комитета состояли из отчислений местных организаций, а эти отчисления были настолько незначительны, что их не хватало даже на канцелярские расходы секретариата. Поэтому членам Областного Комитета приходилось суживать свою работу, обслуживая, главным образом, свою губернию, да и то не об'ездами, а путем директив, губернских конференций и совещаний. Выезжать на места могли только председатель и секретарь Областного Комитета—да и то по очереди,—которым приходилось, для покрытия расходов по об'езду, читать платные лекции.

Из-за отсутствия материальных средств Областному Комитету приходилось не только ограничиваться самыми необходимыми выездами в область, но и отказаться от издания своего печатного органа,—хотя необходимость в нем чувствовалась во всей работе.

Надежды Областной Конференции на поддержку киевской организации не оправдались. Во-первых, киевская организация сама нуждалась как в материальных средствах, так и в ответствен-

ных работниках, а во-вторых, и это важнейшая причина, Киевский парткомитет стал в оппозицию к Областному Комитету. Большинство Киевского Комитета расходилось с последним в основных, принципиальных вопросах и, не имея своих сторонников в Областном Комитете, отказывалось от какой бы то ни было поддержки его и избегало общих выступлений.

Поэтому неоднократные попытки секретариата Областного Комитета привлечь Киевский Комитет к изданию одной партийной газеты—органа Областного и Киевского комитетов—ни к чему не приводили. Большинство Киевского Комитета решительно отклоняло это предложение.

Областной Комитет идейно руководил парторганизациями 4-х губерний и вел агитационную работу в войсках, расположенных на отдых в полосе Юго-Западного фронта.

В нем установилось, с первого и до последнего состава, полное принципиальное единство по всем основным вопросам. С местными партийными организациями, кроме киевской городской, никаких разногласий и трений не сущетсвовало за весь период работы до декабря 1917 г. Киевский Комитет был единственный, с которым у Областного Комитета были принципиальные разногласия, и он не считал для себя обязательным решения последнего и его секретариата.

Эти разногласия приняли острый характер в первые дни октября, по поводу решения Киевского Комитета войти с меньшевиками, бундовцами и с.-р. в «Комитет спасения революции», и после октября—по вопросу о борьбе с Центральной Радой и созыве Краевого с'езда Советов Украины. Киевская городская парторганизация численно была одна из крупнейших организаций в области, но в отношении принципиальной выдержанности, влияния в Совете и авторитета в массах она значительно уступала многим провинциальным партийным организациям.

Из числа партийных организаций 4-х губерний чисто рабочими организациями, с боевым пролетарским духом и наибольшей принципиальной выдержанностью, были Шосткинская и Конотопская, Черниговской губернии.

Шосткинская парторганизация состояла из рабочих Шосткинского государственного порохового завода, насчитывавшего в то время больше 10.000 рабочих. Парткомитет ее состоял в большинстве из рабочих Шосткинского завода, пользовался громадным влиянием в среде шосткинского пролетариата и руководил партработой не только во всем Шосткинском поселке, но и в ближайших деревнях и селах.

Конотопская партийная организация являлась детищем железнодорожных рабочих. Она была одной из сильнейших и почти единственной партийной организацией, об'единявшей железнодорожный пролетариат. Влиянием и авторитетом эта организация пользовалась не только в среде конотопских железнодорожников, но и по всей

ж.-д. линии. Партийный Комитет состоял исключительно из железнодорожных рабочих и низших служащих.

Конотопская и Шосткинская парторганизации одни из первых развернули широко работу среди окрестных крестьян, организовывали регулярные выезды в села с целью агитации и организации крестьянства и пользовались в крестьянских массах большим авторитетом. В своих Советах Раб., Крест. и Солд. Депутатов, где численно преобладали рабочие и крестьяне, они имели большинство, так как крестьяне всегда поддерживали предложения фракции большевиков. Эти парторганизации поддерживали постоянную связь между собой и во всех революционных выступлениях действовали сообща.

Из парторганизаций, широко развернувших работу в войсках и имевших главную опору в них, выделялись Черниговская и Винницкая—особенно последняя. Они пользовались большим влиянием в Советах Р., К. и С. Депутатов, где численно преобладали солдаты. В Виннице задолго до октября власть, по существу, находилась в руках Совета Раб. и Солд. Депутатов, в громадном большинстве состоявшем из депутатов расположенных в Виннице войск.

Самые слабые парторганизации, как количественно, так и качественно, были в Волынской губернии.

Положение парторганизации в Херсонской губ., выяснившееся в результате об'езда, предпринятого председателем Областного Комитета после 2-й Областной Конференции, было следующее:

Одесская парторганизация была об'единенной — из с.-д. (б-ков) и интернационалистов. Последние составляли громадное большинство в губкоме и входили представителями от парторганизации в Совет и Городскую Думу. Интернационалистское большинство губкома уклонилось от прямого ответа в вопросе о включении Херсонской губернии в Юго-западную область, сославшись на необходимость запросить Николаевскую парторганизацию, чтобы действовать с ней солидарно. Боясь раскола об'единенной организации, интернационалисты явно не хотели входить в областное об'единение и вели агитацию за образование своей, Южной Области. Наши же товарищи большевики, находясь в меньшинстве, в частной беседе ставили вопрос так: «Вы об'единенных организаций не принимаете, а итти на раскол мы не считаем возможным. Дайте нам опытных работников и поддержите материальными средствами, тогда будет другой разговор».

В тот момент, когда велись эти разговоры с одесскими товарищами, в Николаеве произошел раскол об'единенной организации. Интернационалисты были удалены, и в Николаеве оформилась наша парторганизация, которая и избрала свой парткомитет (большевиков).

На заседании только что оформившегося Николаевского Комитета с.-д. (большевиков), по предложению председателя Областного Комитета, был поставлен вопрос об Юго-Западном Областном Об'единении. Тов. Семен Шварц, приехавший к тому времени в Николаев

и присутствовавший на заседании Комитета, взял слово против включения Херсонской области в Юго-Западную Область и высказался за образование Южной Области, в которую и должна быть включена Херсонская губерния. Члены Комитета выступали и за, и против и, в результате довольно продолжительных прений, голоса разделились, и вопрос остался открытым.

В Елисаветграде тоже оказалась об'единенная организация, но с назревающим расколом. Группа рабочих во главе с тов. Заксом (Гладневым) вела активную подготовительную работу по оформлению нашей парторганизации. После обоюдной информации товарищи высказались за включение Херсонской губ. в Юго-Западное Областное Об'единение. Недели через две наша парторганизация оформилась, и Елисаветградский Комитет с.-д. (большевиков) связался с Областным Комитетом.

В Полтавской губернии положение было аналогичное Херсонской. Здесь в губком входили и интернационалисты, и большевики.

В конце июля состоялась III Областная Партийная Конференция Юго-Западного края. От 4-х губерний — Черниговской, Подольской, Киевской и Волынской—представительство было полное. Херсонская губ. была представлена делегатами от Елисаветграда, Николаева и Одессы. Одесская организация оставалась об'единенной и делегата прислала с совещательным голосом [1]). От Полтавской губ. присутствовал делегат Кременчугской организации.

На Всероссийский VI партс'езд конференция избрала 2 делегатов от 25 парторганизаций 4-х губ. Киевская городская, Одесская, Николаевская и Полтавская парторганизации посылали делегатов отдельно, — каждая организация особо.

Конференция дала директивы вновь избранному Областному Комитету (который был расширен до 9 человек: к 7 прежним членам было прибавлено 2 новых) продолжать работу в направлении полного об'единения всех парторганизаций Юго-Западной Области.

Но, несмотря на все попытки Областного Комитета, полного об'единения всех парторганизаций Юго-Западного края не было до Краевого с'езда (ноябрь 1917 г.). Областной Комитет полностью руководил партийной и советской работой только в Киевской, Черниговской, Подольской и Волынской губерниях, Гомельской парторганизацией и некоторыми парторганизациями Херсонской губ. Крупнейшие парторганизации Херсонской губ., как Одесская и Николаевская, хотя и присылали на некоторые Областные Конференции своих делегатов, но вопрос о вхождении в Юго-Западное Областное Об'единение оставался у них открытым.

К октябрю 1917 г. на Украине существовали два партийных областных об'единения: Юго-Западного края и Дон.-Криворожского,

[1]) На конференцию делегат Одессы не был допущен, в виду полученных сведений из местных организаций об имеющихся против него материалах, дающих основание сомневаться в его политической честности.

а между ними «вольные города» — Одесса, Николаев и Полтава. После октября произошло полное об'единение всех парторганизаций 6 губерний, входивших в Юго-Западное Областное Об'единение, за исключением Одесской, которая оставалась об'единенной.

С организацией Областного Исполкома Советов Р., К. и С. Депутатов Киевского Округа, работа Областного Комитета значительно расширяется в массах и усиливается по советской линии. Члены Областного Комитета входили в Президиум Областного Исполкома и, имея полномочия и от Областного Исполкома Советов, выезжая на места, могли, вопреки эсеро-меньшевистскому большинству, делать доклады на пленумах Советов и Исполкомов и беспрепятственно выступать в войсках. Мандат Областного Исполкома Советов Р., К. и С. Депутатов был ключом, открывавшим нам двери во все советские организации и войсковые комитеты.

В президиуме мы, вместе с лев. с.-р., составляли большинство. Это большинство давало нам возможность влиять на решения Областного Исполкома. Так, по настоянию большинства президиума. был созван в первых числах (2-го или 5-го) октября (ст. стиль) Областной С'езд Советов Киевского Округа. С'ездом руководил Областной Комитет, собравшийся к тому времени в Киеве. В президиум с'езда провели только с.-д. (б-ков) и левых с.-р., которые полностью поддерживали все предложения нашей фракции с'езда и по всем вопросам голосовали вместе с нами.

Областной С'езд Советов принял резолюцию, хотя и не подавляющим большинством, с требованием «всей власти Советам» и избрал на Всероссийский С'езд Советов 2 — 3 с.-д. (большевиков) и одного лев. с.-р.

Областной комитет начал работу по организации сельскохозяйственного пролетариата и в первую очередь — батраков сахароваренных заводов.

В августе в Киеве состоялся первый Всероссийский с'езд копщиков и возчиков сахарной свеклы. С'езд был созван «Центросахаром», в связи с предстоящей уборкой свеклы; присутствовал тов. министра труда. Несмотря на все давление организаторов, с'езд расширил круг своих задач, выдвинув вопросы о помещичьем землевладении, о земельных комитетах, о политике правительства по отношению к крестьянству... Все представители на с'езде заявляли, что если правительство действительно хочет правильной уборки урожая, оно должно потребовать от промышленников выполнения требований рабочих. По предложению представителя Областного Комитета была единогласно принята резолюция с требованием передачи помещичьей земли крестьянским комитетам и с указанием, что только в этом случае может быть гарантирован сбор урожая и озимые посевы.

В войсках значительно расширилась работа Областного Комитета в августе — сентябре, после об'ездов фронтовых частей, расположенных на отдых в полосе Юго-Западного фронта.

В Могилев-Подольск выехал член президиума Областного Комитета и, прямо с вокзала, попал на партконференцию большевиков и интернационалистов Юго-Западного фронта в момент обсуждения резолюции по «текущему моменту». Резолюция была предложена интернационалистами, и большевики — делегаты конференции, — хотя и находили ее «неудовлетворительной», но «во имя единства революционных военных работников» считали необходимым за нее голосовать [1]).

На вечернем заседании фракции б-ков на конференции (большевики и интернационалисты образовали свои фракции) выяснилось, что тов. «фронтовики» совершенно не информированы о решениях VI Всероссийского партс'езда (большевиков), и член Областного Комитета сделал краткий доклад о работах партс'езда и сообщил основные партс'ездовские резолюции. Решение VI партийного с'езда встретило единодушное одобрение фракции. После этой информации наша фракция конференции начала действовать активней и в результате по всем остальным вопросам порядка дня конференцией были приняты резолюции, предложенные фракцией большевиков. В «Бюро военных организаций» избрали в большинстве большевиков.

В течение недели в Могилев-Подольске и его окрестностях членом Областного Комитета было проведено не менее 15 митингов в воинских частях. Многие проходили с большим под'емом, всюду слушали с захватывающим интересом и провожали просьбами еще приехать. Во многих частях, только что вернувшихся с фронта, представителей организации с.-д. (большевиков) слушали впервые,— членов партии (большевиков) в фронтовых частях встречали редко, — в воинских комитетах заседали меньшевики и с.-р.; сочувствующие большевикам были, но масса — большинство солдат — только слышали, что «есть такие большевики, что за народ держут», и стремились их послушать.

В Могилевский партийный комитет с раннего утра и до поздней ночи являлись делегаты от вновь прибывающих частей с просьбами устроить митинг, или прислать докладчика на «деловые» собрания, созываемые воинскими комитетами. На таких собраниях президиум встречал нас в штыки, пытался отвести заявлениями, что «посторонним» ход запрещен, что это не митинг, а «деловое» заседание, но всегда встречал грозный отпор аудитории и должен был смиряться, — постепенно стушевывался и незаметно покидал собрание.

Митинги приходилось созывать помимо воинских комитетов, явочным порядком, но делать вид, что соблюдаются все формальности. Докладчики приезжали в села с несколькими товарищами солдатами, членами Совета, и пока один шел беседовать с комитетом, остальные собирали часть, и не проходило и 15 минут, как все солдаты уже бывали в сборе на площади. Тогда уже комитетчикам при-

[1]) Резолюция—в приложении № 4.

ходилось говорить не с приехавшими, а со всей частью — это была вещь рискованная, и редко кто на нее решался.

В одном из сел попытались не допустить собрание, и в начале доклада явился полковой ад'ютант с заявлением о получении телефонограммы из полкового комитета с требованием не разрешать выступлений посторонним лицам. Поднялся озлобленный шум, но докладчик вытащил свое удостоверение и командировку Областного Исполкома Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов для об'езда войск с докладами по «текущему моменту». Ад'ютант ретировался. Но через $^1/_4$ часа снова явился с сообщением, что полковой комитет просит докладчика приехать в комитет, а митинг отложить. Это сообщение вызвало дикое негодование солдат, раздались крики: «бери его, ребята», «прошло их время», «довольно на нас ездили»; солдаты бросились на ад'ютанта, и еще минута—и он был бы растерзан взбешенными слушателями. С большим трудом удалось успокоить собрание и продолжать доклад,—ад'ютанта отпустили. К концу митинга явились комитетчики, но их так встретили, что они сочли за лучшее, не выходя из автомобиля, спешно повернуть назад. Урок оказался настолько поучительным, что в других частях уже не нашлось смельчаков, которые бы рискнули прервать митинг.

В войсках не только дружески встречали представителей с.-д. (б-ков), но сами солдаты разыскивали нас и упрашивали притти. Приведу характерный для настроения войск того времени случай с войсками Керенского, с так наз. «дикой дивизией». Когда мы возвращались с митинга, часов в 10 вечера, при входе в Могилевский партийный Комитет нас остановили трое солдат и обратились с просьбой приехать к ним на собрание и рассказать «о том, что делается». Их робкая и, вместе с тем, настойчивая просьба дать слово; заминка, когда им сказали, что нужно обратиться в Комитет, так как докладчики выступают по указаниям Комитета, — все это привлекло наше внимание, и мы начали подробней их расспрашивать. Из расспросов мы узнали, что парткомитет им отказал, потому что «нас считают смертниками». Мы предложили им подождать, пока выясним в Комитете в чем дело.

Оказалось, Комитет, действительно, отказал, считая их просьбу провокационной уловкой. Дивизия только что пришла для переброски на фронт; расположили ее изолированно от других воинских частей, и не только связи, но даже достоверных сведений о ней Комитет не имел. Были разговоры, что это — «дикие головорезы», которые не останавливаются ни перед чем, и что даже солдаты их сторонятся.

После долгих споров с комитетчиками мы не пришли к полному соглашению, но сагитировали себе большинство одного голоса. Комитет принял предложение — «раз докладчик настаивает, комитет не возражает». Благоприятный ответ — «завтра докладчик будет»— делегация приняла с горячей благодарностью.

На утро отправились по указанному адресу. С нами вызвались ехать еще три товарища солдата—члены Совета, для наблюдения и, если понадобится, то и решительного сопротивления. Последнее вызвало немало юмористических замечаний Комитета — 5 человек против дивизии...

Большой уверенности в том, что нам не устроят ловушки и мы вернемся обратно, у нас не было, так как казармы находились за городом, на каком-то пустыре и, в случае столкновения, ни на чью поддержку рассчитывать не приходилось.

Приехали минут за 10 до назначенного времени. Делегация уже поджидала и встретила горячей благодарностью и сообщением, что «все люди уже в сборе».

Действительно, колоссальных размеров казарма, буквально, сверху донизу была набита солдатами. К трибуне нас провожали жадными любопытными взглядами, а появление на трибуне встретили гробовым молчанием. Полная тишина не одну тысячу вместившей аудитории, напряженное внимание присутствующих, заметное волнение и суетливость организаторов, — все это создавало впечатление затишья перед грозой...

Докладчик начал речь издалека, с момента февральского переворота, постепенно переходя к политике Вр. Правительства, Советам и позиции партий. Слушали с напряженным вниманием — аудитория точно замерла. Подстегиваемый вниманием слушателей, товарищ увлекся, и доклад затянулся на 2 часа, а внимание аудитории ни на минуту не ослабевало. Ни харканья, ни кашля, сморканья — первых признаков утомления солдатской аудитории — полная тишина и порядок.

К концу доклада собрание заметно оживилось, стали прерывать дружными хлопками и выкриками: «вот оно как!», «верно!...». После доклада забросали вопросами: «как быть, итти на фронт, или отказываться?», «можно убивать офицеров?», «убивать буржуев, когда встретишь на улице?» и т. д. Ответы встречали дружным одобрением.

Проговорили в общей сложности 4 часа, и если бы товарищам не нужно было бы спешить, то можно было бы еще 4 часа вести беседу, так как интерес у слушателей не только не падал, но заметно рос. Конец собрания для приехавших был все же полной неожиданностью. Нас попросили подождать — все солдаты бросились к выходу, выстроились в две шеренги и, с громкими криками «ура» и под звуки откуда-то появившегося оркестра, проводили до автомобиля.

Настроение надежнейшей части войск Керенского, его детища, было не в его пользу — нам только приходилось крепко жалеть, что нет достаточно партийных сил, чтобы закрепить это настроение.

То же отношение к с.-д. (большевикам) существовало в войсках совершенно другого рода, в старых царских гвардейских частях, сохранившихся в полном составе до конца керенщины. Примером

может служить 2-й гвардейский корпус, снятый в середине сентября с фронта и расположенный в окрестностях Жмеринки на отдых. На 60 тысяч бойцов имелся один юный коммунист и 2 сочувствующих, в воинских комитетах заседали правые с.-р. и в громадном большинстве «беспартийные» блестящие поручики, но это не мешало корпусу в Октябрьские дни, по требованию Областного Парткомитета, *немедленно* выступить в полной боевой готовности на поддержку рабочих, крестьян и солдат, боровшихся за власть Советов.

Во время кампании по выборам в Учр. Собрание Областной Парткомитет рассылал агитаторов, намечал кандидатов, утверждал наши списки, выставляемые по губерниям всего Юго-Западного края, и всемерно содействовал выяснению взглядов на роль и значение его, борясь, как с бойкотистским течением в рядах членов нашей партии, так и с переоценкой Учр. Собрания, умалявшей значение Советов [1]).

Все парторганизации области принимали активное участие в выборах в Учр. Собрание, но не во всех получались одинаковые результаты — в Киеве большевики шли третьими, в Одессе — вторыми, а в Николаеве — первыми.

После VI Всероссийского Партс'езда не только члены партии, но и массы ставили вопрос—как быть с Учр. Собранием, если власть перейдет к Советам. И многие парторганизации стали требовать поставить на обсуждение IV Областной Партконференции вопрос об Учр. Собрании.

IV Областная Партконференция назначена была на 12 сентября. Областной Комитет выработал следующий порядок дня:

1) Текущий момент. 2) О выборах в Учредительное Собрание. 3) Организация сельскохозяйственных рабочих. 4) О пересмотре программы партии. 5) О выборах в земское самоуправление. 6) Национальный вопрос. 7) Выборы Областного Комитета.

В виду медленного с'езда делегатов, вначале (14-го) было открыто областное партсовещание и только 18-го начала работать IV Областная Партконференция. Присутствовали делегаты всех парторганизаций, делегат от военных парторганизаций Юго-Западного фронта, тов. Чудновский, и делегат от Дон.-Криворожского Областного Комитета, тов. Артем, — последний с совещательным голосом.

Порядок дня был принят без изменений, но первые два вопрса об'единены в одном докладе.

По заслушании доклада тов. Чудновский взял слово для контрдоклада, оговорившись при этом, что со всем политическим докладом он вполне согласен, но взял слово только по вопросу о роли и значении Учр. Собрания при переходе власти к Советам. В своем содокладе он старался доказать необходимость существования Учр. Собрания при переходе государственной власти к Советам, но указы-

---

[1]) В приложении № 5 — список кандидатов в Учр. Собр. с.-д. (б-ков) по 4-м губерниям и Юго-Западному фронту.

вал, что роль Учр. Собрания должна быть иная, нечто в роде делового кабинета для подготовки и переработки материалов, которые вносятся на утверждение ВЦИК'а. Все выступавшие возражали тов. Чудновскому, подчеркивая, что, стараясь доказать необходимость параллельного существования Учр. Собрания, он окончательно рассеял их сомнения на этот счет и блестяще доказал обратное: что с переходом государственной власти к Советам, Учр. Собрание, в наших условиях, существовать не может.

Точка зрения тов. Чудновского не нашла ни единого сторонника. По остальным пунктам доклада никаких возражений не было, хотя Областной Комитет ожидал дискуссии по поводу своего постановления, которое отвергло участие в Демократическом Совещании и вхождение в предпарламент. Дискуссия ожидалась тем более, что по этому вопросу было расхождение с Киевским Комитетом, пославшим своего делегата на Демократическое Совещание. Но киевские товарищи не выступали, а остальные делегаты единодушно поддерживали решение Областного Комитета.

Резолюция по «текущему моменту» была принята единогласно, но при воздержавшемся тов. Чудновском, мотивировавшем свое воздержание тем, что «перспективы развития нашей революции для него еще не ясны, а потому он не считает себя в праве голосовать».

По остальным вопросам порядка дня широкой дискуссии не было, и все резолюции приняты были единогласно. Областной Комитет избрали в том же составе, и президиум Областного Комитета остался тот же.

В первых числах октября, сейчас же после Областного С'езда Советов, состоялось расширенное заседание Областного Комитета с ответственными представителями местных организаций. Заседание было короткое, деловое. Заслушали доклады с мест для учета наших сил, наметили ряд мер к единовременному выступлению всей области, приурочивая его ко дню открытия Всероссийского С'езда Советов, и установили способы быстрейшего сношения с Областным Партийным Комитетом. Заседание прошло в полном единодушии: никаких принципиальных разногласий; все решения принимались единогласно (киевские представители не возражали, но при голосовании воздерживались).

Сжатые доклады делегатов рисовали прочное положение на местах, создавали бодрое настроение и уверенность в нашей победе. Деловые обсуждения, четкость решений и твердая уверенность в своих силах не могли не оказать свое воздействие на угрюмо молчавших делегатов Киева [1]), и в конце заседания выступили и киевляне с докладом о положении дел в Киеве. При подсчете сил выяснилось, что, несмотря на значительный численный перевес

[1]) Удрученное настроение киевлян — членов комитета «большинства» — являлось следствием скептического отношения комитета к возможности перехода власти к Советам.

киевской парторганизации, Киеву необходима военная поддержка из области. На стороне противника—юнкера, кадеты, караульные части и возможность быстрой переброски войск с румынского фронта. Во все острые моменты Вр. Правительство, для усмирения, черпало главные силы с румынского фронта. На стороне Советов, из числа воинских частей,—главным образом, артиллерия; пехоты нет. Красная гвардия не велика, рабочие не вооружены.

Делегаты Чернигова и Винницы предложили в момент боя перебросить часть своих военных сил в Киев. Вопрос о том, откуда перебросить силы, передали на усмотрение Областпарткома.

В момент Октябрьского переворота работа Областного Комитета сосредоточилась на переброске наших вооруженных сил на поддержку слабейших организаций и закрепление узловых станций, дабы таким путем не допустить передвижения войск Керенского на Север. Числа 17 — 18 октября, когда в Киев стали усиленно стягиваться войска Керенского, а в Винницу прибыли юнкера с броневиками, Областной Комитет на экстренном заседании в Виннице постановил делегировать члена Областного Комитета в Жмеринку и ее окрестности с предписанием выдвинуть воинские части, находящиеся в ближайших селах, на поддержку Винницы и Киева (Винница нуждалась в артиллерии, Киев—в пехоте).

В Жмеринке положение было неважное: наша организация слабенькая, Совет Рабочих Депутатов не только меньшевистско-эс-эровский, но просто черносотенный (первый Совет Р.-Д., где пришлось увидеть «толстопузых» в черных сюртуках, занимавших первые ряды); железнодорожные организации — под влиянием «Викжедора»; железнодорожные массы — слабо организованные и неуверенные в своей силе; гарнизон и Совет Солдатских Депутатов — полностью в руках офицеров.

Член Областкома направился во 2-й гвардейский корпус, расположенный в 15—20 верстах от Жмеринки.

По предписанию Областкома, 23 октября 2-й гвардейский корпус выступил на поддержку рабочих, боровшихся за власть Советов. Выступление 60 тысяч прекрасно вооруженных солдат имело решающее значение на ход революционной борьбы—войска Керенского и юнкера бежали кто куда. Продвижение вооруженных сил Областной Комитет приостановил, впредь до выяснения положения дел на местах.

В Киеве, после бегства юнкеров, все караулы, как мы выше уже говорили, заняла Центральная Рада своими войсками и спешно стягивала свои части. Областной Комитет внес предложение в Киевский Комитет перебросить часть гвардейского корпуса в Киев для усиления советских войск. Но Киевский Комитет решительно отверг это предложение. Перебросить войска, без согласия Киевского Парткомитета, Областной Комитет не считал возможным.

В первых числах ноября, после опубликования Советом Народных Комиссаров «Декларации прав народов», Областной Комитет постановил спешно созвать Краевую Партконференцию для разрешения вопроса о центральной власти на Украине и внес предложение в Областной Исполком Советов о созыве Краевого С'езда Советов. Это предложение было принято Исполкомом—Краевой С'езд Советов назначен был на 3 декабря. Краевую Партконференцию решено было созвать на 25 ноября (ст. ст.).

В связи с этим постановлением у Секретариата Областкома произошел полный разрыв с Киевским Комитетом; активные товарищи «большинства» обвинили президиум Областкома в желании диктаторствовать и сняли с себя ответственность за дальнейшие события, могущие развернуться в Киеве. Областком обсудил положение, создавшееся в киевской организации, и постановил, в виду глубоких принципиальных разногласий с Киевским Комитетом, отложить решение этого вопроса до Краевой Партконференции, где в связи с решением основных вопросов должен будет разрешиться и вопрос о положении Киевской организации.

Попытка Областкома получить до созыва конференции директивы от ЦК партии не дала желаемых результатов. Тов. Свердлов ответил делегированному с этой целью товарищу: «Общая линия партии всем известна, а как действовать—вам на местах видней, все зависит от соотношения сил».

Краевая Партконференция открылась 1 декабря 1917 г.

Присутствовали делегаты обоих областных об'единений. Но Юго-Западная Область имела значительно большее представительство, так как парторганизации этой области были представлены полностью, и все они, за исключением одной Одессы, имели своих делегатов. Донецко-Криворожская же область представлена была только делегатами от Донецко-Криворожского Областного Комитета.

Порядок дня конференции предложен был Областным Комитетом в следующем виде:

1. Отчетный доклад Областного Комитета. 2. Отношение к Центральной Раде и наша тактика. 3. Организация центральной власти на Украине. 4. С'езд Советов Украины. 5. Выборы Краевого Комитета.

На совещании делегатов перед открытием Партконференции порядок дня принят был без прений. Большие дебаты вызвало предложение тов. Лапчинского считать Краевую Конференцию первым с'ездом большевиков Украины и предложение тов. Затонского об организации с.-д. партии большевиков Украины. По первому предложению решено было открыть I Краевой С'езд с.-д. большевиков Украины; по второму же предложению постановили решения не принимать, считать вопрос открытым, подготовить материалы ко II С'езду с.-д. (б) Украины и столковаться с ЦКРКП.

Открыли I Краевой С'езд с.-д. (б) Украины, президиум избрали из 5 человек. Отчетный доклад Областкома дебатов не вызвал—

киевляне не выступали; голосами всех против 5 киевлян принята резолюция, одобряющая деятельность Областкома. По второму вопросу порядка дня тов. Горвиц выступил с контр-докладом от «большинства» Киевского Комитета. В прениях все выступавшие высказывались против позиции «большинства», считавшего необходимым признание Центральной Рады государственной властью на Украине и ведение борьбы с нею исключительно мирным путем, т.-е. раз'яснять, мол, массам ее политику, но ни в коем случае не допускать вооруженных выступлений против нее. Как мы сказали, всеми против 5 киевлян приняты были тезисы Областкома, указывавшие на необходимость решительной борьбы с Центральной Радой и недопустимость каких бы то ни было соглашений с ней.

Перед обсуждением 3-го пункта порядка дня Партс'езда заслушаны были доклады с мест. Из докладов выяснилось, что на всей Украине, кроме Киева, власть перешла к Советам Раб., Кр. и Солд. Депутатов. Всеми делегатами подчеркивалась необходимость в образовании об'единяющего Советы органа. При обсуждении 3-го пункта выявилось полное единство мнения, и прения вращались вокруг практической стороны вопроса. Рассмотрен и принят был порядок дня Краевого С'езда Советов—переименованного во Всеукраинский С'езд Советов — и единогласно, при 5 воздержавшихся киевлянах, принята резолюция об организации Всеукраинского ЦИК Советов Р., К. и Солд. Депутатов, который и должен быть высшим органом государственной власти на Украине. Эти вопросы и были основными на I Краевом Партийном С'езде с.-д. (б.) Украины.

Перед выборами Краевого Парткомитета т. Артем от имени делегатов Донецко-Криворожской Области заявил, что в выборах Краевого Комитета делегация участия принимать не будет по тем причинам, что этим предрешается вопрос об об'единении областей, который может разрешить только Донецко-Криворожская областная партконференция. На протесты делегатов партконференции тов. Артем ответил, что, «принимая участие в обсуждении всех вопросов порядка дня конференции и в голосовании, Областной Донецко-Криворожский Комитет взял на себя обязательство проводить эти решения и отстаивать их на Областной Донецко-Криворожской Партконференции, но предрешать вопрос об об'единении областей мы не имеем права».

Товарищи твердо стояли на принятом решении и в выборах Комитета участия не принимали.

В Краевой партийный Комитет избрали: т. т. Тарнагродского, Е. Бош, Гриневича, Леонида Пятакова, В. Ауссема, Лапчинского. Горвица (от «большинства» Киевского Комитета) и, кажется, Затонского и Кулика.

На этом работа Областного Комитета юго-западного края закончилась. Началась работа Краевого партийного комитета.

3. Киевский Партийный Комитет с.-д. (б.).

Те же принципиальные разногласия, существовавшие между Областкомом юго-западной Области и Киевским комитетом, имели место и в самом Киевском комитете. И уже с мая месяца в избранном на общегородской партконференции Комитете наметились два течения—«левое» и «правое», как назвали их вначале шутя, а в дальнейшем уже «всерьез», и которые оставались до конца 1917 г. во всех составах Киевского Парткомитета.

Вначале разногласия обнаруживались только в вопросе о методах работы и за пределы Комитета не выходили, в дальнейшем же они приняли характер глубоких расхождений по основным, принципиальным вопросам, и их стали выносить на обсуждение общегородских партконференций. В принципиальных вопросах «левые» сходились с Областкомом, поддерживали его полностью и считали, что «правые» уклоняются от общепартийных решений в сторону «новожизненцев». Но, во избежание раскола киевской парторганизации, ни та, ни другая сторона не выносила этих разногласий на обсуждение районных партсобраний. Среди членов Комитета и активных партработников существовало стремление изжить разногласия путем сговоров и безусловного исполнения постановлений общегородской партконференции. Поэтому, несмотря на то, что разногласия приняли в октябре весьма острый характер, киевская парторганизация сохранила единство, и в Киевский Комитет до конца 1917 г. входили и «правые», и «левые». Но «левые» были в меньшинстве в Киевском Комитете и, являясь активными работниками киевской парторганизации, они не могли отвечать за многие решения, принимавшиеся большинством Киевского Комитета.

Существование двух течений в Киевском Комитете значительно ослабляло киевскую парторганизацию, приводило к разнобою в ее работе и тяжело отзывалось на всей деятельности организации.

В состав Киевского Комитета, избранного на общегородском апрельском партсобрании, входили следующие товарищи: Горвиц С., Майоров, Пятаков Ю., Бош Е., Лебедев Н. Н., Шрейберг С., Лаврентий, Крейсберг, Ватин. Сколько помнится, избрал 9 человек.

На первом заседании «выборного комитета» распределили работу следующим образом: председатель Киевского Комитета (в то время во всех парторганизациях избирали председателей)—Ю. Пятаков; секретарь — Крейсберг; представители парторганизации в Исполкоме и Совете Раб. Деп.—т.т. Е. Бош и Макс Савельев (входил ли тов. Савельев в Комитет, не помню); на этих же товарищей возложено было руководство фракцией Совета Раб. Депутатов; в редакционную коллегию партийного органа «Голос Социал-Демо-

крата»—т.т. Ю. Пятаков, Е. Бош, Ватин, секретарь редакции—Н. Н. Лебедев; после от'езда тов. Ватина [1]) ввели тов. Зарницына.

В первое время вся работа Комитета сосредоточилась на подготовке к Всероссийской партконференции. Тезисы тов. Ленина по первому пункту порядка дня конференции были подвергнуты детальному обсуждению, и пункт о контроле над производством вызвал горячую дискуссию—вначале в Комитете и в кругу руководящих партработников, а потом и на экстренно созванном общегородском партсобрании. В результате дискуссии сложились две группы—поддерживающие тезисы полностью и возражающие против пункта о контроле. На общегородском собрании выступали сторонники обоих мнений, и после бурных прений большинство получили «возражающие». На Всероссийскую партконференцию избрали «возражающих»—т.т. Майорова, Ю. Пятакова, Горбачева и Е. Бош.

После Всероссийской партконференции Киевский Комитет значительно расширил свою деятельность, начал полностью руководить жизнью парторганизации и фракцией Совета Раб. Депутатов и уделял большое внимание обсуждению принципиальных вопросов. На заседаниях Комитета всегда присутствовали представители от районных комитетов, Центрального Бюро профсоюзов и ответственные агитаторы—в первое время с совещательным голосом, а в дальнейшем представители от районных комитетов входили с решающим голосом.

К общегородской партконференции, 21 мая, парторганизация расширилась и окрепла, и на конференции присутствовал 51 делегат с решающим голосом. Состав Комитета увеличили до 15 человек. Туда вошли: Горвиц, Крейсберг, Рафаил, Пятаков Ю., Соколов, Реут, Е. Бош, В. Примаков, Зарницын, Дора Идкина, Майоров, С. Шрейберг, Иванов Андрей, Лаврентий и Фиалек от польской секции [2]).

На последующих конференциях состав Комитета несколько изменялся: так, с от'ездом В. Примакова, подпавшего под военную мобилизацию, ввели тов. Гамарника, который в конце августа стал секретарем Киевского Комитета; одно время входил тов. Эдельштейн, а Дора Идкина не входила, но существенных изменений в состав Комитета не вносилось. Общегородские партконференции избирали Киевский Комитет, главным образом, из следующего состава активных работников киевской парторганизации: Пятаков Юрий, Пятаков Леонид, Горвиц, Майоров, Зарницын, Крейсберг, Рафаил, Гамарник, Эдельштейн, Примаков, Лаврентий, Соколов, Е. Бош, Морозов, Иванов Андрей, Чернявский, Реут, Логинов, Дора Идкина, Шрейберг Сима, Богданов, Яруга. Рабочие массовики упорно

---

[1]) Тов. Ватин уехал из Киева перед Всероссийской апрельской парт. конференцией и больше в Киев не возвращался.

[2]) В перечне членов Комитета возможны небольшие ошибки, так как восстанавливаю по памяти.

Руководящая группа членов Киевского Комитета(б-ков)с мая по декабрь 1917 г.

снимали свои кандидатуры, считая себя неподготовленными для комитетской работы.

В средине лета Киевским Комитетом созвана была губернская партконференция. Но губерния на конференции представлена была весьма слабо, в избранный ею Комитет никто из работников с мест не входил, и Киевский Комитет остался по существу комитетом киевской парторганизации и в дальнейшем не делал попыток созыва губернских конференций.

До июльских дней, несмотря на разногласия, Киевский Комитет сохранял единство внутри себя и руководство всей работой парторганизаций. С июльских дней, при обсуждении в Комитете выступления петроградских рабочих, четко выявились две точки зрения по вопросу о нашей тактике, и, хотя в результате горячей полемики единогласно прошло предложение об организации демонстрации солидарности, разногласия между правой и левой все же привели к расколу Комитета на три части—две борющиеся стороны и нейтральная. И с этого момента единства действий Комитета во всей работе киевской парторганизации уже не имеется.

Особенно резко столкнулись два течения в Комитете и ярко выявились их разногласия по вопросам: 1) об отношении к Октябрьскому перевороту; 2) об участии в Демократическом Совещании и Предпарламенте и 3) в оценке Центральной Рады.

По первому вопросу разногласия выявились, еще до обсуждения решений VI Всероссийского Партс'езда, на общегородской партконференции, где на заседании от 3 августа представитель «правой» части Комитета, Юр. Пятаков, подводя итоги своего доклада по «текущему моменту», дал следующие выводы:

«... выставить лозунг диктатуры пролетариата во главе с революционной социал-демократией... было бы преждевременно. Пока у нас есть хоть слабая надежда на переход мелкой буржуазии на сторону революции, мы должны сохранить лозунг «вся власть Советам», подчеркивая особенно его реальное практическое значение сейчас, как единственно возможного мирного выхода из создавшегося кризиса... Нам следует вести крайне осторожную политику внутри страны, не отталкивая мелко-буржуазные массы неосторожными преждевременными уличными выступлениями... Теперь перед нами период длительного и настойчивого раз'яснения мелко-буржуазным элементам нашей революционной линии [1])...»

По докладу развернулись горячие прения. «Левые» доказывали невозможность «мирного» перехода власти к рабочим и крестьянам и возражали против «осторожной» политики—политики «компромиссов и соглашений» [2]). За поздним временем прения по докладу

---

[1]) Из отчета, напечатанного в «Голосе Соц.-Дем.» от 13 августа 1917 г.

[2]) В отчетах выступления «левых» почти никогда не печатались, а если помещали выдержки из их речей, то с такими сокращениями, которые изменяли их смысл и содержание.

были перенесены на следующее заседание, которое состоялось только 6 августа.

5 августа на экстренном заседании Киевского Комитета были заслушаны доклады делегатов, возвратившихся с VI Всероссийского Партс'езда (от Киева—Андрей Иванов, от области—Е. Бош). В прениях выступали: Горвиц, Ю. Пятаков, Гамарник, которые в своих выступлениях старались доказать неверное толкование делегатом области резолюций Партс'езда; указывали, что в резолюциях нигде не говорится о подготовке к восстанию, и заявили, что «захват власти», когда мы в Советах в меньшинстве, есть «авантюризм», «бланкизм» и проч. и проч... Делегат области предложил зафиксировать мнение части Комитета соответствующей резолюцией. Но это товарищи отвергли, сославшись на общегородскую партконференцию, где доклад будет обсуждаться и вынесена будет соответствующая резолюция.

6 августа на заседании общегородской партконференции первым с докладом о работах партс'езда выступил областник, вторым — делегат Киева. Решения партс'езда не вызывали никаких возражений. Выступавшие на заседании Комитета товарищи на конференции не высказывались, и единогласно, при небольшом числе воздержавшихся, общегородская партконференция приняла резолюцию:

> ... Конференция вполне одобряет ту линию поведения, которая намечена VI Всероссийским Партс'ездом, и постановляет приложить все силы к тому, чтобы привести киевский пролетариат и киевский гарнизон в полную боевую готовность... [1])

Резолюция по докладу т. Пятакова была снята и не ставилась на голосование.

Это уже был не первый случай, когда общегородская конференция единогласно выносила решение, не отвечающее взглядам «правой» части Киевского Комитета.

По вопросу об участии в Демократическом Совещании и вхождении в Предпарламент большинство Комитета («правые» составляли большинство) высказалось за участие и избрало своего представителя—Ю. Пятакова. Меньшинство опротестовало это решение и потребовало перенести его на обсуждение общегородской партконференции.

24 сентября открылась экстренная общегородская партконференция. После доклада секретаря Комитета, тов. Крейсберга, «об организационной деятельности Комитета» и доклада тов. Горвица об «идейной работе Комитета», слово предоставили Е. Бош для обоснования точки зрения меньшинства Комитета по вопросу об участии в Демократическом Совещании. После докладов развернулись горячие дебаты, в которых приняли участие почти все члены Комитета. «Большинство», отстаивая принятое в Комитете решение, пыталось

[1]) Резолюция напечатана в «Голосе Социал-Демократа» от 13/VIII 1917 г., в отчете о заседании конференции от 6/VIII.

доказать, что «за нами большинства еще нет, а потому нужно пойти в Предпарламент и не разрывать с мелкой буржуазией... Столкновение неизбежно... мы должны ждать наступления и не нападать... Позиция капитала очень сильна, и нам нужно вести линию безответственной оппозиции»... [1])

«Меньшинство» Комитета, возражая против решения большинства, доказывало, что после корниловских дней произошел громадный перелом, и за нами большинство рабочих и крестьян, что революция вступила в последний фазис—революции пролетарской, что задача сегодняшнего дня—переход власти к рабочим и крестьянам. «Предпарламент играет роль затяжки, чреватой тяжкими последствиями... Наша позиция—не вхождение в Предпарламент, а созыв Всероссийского С'езда Советов и не «безответственная оппозиция», а подготовка всех сил к переходу в наступление»...

Выступавшие в прениях делегаты конференции солидаризировались с «меньшинством» Комитета и требовали немедленного отозвания Ю. Пятакова с Демократического Совещания. Громадное большинство конференции было против принятого комитетом решения, и президиум конференции, чтобы смягчить решение конференции, предложил не голосовать внесенных предложений, а избрать комиссию для выработки «полной» резолюции. Конференция отвергла это предложение. Тогда президиум заявил о своем уходе... Это заявление вызвало бурное негодование... Прервали заседание. После перерыва, в виду позднего времени, большинстов конференции согласилось на избрание комиссии. В комиссию выбрали трех человек: от меньшинства комитета—Е. Бош и Л. Пятакова, от большинства—Гамарника.

На следующем заседании тов. Леонид Пятаков от имени комиссии огласил резолюцию [2]), в которой говорилось следующее:

> Конференция находит, что второй этап революции, когда власть должна перейти в руки рабочих и беднейших крестьян, наступил. Поэтому всякие сговоры и уступки, тормозящие ход революции, недопустимы. Только немедленное образование государственной власти из рабочих, солдат и беднейших крестьян, путем созыва Всероссийского С'езда Советов, может вывести страну из создавшегося тяжкого положения [3]).

Конференция приняла предложенную резолюцию голосами всех против «большинства» Комитета и постановила немедленно отозвать с Демократического Совещания представителя Киевского Комитета, Ю. Пятакова.

---

[1]) Из выступлений т.т. Горвица и Зарницына. «Голос Социал-Демократа» № 96, 1917 г. — Общегородская конференция Р. С.-Д. Р. П. (б.)) — заседание 24/IX.

[2]) Комиссия приняла компромиссную резолюцию, не удовлетворявшую полностью ни «правую», ни «левую», чтобы избежать раскола организации.

[3]) Резолюция полностью—в приложении № 6.

После голосования тов. Горвиц, от имени Комитета, внес заявление, что в виду того, что большинство членов Комитета не согласно с принятой резолюцией, они слагают с себя полномочия и предлагают конференции переизбрать Комитет сейчас, не ожидая очередной общегородской партконференции.

Это заявление встречено было со стороны конференции бурным неодобрением. Выступавшие делегаты рассматривали его, как шаг к расколу организации, требовали от товарищей снять его и возражали против перевыборов Комитета до срока, считая, что большинство Комитета обязано подчиниться и проводить линию, намеченную партконференцией. Но в виду категорического отказа товарищей снять свое заявление, после продолжительной и крайне бурной полемики, конференция приступила к перевыборам Комитета.

При составлении списков Комитета столкнулись три предложения: 1-е—не вводить в Комитет ни одного из подавших в отставку, 2-е—отвести только некоторых, наиболее «правых», как Зарницын и Крейсберг, остальных оставить, дабы сохранить единство парторгнизации, и 3-е—провести весь тот же состав, дабы заставить товарищей подчиниться и проводить постановления партконференции. Победило второе предложение, и Комитет избрали в следующем составе: Пятаков Юрий («правый»), Пятаков Леонид («колеблющийся»), Майоров («правый»), Горвиц («правый»), Шрейберг («левый»), Жук, жел.-дор. рабочий («левый»), Затонский («неопределившийся»), Эдельштейн («левый»), Е. Бош («левый»), Морозов («левый»), Гамарник («правый»), Соколов («левый»).

«Правые», хотя и не получили большинства при выборах, но в Комитете имели все же свое большинство, так как представители от Центрального Бюро профсоюзов и представители некоторых районных комитетов, принимавшие участие на заседаниях Комитета при решении серьезных вопросов, отдавали свои голоса «правым».

Разногласия по вопросу об отношении к Ц. Раде до октября не носили острого характера, хотя в Комитете, при неоднократном обсуждении этого вопроса, существовали две точки зрения. Разногласия были в вопросе о тактике, в оценке же Ц. Рады все сходились. Но так как в период керенщины последний вопрос в киевской парторганизации не вызывал живого интереса, то ни на одном из заседаний Комитетов, ни на партконференциях он не ставился на обсуждение в полном об'еме, и весь спор шел по поводу предложения Ц. Рады делегировать от Комитета 6-ков своих представителей в Малую Раду (наш Исполком Совета). «Правые» требовали лояльного отношения к Ц. Раде, настаивали на посылке своих представителей, указывая, что делегируют их для информации, но отнюдь не для общей работы. «Левые» возражали, считая, что, делегируя своих представителей в Малую Раду, исполнительный орган Ц. Рады,—Комитет затемняет сознание масс в оценке Ц. Рады.

Разногласия в Комитете вынесены были на очередную городскую партконференцию, но большинство конференции считало это реше-

ние Комитета неважным, нестоящим серьезного обсуждения на общегородской конференции. Такое отношение к вопросу поддерживалось еще и тем, что хотя Комитет решил делегировать своих представителей, но по существу не проводил своего решения в жизнь. Избранные в Ц. Раду представители от Комитета не ходили на заседания Малой Рады и ограничили свое участие внесением декларации, прочитанной на заседании Малой Рады [1]). Этот вопрос стал остро и в Комитете, и в парторганизации только после Октябрьского переворота, после падения Вр. Правительства.

Разногласия в верхах киевской парторганизации не могли не отражаться на всей работе Комитета и жизни Киевской парторганизации. «Правые», оставаясь в Комитете, вынуждены были проводить решения партконференции, но так как нередко решения, принятые их голосами, расходились с директивами общегородских партконференций, то многие постановления Комитета или не проводились в жизнь, или же Комитет воздерживался давать парторганизации те или иные директивы по ряду важнейших вопросов. Так, в период от VI Всероссийского Партс'езда до октября, когда все парторганизации области значительно усилили темп работы, стремились усилить свое влияние в массах и особенно в воинских частях, расположенных в ближайших селах, усиливали наступательную политику в Советах, мобилизовали и подсчитывали свои силы,—Киевский Комитет выжидал, а Киевская парторганизация бездействовала.

Числа 6—8 октября большинство Комитета («правых») приняло провокационное предложение меньшевиков о создании Ревкома из представителей всех партий «для предотвращения возможных кровопролитий». Большинство Комитета, несмотря на энергичные протесты меньшинства («левые») и Секретариата Областного Комитета, постановило войти в Ревком, организуемый по инициативе Исполкома Совета Раб. Деп. из представителей всех партий, входящих в Совет, и общественных орагнизаций, мотивируя свое решение тем, что, входя в Ревком, они смогут влиять на работы его и не допустить ввода контр-революционных войск и разгрома Совета.

Впервые «правые» отказались считаться не только с меньшинством Комитета, но и со всей парторганизацией и решительно стали проводить свое постановление в жизнь. Срочно избрали двух представителей и согласились на председательствование Ю. Пятакова в этом Ревкоме—«Комитете Спасения Революции».

Это решение Комитета и председательствование авторитетного в киевских массах б-ка Ю. Пятакова в меньшевистско-эсеровском Ревкоме внесло страшную путаницу в умы сочувствующих нам рабочих и солдатских масс, вызвало тревогу в парторганизации и крайнюю растерянность в районных парткомитетах. Районные ответственные партработники не знали, что предпринять и что

[1]) Декларация—в приложении № 7.

ответить массам на запросы: «С какой целью создан Ревком!?» «Не есть ли это коалиция с мелко-буржуазными партиями!?». Ответ Комитета, что Ревком создан с целью не допустить кровопролития, не только не рассеивал недоумения и тревоги, а усиливал их. А заявление Комитета, что «мы первые не будем выступать», совершенно сбило с толку парторганизацию.

Числа 12-го октября в связи с докладом Юр. Пятакова о работах Ревкома на расширенном заседании Комитета председателем Областкома был поднят вопрос о пересмотре этого решения Комитета. Товарищ указывал, что большинство Комитета могло убедиться из доклада Юр. Пятакова, что влиять на решения Ревкома они не могут, а своим участием они не только идут в разрез с общепартийными постановлениями, но могут привести к полному разгрому Киевской парторганизации. Но председательствующий на заседании Комитета товарищ прервал областника заявлением: «Вопрос решен большинством Комитета, и никакого пересмотра не может быть». Представители военных организаций потребовали голосования предложения о пересмотре решения Комитета. Голосовали только комитетчики и незначительным большинством отвергли предложение секретариата Областкома и решительно отклонили требование меньшинства созвать экстренную общегородскую партконференцию, ссылаясь на «несвоевременность».

К концу заседания пришли ответственные партработники Арсенала с известием, что в городе притушены фонари и в полной тишине входят «батальоны смерти». У «большинства» это сообщение вызвало тревогу. Почувствовались колебание и неуверенность. Областник снова потребовал пересмотра принятого решения. Но большинством двух голосов предложение вторично было отвергнуто.

Тогда комитетское меньшинство, при энергичной поддержке представителей от арсенальцев и авиопарка, внесло предложение сейчас же наметить ряд мероприятий, необходимых для подготовительной работы парторганизации, и дать точные директивы в райкомы, «так как в противном случае, при первом движении в Петрограде, недремлющий враг возьмет нас голыми руками». Представители военных организаций указывали, что в воинских частях, стоящих на стороне Советов,—тревога; там видят подготовительную работу агентов Керенского и растерянность в рядах киевской парторганизации б-ков; волнуются и готовы на самочинные действия. Леонид Пятаков, ответственный организатор Красной гвардии и воинских ячеек, подтвердил это заявление представителей военных организаций, указав при этом, что не имея директив от К-та, он на все настойчивые вопросы солдат и красногвардейцев: «Что делать?», отвечает коротко: «Будьте готовы». Но это не есть тот ответ, какого от меня требуют»...

От имени большинства Комитета выступил Юр. Пятаков, возражения которого сводились к следующему: «всем известно, что Комитет решил первым не выступать; если на нас нападут, мы

будем сопротивляться, но тогда ответственность за кровопролитие ляжет на противную сторону. Поэтому никаких распоряжений, кроме как ждать, Комитет дать не может, так как всякие подготовительные мероприятия могут вызвать столкновение, которое мы считаем необходимым всеми мерами не допускать».

Возражающие доказывали, что при такой постановке вопроса наши вооруженные силы в одну ночь могут быть разоружены без единого выстрела, и ни о каком сопротивлении тогда не может быть речи...

После горячей полемики большинство комитета стало сдавать свою позицию, и собрание перешло к обсуждению необходимых предварительных мероприятий. Председатель Областкома внес предложение о выходе представителей Киевского Комитета из меньшевистско-эсеровского Ревкома и организации действительного Ревкома. Это предложение вызвало бурное негодование большинства Комитета и на голосование не было поставлено. Тогда представители Печерского района и военных организаций решительно заявили, что если Комитет не даст распоряжения в районы «быть готовыми к вооруженному сопротивлению», то они, помимо Комитета, у себя в районе поведут работу... И в заключение потребовали, чтобы наши представители в Исполкоме требовали замены караула у Совета Раб. Депутатов более надежными частями, так как в последнее время караул у Совета несут очень ненадежные части.

На это заявление большинство Комитета ответило, что ничего не имеет против распоряжения «быть готовыми на случай выступления контр-революционных войск», а что касается замены караула, то без распоряжения Ревкома этого сделать нельзя, так как можно вызвать столкновение, которого Комитет считает необходимым избежать. И, по предложению Юр. Пятакова, этот вопрос был снят с тем, что он внесет его на разрешение Ревкома... На этом заседание закончилось. Большинство присутствовавших на заседании уходило в крайне удрученном состоянии. И в частных беседах слышалось: «придется действовать помимо Комитета»...

После этого заседания Печерский район стал спешно готовиться к вооруженному выступлению. Председатель Областного Комитета выехал на места, чтобы в решительный момент помочь Киеву из области.

Числа 16—18-го, под давлением рабочих делегаций, большинство Комитета приняло решение о выходе из меньшевистско-эсеровского Ревкома и образовании действительного Ревкома и созыве пленума Совета Рабочих Депутатов. Но вопрос о вооруженной борьбе оставлен был в прежней постановке: «не выступать, а обороняться». Большинство Комитета повело упорную борьбу в Исполкоме за созыв пленума Совета Раб. Депутатов, но, попрежнему, никаких мер к вооружению рабочих не принимало.

24-го [1]) состоялся пленум Совета Раб. Депутатов, где избрали Ревком, а 25-го большинство членов Комитета и избранного Ревкома

---

[1]) Даты 24-го и 25-го взяты из воспоминаний участников и требуют проверки.

были арестованы в здании Комитета (во дворце, где находился и Исполком Совета) и под строгим караулом отправлены под арест. В тот же день Печерский район выделил свой Ревком, который и руководил вооруженным выступлением рабочих и солдат в Киеве.

После состоявшегося соглашения Центр. Рады со штабом Вр. Правительства о передаче власти Ц. Раде Генеральный Секретариат предложил арестованным членам Комитета (переговоры велись с Юр. Пятаковым и Бакинским) освободить их немедленно на условиях, что Киевский Комитет даст письменное согласие на освобождение всех арестованных в момент восстания юнкеров и комиссаров Вр. Пр. и предоставит всем им право свободного выезда с оружием из Киева. Комитетчики дали свое согласие, и Юр. Пятаков и председатель Киевского Комитета подписали договор, выработанный Ц. Радой. После этого они были выведены из-под ареста под охраной караула Ц. Рады, обменены на юнкеров и освобождены.

Освобождение арестованных юнкеров вызвало громадное недовольство и протест со стороны боровшихся рабочих и солдат. И потребовались все меры предосторожности, вплоть до назначения особого караула из авторитетнейших членов организации для сопровождения арестованных юнкеров от места заключения до штаба, где должен был состояться обмен.

1 ноября Центральная Рада об'явила себя властью в городе, и в вечернем выпуске «Народная Воля» появилось сообщение: «Вчера состоялся обмен пленных: революционные войска выпустили арестованных юнкеров, а штаб—большевиков. Между освобожденными есть два брата Пятаковы, Зарницын, Гамарник, Лебедев, Кулик, Крейсберг и другие».

После освобождения Комитет в том же составе [1]) приступил к исполнению своих обязанностей; избрал трех представителей—Пятакова, Затонского и Крейсберга—в «Краевой Комитет Спасения Революции», созданный Ц. Радой, и повел старую линию сговоров с мелкой буржуазией, но на этот раз уже с национальной. Поэтому разногласия между «большинством» и «меньшинством» в Комитете не только не прекратились, но значительно обострились, так как «левые» во всем поражении в Киеве считали виновниками «правых». Теперь центральным пунктом сражений в Киевском Комитете служила Ц. Рада. И самые ожесточенные бои в Комитете шли по вопросу о формах борьбы с Ц. Радой. В тот период для киевской парторганизации это был самый больной вопрос, требовавший срочного и четкого разрешения.

Киевский Комитет, за весь период керенщины, не выяснил для себя роли и значения Центр. Рады в революционном движении на Украине, и большинство членов Комитета не имело четкого мнения в этом вопросе. Это происходило по той причине, что первоочередной вопрос для Украины, национальное раскрепощение ее, оставался в

[1]) 6 ноября Пятаков Юр. был отозван в Петроград.

тени и не был продуман не только Киевским Комитетом, но и Областным. Пункт нашей программы о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, оставался голым лозунгом, и комитет не имел практической программы, указывающей формы борьбы революционных масс в угнетенной стране, борющейся за свое национальное раскрепощение. Когда же вопрос о национальном самоопределении Украины был поставлен практически, когда Сов. Нар. Ком. об'явил: «Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [1]). Киевский Комитет оказался без программы действия. А выработать программу действия в тот момент, когда Ц. Рада об'явила Украину Народной Республикой и избрала Генеральный Секретариат,—«национальное» правительство Украины,—было гораздо трудней.

Большинство членов Комитета видело в Ц. Раде организацию, созданную нацией, стремящейся к свержению национального гнета, и отсюда делало вывод: раз мы поддерживаем стремление нации к освобождению, мы должны поддерживать Ц. Раду, единственную национальную организацию, но так как Ц. Рада есть коалиция городской мелкой буржуазии и деревенского кулачества и ее политика враждебна рабочему классу, то само собой навязывалось решение о необходимости борьбы с ней... И тут вопрос о формах борьбы являлся непреодолимым препятствием и камнем преткновения в работах Киевского Комитета. По существу, спор шел тот же, что во всей России после февральского переворота: там об отношении к Вр. Пр., здесь—к Ц. Раде.

В оценке Ц. Рады разногласий в Комитете не было, все сходились на признании буржуазно-демократической сущности Ц. Рады. Но уклон большинства Комитета в сторону «осторожной политики» в отношении к мелкой буржуазии, боязнь оттолкнуть ее своими «неосторожными» выступлениями склоняли членов Комитета к временному признанию Ц. Рады государственной властью и к сговору с ней. Большинство считало недопустимым вооруженной рукой бороться с Ц. Радой, олицетворяющей национальную власть, и решительно возражало против действий, могущих вызвать столкновение с ней. Меньшинство членов Комитета требовало немедленного созыва с'езда Советов, доказывая, что Ц. Рада не является национальной властью украинских рабочих и крестьянских масс, что она жульническим путем стала у власти в Киеве, что раз мы в оценке Ц. Рады сходимся, то не только можем, но должны решительно бороться с ней, так как классовая борьба с национальным раскрепощением Украины не только не прекращается, но в данный момент значительно должна усилиться...

Спор затягивался, решение основного вопроса откладывалось, разногласия обострялись, и большинство Комитета принимало постановления по отдельным вопросам с большим колебанием и крайне

---

[1]) Декларация Сов. Нар. Ком. — в приложении № 8.

неуверенно. Неуверенность большинства Комитета усиливалась протестами наиболее активных членов парторганизации против действий комитета и нарастающим недовольством в рабочих и солдатских массах, и деятельность комитета стала заметно суживаться и сходить на-нет.

Громадное большинство киевской парторганизации и рабочие и солдатские массы, активно боровшиеся за власть Советов, после отступления войск Вр. Пр. считали победу выигранной. Ц. Рада в этой борьбе в счет не шла, так как войска ее в вооруженной борьбе участия не принимали, а все переговоры велись ею конспиративно и массам были неизвестны. Занятие всех караулов войсками Ц. Р. в момент отступления войск Вр. Пр. боровшиеся массы склонны были рассматривать, как дружескую поддержку. Эта уверенность в победе закрепилась пленумом Советов с фабрично-заводскими комитетами (30 октября), где после приветственных речей членов Комитета («правых») по случаю победы, заявление о том, что отныне вся власть находится в руках Советов, было встречено подавляющим большинством собрания бурными, горячими приветствиями.

Но уже 1 ноября, в связи с воззванием Ц. Р. и сообщением, что вся власть в городе находится в руках подполковника Павленко, назначенного Ц. Р., и что «Укр. Центр. Рада требует от всех граждан точного и безотлагательного исполнения всех распоряжений вновь назначенного начальника», уверенность начала колебаться. А дальнейшие сообщения в радовской печати, что «в Киев прибыли первые эшелоны четырех украинских полков» и что «половина юнкеров высказала желание остаться в Киеве и перейти в Украинскую военную школу, а остальные выезжают на Дон в Новочеркасск»... вызывают уже большую тревогу. Рабочие и солдаты требуют от членов партии (б-ков) раз'яснений и ответа, «что думают они предпринимать?». Но не получая ответа, так как парторганизация не имеет никаких указаний от своего руководящего органа, массы начали самостоятельно искать выхода..

5-го ноября общее собрание солдат полигона вынесло следующую резолюцию [1]):

> «Выслушав заявление товарищей о том, что юнкера Киевского военного училища и школы прапорщиков пехоты уезжают из Киева с оружием в руках, быть может для организации нового контр-революционного восстания, постановили: обратиться в Революционный Комитет и в Киевский штаб округа с протестом в самой категорической форме против такого рода действий и настаивать на разоружении юнкеров».

Эта резолюция встретила широкий отклик в массах, и собрание за собранием стали принимать аналогичные постановления, которые

---

[1]) «Резолюция об юнкерах» — в газете «Пролетарская Мысль» № 2, 7/XI, 1917 г., орган Киевского Сов. Раб. Деп., Областного Сов. Раб. Деп., Центр. Сов. профсоюзов и Центр. Совета фабрично-заводских комитетов.

направлялись в Ревком Совета с требованием немедленных, решительных мер к разоружению юнкеров.

Протест в массах рос и грозил вылиться в стихийные выступления. Тогда большинство Комитета, считавшее для себя невозможным нарушить подписанный ими с Радой договор об освобождении юнкеров, приняло компромиссное решение, которое заключалось в том, что Ревком Совета Раб. Деп. (в состав которого входили только члены партии [б-ки]), должен был выступить самостоятельно с отказом выполнить договор, подписанный Комитетом. И 6 ноября Военно-Революционный Комитет Совета Раб. Депутатов обратился в Генеральный Секретариат по военным делам со следующим заявлением:

«1) В виду того, что члены С. Р. Д. под соглашением о выводе юнкеров вооруженными не подписались, Военно-Революционный Комитет считает себя от всяких обязательств свободным. 2) Считая сосредоточение контр-революционных войск в одном месте крайне вредным, Военно-Революционный Комитет требует прекращения высылки юнкеров из Киева и их немедленного разоружения. В противном случае, Военно-Революционный Комитет примет самые решительные меры. Напоминаем, что 1-й Украинский полк вынес аналогичное постановление.

Председатель (Военно-Рев. К-та) *Л. Пятаков.*
Секретарь *Карпенко*» [1].

На это требование никакого ответа от Генерального Секретариата по военным делам не последовало. Ревком ничего предпринять без согласия Комитета не решался: большинство же Комитета категорически высказывалось против «решительных мер», мотивируя перевесом сил у Ц. Рады, успевшей за несколько дней стянуть в Киев значительные военные силы. На это Секретариат Областкома внес предложение перебросить части 2-го гвардейского корпуса из Жмеринки в Киев. Но большинство («правые») Комитета решительно отвергло это предложение, заявив, что своими силами сумеют удержать власть в руках Киевского Совета Раб. Депутатов, а переброска войск, хотя бы только с целью усиления наших сил, может вызвать «нежелательное» вооруженное столкновение. Меньшинство Комитета («левые») поддерживало предложение Секретариата Областкома, настаивало на переброске пехотных советских частей для усиления киевских революционных масс и для замены караулов, занятых войсками Ц. Рады, в виду отсутствия у нас пехотных частей; что же касается страхов перед возможностью вооруженных столкновений, то «левые» указывали, что рано или поздно эти столкновения неизбежны, и для нас лучше, чтобы они произошли сейчас, пока Ц. Рада еще не успела стянуть значительные военные силы в Киев. Большинством Комитета предложение Секретариата Областкома было отвергнуто, а Ревкому Совета Раб. Депутатов было предложено продол-

[1] «О выводе юнкеров из Киева» — «Пролетарская Мысль» от 7/XI, 1917 г.

жать переговоры в военном секретариате Ц. Рады и настаивать на исполнении пред'явленного требования. Ревком подчинился и продолжал бесполезные переговоры. А юнкера тем временем поспешили скрыться.

Осторожная политика «правых» не встречала поддержки не только в рабочих массах, но и у большинства членов киевской парторгнизации. И в то время, как большинство Комитета все больше шло на уступки Ц. Раде и приняло постановление о признании Ц. Рады краевой властью на Украине, отдельные ячейки, а Печерский район в громадном большинстве, считали необходимой решительную борьбу с Ц. Радой. Но так как Комитет откладывал созыв общегородской партконференции, то парторганизация не могла выявить в целом своего отношения и, по существу, бездействовала. Совет рабочих депутатов ничего предпринять не мог, так как осторожная политика большинства Комитета лишала его возможности твердой рукой проводить свои постановления в жизнь. А в это время Ц. Рада назначала всюду своих комиссаров, стягивая войска в Киев, и 7 ноября опубликовала свой 3-й «Универсал» (манифест) [1]), в котором об'явила от имени Украинской Народной Республики, что власть на местах принадлежит городским и земским самоуправлениям, а выработка новых форм государственного строительства принадлежит Украинскому Учредительному Собранию, которое назначается на 27 декабря 1917 года. Все иллюзии насчет Советской власти рассеивались, и даже самым большим оптимистам стало ясно, что октябрьской борьбой революционных масс в Киеве воспользовалась Ц. Рада.

В Киевском Комитете создалась полная растерянность.

10 ноября Киевский Совет Профессиональных Союзов принял следующую резолюцию 22 голос, против 4-х и при 4-х воздержавшихся: «Нынешняя Ц. Рада должна уступить свое место Всеукраинскому С'езду Советов Раб., Сол. и Кр. Депут., единственному, имеющему право на признание его органом власти со стороны всей Украины и неукраинской демократии, населяющей Украину». Совет делегатов союза металлистов в своей резолюции заявил, что считает «единственной властью, как в центре, так и на местах, которую он признает и готов всеми силами поддерживать, власть Советов Р., С. и Кр. Деп.». На рабочих и солдатских собраниях и митингах принимали резолюции, в которых заявлялось: «Мы требуем на Украине с'езда Советов»... Тогда Ревком решил действовать самостоятельно. И считая, что вооруженное столкновение революционных масс с Ц. Радой неизбежно, принял постановление принять ряд мер, чтобы в решительный момент не оказаться в ловушке. В качестве одной из таких мер решено было предпринять предварительные шаги к тому, чтобы в нужный момент возможно было перебросить в Киев войска 2-го гвардейского корпуса. С этой целью Ревком отправил своих представителей в ставку к тов. Крыленко, чтобы полу-

[1]) Универсал — в приложении № 9.

чить согласие на переброску корпуса и информировать о военных приготовлениях Ц. Рады, и во 2-й гвардейский корпус, дабы столковаться там с нашими товарищами в Ревкоме корпуса о возможности немедленной переброски частей корпуса, по первому требованию Ревкома. Решение Ревкома совпало как раз с постановлением Областкома о созыве первого партс'езда и Всеукраинского с'езда Советов.

Эти решения послужили причиной большого сражения в Комитете. «Правые» потребовали экстренного заседания Комитета, и при открытии собрания т. Горвиц от имени 5 членов комитета внес письменный протест против решения Ревкома и постановления Областкома. Смысл внесенного протеста сводился к следующему:

1) Постановление Ревкома считаем желанием «меньшинства» навязать свое мнение большинству комитета. Постановление Ревкома и посылка своих представителей в ставку и 2-й гвардейский корпус есть об'явление вооруженного восстания против Ц. Рады, против чего большинство Комитета решительно высказалось.

2) Областком не считается с мнением крупнейшей парторганизации, так как без согласия Киевского Комитета об'явил созыв Всеукраинского С'езда Советов... Мы снимаем с себя ответственность за все дальнейшие события, могущие разыграться в Киеве... Подписи — Горвиц, Гамарник, Крейсберг, Дора Идкина и Майоров.

После горячих дебатов большинством голосов Комитет поддержал решение Ревкома и постановление Областкома. Тогда пятерка заявила, что слагает с себя ответственность за решение Комитета и требует вынесения решения Ревкома на рассмотрение расширенного заседания Комитета с райкомами и ответственными работниками парторганизации. Большинство Комитета приняло предложение о расширенном собрании, которое и было назначено на следующий день.

На расширенном заседании Комитета присутствовали главным образом товарищи, поддерживавшие всегда «правую» часть Комитета. На запрос присутствовавших: «почему отсутствуют многие из ответственных работников и Печерский районный Комитет не в полном составе»,—секретарь тов. Гамарник дал об'яснение, что, в виду срочности созыва собрания, не всех товарищей сумели предупредить. Арсенальцы внесли предложение перенести собрание, но незначительным большинством это предложение отвергли. После доклада Ревкома и содоклада пятерки, подавшей в отставку, развернулись горячие дебаты, в результате которых, большинством 2-х голосов, решение Ревкома—о переброске, в случае необходимости, частей 2-го гвардейского корпуса — было отвергнуто [1]).

---

[1]) Тов. Майоров неправ, сообщая в своей книжке «Из истории революц. борьбы на Украине», что большинство голосов получили сторонники «восстания».

В ту же ночь Ц. Рада перешла в наступление и начала по ночам разоружать советские войска и Красную гвардию. Ревком ничего не предпринимал, подчиняясь постановлению расширенного состава комитета. Ко дню открытия Краевого Партс'езда и С'езда Советов Украины революционные войска и Красная гвардия были разоружены Центральной Радой, которая стянула громадное количество войск в город, и для борьбы силы были неравные. Революционным массам Киева временно пришлось капитулировать.

На Краевом Партс'езде позиция киевлян «правых» не встретила поддержки, и громадным большинством, против пяти комитетчиков, была принята резолюция Областкома. Но так как после Всеукраинского С'езда Советов часть активных работников киевской парторганизации и Секретариат Краевого Парткомитета переехали в Харьков и из руководящих работников в Киеве остались, главным образом, «правые», то линия Киевского Комитета, по существу, осталась старой, с той только разницей, что «правые», под влиянием репрессий, чинимых Ц. Радой, стали решительно высказываться за немедленное вооруженное восстание в Киеве, а «левые» считали, что момент упущен и нужно выжидать.

После от'езда ряда товарищей в Харьков, в Киевский Комитет снова ввели тов. Зарницына [1]) (с августа не входившего в Комитет в виду его «крайне правой» позиции), В. Чернявского, ярого сторонника «правых», и руководящая группа в Комитете составилась из следующих товарищей—Гамарник, Крейсберг, Зарницын [2]), Чернявский (все «крайние правые») и Майоров. Эта группа товарищей руководила работой киевской парторганизации вплоть до занятия германскими войсками Киева и во всей своей работе проводила ту же принципиальную линию, что и в период керенщины, так называемую «правую».

В конце декабря 1917 г. в партийный Краевой Комитет (находившийся в то время в Харькове) прибыл представитель от Киевского Комитета с информацией о положении дел в Киеве и сообщением, что Киевский Комитет считает необходимым вооруженное выступление в Киеве против Ц. Рады, что этого требуют рабочие и революционные войска. Краевой Парткомитет решительно высказался против вооруженного выступления, указав, что «*теперь*», без внешней поддержки, изолированный киевский пролетариат неизбежно будет разбит войсками Ц. Рады, поэтому, до продвижения советских войск к Киеву, Комитет должен принимать всяческие меры, чтобы не допустить преждевременного выступления революционных масс.

[1]) Сколько помнится, Киевский Комитет не переизбирался, так как начавшиеся репрессии со стороны Центральн. Рады заставляли товарищей откладывать созыв общегородской партконференции, а с от'ездом ряда комитетчиков Комитет был пополнен кандидатурами, намеченными оставшимися комитетчиками.

[2]) После оккупации Украины германскими войсками т. Зарницын ушел из нашей партии к меньшевикам.

В начале января 1918 г. секретариат Краевого парткомитета получил сведения, что Киевский Комитет не считает для себя обязательным решение Краевого парткомитета и вынес постановление о немедленном выступлении. Президиум Краевого комитета срочно направил в Киев тов. Горвица, члена Краевого парткомитета, выставленного «правыми», чтобы повлиять на решение Киевского Комитета и не допустить преждевременного выступления. Но числа 8-го января (ст. ст.) Киевский Комитет принял решение о вооруженном выступлении против Ц. Рады, избрал Ревком для подготовки и руководства восстанием и 15 января на расширенном заседании Комитета с представителями Киевского Совета Раб. Деп., Совета профессиональных союзов, Совета фабр.-заводских комитетов назначил вооруженное выступление на 16 января и принял решение на тот же день об'явить забастовку и обратиться к рабочим и солдатам со следующим воззванием:

Товарищи!

Центральная Рада выступила открыто против революционных рабочих и солдат. Темной ночью по ее приказу предательски были разоружены те части войск, которые своим мужеством уничтожили контр-революционный штаб, которые всегда стояли на защите революции.

Солдаты этих частей подверглись целому ряду издевательств: их выбросили холодной ночью на улицу; их вещи были разграблены, а сами они силою штыков были загнаны в вагоны и отправлены из Киева.

Так проводила Центральная Рада тех, которые своей кровью добыли ей власть, и в то время как украинские войска из Петрограда с почестями и при полном оружии были отправлены на Украину, революционные войска, безоружные, голодные, под конвоем были отправлены из Киева.

В этом поступке Генерального Секретариата обнаружилась вся его действительная сущность. Тайные договоры с Калединым, сокрытие контр-революционеров и, наконец, расправа над рабочими и солдатами и арест членов Исполнит. Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов окончательно разоблачили ее контр-революционные цели.

Товарищи, кровь, пролитая рабочими и солдатами на улицах гор. Киева, спаяла их тесными братскими узами. Рабочий и солдат всегда выступали в бой со своими врагами и это должно быть и теперь.

Наши товарищи - солдаты разоружены. Но у его союзника — пролетариата — есть еще одно могучее средство, это — забастовка. Пусть своей забастовкой киевский пролетариат заявит всем зарвавшимся политиканам из Генерального Секретариата и Рады, что он не допустит братания с контр-революцией и похода против рабочих, солдат и крестьян.

Пусть своей забастовкой заявит свой горячий протест по поводу действий Центральной Рады.

Товарищи украинцы! Вы в первую очередь должны протестовать против действий Центр. Рады, позорящей революционную честь украинского народа. Вы должны показать, что ваши товарищи станка и

[1]) Отпечатано листовкой — привожу с подлинника.

работы — русские пролетарии — ваши братья и что вместе с ними вы пойдете в бой за победу рабоче-крестьянской революции.

Товарищи солдаты! Вашей поддержки и сочувствия ищет пролетариат в борьбе за общие интересы рабочих, солдат и крестьян.

Все рабочие г. Киева, согласно постановлению делегатов фабрик и заводов, согласно решению Киевского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с представителями от фабрично-заводских комитетов должны прекратить свою работу.

Пусть по распоряжению Стачечного Комитета станут все фабрики и заводы, и пусть пролетариат г. Киева покажет всю свою силу и мощь в борьбе с покушением на революцию.

Все сплачивайтесь вокруг Советов, все на помощь им, все на защиту революции, на защиту права рабочего, солдата и крестьянина.

Спокойно и организованно ведите дело борьбы, докажите все свою сплоченность, докажите, как рабочий класс отстаивает кровью завоеванные права.

Мы требуем вооружения разоруженных войск и отмены насильственного выселения и разоружения.

Мы требуем пропуска революционных войск на Дон для задержания контр-революционных и казачьих частей.

Дело революции в руках рабочих, солдат и крестьян.

Да здравствует революция! Да здравствует братский союз рабочих, солдат и крестьян!

Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Киевский Совет Рабочих Депутатов.
Киевский Совет рабочих профессиональных союзов.
Киевский Совет фабрично-заводских комитетов.

На 5-й—6-й день восстания, когда войска Ц. Рады, не щадя патронов и снарядов, стали выбивать рабочих из всех занятых позиций, и Ц. Рада предложила штабу Ревкома сдаться на условиях, что никакие репрессии восставшим не угрожают, Ревком принял постановление предложить революционным массам сдать оружие. Но когда члены главного штаба, т.т. Стогний, Крейсберг и Дора Идкина пришли с решением Ревкома в железнодорожные мастерские, то их приняли за провокаторов и хотели тут же расстрелять. И только после долгих переговоров согласились заключить их под арест до выяснения в Ревкоме. После переговоров с Ревкомом товарищи были освобождены, но большинство восставших рабочих отказалось подчиниться решению Ревкома.

После освобождения Киева и восстановления власти Советов Киевский Комитет остался в том же составе; созыв общегородской партконференции откладывался, в виду перегруженности партработников советской работой, и линия Киевского Комитета осталась прежней. С первого дня переезда ЦИК Советов Украины и Народного Секретариата, между Киевским Комитетом и товарищами (б-ками), работавшими в советском центральном органе, начались трения. Комитет возражал против решительных мер борьбы с враждебными советской власти элементами и требовал мягкой, «осторожной» политики.

4. Киевский Совет Рабочих Депутатов, Совет Солдатских Депутатов и Областной Исполком Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

После февральского переворота в Киеве сорганизовались два Совета—Городской Совет Рабочих Депутатов и Совет Солдатск. Депутатов Киевского Военного Округа.

С момента образования Советов и до октябрьских дней, несмотря на неоднократные обсуждения в Исполкоме С. Р. Д. вопроса о слиянии Советов и положительного его разрешения, Советы не были слиты, так как Исполком Совета Солд. Депутатов решительно возражал против этого решения. В августе между Исполкомами достигнуто было соглашение об организации об'единенных заседаний Исполкомов. Но после нескольких об'единенных заседаний, инициаторы слияния Советов и особенно фракция большевиков стали возражать против об'единенных заседаний Исполкомов, в виду крайне реакционного состава Исполкома С. С. Депутатов.

В Совете Раб. Депутатов и его Исполкоме при оформлении его мелко-буржуазные партии — м-ки, с.-р., Бунд и укр. с.-д. составляли громадное большинство, с.-д. (б-ки) были в значительном меньшинстве. Самую крупную фракцию составляли меньшевики, следующую — большевики, потом Бунд, количественно очень небольшие фракции составляли с.-р. и укр. с.-д. и несколько человек поалей-цион.

Наша фракция при оформлении Совета насчитывала 60 человек из 260 делегатов Совета. Но рост фракции шел неуклонно, хотя и неравномерно. В июле мы имели 90 человек, а в сентябре 120—140 из 300 делегатов [1]).

Меньшевики, Бунд и с.-р. всегда выступали в Совете и Исполкоме солидарно; укр. с.-д. самостоятельно почти не выступали и, в зависимости от обсуждаемого вопроса, присоединялись то к мелко-буржуазному большинству, то к большевистскому меньшинству, но чаще к первым; поалей-цион почти всегда поддерживали предложения нашей фракции.

Имея за собой большинство, мелко-буржуазные партии избегали резкой полемики в Совете с фракцией большевиков и направляли все возражения в русло теоретических споров. На эту удочку ловили наших представителей Комитета, и Совет превратили в нудную говорильню.

В Исполкоме картина была совсем иная. Здесь разногласия принимали крайне острый характер и борьба шла ожесточенная. Но на пленум Совета они не переносились. Мелко-буржуазные партии, зная о наших разногласиях в Комитете, всячески обхаживали «большинство» Комитета и путем мелких уступочек добивались их

[1]) В цифрах возможна неточность.

лояльного выступления в Совете. И даже в июльские дни, несмотря на крайнее возбуждение всех рабочих депутатов, заседание Совета прошло спокойно с декларативными выступлениями представителей всех партий. Мелко-буржуазное большинство в Совете и Исполкоме оставалось до октябрьских дней.

Но в конце августа пленум Совета нередко принимал предложения нашей фракции по отдельным вопросам. Большинство голосов об'яснялось большой сплоченностью нашей фракции, отсутствием дисциплины в рядах противных партий и поддержкой наших предложений беспартийными.

После корниловских дней, под давлением революционных масс г. Киева, пленум Совета впервые, 8 сентября, принял резолюцию по «текущему моменту», предложенную фракцией большевиков. Совет Р. Д. заявил, что «отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти... Власть должна быть создана из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства»... [1])

На заседании Исполкома, 9 сентября, меньшевики, с.-р. и бундовцы внесли заявление, что в виду принятой Советом резолюции, они слагают с себя полномочия членов Исполкома и требуют назначения перевыборов Совета на 1 сентября — это предложение было принято в Исполкоме их же голосами.

При перевыборах Совета мелко-буржуазные партии провели свое большинство, и во вновь избранном Исполкоме наша фракция, хотя и имела значительно больше прежнего мест, но осталась в меньшинстве. Председателем Совета, по молчаливому согласию мелко-буржуазных партий, предоставивших своим фракциям голосовать по своему усмотрению, провели Юр. Пятакова.

Этим ходом мелко-буржуазные партии решили ослабить революционное давление рабочих масс, попытаться столковаться с «правым» течением большинства Киевского Партийного Комитета. И это им до известных пределов удалось провести, втянув председателя Совета, большевика, в «Комитет Спасения Революции».

В октябре меньшевистско-бундовское большинство Исполкома под всякими предлогами откладывает созыв пленума Совета Раб. Деп. и ведет сговоры с Ю. Пятаковым насчет организации Ревкома из представителей всех партий, «для предотвращения возможных вооруженных выступлений». На обсуждение пленума Совета это предложение не выносят. Числа 8—10-го октября это соглашение было достигнуто, и Исполком избрал «Комитет Спасения Революции» под председательством Юрия Пятакова.

24 октября, по настоянию фракции большевиков Совета, состоялся пленум Совета Раб. Деп. (к этому времени большевики вышли из «Комитета Спасения Революции»), на котором фракция боль-

[1]) Резолюция пленума Совета от 8 сентября — полностью в приложении № 10.

шевиков внесла предложение об организации Ревкома Киевского Совета Раб. Депутатов. Против этого предложения выступили все «социалистические» партии Совета. Но громадным большинством пленум Совета принял предложение фракции большевиков и избрал Ревком из 6 человек,—вошли только большевики.

25 октября Ревком был арестован. А «Комитет Спасения революции», созданный ранее Исполкома, слился со штабом округа и в дни восстания действовал с ним заодно. «К этому моменту как-то незаметно стерлись грани между меньшевиками, соц.-революционерами, кадетами и даже правыми—все стремились отмежеваться от большевиков и только от большевиков» [1]).

Совет Солдатских Депутатов.

Совет Солдатских Депутатов после февральского переворота сорганизовался вместе с офицерами. Председателем Совета избран был правый с.-р., но с.-эровская фракция большинства в Совете не имела. Совет считался беспартийным, так как офицерство не могло открыть свою действительную политическую физиономию.

В Исполкоме большинство имели офицеры с кадетско-октябристской платформой.

Вначале в Совете Сол. Депутатов не только нашей фракции, но ни одного с.-д. (б-ка) не было. В августе путем частичных перевыборов удалось ввести 3-х—4-х тов. солдат от киевского гарнизона. Но их присутствие почти не имело влияния на Совет, так как очень редко удавалось большевику получить слово на пленуме Совета, а еще реже использовать предоставленное время. Появление на трибуне большевика офицерство встречало громкими протестами и всякими хулиганскими приемами срывало выступление.

Офицеры крепко держали в своих руках Совет, и во всех событиях он играл или контр-революционную роль, или же стушевывался.

В июльские дни президиум Исполкома Совета Солдатских Депутатов, при молчаливом согласии президиума Исполкома С. Раб Депутатов, устроил набег на Киевский Комитет большевиков, арестовал несколько тов. комитетчиков и секретаря редакции партийного органа. Правда, к вечеру того же дня их освободили, так как вечером собирался пленум Совета Р. Д., и мелко-буржуазные партии постарались устранить «недоразумение», дабы избежать столкновения с большевистской фракцией Совета Р. Д.

В октябрьские дни Исполком Сов. Солд. Депутатов действовал сообща со штабом округа—органом Вр. Правительства.

Об'единенный Совет Р. и С. Депутатов.

После октябрьских дней Советы об'единяются, вначале путем общих пленумов Советов, а в дальнейшем — избранием об'единенного

[1]) М. Рафес, «Два года революции на Украине», стр. 47.

Исполкома Совета Р. и С. Депутатов. Согласившись на об'единение Советов без перевыборов солдатского Совета, наши тов. предрешили возможность революционной работы Совета Раб. Депутатов.

30 (ст. ст.) октября, после падения власти Вр. Правительства и отхода войск Керенского из Киева, на торжественном заседании Советов с фабр.-заводскими комитетами принято было громадным большинством постановление, что «отныне Киевский Совет Р. и С. Депутатов является единственной властью в городе». Но к проведению в жизнь этого постановления не было принято никаких шагов со стороны Исполкома Киевского Совета. А в это время Ц. Рада ставила всюду своих комиссаров, назначила подполковника Павленко начальником Киевского Военного Округа и 1 ноября (ст. ст.) обратилась к населению со следующим воззванием:

КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ Г. КИЕВА И КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

Граждане!

Украинская Центральная Рада настоящим об'являет всему населению: 31 октября сего года, вследствие разыгравшихся событий в г. Киеве, состоялось соглашение между представителями Украинской Центральной Рады, Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, Киевского Городского Самоуправления, Украинского Генерального Войскового Комитета, помощника комиссара Юго-Западного фронта и разных политических партий и организаций.

Это соглашение должно было положить предел развитию анархии в городе и обеспечить порядок и спокойствие для нормального течения жизни.

Однако, совершенно неожиданно в ночь с 31 октября на 1 ноября главный начальник Киевского Военного Округа со всем штабом, без предупреждения и уведомления подлежащих властей, в том числе и помощника комиссара Юго-Западного фронта, оставил вверенные ему учреждения, обслуживающие тыл и фронт, и тем поставил военные учреждения и части в крайне затруднительное положение.

В виду этого, Украинская Центральная Рада, приступая к организации высшей краевой власти на Украине в полном об'еме, признала необходимым безотлагательно пополнить Генеральный Секретариат пятью генеральными комиссарами и, в первую очередь, генеральным комиссаром по военным делам, коему и поручено назначить соответствующее лицо на должность Главного Начальника Киевского Военного Округа.

Вместе с тем Украинская Центральная Рада поручает назначенному генеральному комиссару по военным делам и временно исполняющему обязанности главного начальника Киевского Военного Округа, поставив об этом в известность все власти Украины, немедленно приступить к восстановлению правильного снабжения армий на фронте и в тылу всем необходимым.

Всем гражданским и военным властям, всем должностным лицам и учреждениям предписывается точно и безотлагательно исполнять все распоряжения вновь назначенного исполняющего обязанности главного начальника Киевского Военного Округа, подполковника Павленко.

Украинская Центральная Рада призывает все население, гражданское и военное, к спокойствию и мирному труду.

Украинская Центральная Рада и ее исполнительная власть — Генеральный Секретариат — примут все меры к восстановлению спокой-

ствия и порядка, не допуская никаких самочинных, анархических выступлений, клонящихся к нарушению порядка.

Украинская Центральная Рада, орган революционной демократии Украины, и ее Генеральный Секретариат, опирающийся в своей деятельности на все организации и являющийся однородным революционно-демократическим правительством Украины, уверены в том, что им совместными усилиями удастся достигнуть поставленных целей.

К спокойствию и труду, граждане, крестьяне, рабочие и солдаты.

Украинская Центральная Рада.

И рядом с этим воззванием—второе, ко всему трудовому крестьянству, в котором определенно заявляется, что «вся власть в Киеве и на всей Украине теперь в руках Центр. Рады и Генер. Секретариата. Другой власти на Украине нет и не должно быть. Все, кто теперь пойдет против Ц. Рады—будет ли это штаб Киевского Военного округа... или какая другая группа людей или отдельные лица—всех их нужно считать врагами Центральной Рады, трудового народа и всей Украины»... [1]).

3 ноября на заседании Советов Р. и С. Депутатов снова ставится вопрос о власти и — уже не только местной, но и центральной. Фракция большевиков вносит резолюцию [2]), в которой по вопросу о власти в г. Киеве говорится: «Фракция большевиков заявляет, что требование рабочих, солдат и крестьян о передаче всей власти в руки Советов должно быть осуществлено. Фракция большевиков предлагает Исполнительному Комитету Совета Р. и С. Депутатов взять власть в свои руки и заявляет, что Исполнительный Комитет Совета никаких назначенных комиссаров не признает».

Относительно власти на Украине фракция большевиков заявляет, что «краевой властью является Центр. Рада, но фракция большевиков требует созыва С'езда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Украины для реорганизации Центр. Рады в Центральную Раду (Совет) Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов»...

Меньшевики выступили против предложения фракции большевиков и предложили создать социалистическое министерство, при этом заявив, что, в случае провала их предложения, они уходят из Исполкома. Бундовцы присоединились к предложению меньшевиков, не поддерживая их решения уйти из Исполкома. Украинские с.-д. поддержали предложение большевиков в первой части, но решительно высказались против реорганизации Ц. Рады. Прения сосредоточились, главным образом, вокруг вопроса о центральной власти, приняли крайне бурный характер, и заседание перенесли на следующий день.

4 ноября пленум Советов принял предложение голосовать отдельные пункты резолюции. В результате голосования за власть Советов—433 голоса, за социалистическое министерство—119 голо-

[1]) Оба воззвания отпечатаны были в вечернем выпуске газеты «Народная Воля» от 1 ноября (ст. ст.) 1917 г.

[2]) Резолюция полностью — в приложении № 11.

сов. За реорганизацию Ц. Рады 424 голоса, за оставление Ц. Р. в прежнем составе 271 голос. После этого голосования ставится вопрос о том, каким путем должна быть проведена реорганизация Ц. Рады. Большинством 389 голосов принимается решение «путем немедленного созыва Всеукраинской Рады раб., солд. и крест. депутатов». По вопросу о местной власти 438 голосов за то, что власть на местах должна перейти к Советам.

7 ноября Ц. Рада публикует свой универсал (манифест), где говорит, что «до созыва Учредительного Собрания вся власть творить порядок на земле нашей, издавать законы и править принадлежит нам — Укр. Центр. Раде и правительству нашему — Генер. Секретариату Украины».

Совет Р. и С. Депутатов на универсал никак не реагировал и занят был выборами об'единенного исполкома и оформлением рабочей и солдатской секций Совета [1]).

15 ноября состоялось первое заседание об'единенного Исполкома. В об'единенном Исполкоме большевики имели 23 места, правые с.-р. — 24, укр. с.-д. — 4 и меньшевики и Бунд — 29 мест. Перед выборами президиума фракция большевиков внесла следующую резолюцию:

> Исполком Совета Р. и С. Депутатов, начиная свою деятельность, раньше всего должен выяснить ту политическую линию, которой он будет руководиться. Эта политическая линия ему указана в резолюции пленарного собрания Совета Р. и С. Депутатов, основным пунктом которой было решение о переходе власти по г. Киеву в руки Советов Р. и С. Депутатов. Исходя из этого, фракция большевиков требует, чтобы желание миллиона рабочих, солдат и крестьян — желание, за которое они пролили свою кровь, выполнилось в г. Киеве, и чтобы Исполком взял власть по городу Киеву. В случае противоположного решения фракция большевиков находит, что Исполком разошелся с волей Советов, неоднократно выраженной на пленумах, и требует немедленного созыва общего собрания Совета.

Резолюцию поставили на голосование: 20 за и 36 голосов против. Фракция большевиков заявила, что в президиум не войдет и в выборах президиума участия принимать не будет.

16 ноября на заседании рабочей секции фракцией большевиков ставится вопрос о взаимоотношениях между секциями—по существу между Советами,—и т. Яруга (б-к) заявляет, что «слияние—только фикция, так как вместе оба Совета работать не могут. Они разно смотрят на вещи. Рабочая секция должна быть автономна». Возражая на это заявление, меньшевики доказывали, что «рабочая секция Совета должна быть только техническим выполнителем воли всего Исполнительного Комитета».

В результате прений приняли резолюцию, предложенную тов. Горвицом (членом комитета из «большинства»), в которой признавалась автономия секций только «в вопросах, касающихся их

---

[1]) В приложении за № 12 — обращение фракции большевиков к членам Совета Раб. и Солд. Деп.

жизни; вопросы политической важности разрешаются общим Исполкомом». Этим решением окончательно свели на-нет Совет Раб. Депутатов, который разбился на секции и занялся вопросами охраны труда, разбором конфликтов между предпринимателями и рабочими и проч., и проч.

19 ноября об'единенный Исполком созвал пленум Совета Р. и С. Депутатов. Большинство рабочей секции получило неверный адрес и не попало на заседание, где снова поставили вопрос о центральной и местной власти. Фракция большевиков заявила, что, в виду отсутствия большинства рабочей секции, вопрос с обсуждения необходимо снять. Это предложение отвергли, и фракция покинула заседание. А оставшиеся «социалистические» партии провели свою резолюцию.

Ц. Рада, пользуясь активной поддержкой мелко-буржуазных партий Совета, начала действовать смелей.

22 ноября «члены ставки Духонина, избегнув ареста, вместе с находившимися при ставке генералами французской, румынской, английской и проч. миссий приехали в Киев». Ц. Рада устроила «дорогим гостям» торжественную встречу с военным парадом, дружескими речами и прочими атрибутами и гостеприимно предложила им приют в Киеве.

29 ноября, после разоружения Генеральным Секретариатом ряда воинских частей, поддерживавших Совет, на общем собрании Киевского Совета профсоюзов и представителей фабрично-заводских комитетов приняли всеми, при 11 воздержавшихся, резолюцию [1]), гласящую, что «действия Ц. Рады окончательно разоблачают политику Генер. Секретариата, как политику, направленную против рабочих, солдат и крестьян..., что всякая попытка контр-революционных покушений... встретит должный отпор со стороны киевского пролетариата и гарнизона, вплоть до применения вооруженной силы...».

Но резолюция осталась только угрозой, никаких шагов для обороны не было предпринято, и к 3 декабря, — дню открытия Всеукраинского с'езда Советов, все советские войска и большая часть Красной гвардии были разоружены ночными набегами гайдамаков.

После от'езда делегатов Всеукраинского С'езда Советов в Харьков, Киевский Совет существует под угрозой неожиданного разгрома, арестов и самосудов над отдельными членами Совета. Ц. Рада об'являет беспощадную борьбу с большевиками.

Числа 10 — 12 января 1918 г. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов принял резолюцию протеста против действий Ц. Рады с приветствием Всеукраинскому ЦИК Р., К. и С. Депутатов, которую тут и приводим:

---

[1]) Резолюция, принятая Исполн. Ком-ом Киевского Совета Р. Деп. и общим собранием Киевск. Сов. проф. союзов и представителей ф.-зав. комитетов.—Газета «Пролетарская Мысль», № 20, от 1 декабря 1917 г.—орган Киевск. Областн. С. Р. и С. Д. и т. д.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВ. Р. и С. Д. г. КИЕВА [1]).

1) Последние события в гор. Киеве, как-то: арест целого ряда видных деятелей революционных рабочих и военных организаций, увод солдатами Генер. Секр. неизвестно куда члена Исполн. Ком. Киевского Совета Р Деп. и члена Всеукр. Сов. Леонида Пятакова, насильственное разоружение рабочих. сопровождавшееся разгромом фабрик и заводов, комитетов, крестьянских советов и арестами красногвардейцев; разгром газеты «Пролетарская Мысль»—органа Киев. Сов. Раб. Депут., Совета Профессиональных союзов и Совета фабрично-заводских комитетов, — все это показывает, что Генер. Секр. и поддерживающая его Центр. Рада окончательно вступили на путь самой подлинной контр-революции.

2) Разгром Полтавского и целого ряда провинциальных Советов Кр., Раб. и Солд. Деп.

3) Уничтожение главного оплота революции — Советов и прочих рабочих организаций и рабочей Красной гвардии — такова та цель, заветная цель всей буржуазии, которая осуществляется сейчас бывшими социалистами из Генер. Секрет. с той непланомерностью и непоследовательностью, с какой осуществляется и на Дону Калединым.

4) Потеряв всякую опору в широких массах трудовой демократии города и деревни, Ц. Рада и Ген. Секр. стремятся удержать свою власть, устанавливают контр-революционную диктатуру охранки и полицейской нагайки.

5) Эта политика Ц. Рады делает ее об'ективно, независимо от ее воли, союзницей и пособницей всей российской буржуазно-помещичьей контр-революции, стремящейся использовать контр-революционное движение на юге, чтобы нанести удар Совет. власти и подавить российск. революцию, а затем расправиться с национальной свободой украинского народа.

Единственным средством ликвидировать контр - революционную диктатуру на Украине и спасти дело революции, как на Украине, так и в России является свержение буржуазной Ц. Рады и контр-революционного Генер. Секрет. и восстановление на Украине подлинной власти демократии Украины в лице Советов Р., К. и Солд. Депут.

В тяжелый час, когда над Советом и всеми рабочими организациями Киева занесен меч контр - революции, Киевский Совет Р. Депут. призывает киевский пролетариат сплотиться еще тесней вокруг своего Совета, проявить непоколебимую твердость, выдержку и дисциплину и помнить, что вместе с пролетариатом идут деревенская беднота и миллион. армия, стоящая на фронте, и что нет той силы, которая могла бы победить великую рабочую и крестьянскую революцию.

Киевский Совет Раб. Деп. шлет свой горячий привет образовавшейся в Харькове Советской власти Украины и выражает твердую надежду, что недалек тот день, когда под ударом рабоче-крестьянской революции на Украине падет контр-революц. правительство Порша-Винниченко, и вся власть по всей Украине перейдет в руки Сов. Кр., Раб. и Солд. Д.

Считая последний закон Ц. Р. о высылке из Киева всех прибывших позже 1-го января 1915 г. направленным против рабочего класса, что подтверждается заявлениями самого же Генер. Секр.,—Совет Раб. Деп. всеми силами своего авторитета протестует против этого нового контр-революционного хода против пролетариата и требует отмены этого варварского закона.

Долой контр - революционную Центр. Раду и Генер. Секретариат!

Да здравствует рабоче - крестьянская революция на Украине!

Да здравствует Сов. Раб., Кр. и Солд. Депутатов!!!

---

[1]) Резолюция отпечатана в «Вестнике Украинской Народной Республики» от 18 января 1918 г., органе Ц. И. К. Советов Украины, Харьков.

16 января киевский пролетариат восстал против Ц. Рады и Генер. Секретариата.

Областной Исполком Сов. Раб., Кр. и Солд. Депутатов сконструировался в конце августа. В нем были представлены Советы раб. деп., Советы крестьянских деп. и Советы раб., кр. и солд. деп., Советы только солдатских деп. не входили. Областной Исполком собирался раз в две недели или раз в месяц; все остальное время члены Исполкома работали в своих местных Советах; всю текущую работу вел президиум Областного Исполкома [1]). В Областной Исполком входили меньшевики, лев. с.-р., укр. с.-д., большевики и беспартийные. Большинство голосов в Исполкоме зависело от принимаемого решения. В президиуме Областного Исполкома большинство составляли б-ки и лев. с.-р., последние почти полностью шли с нами.

Свою деятельность Областной Исполком развернул, главным образом, в усилении организационной связи с местными Советами, созыве областных совещаний и с'ездов Советов. Что касается политического руководства местными Советами и влияния на работы Киевского Совета Раб. Деп., то эта сторона деятельности была весьма слаба.

После Областного С'езда Советов в первых числах октября, где приняли резолюцию о переходе всей власти к Советам, весь Областной Исполком и большая часть президиума его выехали на места для работы.

В первых числах ноября президиум принял предложение Областкома б-ков о созыве Краевого С'езда Советов, назначил с'езд на 3 декабря и выделил бюро по созыву его, — в котором большевики были в большинстве.

Ц. Р. на тот же день назначила с'езд своих представителей от селянских спилок и войсковых рад, об'явив норму представительства чуть ли не на 6 человек один делегат.

Открыть Всеукраинский с'езд Советов в Киеве не пришлось, так как Ц. Рада срывала заседания. На совещании делегатов Всеукраинского с'езда Советов приняли решение перенести с'езд в Харьков. После выборов ЦИК Советов Украины большая часть членов президиума Областного Исполкома вошла в ЦИК Советов Украины и осталась в Харькове, а Областной Исполком, по существу, прекратил свое существование.

5. Октябрьские дни.

Киев.

С первых чисел октября в Киеве начинается лихорадочная работа по подготовке к 22 октября — Всероссийскому С'езду Советов. Один за другим созываются три с'езда, на которых принимаются резолюции по вопросу о государственной власти. Первый Областной

[1]) Президиум постоянно находился в Киеве.

С'езд Советов Р., К. и С. Деп. принял решение о переходе всей власти к Советам Р., К. и С. Деп.; второй с'езд казачьих организаций всей прифронтовой полосы, созванный комиссаром Временного Правительства, принял резолюцию поддержки Вр. Правительства, а третий с'езд войсковых организаций, входящих в Центральную Раду, признал единственной государственной властью на Украине — Ц. Раду.

В Киеве за власть Советов—большинство киевского пролетариата и большая часть гарнизона; за Вр. Правительство — часть железнодорожников и гретеровцев (рабочих завода Гретер), которые шли за мелко-буржуазными партиями, караульные части, юнкера, кадеты; за Центр. Раду — только 2 сформированные ею полка.

В первой половине октября, в виду колебаний Киевского Комитета большевиков, революционные массы и Совет Раб. Деп. не были активны и заняли позицию выжидательную. Этим воспользовались сторонники Вр. Правительства для своей организации и усиления «надежных» войск.

Числа 6—8 октября (по старому стилю) мелко-буржуазные партии, входившие в Исполком Совета Рабочих Деп. и Исполком С. Д. и Гор. Думы, создали «Комитет спасения революции», который, в дальнейшем, слился со штабом округа.

С 10 октября штаб округа начал стягивать военные силы в Киев, но при этом принимал всяческие меры предосторожности, чтобы не получалось огласки. По ночам, соблюдая полную тишину, точно крадучись, с развевающимися черными знаменами, на которых зловеще поблескивали нашитые белые черепа, входили «батальоны смерти». В плохо освещенном городе одинокому прохожему жутко было встречать этих предвестников зверских насилий и кровавых расправ. Но днем на улицах спокойно, и никаких приготовлений, предвещающих бурю, не видно.

Центральная Рада создает свой «Краевой Комитет спасения революции».

Ночное продвижение войск Керенского вызывает тревогу в революционных войсках и рабочих организациях, и 15 октября представители заводов и военных организаций вносят через фракцию большевиков требование в Исполком: 1) потребовать от штаба округа, чтобы немедленно был прекращен ввод новых частей и 2) заменить караул у Совета Раб. Деп. более надежными частями. Большинством голосов Исполком отклонил эти предложения, тогда фракция большевиков потребовала немедленного созыва пленума Совета Раб. Деп. Но только 24 октября был созван пленум, где по предложению фракции большевиков принято постановление создать Ревком; все мелко-буржуазные партии, входившие в Совет, решительно протестуют против этого постановления, и в Ревком входят только с.-д. большевики.

25 октября, по предписанию штаба округа, юнкера окружили здание Совета и арестовали Ревком и Комитет большевиков. Как

только весть об аресте дошла до заводов, рабочие стали спешно готовиться к вооруженному выступлению. Вся организационная работа сосредоточилась в Арсенале.

26 октября рабочие вышли с заводов. «На товарном вокзале железнодорожники захватили эшелон с вооружением, — рассказывают участники восстания, — и передали его арсенальцам, которые спешно принялись распределять его по заводам. Вооружившись, мы со всех заводов направились к Городской Думе с требованием немедленного освобождения арестованных. Но как только мы стали собираться на площади, юнкера с броневиками, батальоны смерти, кадеты начали занимать все улицы и переулки и окружать нас сплошным враждебным кольцом. Когда первые ряды подошли к нам поближе, послышалась команда офицеров, и в тот же момент со всех сторон раздались залпы — мы легли и стали отстреливаться. Но вдруг над нами начали разрываться шрапнели. Тогда, по команде, мы все бросились на одну из цепей и, прорвав ее, с большими потерями отошли к Арсеналу. Всю ночь спешно готовились к новому выступлению. Главные наши силы сосредоточились в Арсенале, Шулявском и Подольском районах, где приступили к сооружению баррикад и заграждений, и на утро по всем улицам города закипела ожесточенная борьба с контр-революционными войсками. В первый день нельзя было определить, на чьей стороне победа,—одни и те же улицы по несколько раз переходили из рук в руки, к вечеру второго дня нас стали отодвигать белые, но мы решили держаться в рабочих районах. На утро третьего дня к нам явились представители Гор. Думы с предложением приступить к мирным переговорам».

В это время 2-й гвардейский корпус занял Жмеринку и направил свои части на поддержку киевского пролетариата. Но Киевский штаб Вр. Правительства, первый получив об этом уведомление, поспешил передать свою власть Центральной Раде и скрылся. Центр. Рада, под видом поддержки восставших, заняла Богдановским полком все караулы в городе и освободила арестованных членов Ревкома и Комитета.

Пролетариат принял выступление богдановцев как действительный переход полка на сторону революционных масс и сложил оружие. Вооруженная борьба прекратилась, киевский пролетариат считал себя победителем и на первом пленуме Советов с фабрично-заводскими комитетами торжественно провозгласил, что вся власть в Киеве принадлежит Киевскому Совету Раб. Депутатов.

Винница.

В то время как в Киеве спешно организуются реакционные силы, в Виннице не менее спешно организуются революционные. Начиная с 10 октбря, во всех воинских частях, расположенных в городе и его окраинах, происходят собрания и митинги, на которых принимаются резолюции о немедленном переходе всей власти

к Советам. Митинги проходят с большим под'емом, докладчиков-большевиков провожают словами: «Умрем, но добьемся власти рабочих, крестьян и солдат!». Весь гарнизон и войска, расположенные для отдыха,—на стороне Советов, Вр. Правительство и Ц. Рада реальных сил не имеют.

13 октября 15-й полк в полном составе, с оркестром и знаменами: «Вся власть Советам», пришел к зданию Совета, выстроился на площади, а делегация полка вошла на заседание Совета и сообщила, что полк получил приказ в трехдневный срок выступить на фронт. Срочный вызов полка,—по предыдущим распоряжениям полк еще месяц должен был находиться на отдыхе,—они рассматривают, как контр-революционный шаг комиссара Врем. Правительства, так как ему известно, что полк поддержит Винницкий Совет Раб., Кр. и Солд. Депутатов — а потому полк постановил стать на охрану Совета, без его распоряжения не выступать на фронт и ни одного человека не давать. После выступлений членов Исполкома и горячих речей рядовых солдат из полка, 15-й полк в полном порядке с пением «Интернационала» и криками: «Да здравствует власть Советов!» прошел по главным улицам города в свои казармы.

Приказ 15-му полку выступить на фронт вызвал громадное возбуждение во всех воинских частях. В казармах спали не раздеваясь, выставляя свои ночные дозоры, по собственной инициативе установили наблюдение за оружейными складами Юго-Западного фронта, — хотя караул был свой, но опасения неожиданного ночного налета и разоружения караула вызывали особые меры предосторожности. Напряженное настроение усиливалось ползущими откуда-то слухами о продвижении юнкеров из Киева и «батальонов смерти» с фронта.

Партийный Комитет большевиков начали осаждать делегаты от целого ряда частей с требованием усилить караул у оружейных складов и заменить караул в городе «своими надежными людьми». На заседании Партийного Комитета с фракцией большевиков Исполкома и ответственных представителей от авиопарка (одна из крупнейших и высокосознательных военных организаций) решено было на 15 октября созвать закрытое собрание ответственных делегатов военных и рабочих организаций для обсуждения плана действий и выборов Ревкома.

В назначенный час — 15 октября — в одной из зал в здании Совета открыли заседание делегатов, фракции Исполкома большевиков и комитета большевиков. Пропускали со строгим контролем и только участников собрания. После горячих дебатов, развернувшихся вокруг предложения некоторых делегатов немедленно снять всех комиссаров Вр. Правительства и установить власть Винницкого Совета Р., К. и С. Депутатов, приняли решение: 1) Открытое выступление сдерживать до Всероссийского С'езда Советов, сейчас же избрать Ревком, утверждение которого провести через Исполком и Совет, и ни одно серьезное решение не проводить

в жизнь без санкции Ревкома; 2) удержать отправку 15-го полка на фронт под видом расследования причин, заставляющих полк отказываться от выполнения боевого приказа; 3) усилить караул у оружейных складов Юго-Западного фронта и не выдавать оружия без разрешения Ревкома; 4) поставить свои скрытые дозоры на вокзале и 5) зорко следить за подходами к Виннице, под видом учебных полетов аэропланов, чтобы во-время предупредить о продвижении войск. Все решения принимались единогласно. Ревком избрали из 7-ми человек.

На утро 16-го Ревком делегировал своего представителя в полковой комитет 15-го полка, где, по предложению члена Ревкома, было выработано от имени полкового комитета донесение по начальству о материальном состоянии полка и перечислен ряд требований, без удовлетворения которых выступление на фронт считалось невозможным.

Президиум Ревкома ультимативно предложил президиуму Исполкома [1]) внести на сегодняшнем заседании Исполкома, с краткой информацией от своего имени, утверждение Ревкома.

Комичную фигуру представлял председатель Совета (с.-р.), внося это решение «президиума» на утверждение Исполкома. Связанный ультимативным требованием, чувствуя на себе взгляды членов Ревкома, он дрожащим голосом, путаясь и останавливаясь, сообщил так, как это ему было продиктовано, о выборах Ревкома и, не отвечая на вопросы своих единомышленников, поставил утверждение Ревкома на голосование. Перед голосованием создалось крайне напряженное настроение, — Исполком заседал рядом с залой, где уже собрался пленум Совета, большинство Исполкома хорошо учитывало, что в новом составе Совета они поддержки не найдут и, хоть и очень неохотно, но утвердили Ревком. В тот же день Совет Раб. К. и С. Деп. единогласно утвердил избранный Ревком, как высший советский орган, без санкции которого ни одно распоряжение Исполкома, городских и военных властей не может быть проведено в жизнь.

В ту же ночь на 17-е, часа в 2, в Ревком сообщили, что прибыл на вокзал комиссар Юго-Западного фронта (правый с.-р.) с небольшим отрядом и броневиками и распорядился о немедленной погрузке всех находящихся на складе винтовок. На заявление караула, что он без разрешения Ревкома Совета Р., К. и С. Деп. ни одной винтовки выдать не может, комиссар ответил приказом снять караул и приступить к погрузке. Тотчас Ревком предложил комиссару прекратить погрузку и явиться в Ревком. Комиссару пришлось подчиниться силе, а она была на стороне Совета и Ревкома.

На утро, на об'единенном заседании президиумов Ревкома и Исполкома, комиссар фронта предложил: 1) Немедленно выдви-

[1]) В Исполкоме большинство было за с.-р., укр. с.-д. и меньшевиками. Исполком давно не переизбирался. Совет же имел большинство большевиков и беспартийных, поддерживавших большевиков.

нуть 15-й полк на фронт; 2) выдать оружие, ввиду крайне тяжелого положения на фронте и 3) арестовать Е. Бош, «вносящую смуту в войска». Ему ответили, что без согласия Совета эти требования выполнить не могут, и предложили обратиться с ними к Совету. После долгих отговорок комиссару пришлось принять это предложение.

Весть о приезде комиссара фронта с молниеносной быстротой разнеслась по всему городу, и с утра здание Совета переполнено было солдатами, старавшимися узнать, за чем прибыл комиссар. К 5 часам, открытию пленума Совета, зал заседания буквально осаждали желающие попасть на заседание. Но впускали только членов Совета и представителей от организаций, со строгой проверкой документов, так как опасались какой-либо провокационной выходки. Все до одного депутаты Совета явились к назначенному часу, и пленум Совета открыли в полном составе.

Первое слово предоставили комиссару фронта. Приветствие комиссара и его доклад о положении на фронте и призыв поддержать фронт и не задерживать отправку 15-го полка и выдачу винтовок — Совет выслушал в суровом молчании и без единого дружеского хлопка. Для ответа комиссару от имени Ревкома взял слово член президиума Исполкома и Ревкома, тов. Тарнагродский. Совет устроил ему овацию. Все предложения Ревкома, составленные в духе наказа, полученного при выборах его, пленум Совета встречал дружными, долго несмолкаемыми аплодисментами и резолюцию, предложенную Ревкомом, принял всеми голосами против 4-х. Голосовавшие против вызвали громадное возмущение, стали раздаваться крики: «Предатели!», требовали об'яснения «почему?». Комиссар незаметно исчез из зала заседания. Обнаружив его исчезновение, члены Совета потребовали его немедленного ареста, разоружения его отряда и немедленной смены всех комисаров Вр. Правительства в городе. Все требования без голосования были переданы Ревкому, и было принято решение ежедневно в 5 часов открывать пленум Совета.

В конце заседания председатель Совета сообщил о требовании комиссара арестовать члена Областного Совета Е. Бош, — тогда все делегаты сорвались со своих мест с грозным протестом: «Пусть попробует, дело будет иметь с нами». Пленум закрылся пением «Интернационала».

Сейчас же после пленума Совета состоялось заседание Ревкома, где обсуждалось предложение немедленного выступления, ввиду прибывших на вокзал юнкеров с броневиками и артиллерией на усиление отряда комиссара фронта. Победило предложение выждать. На другой день, 18-го октября, как только собрался пленум Совета, поступило донесение в Ревком, что прибывшие юнкера готовятся к выступлению, и броневики направляются к зданию Совета. Немедленно были вызваны к Совету два имеющихся броневика и дано было распоряжение всем частям о выступлении.

Пленум Совета открыл заседание, но подоспевшие броневики с юнкерами открыли огонь по зданию Совета. Заседание прервали и взялись за оружие. Начался ожесточенный бой на улице.

К вечеру оба наши броневика вышли из строя — один налетел на противника и погиб вместе с ним, другой был подбит, но численный перевес сил был на стороне революционных масс, и юнкера отступили... Получив ночью подкрепление, они с утра открыли артиллерийский огонь по городу и начали наступление со стороны вокзала. Революционные войска и рабочие повели правильное наступление со стороны города, начали спешно сооружать заграждения против броневиков и строить баррикады.

5 дней в Виннице велось правильное сражение; боровшиеся за власть Советов не имели броневиков и артиллерии, а юнкера засыпали снарядами город, но это им не мешало в своем воззвании к населению сообщать о зверствах советских войск, которые, не щадя население, разрушают снарядами город и «даже не пощадили ни в чем неповинных детей и, взяв на прицел гимназию, убили 60 крошек». Последнее уже было полным вымыслом. Снаряд юнкеров действительно попал в здание гимназии, но никаких детей там уже не было.

На 4-й день боя нашим пришлось отступить на окраину города и окопаться.

Жмеринка.

18 октября, в тот момент, когда Винницкий Совет отбил первый налет юнкеров, в Жмеринке меньшевики и соц.-революционеры открыли экстренное заседание Советов Р., К. и С. Д. с представителями общественных организаций и от имени Исполкомов внесли предложение организовать «Комитет спасения революции».

С докладом по предложению Исполкома выступил правый с.-р. Вся его 3-часовая речь заключалась в натравливании на большевиков. После доклада от Исполкома предоставили слово «делегатам фронта» — 3 казакам, здорово подвыпившим, зловеще помахивавшим во время выступления своими нагайками. Выступили они с погромными речами; первые ряды прерывали их речь дружными хлопками. С большим трудом, после долгих пререканий с президиумом, удалось получить слово для доклада от Областного Исполкома Сов. Р., К. и С. Депутатов. Но не прошло и 10 минут, как меньшевики и соц.-револ., при активной поддержке «делегатов фронта», сделали попытку сорвать доклад выкриками: «Большевиков здесь нет, слушать не желаем!», но получили решительный отпор со стороны задних рядов, сорвавшихся с мест и бросившихся к первым рядам с угрозой «вышвырнуть вон хулиганов». После этого уже в течение всей 2-часовой речи они не решались прерывать докладчика-большевика. Президиум, видя, что настроение большинства присутствующих создалось не в его пользу, поспешил закрыть заседание. Под громкие протесты большинства

собрания, президиум заявил, что, ввиду позднего времени, заседание переносится на завтра и голосования предложения об образовании «Комитета спасения революции» сегодня не будет. Президиум спешно покинул зал, потушили свет, и собрание с громкими ругательствами по адресу руководителей должно было разойтись. На другой день об'единенное заседание Совета устроили на вокзале в старых «царских покоях». Пропускали со строгим контролем и исключительно членов Совета и представителей общественных организаций. Зал I класса вокзала забит был рабочими и солдатами, желавшими пройти на заседание, но им решительно отказали, усилив караул при входе. Собравшиеся громко выражали свой протест по поводу недопущения в зал заседания. Раздавались крики: «Совет давно нужно разогнать, туда пролезла всякая сволочь, там нет представителей рабочих и солдат». Предлагали снять караул и силой войти в зал, ловили члена областкома и требовали «плюнуть» на этот Совет и открыть заседание в зале I класса, заявляя, что «здесь — действительные представители народа, а там — буржуи и кровопийцы трудящихся».

Заседавшие в «царских покоях» не проявили ни малейшего желания считаться с мнением и желанием присутствующих в зале; им хорошо было известно, что все укромные уголки вокруг вокзала заполнены верными Вр. Правительству войсками, и вокзал является великолепной ловушкой для собравшихся невооруженных рабочих и солдат. Но об этом знали не только они, но и организованные рабочие, которым удалось убедить собравшихся не вызывать столкновения и разойтись до более удобного момента.

Значительным большинством голосов об'един. заседание приняло резолюцию об организации «Комитета спасения революции» и приступило к составлению его.

Созданный «Комитет спасения революции» чувствовал себя довольно беспомощно. Опереться на железнодорожников, где у меньшевиков были довольно крупные организации, им не удалось, так как среди железнодорожных рабочих началось большое брожение, и большинство отказалось признать «Комитет спасения революции» своей организацией. На гарнизон и собранные войска тоже надежда была невелика. Хотя военные власти и крепко держали в своих руках гарнизон, но уверенности, что он их поддержит в решительный момент, у них ни у кого не было. Поэтому «Комитет спасения революции» никаких активных шагов не предпринимал, а Исполком Совета Солд. депутатов и комиссары Вр. Правительства только усилили собрания в гарнизоне, при этом принимали всяческие меры предосторожности, чтобы не проникли «посторонние» — таковыми считались большевики. Когда пришли сведения, что в Виннице восстание, начали ходить слухи, которых никак не удавалось проверить, будто броневой дивизион, находящийся в Жмеринке, отказался выехать в Винницу и заявил, что останется нейтральным и в вооруженной борьбе участия прини-

мать не будет, и часть гарнизона будто готова поддержать железнодорожных рабочих, если они выступят. Невооруженные рабочие, не имея определенной поддержки в войсках, не чувствовали себя достаточно сильными для выступления. Создалось общее выжидательное настроение.

2-й гвардейский корпус.

Числа 20 — 21-го прибыл в Жмеринку посланный от Винницкого Ревкома к члену Областного Исполкома Советов с сообщением, что нашим войскам пришлось отступить на окраину города и окопаться и что Ревком требует срочно выдвинуть артиллерию. Не теряя времени, мы, прямо с вокзала, взяли извозчика и отправились в село, за 18 верст от Жмеринки, где по наведенным справкам «кажется, стоит» артиллерия 2-го гвардейского корпуса. Поехали, как говорил мой спутник, «на ура».

Приехали вечерком и остановились у первой хаты, при в'езде в село. Хозяйка, вдова-солдатка, немного косилась на нас, но все же согласилась дать ночлег. Из разговоров с ней узнали, что в селе стоит артиллерийская бригада 2-го гвардейского корпуса и «солдатик» из бригадного комитета берет у нее молоко и скоро должен притти. Видим, что приехали не напрасно, хотя и «на ура» — войска есть, а остальное уже за нами.

Скоро пришел обещанный комитетчик, потребовал мандаты, потолковали и узнали, что весь корпус расположен в ближайших селах, имеет 60 тысяч хорошо вооруженных солдат, что у них «верховодят» соц.-революционеры, которые засели в комитетах, что солдаты им не доверяют, что о большевиках слышали и многие им сочувствуют, но к ним в корпус большевики не приезжали. Попросили нашего «солдатика» привести к нам секретаря бригадного комитета, который, по его словам, сочувствует большевикам.

Через ½ часа пришел секретарь еще с одним комитетчиком (рядовые солдаты), спросил какой партии, внимательно просмотрел мандаты и заявил, что сочувствует большевикам, но собрать комитет сейчас будет трудно, так как офицеры, входящие в бригадный комитет, будут отговариваться поздним временем —было уже больше 10 час. веч. Ушли... Ждем... И не скажу, чтоб спокойно. Наконец, в 11½ час. пришел один из бывших у нас солдат и сообщил, что офицеры против собрания бригадного комитета, но солдаты-комитетчики заявили, что собрание комитета они созывают без согласия офицеров, входящих в комитет, и просят нас сейчас притти. Идем... Темно так, что собственной руки не увидишь, а тут еще грязь невылазная и дождь льет «как из ведра». Спешим, чтоб не заставить себя долго ждать, идем огородами, перелезаем через заборы, где нас встречают бешеным лаем взбудораженные псы, и буквально тонем в липких, холодных лужах. Наконец входим в желанную избу.

Весь бригадный комитет в сборе, солдаты встречают дружелюбно, выжидательно, офицеры сдержанно-беспокойно, всем своим видом стараясь показать, что они, собственно, в стороне. Сейчас же открывают заседание. Говорим, что, по поручению Областного Исполкома, об'езжаем войска с целью информации — о действительной цели молчим, откладывая до общего собрания.

После небольшой беседы, председатель собрания (солдат) предлагает на завтра на 9 час. утра созвать собрание всей бригады, указывает при этом, что собрания начальником разрешены и что «люди» уже знают о приезде представителей Областного Совета и, если комитет не согласится созвать бригаду, будут волноваться, и комитету тогда «не сдобровать». На 10 часов утра следующего дня назначили собрание всей бригады, — голосовали только солдаты, офицеры воздерживались. Возвращаемся домой в сопровождении 4-х комитетчиков-солдат и дружно беседуем. У ворот нашей избы секретарь комитета шопотом сообщает нам, что они решили поставить на ночь караул у нашей избы, «чтобы чего не устроили золотопогонники; мы предложили им действовать так, как они считают нужным. В избе застали «солдатика», суетливо хлопотавшего с хозяйкой у ярко пылавшей печи над приготовлением нам ужина. Почувствовали себя в родной среде, и беседа затянулась до вторых петухов.

На утро, ровно в установленный час, пришли за нами посланные от комитета, и мы отправились на собрание. Туман, моросит холодный дождик, но площадь тесно заполнена серыми шинелями. Слышны добродушные замечания: «послухаем, послухаем, шо нам баба скажет». Взбираемся на фургон, который служит нам трибуной, осматриваем собравшихся и видим по их суровым лицам, что ждут они от нас не митинговой речи, а чего-то другого.

Первую половину доклада, носившую характер сухого, делового доклада — о политике Вр. Правительства, позиции различных партий в Советах и требованиях большевиков, — выслушивают в полном молчании, но с громадным интересом, вторую — сообщение о подготовительной работе Вр. Правительства и всех партий к Всероссийскому С'езду Советов — прерывают негодующими восклицаниями, конец доклада — призыв не оставаться пассивными и итти на поддержку рабочих и крестьян, борющихся за власть Советов — покрывают дружными хлопками.

После доклада берет слово винницкий солдат (беспартийный) и простыми словами и глубоко взволнованным голосом сообщает о боях в Виннице и заканчивает просьбой: «Братики, поддержите нас, не допустите, чтоб нас расстреливали юнкера и офицеры, ведь мы восстали за трудовой народ». По мере того, как он говорил, с трудом подыскивая нужные слова, лица слушателей загорались безумной ненавистью, невольно поднимались сжатые кулаки и вырывались негодующие восклицания: «мы не предатели», «своих не оставим», «покажем офицерской сволочи, кто сила».

После его выступления собрание решительно потребовало больше никому слова не давать и избрать тройку для организации выступления,—«не время митинговать, своих слышали уже не раз, собирайтесь, ребята, теперь нужно действовать»—раздавалось со всех концов густо заполненной площади.

Представитель одной из батарей потребовал слова для заявления и сообщил, что их батарея решила остаться нейтральной. Это сообщение не только не внесло колебаний, но как бы теснее сплотило остальных и только тверже укрепило в принятом решении. Раздавались ответные слова: «ваше дело», «слушайте золотопогонников, они же вас скоро к стенке поставят», «предаете своего брата», «эх, ребятушки, пожалеете!».

Дружно избрали трех человек, чтобы руководили сборами, а нас послали в ближайшее село, чтобы выдвинуть пехоту, наказывая нам: «Расскажите им, товарищи: народ темный. Постарайтесь, товарищи, а то мы без пехоты ничто, голыми руками нас возьмут».

Все собрание дружно, как один человек, принялось за подготовку выступления. И не успели мы столковаться с избранной тройкой насчет об'езда частей корпуса, созыва Революционного Военного Совета из представителей всех частей корпуса и выработать директивы для тов. большевика, работавшего в корпусном комитете, как уже двуколка и верховые были готовы. И не прошло и получаса после закрытия собрания бригады, как мы выехали в следующее село, расположенное в 15 верстах.

Часть верховых выехала вперед, чтобы «собрать людей», и к нашему приезду весь полк уже был на церковной площади. Говорим, подстегиваемые опасениями, «а что, если откажутся выступить». Но чувствуем, как постепенно всех собравшихся спаивает единая мысль, единое желание. Представителю полкового комитета говорить не дали и встретили недоброжелательными возгласами: «Слушали уже вас, довольно голову морочить». По предложению делегатов из бригады, полк принял решение — по первому извещению выступить вместе с бригадой, а сейчас готовиться.

Мы поспешили в следующее село, за 12 верст, где, по информации бригадной тройки, нам предстояла самая трудная работа. Полковой комитет, сплошь соц.-революционеры, был уже предупрежден своими единомышленниками о нашем приезде, и комитет встретил нас решительным заявлением, что собрания полка не допустит. Тогда мы оставили одного товарища для уговоров комитета, а верховые рассыпались по селу и, под'езжая к каждой избе, вызывали солдат: «Эй, братухи, на площадь собирайтесь, да живей, привезли вам важные сведения». Через полчаса весь полк был уже на площади. Но собравшиеся с тревогой осматривались по сторонам, и когда, уже вначале нашего доклада, галопом прискакал член полкового комитета — офицер (правый с.-р.), солдаты услужливо взяли его лошадь и во время нашего доклада и его выступления держали ее под уздцы.

Вначале настроение собравшихся было пассивное. Присутствовали как бы из любопытства, «что выйдет».

Но после ответной речи представителю полкового комитета, в которой мы не пожалели красок, чтобы нарисовать картину деятельности партии с.-р., настроение собравшихся резко изменилось, стали раздаваться язвительные замечания по адресу державших под уздцы лошадь, а второе выступление с.-р. встретили уже явно враждебно: «Ну-ка, что скажешь в свое оправдание?». Речь его прерывали злым смехом и возгласами: «выкручивайся», «получил», «довольно», и в тот момент, когда он сошел с трибуны и направился к своей лошади, державшие пустили лошадь, вытянув ее нагайкой, и, под громкие улюлюканья, сконфуженный и побледневший от бешенства поручик молча поплелся за ускакавшей без седока лошадью. На предложение поддержать рабочих и крестьян, борющихся за власть Советов, и выступить вместе с бригадой, собрание ответило: «Мы не предатели, если идет наша бригада, мы пойдем вместе с ней». Избрали представителя в бригаду и тройку для подготовки полка к выступлению.

К ночи вернулись в бригаду и от посланных в другие части корпуса узнали, что и там ответ один — выступать немедленно. На другой день — об'езды новых частей, и вечером заседание Военного Совета, из делегатов всех частей корпуса.

В назначенный час, 10 час. вечера, сельская школа в одном из больших сел была забита делегатами корпуса. Установили строжайший контроль входящих — «чтобы доносчик не проник». Присутствовало 60 делегатов, из них только 2 члена партии большевиков, 3 сочувствующих, остальные беспартийные, но сторонники Советской власти, и все народ солидный, молодых солдат совсем не видно. Открыли заседание Военного Совета 2-го гвард. корпуса, и доклад о необходимости выступления собрание приняло как дело решенное и перешло сразу к детальному обсуждению плана выступления. Ни единого агитационного выступления, а сухое деловое обсуждение. Никаких колебаний. Единогласно приняли план и решение на другой день в 9 час. утра выступить по трем направлениям — Винница, Жмеринка—Киев, Бары, соблюдая при этом до последней минуты строжайшую конспирацию от офицеров. В присутствовавших не только не чувствалась нервозность или страх, но ярко выявлялась решимость и полное сознание взятой на себя громадной ответственности. Большие споры вызвал только вопрос об отношении к командному составу; вначале казалось, что не преодолеть нам той ненависти солдата к офицеру, которая жила в каждом делегате. Одно за другим вносились предложения о переводе офицеров на конюшню для чистки и уборки лошадей и даже о полном их уничтожении. В каждом выступающем чувствовалось желание отомстить за все перенесенные унижения. Только после основательного критического разбора вносимых предложений, очень неохотно, но единогласно, приняли предложение рассматри-

вать командный состав, как технических инструкторов, которые, если не сейчас, то в дальнейшем, могут быть полезны нам своими знаниями, поэтому не чинить над ними никаких насилий, а предложить им, в последний момент, выступить вместе со всеми частями, под начальством комиссара; тем же, которые откажутся, предложить сдать оружие и оставить на квартирах под домашним арестом. Военный Совет избрал Революционный Комитет 2-го гвардейского корпуса из 9 человек, на который возложили руководство выступлением и всей жизнью корпуса, а делегатам дали полномочия комиссаров в их частях и возложили ответственность за точное и своевременное выступление и выполнение всех предписаний Воен.-Рев. Комитета. В 5 час. утра закрыли заседание, и делегаты поспешили в свои части, так как в 9 час. войска должны были выступить из своих сел и к 11 час. встретиться на условленном пункте.

Ровно в 11 час. мы были на условленном пункте встречи войск. Глухо доносились орудийные выстрелы из Бар, где началось восстание. На пригорках уже стояли, точно вкопанные, верховые, зорко обозревая местность. По дороге длинной лентой тяжело двигалась артиллерия. Справа и слева показались стройные ряды пехоты, из-за леска вышла кавалерия. Войско подходило в полной боевой готовности, охватывая кольцом в центре движущуюся артиллерию. Ни малейших признаков суеты, глубокое знание своего дела и сурово-точное выполнение возложенной задачи. К нам под'ехал комиссар и сообщил, что все намеченные части выступили в полном составе, а Кексгольмский полк — со всем командным составом, во главе со своим командиром (командный состав остальных частей сдал оружие и находится под домашним арестом), разведчики высланы, и припасы взяты на неделю. «Все предусмотрено, и надеемся, — закончил он, — в точности выполнить возложенные на нас обязанности».

Увидев собственными глазами начало выполнения принятого плана, мы были уверены в блестящем выполнении его. И не ошиблись.

Вечером того же дня артиллерийская бригада и Кексгольмский и Волынский полки вошли, с развевающимися знаменами: «Вся власть Советам» и оркестром, в Жмеринку, без единого выстрела заняли вокзал, сменили в городе караул, прекратили движение эшелонов — с войсками Вр. Правительства — на Москву, погрузили пехоту на Киев, артиллерию — на Винницу. Железнодорожные рабочие встретили войска за городом и оказывали всяческую поддержку, гарнизон присоединился, как только войска вошли в город.

Не успели части корпуса проехать и полпути, как юнкера бежали из Винницы и Киева, в Барах и Проскурове бои прекратились. В остальных городах и по всей Украине борьба за власть Советов прошла почти без вооруженных столкновений.

Не могу не упомянуть о полковом командире Кексгольмского полка, который оказал нам своим опытом и знаниями неоценимую услугу. Крайне сожалею, что не могу восстановить его имени. Заслуженный воин, с тяжелыми увечиями на империалистском фронте и не менее тяжелыми последствиями годичного немецкого плена, он, выслушав предписание Военного Совета, заявил: «я против народа не пойду и, после некоторого раздумья, обратился к комиссару с просьбой разрешить ему, в его присутствии, поговорить с офицерами. Разговор был краток и заключался в том, что он предложил «своим молодым товарищам не противиться воле народа и беспрекословно исполнить решение Военного Совета».

Офицеры приняли его совет. Его выступление вместе с полком имело громадное значение, не только для полка, где он пользовался громадным авторитетом, но имело влияние на командный состав гвардейского корпуса, который не только не устраивал нам пакостей, но в дальнейшем оказывал всемерное содействие в снабжении и материальном обслуживании корпуса. В Жмеринке командир Кексгольмского полка принимал деятельное участие в работах Воен.-Револ. Комитета, и мы не раз пользовались его весьма ценными советами.

6. Первый Всеукраинский С'езд Советов Р., К. и С. Депутатов.

Ко дню открытия Всеукр. С'езда Советов Ц. Рада почувствовала себя достаточно сильной, чтобы выступить против Советов. Все революционные войска и часть Красной Гвардии были ею разоружены, а под видом национальных войск в Киев стянуты большие силы с различных фронтов. Вновь прибывающие части находились под влиянием войсковых рад. Размещая в Киеве войска, Ц. Рада всячески их изолировала от старых частей, и проникнуть к ним в казармы почти не представлялось возможным. Находились они на привилегированном положении,—старыми запасами снабжали их прекрасно, было не только продовольствие, но и регулярно выдавали спирт. Их информировали о политическом положении только комиссары Ц. Рады и мелко-буржуазные партии, перекрасившиеся после Октябрьского переворота в национальный цвет.

К 3 декабря (ст. ст.) в Киев прибыли делегаты Ц. Рады, около 1000 человек. Громадное большинство делегатов, приехавших на с'езд Ц. Рады, были представители войсковых рад. О настроении их и отношении к Советской власти лучше всего скажут следующие телеграммы, посылавшиеся войсковыми радами в Ставку на имя тов. Крыленко [1]):

«Гражданин Крыленко, от имени воинов-украинцев 12 армии отвечаю на вашу телеграмму (Воззвание к украинскому народу от 1 декабря). Прежде всего мы удивлены, как вы осмелились взять на себя

[1]) С сохранившихся подлинников телеграмм.

смелость обратиться к народу, который имеет свою Республику, свой парламент, к народу, который исполняет предписания этого выбранного нами парламента и который не признает вас, как своего начальника. Гражданин Крыленко, вы забыли, что́ такое самоопределение, вы забыли, что́ такое воля народа, вы забыли, что́ такое свобода. Вы говорите, что русский народ, которого вы представляете, никогда не притеснял с начала революции украинский народ. Вы говорите, что цель его была освободить этот народ. Гражданин Крыленко, известно ли вам, что в 12 армии ваши войска не дают украинцам выделиться в свои полки, известно ли вам, что в 49 корпусе украинцев ваши войска уже начинают бить за выделение. Я спрашиваю вас, есть ли это ваша борьба и борьба народа за свободу Украины? Вы говорите, что вам приходится бороться с буржуазной Украинской Радой; известно ли вам, что за последние дни все рабочие, крестьяне и солдаты всех армий выразили доверие Ц. Раде и заявили, что будут защищать ее от вашего насильственного вмешательства. Гражданин Крыленко, считаетесь ли вы с сим заявлением рабочих, крестьян и солдат Украины? Известно ли вам, что Ц. Рада есть однородный социалистический парламент Украины, выделенный из с'ездов, известно ли вам, что она есть продукт Советов, или вы хотите, чтобы Рада состояла из одних русских большевиков? Гражданин Крыленко, согласны ли вы с тем, что в самоопределившуюся нацию вы не имеете права вмешиваться, и не в вашей власти обещать самоопределять Украину, ибо народ не самоопределяют, а он сам самоопределяется. Вы говорите, что Украина пропустила войска на Дон. Известно ли вам, что они грабили и разоряли страну? Вы хотите, чтобы это разорение продолжалось, вы хотите гражданской войны на Украине. Вы говорите, что перед вами стоит враг-немец, что Ц. Рада оголяет северный фронт, а вы задерживаете эшелоны около Режицы, Витебска. Гражданин Крыленко, или вы потеряли надежду на заключение мира и хотите, чтобы украинцы одни воевали с немцами? Почему вы не говорите русским солдатам, что перед вами стоят полчища немцев? Гражданин Крыленко, с вами строить Украинскую Республику мы не можем, мы сами ее устроим. Вы говорите о свободе, гражданин Крыленко, где она? Где свобода слова, печати, где выбранные органы всем народом? Укажите нам, мы не видим, не слышим, где заседает Учредительное Собрание, где принимаете вы [депутатов] кандидатов этого образования [собрания]. Вам ли говорить о воле народа, когда вы разгоняете посланных им? Гражданин Крыленко, вы хотите итти на нас, так помните, что мы, украинцы, пойдем на вас. Как председатель национального блока армий сообщаю для сведения, что блок армий в составе наций: украинской, эстонской, польской, латышской, еврейской, мусульманской, белорусской и литовской не признал для себя власть Народных Комиссаров, за исключением вопроса о внешнем враге, а признает лишь свои центральные институции. Председатель украинской рады 12 армии И. Лискун».—Помеч. 3/XII, 1917 г.

Следующая телеграмма от 5-й армии:

«Гражданин Крыленко, ваше лицемерное воззвание к украинскому народу вызывает чувство возмущения среди украинцев 5-й армии, требуем от вас, как члена власти, добросовестного обращения с фактами, даже на высоком посту вы не должны забывать, что есть правда и совесть. Вы говорите, что руководители Рады буржуазны, но не указали имен, потому что сами уверены в неправдивости своего заявления. Вы обещаете украинцам свободу и самоопределение и в то же время посылаете гренадерский корпус, чтобы он определил нас. Мы должны заявить вам: уберите руки от нашей молодой республики, мы сами знаем, кого ставим у власти, и, если нужно, будем

сами перевыбирать Ц. Раду. Ц. Рада и весь трудовой народ Украины будут бороться с буржуазией совместно с русским трудовым пародом, но не совместно с вами, потому что вы натравливаете народ на народ. Мы требуем от вас невмешательства во внутреннио дела Украины, мы требуем увода гренад. корпуса [1]), который громит Украину, на северный фронт, на замсну украинских частей. Ваша попытка разгона Ц. Рады встретит отпор украинцев. Мы заявляем вам: довольно травли украинцев, довольно проливать кровь трудящихся масс, вы захлебнетесь в этой крови.—Председатель украинской рады 5-й армии Побиленский. Писарь Чернуха».

Далее телеграмма рад 10-го армейского корпуса:

«Узнав о намерении Крыленко владычествовать в украинском войске и имея в виду, что он признан только частью великорусского народа, соединенное заседание украинских рад 10-го армейского корпуса постановило: считать приказы Крыленко для украинского войска, в том числе и для 10-го корпуса, ненужными и необязательными, призывает украинцев и братьев остальных национальностей к спокойствию, просит сохранить порядок и чутко прислушиваться к голосу своей наивысшей, единственной и ответственной власти — Украинской Ц. Рады и ее Генерального Секретариата. Кто действительно сын украинского народа, кому дорога добытая свобода, — тот должен слушаться только своего Республиканского Правительства, а кто будет выполнять приказы Крыленко, тот враг, изменник украинского народа...—Председатель Революционного Комитета 9-й армии Таненн-Бугай. Секретарь Степанов».

Открытие первого с'езда Советов Украины перенесено было с 3 на 5 декабря (ст. ст.). Ц. Рада не открывала своего с'езда, назначенного ею тоже на 3 декабря, а с утра 4 декабря начала направлять своих делегатов войсковых рад и кулацких спилок, группами в 20—30 человек, вооруженных и выпивших, в мандатную комиссию Областного Исполкома Советов за получением решающего голоса на с'езд Советов. На отказ мандатной комиссии первая группа ответила дикой руганью, отказалась оставить помещение и, когда подошли следующие группы делегатов Рады, они устроили разгром комнат, поломали столы, вырвали печать и билеты и начали сами себе выдавать мандаты на с'езд Советов.

Вооруженной силы, которая смогла бы прекратить это хулиганство, у Киевского Совета Рабочих Депутатов уже не было,—Совет Солдатских Депутатов совершенно стушевался и никак себя не выявлял.

В день открытия с'езда Советов (5 декабря вечером) руководители Ц. Рады направили всех своих делегатов в зал бывшего Купеческого Собрания, где назначено было заседание с'езда Советов, и, не взирая на протесты мандатной комиссии и караула, делегаты

[1]) Ц. Рада вела травлю против революционн. войск, под видом русских частей. Гренадерск. корпус — это 2-й гвард. корпус — в громадном большинстве состоял из украинцев, но так как он в октябрьские дни выступил на поддержку Советов, и у Ц. Рады были большие опасения, что и в дальнейшей борьбе против Ц. Рады он в полном составе может выступить за власть Советов, то Ц. Рада всячески старалась снять этот корпус с Украины.

Ц. Рады, без проверки мандатов, стали проходить в зал и занимать места.

Для всех было очевидным, по тому нетерпению и требовательным крикам об открытии заседания с'езда, какие раздавались со стороны делегатов Ц. Рады, до крайности возбужденных, явившихся с оружием у пояса и сильно выпивших, что они получили соответствующие инструкции и ждут только сигнала для действий.

Открыть заседание с'езда Советов, при такой аудитории, не представлялось возможным. Но и отложить или перенести заседание, при существовавшем настроении делегатов Ц. Рады, это значило не учесть провокационной уловки Винниченко и Грушевского и дать им повод, под видом возмущения большинства делегатов действиями организаторов с'езда, устроить расправу с большевиками и действительными представителями Советов и самим выйти чистыми и невинными из кровавой расправы.

На совещании президиума Краевого Парткомитета, Киевского Комитета и президиума Областного Исполкома, экстренно устроенного тут же в Купеческом Собрании, приняли решение — открыть частное совещание делегатов с'езда Советов, другими словами, по существу, провести митинг и постараться воздействовать на делегатов Ц. Рады и, если удастся, отколоть лучшую часть. Председателю организационного бюро по созыву с'езда Советов (б-ков) поручено было выступить первым, с информационным докладом по вопросу о созыве с'езда Советов Украины и в конце речи сообщить, что сегодня открывается частное совещание.

Но с первых же слов докладчика прервали криками: «Долой», «Просим представителей Ц. Рады открыть заседание с'езда». У трибуны появилась группа гайдамаков, угрожающе размахивающих кулаками и кричащих: «Давайте нам эту сволочь, мы им покажем, как кровью заливать Украину!».В то же время за столом президиума стали занимать места руководители Ц. Р., с еле сдерживаемой, торжествующей улыбкой.

Но товарищ не растерялся и бросил представителям Ц. Р.: «Посмотрим, как вы будете учинять самосуд над безоружными представителями рабочих и крестьян», и сделал шаг вперед к бесновавшимся гайдамакам.

Мгновенно водворилось гробовое молчание. Занявшие место в президиуме поколебались и движением руки успокоили «законный гнев народа».

Это был решающий момент. Ц. Рада не решалась провести заранее намеченного плана. Крикуны умолкли и дальше почти не прерывали.

После сообщения о том, что сегодня не будет открытия с'езда, а только совещание, раздались голоса: «Просим говорить представителя Ц. Рады». Тогда Порш — один из активных политиков Ц. Рады — предложил перерыв, чтобы сговориться с представителями Областного Исполкома. С этого момента руководство с'ездом

Советов перешло полностью к Партийному Краевому Комитету. Никто из членов Комитета не придавал никакого значения этим переговорам, но выделили своих представителей только для того, чтобы избежать повода для конфликта на этом заседании.

Предложение Ц. Рады сводилось к следующему: открыть с'езд вместе и ввести в президиум двух представителей от Областного Исполкома. При переговорах представители Ц. Рады не могли сдерживать своего торжества и нагло заявляли: «Вы должны принять наше предложение — сила на нашей стороне». Это предложение нашими представителями было отвергнуто. Сговорились только на том, что сегодня открываем совещание, и на этом прервали всякие переговоры,—но это не было совещание делегатов с'езда, а митинг, к тому же самый хаотичный и дезорганизованный.

На экстренном заседании 5-го декабря Краевого и Киевского Парткомитета решено было: 1) в виду того, что киевский пролетариат и революционные войска разоружены и не в силах оказать вооруженного сопротивления, а для продвижения сил из провинции потребуется время, избегать вооруженных столкновений с Ц. Радой и при открытии с'езда Советов, назначенного на другой день в Большом театре, если Ц. Рада повторит срыв и об'явит открытие с'езда Советов селянских и войсковых рад, выступить со своей декларацией и призвать делегатов Советов покинуть заседание и 2) назначить совещание делегатов с'езда, по возможности избегая огласки, в Доме союзов, на котором предложить перенести с'езд в другой город—Полтаву или Харьков. Несмотря на срыв первого заседания с'езда, киевские товарищи все еще надеялись, что Ц. Рада на разгон с'езда Советов не пойдет, и возражали против предложения перенести заседание с'езда в другой город. Среди киевлян было настроение пойти на коалицию с Ц. Радой, подчиняясь временно вооруженной силе Ц. Рады в Киеве. Но 6 декабря было днем, положившим конец всяким колебаниям в Киевском Комитете и уничтожившим всякие надежды на возможность сговоров с Ц. Радой— Ц. Рада открыла свои карты.

С утра 6 декабря всю Театральную площадь оцепила конная охрана, и все входы и выходы в театре заняли войска Ц. Рады. У главного входа, куда пропускали делегатов с'езда, Ц. Рада установила свой контроль мандатов, в зале—своих распорядителей, указывающих места прибывающим—не скажу делегатам, так как в ложе заседали представители Гос. Думы и военные. Все руководство взяла в свои руки Ц. Рада. Получилось, что мы являемся частью с'езда, организуемого Ц. Радой. Все ложи и все места сверху до низу были заполнены. У стола президиума заняли места Грушевский, Винниченко, Порш, Петлюра и другие руководители Ц. Рады. Поднялся Порш, призвал собрание к порядку и заявил, что перед открытием «заседания» предоставляется слово Петлюре для экстренного заявления.

После 10-минутной вступительной речи, содержание которой сводилось к агитации за самостоятельную Украинскую Народную Республику, где единственной властью является Ц. Рада и ее Генеральный Секретариат, во внутренние дела которой никто не имеет права вмешиваться, он указал собранию на бумажку, которую держал в руке, и сообщил: «Но Сов. Нар. Комиссаров не хочет признать независимость Украины и об'являет нам войну, вот эта телеграмма». Он, не читая телеграммы, продолжал: «Москали устроили у себя беспорядки, их народ сидит без хлеба, грабежи и убийства господствуют у них по всей стране, так они то же хотят устроить и у нас, хотят нашим хлебом воспользоваться. Мы не хотим войны, но мы не можем допустить насилий над украинским народом—везите хлеб к нам и все, как один, поднимайтесь на борьбу с москалями».

Сообщение об об'явлении войны Украине для всех нас было неожиданностью, телеграммы Совета Народных Комиссаров у нас не было. Наше требование огласить телеграмму Совета Народных Комиссаров Порш отклонил обращением к собранию: «Нужно ли читать, разве вы не доверяете своим представителям, вашей Центральной Раде?», на что раздались услужливые голоса: «Доверяем, читать не нужно». После выступления Петлюры, Порш об'явил открытие I Всеукраинского С'езда Советов, селянских и войсковых рад. Наш представитель получил слово для заявления и после прочтения декларации предложил делегатам с'езда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов перейти в другое помещение. Все делегаты Советов поднялись и, под крики остающихся: «Долой москалей с Украины», покинули театр. Центральная Рада в своей агитации и травле Советов утверждала, что в них только великороссы, а украинцев нет.

Ушедшая часть с'езда собралась в Доме союзов. Устроили перекличку—выяснилось, что присутствовали делегаты всех Советов Украины: левые с.-р. и украинские с.-д., делегаты Советов, ушли с петлюровского с'езда вместе со всеми нами, большевиками и беспартийными. Открыли совещание и поставили на предварительное обсуждение два вопроса: отношение к Центральной Раде и организация Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Единогласно приняли решение о беспощадной борьбе с Центральной Радой и немедленном выборе Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Тов. Артем, по предложению Краевого Парткомитета перенести работы с'езда в другой город, от имени Областного Комитета Донецко-Криворожской Области предложил переехать в Харьков, в пролетарский центр Украины, где рабочие прекрасно вооружены и смогут оказать сопротивление Центральной Раде; это предложение было принято, и решено было на другой день всем делегатам выехать в Харьков. К концу совещания пришла группа крестьянских представителей от селянских спилок с петлюровского с'езда с заявлением, что они решили порвать с Центральной Радой, будут поддерживать Советы и просят

разрешить им присутствовать на с'езде Советов. Делегаты с'езда горячо приветствовали их решение и постановили предоставить им совещательный голос на с'езде Советов Украины.

7 декабря все делегаты с'езда и члены Краевого Парткомитета выехали в Харьков. Но перед от'ездом нам удалось получить текст телеграммы Совета Народных Комиссаров и ответ Центральной Рады.

ТЕЛЕГРАММА СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЕ ОТ 5/XII 1917 ГОДА [1]).

«Исходя из интересов единства и братства союза рабочих и трудящихся и эксплоатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии — Советов и, особенно, II Всероссийского С'езда Советов, социалистическое правительство России — Совет Народных Комиссаров — еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России. Посему мы, Совет Народных Комиссаров, признаем Народную Украинскую Республику, ее право совершенно отделиться от России, или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними. Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же без ограничений и безусловно. Против финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага, в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих входить в состав Российской Республики. Мы обвиняем Центральную Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине; между прочим, Рада отказывается созвать по требованию Советов Украины с'езд украинских Советов немедленно. Эта двусмысленная политика, лишающая нас возможности признать Центральную Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплоатируемых масс Украинской Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения. Такими шагами явились: во-первых — дезорганизация фронта. Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая таким образом единый — общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих Республик; во-вторых — Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине; в-третьих — Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти, ссылаясь, заведомо ложно, на автономные, будто бы, права Дона и Кубани, прикрывая этим калединские контр-революционные выступления, идущие в разрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества. Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропускать войска против Каледина. Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и Советской власти, врагов трудящейся и эксплоа-

[1]) Привожу полностью с подлинника телеграфной ленты.

тируемой массы, кадетов и калединцев, Рада вынудила бы нас об'явить, без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным и безоговорочным органом высшей государственной власти — независимой буржуазной Республики Украинской. В настоящее же время, ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде, перед лицом народов Украинской и Российской Республик, следующие вопросы: 1) обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта; 2) обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия верховного главнокомандующего никаких воинских частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места; 3) обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контр-революционным, кадетско-калединским восстанием; 4) обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной Гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято. В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине. Совет Народных Комиссаров».

Ответная телеграмма Центральной Рады от 5 декабря:

«В ответ на декларацию Совета Народных Комиссаров Великороссии Генеральный Секретариат в заявлении Народных Комиссаров о признании ими Украинской Республики усматривает неискренность, либо противоречие самим себе. Нельзя одновременно признавать право на самоопределение, вплоть до отделения, в то же время грубо покушаться на это право навязыванием своих форм политического устройства самоопределившемуся государству, как это делает Совет Народных Комиссаров Великороссии по отношению к народной Украинской Республике. Генеральный Секретариат решительно отвергает всякие попытки вмешательства Народных Комиссаров в дело устроения государственной и политической жизни в народной Украинской Республике. Претензии Народных Комиссаров на руководительство украинской демократией тем менее могут иметь какое-либо оправдание, что навязываемые Украине формы политического правления дали на территории самих Народных Комиссаров результаты, отнюдь не вызывающие зависти. Пока в Великороссии развиваются анархия, экономический, политический и хозяйственный развал, пока там царят грубый произвол и попрание всех свобод, завоеванных у царизма революцией, Генеральный Секретариат не находит нужным повторять этот печальный опыт на территории украинского народа. Украинская демократия, в лице Украинских Советов [1]) Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, организованных в законодательном органе Центральной Рады и в правительстве ее—Генеральном Секретариате, вполне удовлетворена, как составом этих органов, так и проведением в жизнь ее воли. Центральной Радой не удовлетворены великорусские элементы черносотенского, кадетского и большевистского направления, которым, вероятно, более желателен был бы иной национальный состав Рады, но Генеральный Секретариат предоставляет полную возможность указанным элементам выехать с территории Украины в Великороссию, где их национальное чувство будет удовлетворено. С этой целью украинскими солдатами были разоружены анархически настроенные великорусские солдаты, составлявшие заговор против власти Укра-

[1]) В то время на Украине не было ни одного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов, который бы поддерживал Ц. Раду и ее Генеральный Секретариат. Представителей от Советов в Ц. Раде не было.

инского народа и угрожавшие внести в жизнь Украины кровавую братоубийственную войну, анархию и всю ту разнузданность, которая царит на территории Народных Комиссаров; солдаты эти получили возможность беспрепятственного проезда в пределы собственного государства — отсюда вытекают и дальнейшие ответы на вопросы Совета Народных Комиссаров. Единство фронта признает и Генеральный Секретариат Украинской Народной Республики, но после того, как Совет Народных Комиссаров Великороссии разрушил этот фронт внесением в него полной дезорганизации, после того, как большевистские части оставляют позиции и оголяют фронт, Генеральный Секретариат не находит возможным единственно силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта, поэтому он уводит с северного и северо-западного фронтов украинские войска на украинский фронт, об'единивший в настоящее время юго-западный и румынский фронты,— производится это во имя спасения хоть одной части фронта, и от этой задачи Генеральный Секретариат не отступит ни перед какими препятствиями. Во имя же действительного сохранения и укрепления единства фронта, столь необходимого для успешности достижения всеобщего мира, Генеральный Секретариат предлагает Совету Народных Комиссаров приостановить враждебные действия против украинских частей, находящихся за пределами Украинской Республики, и не мешать Генеральному Секретариату и его работе по приведению в порядок расстроенных действиями великорусских частей украинской армии, нужной для защиты как Украины, так и всей России. Что касается второго вопроса — о пропуске частей через территорию Народной Украинской Республики, то Генеральный Секретариат занимает вполне определенную позицию, — он признает право на самоопределение каждой национальности или области, вплоть до отделения, поэтому навязывать Великороссии, Дону, Уралу, Сибири, Бессарабии, либо кому другому свое понимание политического управления Генеральный Секретариат не находит логичным и возможным; тем более не считает правильным помогать одной области, навязывать ее понимание (?) [1]). Генеральный Секретариат считает необходимым образование центральной власти всей Российской Республики, но для этого он предлагает иные методы нежели те, которые употребляются Советом Народных Комиссаров, а именно: добровольное соглашение всех областей и народов Великороссии, Сибири, Кавказа, Кубани, Дона, Крыма и др. на следующих условиях: 1) правительство должно быть однородно-социалистическим, от большевиков до народных социалистов; 2) должно быть федералистическим; только такое правительство правосильно решать вопросы мира всей России. Наконец, относительно четвертого вопроса, будет ли Рада разоружать неукраинские полки, Генеральный Секретариат заявляет, что на территории Украинской Народной Республики власть принадлежит демократии, всякие покушения вооруженной силой на эту власть будут подавляться той же силой, поэтому Генеральный Секретариат, во избежание братоубийственной войны, предлагает Совету Народных Комиссаров отозвать большевистские полки из Украины, Генеральный Секретариат никаких препятствий к выходу их чинить не будет—так же точно Совет Народных Комиссаров должен предоставить возможность беспрепятственного продвижения украинских частей из Великороссии и фронтов на Украину. Состояние войны между двумя государствами Российской Республики Генеральный Секретариат считает убийственным для дела революции и для торжества интересов рабочих и крестьян. Генеральный Секретариат всячески избегает кровавых способов разрешения политических и государственных вопросов. Но если На-

[1]) Фраза неясна в подлиннике.

родные Комиссары Великороссии, принимая на себя все последствия грядущих бедствий братоубийственной войны, принудят Генеральный Секретариат принять их вызов, то Генеральный Секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ Народным Комиссарам, поднимающим руку великоросских солдат на их братьев-украинцев.

Председатель Генерального Секретариата Украинской Народной Республики *Винниченко*.
Генеральный Секретарь по военным делам *Петлюра*.
Генеральный писарь *Мирный*.
Киев, 4 декабря 1917 года».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Харьков.

Краевой Парткомитет и делегаты первого Всеукраинского с'езда Советов прибыли в Харьков как раз в тот момент, когда на экстренном об'единенном заседании Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с городской думой и организациями Ц. Рады решался вопрос о государственной власти на Украине [1]).

В связи с этим настроение в городе создалось крайне тревожное. Все ждали вооруженного выступления. Говорили, что представители Ц. Рады держат свои войска наготове и, если не пройдет их предложение в Совете, выступят этой ночью и силой своего гарнизона восстановят власть Центр. Рады в городе.

В среде харьковских партийных и советских работников царила полная растерянность. Вооруженное выступление радовцев товарищи считали неизбежным, но, находя, что вооруженные силы на стороне враждебной, так как весь гарнизон состоит из войск Центр. Рады, ничего не предпринимали, выжидали и с тревогой следили за работами в Совете.

На об'единенном заседании создалась невероятно напряженная обстановка. Представители Ц. Рады держали себя нагло-вызывающе, давая понять, что они не остановятся перед применением вооруженной силы, и своими выступлениями вызывали бурные протесты со стороны присутствующих и тревожно-выжидательное настроение.

Представители Ц. Рады требовали от Совета признания Ц. Рады и ее Генерального Секретариата государственной властью на Украине и настаивали на посылке новых представителей на с'езд, открытый Центральной Радой в Киеве, где — по их информации — произошло уже полное об'единение Всеукраинского с'езда Советов со с'ездом, созванным Центральной Радой.

Наша фракция Совета настаивала на снятии с обсуждения на этом заседании вопроса о государственной власти, в виду того, что Харьковский Совет послал своих делегатов на Всеукраинский с'езд

---

[1]) Заседание было созвано по инициативе меньшевиков, имевших большинство в Харьковском Исполкоме Совета Раб., Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Советов, где этот вопрос должен будет обсуждаться, и поставить его тогда, когда вернутся делегаты со с'езда.

Но большинством собрания принято было решение сейчас обсудить этот вопрос.

Меньшевики внесли свою резолюцию, в которой предлагали вопрос о государственной власти на Украине оставить открытым до решения на Всеукраинском с'езде, а на этом собрании принять постановление, которым Донецко-Криворожская Область об'являет себя автономной областью, независимой ни от Украинской центральной власти, ни от Российской, и до областного с'езда Советов Харьковский Совет является высшим органом власти в области.

В беседе с представителями нашей фракции меньшевики предлагали заключить с ними временный блок для совместных действий против Центральной Рады.

Наша фракция не могла принять того или иного решения, так как в этот момент обнаружились большие колебания среди харьковских ответственных работников, и предложила перерыв, чтобы обсудить внесенные предложения. Во время перерыва устроили экстренное совещание президиума Д.-К. Областного Парткомитета и Харьковского Комитета и, по предложению тов. Артема, пригласили президиум Краевого Комитета.

При обсуждении создавшегося положения и предложений радовцев и меньшевиков выявилось, что у харьковских ответственных товарищей нет выкристаллизованной точки зрения по вопросу о государственной власти. Выступавшие высказывались, но не давали решения. Часть товарищей поверила информации радовцев; находила, что раз уже все Советы Украины признали Центральную Раду, то Харькову приходится только присоединиться; другие считали это мнение совершенно неприемлемым и высказывались за присоединение Донецко-Криворожской Области, в которую входит и Харьков, к России, были и сторонники блока с меньшевиками, но с тем, чтобы заставить их признать Совет Народных Комиссаров.

Настроение собравшихся товарищей было чрезвычайно возбужденное, горячились, нервничали, говорили, перебивая и не слушая друг друга, торопились принять решение и вместе с тем никто не вносил определенных предложений. Неоднократные попытки членов президиума Краевого Парткомитета сообщить о решениях, принятых на Краевом парт. с'езде, и положении в Киеве, ни к чему не приводили, каждый раз кто-нибудь прерывал раздраженным заявлением: «Теперь не время»... «Нужно решить, что нам делать»...

Наконец, после выкрика одного из харьковских товарищей: «Не вмешивайтесь вы в наши дела»,—тов. Артем потерял терпение и заявил, что он, как председатель Донецко-Криворожского Областного Комитета, берет на себя руководство этим собранием и требует предоставления ему 3-х минут для сообщения о решениях, принятых в Киеве. После некоторых пререканий тов. Артему предоставили 3 минуты, предусмотрительно вручив ему часы.

После доклада, тов. Артем, не давая развернуться вспыхнувшим было дебатам, поставил на голосование два предложения: первое — прения и обсуждение решений, принятых в Киеве, перенести на завтра на об'единенное заседание Областного Донецко-Криворожского, Харьковского и Краевого парткомитетов, а сейчас уполномочить председателя Областного Д.-К. парткомитета выступить на об'единенном заседании Совета с контр-информацией о с'езде в Киеве, сообщить о приезде в Харьков делегатов Всеукраинского с'езда Советов и предложить заседанию снять с обсуждения этот вопрос до окончания с'езда Советов Украины, который откроется 10 декабря в Харькове и на котором будут делегаты Харьковского Совета, избранные на предыдущем пленуме Совета; второе — немедленно, заводскими гудками собрать всю Красную Гвардию и, в случае выступления радовцев, оказать решительное сопротивление.

Оба предложения прошли большинством, но не всеми голосами.

Часа в 2 ночи, под гул тревожных гудков, собравших пролетариев г. Харькова, Совет принял предложение фракции большевиков—снять с обсуждения вопрос о государственной власти на Украине до решения его на Всеукраинском с'езде Советов. Комиссары Центральной Рады ни на какие вооруженные выступления не решились, и все прошло внешне спокойно.

На другой день состоялось заседание Донецко-Криворожского Областного, Харьковского и Краевого парткомитетов. На этом об'единенном заседании вопрос о государственной власти на Украине не вызвал дебатов и не обнаружил двух мнений. Харьковские и областные товарищи договорились у себя на состоявшемся перед этим заседании Областного и Харьковского парткомитетов.

После доклада о работах 1-го партийного с'езда большевиков Украины и обсуждения принятых постановлений, товарищи присоединились ко всем решениям, вынесенным в Киеве.

По вопросу о слиянии Всеукраинского с'езда Советов с Донецко-Криворожским Областным с'ездом Советов—Донецко-Криворожская Область представлена была на Всеукраинском с'езде Советов слабо — дебатировались два предложения: первое — слить с'езды и второе — выделить с Донецко-Криворожского Областного с'езда делегатов на Всеукраинский с'езд. Какое из предложений прошло, хорошо не помню, кажется, второе — выделить делегатов.

Для руководства Всеукраинским с'ездом Советов выделили 5 тов. — 3-х тов. из Краевого парткомитета и двух из Донецко-Криворожского Областного — помню только трех: Ауссем В., Артем, Е. Бош. Это предложение внесли харьковские товарищи, мотивируя тем, что Донецко-Криворожская Область связана слабо со всей Украиной, и для большей спайки необходимо, чтобы авторитетные в Донецко-Криворожской Области товарищи приняли участие в руководстве работами Всеукраинского с'езда Советов.

10 декабря состоялось совещание делегатов Всеукраинского с'езда Советов с делегатами Донецко-Криворожского Областного

с'езда Советов. После информационного доклада приняли постановление, всеми голосами против меньшевиков, об'единить работы с'ездов и устраивать в утренние часы заседания Областного с'езда по вопросам нужд области, а в вечерние — заседания Всеукраинского с'езда Советов.

11 декабря начались заседания Всеукраинского с'езда Советов Раб., Солдат. и Крестьянских Депутатов. Выработанный в Киеве порядок дня приняли без изменения. Все заседания с'езда проходили в тесном единении всех революционных сил. В нашей фракции с'езда никаких разногласий не выявлялось, и все решения принимались единогласно.

По всем вопросам левые с.-р. и левые украинские с.-д. голосовали с нами,—в нашей фракции было полное единство, и только меньшевики по каждому вопросу порядка дня выступали со своей декларацией, но оставались во весь период работ с'езда в количестве 12 голосов.

По вопросу о государственной власти на Украине с'езд принял постановление: «Исходя из того, что Генеральный Секретариат Ц. Рады не выражает воли революционных слоев народа, пролетариата и беднейшего крестьянства Украины, и уже по одному этому не может и не должен оставаться у власти в настоящий момент, момент наивысшего напряжения всех революционных сил, момент, когда друг против друга стоят два непримиримых классовых врага, признавая, что власть на Украине должна принадлежать только правомочным организациям Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов, — с'езд постановил выделить из себя Ц.И.К., который явится высшим органом власти на Украине», Ц.И.К. избрали в составе 40 членов; в него вошли большевики, лев. с.-р., укр. с.-д. и беспартийные.

На вновь избранный Ц.И.К. с'езд возложил, как ближайшую и неотложную задачу,—«устранить опасность столкновения революционной демократии России с частью украинской демократии, одурманенной шовинистской политикой Генерального Секретариата, стремящегося подменить классовое сознание идеей «национального единения», и поручил, в виду недостаточно полного представительства от крестьян на с'езде, в кратчайший срок созвать Всеукраинскую крестьянскую конференцию из представителей волостных и сельских Советов, которая должна пополнить избранный Ц.И.К. представителями от крестьян, в числе 20 членов.

По окончании повестки дня секретарь президиума огласил ряд приветственных телеграмм I Всеукраинскому с'езду Советов от военных и рабочих организаций.

Резолюция [1]) Дивизионного Комитета 5 армейского корпуса может служить образцом всех приветствий: — «Приветствуем Всеукраинский с'езд Советов Раб., Солд. и Крестьян. Депутатов, а

[1]) «Вестник Украинской Народной Республики», газета. Харьков, № 1 от 19/XII 1917 г.

также выбранный им Центральный Исполнительный Комитет. Долой буржуазную Центральную Раду. Довольно национальной травли! Да здравствует Всеукраинская Республика Советов! Да здравствует братство рабочих, солдат и беднейших крестьян Великороссии и Украины! Дивизионный Комитет 7-ой пехотной дивизии».

После прочтения телеграмм-приветствий I Всеукраинский с'езд Советов закрыли с пением «Интернационала».

2. Первые заседания Всеукраинского Ц.И.К. Советов и выборы Народного Секретариата.

13 декабря состоялось первое заседание Ц.И.К. Советов Украины. Единогласно избрали председателем Ц.И.К. Медведева (украинский левый с.-д.), президиум составили из 9 человек (большинство членов партии с.-д. [больш.]) и приняли текст телеграммы [1]) Совету Нар. Комиссаров, который привожу полностью:

Медведев.

«Избранный вчера Всеукраинским с'ездом Советов Раб. и Солд. Депутатов и части Советов Крест. Депутатов Центральный Исполнительный комитет Советов принял на себя всю полноту власти на Украине. Прежнее правительство Украины, в лице Генер. Секр. Ц. Рады, не вело борьбы с помещичьей контр-революцией, идущей с Дона, и вело политику втягивания украинской демократии в кровавую борьбу с великорусской демократией. Общность интересов демократии всей России, особенно теперь, перед лицом надвигающегося с Дона общего врага всех трудящихся классов, не дает никаких оснований для столкновения между демократиями разных национальностей, и вновь образованная народная власть Советской Украинской Республики ставит своей непременной задачей не только устранить вызывавшееся прежней Радой столкновение, но обратить все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии.

Ц.И.К. Советов Украины уполномочен с'ездом Советов Украины заявить Совету Народн. Комиссаров, что ответ, данный Ц. Радой 4 декабря на ультиматум Сов. Нар. Комиссаров, дан ею не от

[1]) Телеграмма отпечатана в «Вестнике Украинской Народной Республики», Харьков, № 1 от 19/XII, 1917 г.

имени украинского народа, а от имени лишь тех незначительных кругов украинской буржуазии, интересы которой она защищает. Ц. Рада заявляла в своем ответе, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ Народным Комиссарам. Это — сознательный обман Ц. Рады. Крестьяне, рабочие и солдаты Украины знают, что у них нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат, и не допустят осуществления затеваемой Радой войны между братскими народами. Если тем не менее прольется на Украине братская кровь, то она прольется не в борьбе украинцев с великороссами, а в классовой борьбе украинских трудящихся масс с захватившей в свои руки власть Радой, пытающейся опереться на штыки тех тов. солдат, которые вовлечены ею в обман, как в свое время увлекал за собой солдат обманом захватчик власти в России Керенский, но Ц. Исп. Комитет Советов Украины уверен, что дело не дойдет до пролития крови, что шовинистический угар, создаваемый Ц. Радой, прекратится и, как все российские солдаты быстро сознали положение дела и отказались поддерживать Керенского, так и украинские солдаты поймут, кто действительно защищает их интересы, и перестанут поддерживать авантюру мелко-буржуазной Ц. Рады, стремящейся затопить в крови завоевания рабочих и солдат в октябрьско-ноябрьские дни и силою оружия удержать за собой власть. Но войны между двумя демократиями безусловно не будет. Молодая Советская Республика Украины приветствует укрепившуюся Всероссийскую Советскую власть.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины».

Ц.И.К. поручил президиуму составить манифест к трудовому народу Украины и наметить кандидатов на посты народных комиссаров (на Украине они назывались Народные Секретари).

По вопросу об организации Совета Народных Секретарей взял слово Шахрай—укр. с.-д., делегат Полтавы, и его речь произвела впечатление грома в ясную погоду, так как во весь период работ Всеукраинского с'езда у него никаких разногласий с нашей фракцией не было. Содержание его речи приблизительно следующее: голосуя за необходимость организации Советского правительства на партс'езде большевиков Украины и здесь, на I с'езде Советов Украины, он не был уверен в правильности этого решения—он думал, и теперь ему удалось выяснить для себя, что создание Советского правительства есть ошибка, которую необходимо исправить. Но как исправить, когда уже избран Ц.И.К. Советов Украины? Распускать его нельзя, пусть он остается и служит органом, об'единяющим Советы Украины, но *только* органом пропаганды и агитации, а не государственной власти. Мы сейчас на Украине в меньшинстве, и пока это так, никаких выборов Народных Комиссаров не производить—«будем не править, а просвещать»... Выступление его вызвало крайнее возмущение не только нашей фракции, но и всех членов Ц.И.К. Шахрай принимал самое непосредственное участие в проведении

этого решения—выступал в Киеве с нашей декларацией и в Харькове на Всеукр. с'езде Советов по вопросу об организации Советской власти; кроме того, на заседаниях нашей фракции он всегда поддерживал это решение и ни единым словом не обмолвился о своих колебаниях, а на первом заседании только что избранного, с его участием, Ц.И.К. заявляет о своих сомнениях. Продолжать ему не дали, указав, что он мог и может на заседании фракции высказать свои сомнения и не вносить дезорганизации в работы Ц.И.К. Выступления Шахрая никто не поддержал, и он остался в полном одиночестве.

Выборы Народного Секретариата не прошли так солидарно в нашей фракции, как выборы Ц.И.К. Хотя сторонников точки зрения Шахрая в наших рядах не было, но при обсуждении состава Народного Секретариата во фракции наметились три группы: первая—считала, что, намечая состав Народного Секретариата, необходимо выдвигать кандидатуры товарищей украинцев, дабы облегчить работу Советского правительства и не дать Ц. Раде лишнего повода вести травлю против Советов, как чисто великорусских организаций, и председателем Совета Народных Секретарей обязательно избрать «щирого украинца»; вторая — не возражая против высказанных соображений, предлагала прежде всего руководиться работоспособностью и политической выдержанностью намечаемых кандидатов; и, наконец, третья—харьковские товарищи, заявившие, что они воздерживаются от участия в выборах Народного Секретариата, мотивируя свой отказ тем, что они не знают избранных членов Ц.И.К.

Первое заседание прошло в спорах, и ни до чего не договорились. На втором заседании первая и вторая группы столковались на предложении второй группы с поправками: «по возможности с украинскими фамилиями, и председателя Совета Народных Секретарей временно не избирать». И на последующих двух заседаниях фракции спор шел только с группой харьковичан, образовавших свою фракцию во фракции Ц.И.К.

Харьковичане внесли запрос: «Сколько мест вы предоставляете в Народном Секретариате *нам?*». Большинство фракции считало такую постановку вопроса со стороны своих же товарищей недопустимой и предлагало выдвигать кандидатов и после обсуждения решать голосованием. Но после заявления харьковичан, что в таком случае они отказываются принимать участие в выборах Народного Секретариата и снимают свои кандидатуры, если их будут выставлять, фракция перенесла вопрос на обсуждение Краевого и Областного парткомитетов.

На следующее заседание фракции харьковичане не явились, хотя, из переговоров с Областным и Харьковским парткомитетами, можно было считать инцидент ликвидированным. Тогда президиум Краевого парткомитета предложил фракции: 1) перенести заседание фракции Ц.И.К. на другой день и уведомить членов фракции, харьковичан, что это заседание будет окончательным, и 2) предоставить

харьковичанам 4 места в Народном Секретариате, дабы изжить конфликт и не итти на раскол с харьковичанами.

После продолжительных дебатов, фракция приняла предложение президиума Краевого парткомитета и обязала всех членов фракции голосовать за 4-х харьковичан, независимо от обсуждения, а остальных, которые будут отвечать пред'являемым требованиям, голосовать в общем порядке.

Этим решением инцидент с харьковичанами во фракции был ликвидирован, и на третьем заседании сошлись на следующих кандидатурах: наркомвоен (времен.)—Шахрай, просвещения—Затонский, земледелия—Терлецкий (лев. с.-р.), внутр. дел—Е. Бош, торговли и промышлен.—Артем, по национ. делам—Бакинский, труда—Скрыпник, финансов—Ауссем В., юстиции—Люксембург, почт и телеграфов—Мартьянов (харьковск. кандидат), продовольствия—Луганский (харьк. канд.), управ. дел — Лапчинский, народного секретаря путей сообщения решено было избрать на с'езде железнодорожников. Председателя Совета Народных Секретарей решили не избирать, Народный Секретарь внутренних дел должен был об'единять работу Народного Секретариата.

На втором заседании Ц.И.К. утвердил намеченный состав Народного Секретариата единогласно и принял предложенный президиумом Ц.И.К. текст манифеста, отпечатанный вначале отдельно, а потом в № 1 «Известий» — органе Ц.И.К. Советов Украины.

МАНИФЕСТ

к о в с е м р а б о ч и м, к р е с т ь я н а м и с о л д а т а м У к р а и н ы.

Дружным напором рабочих, солдат и крестьян всей России было свергнуто правительство народного обмана, правительство Керенского. Всероссийские с'езды рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которых принимали участие и Советы Украины, создали новую власть — правительство народных масс в лице Совета Народных Комиссаров, являющегося Рабоче-Крестьянским правительством Российской Федеративной Республики.

Только после этого смогли получить осуществление все требования рабочих и беднейших крестьян. Немедленно был издан декрет о передаче крестьянам всей земли без выкупа и со всем инвентарем, не ожидая созыва Учредительного Собрания, о рабочем контроле над производством и 8-часовом рабочем дне и декрет о мире. Только народная власть оказалась способной повести страну к миру, достойному революционного народа, только она установила в армии выборное начало и сделала ее чисто народной.

Эти действия Советского правительства встретили горячее сочувствие трудящихся во всей стране, среди всех народов, входящих в состав Российской Федеративной Республики. Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов повсюду оказывают поддержку Совету Народных Комиссаров.

Зато капиталисты, помещики и прочие тунеядцы поднялись на отчаянную борьбу с рабоче-крестьянской революцией, избрав для себя опорою сначала некоторые части фронта, потом Дон и нашу Украину. От имени фронта заговорила ставка, от имени Дона — Каледин, от имени Украины — Генеральн. Секретариат Ц. Рады.

Члены Народного Секретариата 1-го Всеукраинского Советского Правительства 1917–1918 г.

Украинская Ц. Рада, в выборах которой не принимали участия Советы Раб. и Солд. Депутатов, руководителями которой являются такие же социалисты, каким был Керенский и его товарищи по Временному Правительству, Ц. Рада, на одну треть пополненная российскими меньшевиками и правыми соц.-революционерами, — эта Ц. Рада задумала превратить Украину в буржуазную республику и под видом национального самоопределения отстоять интересы капиталистов и чиновников как украинских, так и российских, которым рабоче-крестьянская революция несет окончательную гибель и уничтожение.

Центральная Рада отказалась распространить на территории Украинской Республики декрет о земле, который был издан Всероссийским с'ездом Советов Раб., Солд. и Крестьянск. Депутатов при участии представителей от Советов Украинских. Ц. Рада вместо рабочего контроля над производством стремилась учредить государственный контроль, она вела борьбу с Советами и пыталась, в противовес им, всю власть на местах передать городским думам и земствам.

Генеральный Секретариат, противодействуя распоряжениям верховного командования всероссийской армией, расстраивал фронт и тем мешал успешному ведению мирных переговоров, пытаясь, как это теперь выяснилось, злонамеренно затянуть войну до весны в интересах франко-английских капиталистов. Но буржуазные руководители Рады не только стремились охранить украинскую и неукраинскую буржуазию от натиска трудящихся классов, они совершили прямое преступление против рабочих и крестьян, вступив в союз с прислужником буржуазии, с другом кадетов, с генералом Калединым, который разгоняет рабочие организации в Харьковской и Екатеринославской губерниях, и войска которого, составленные из ударников, юнкеров и одураченных казаков, избивают рабочих и насилуют их жен и дочерей. Для поддержки Каледина Ц. Рада запретила пропуск через Украину революционных войск, предательски разоружила советские войска в Киеве и пыталась вовлечь украинскую демократию в братоубийственную войну с Россией, натравливая украинских рабочих, солдат и крестьян на российских — лживыми уверениями, что Совет Народных Комиссаров угрожает свободе Украины.

При таких обстоятельствах 3 декабря в Киеве должен был открыться I Всеукраинский с'езд Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, который созвал Областной Исполком Советов, но руководители буржуазной Центральной Рады, при помощи насилий и обмана, помешали работам этого с'езда. Тогда большинство делегатов от Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а также часть крестьянских делегатов переехали в Харьков, где соединились с делегатами Советов Донецко-Криворожской области и довели работы с'езда до конца.

С'езд Советов Украины счел необходимым в корне пресечь преступную политику Ц. Рады, которая имела смелость действовать от имени трудящихся масс, взять на себя всю полноту государственной власти в Украинской Народной Республике. Избранному на с'езде Ц. И. К. поручил образовать новую власть — власть рабоче-крестьянскую. Постановлением с'езда Советов Украины Ц. Рада лишена тех прав, которые она себе захватила; одновременно с этим Генеральный Секретариат Ц. Рады теряет свои полномочия. Отныне правительством Украины является Народный Секретариат, назначаемый Ц. И. К. Всеукраинского Совета Рабочих, Солдатских и Селянских Депутатов.

С образованием рабоче-крестьянского правительства Украины исчез призрак той кровавой борьбы, какую хотел вызвать прежний Генеральный Секретариат между демократией украинской и демократией российской, так как первое, что счел своим долгом сделать Ц. И. К., это—обратиться к Совету Народных Комиссаров с заявлением,

что войны между Украиной и Россией быть не может, что этой войны хотела Ц. Рада, но не трудящиеся массы.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне Украины, помните всегда, что новая власть, которую избрали ваши Советы, будет сильна только вашею поддержкой!

Товарищи рабочие и солдаты! Укрепляйте власть своих советских организаций в городах и ведите самую решительную борьбу против всех, кто будет препятствовать этой власти.

Товарищи крестьяне, если вы стремитесь к тому, чтобы земля была вам передана немедленно, а не тогда, когда на это согласятся помещики, которых так ревностно защищала Ц. Рада от самочинных захватов, если вам надоело получать от власти только обещания, и вам нужна честная и прямая защита ваших интересов, входите в самую тесную связь с Советами Рабочих и Солдатских Депутатов и вместе с ними помогайте новой Советской власти выполнять ее задачи. Помните, что только в дружном союзе рабочих, солдат и крестьян возможна победа над имущими классами. Ц. Рада постаралась на с'езде Советов разбить этот союз, и благодаря ей представительство крестьянства в Харькове было недостаточно. Ц.И.К. в самом ближайшем времени созывает 2-й с'езд Советов и примет все меры, чтобы крестьянские Советы были представлены на этом с'езде как можно полнее.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Ваши представители призвали нас к власти. При вашей поддержке и в тесном единении с братьями-рабочими, солдатами и крестьянами всей остальной России мы не боимся никакого бремени, мы не бросим своего поста, мы не уйдем с него, пока не выполним возложенные на нас с'ездом задачи или пока новый с'езд не заменит нас другими.

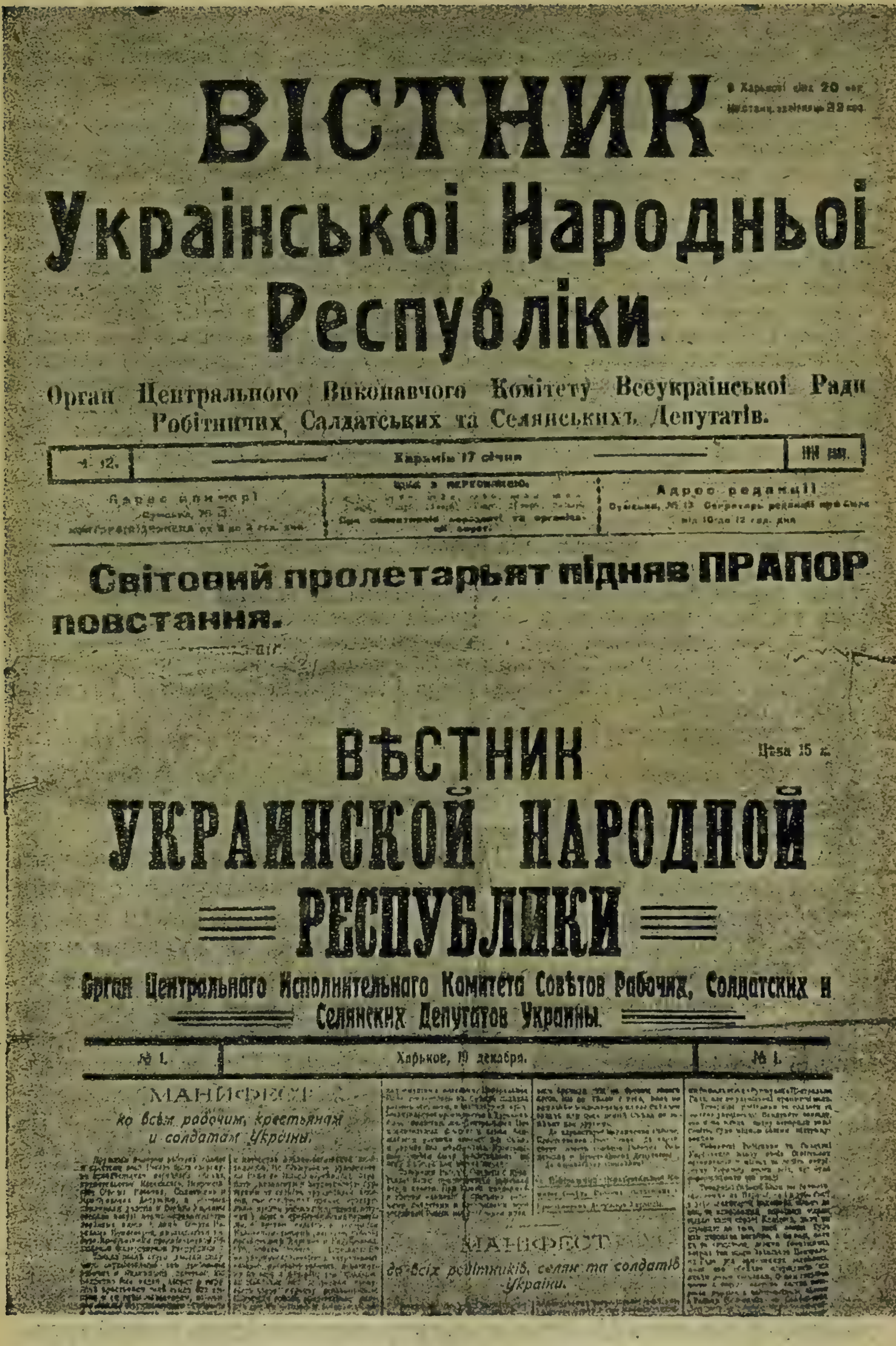
Да здравствует Украинская Рабоче-Крестьянская Республика!

Да здравствует власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Да здравствует социализм!

Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины.

На этом же заседании Ц.И.К. принял проект декретов: о земле, о правах народов, о рабочем контроле над производством, о расширении городского самоуправления, о демократизации армии и постановление об отмене запрещения на вывоз хлеба из Украины и ряд других. Постановил также созвать крестьянскую конференцию не позже 20 января и принял ряд постановлений о работах Народного Секретариата и президиума: 1-е,—не создавать комиссариатов, кроме военного, ввиду временного, до освобождения Киева, пребывания Советского правительства в Харькове—общая оценка положения была такова, что Ц. Рада продержится очень недолго; каждый Народный Секретарь, для выполнения текущей работы, должен иметь самый небольшой кадр сотрудников и пользоваться общей с президиумом Ц.И.К. канцелярией; 2-е, — организовать при президиуме Ц.И.К. отдел управления, который должен работать под руководством Нар. Секр. внутренних дел, и отдел агитации и пропаганды; 3-е,—президиуму Ц.И.К. обратить особое внимание на укрепление и поддержку местных Советов и организацию комбедов, с этой целью направить большую часть членов Ц.И.К. на места; 4-е,—еженедельно



ВІСТНИК Української Народньої Республіки

Орган Центрального Виконавчого Комітету Всеукраїнської Ради Робітничих, Салдатських та Селянськихъ Депутатів.

Харків 17 січня

Світовий пролетарьят підняв ПРАПОР повстання.

ВѢСТНИК УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Цѣна 15 к.

Орган Центрального Исполнительного Комитета Совѣтов Рабочих, Солдатских и Селянских Депутатов Украины.

№ 1. Харьков, 19 декабря. № 1.

МАНИФЕСТ ко всѣм рабочим, крестьянам и солдатам Украины.

МАНИФЕСТ до всіх робітників, селян та солдатів України.

устраивать общие заседания президиума Ц.И.К. и Народного Секретариата, раз в 2 недели созывать пленум Ц.И.К.

В конце заседания огласили ответную телеграмму от Сов. Нар. Комиссаров и приветственную телеграмму из Ставки.

ОТВЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

...Совет Народных Комиссаров приветствует народную власть Украины.

С этого времени деньги будем пересылать на имя правительства Украины, т.-е. Ц. И. К. Украины... Из Бреста сообщили, что германцы в принципе приняли наши условия мира. Представитель вашего Ц. И. К. будет принят в мирную делегацию. Там назначен перерыв переговоров на 10 дней...

ТЕЛЕГРАММА ИЗ СТАВКИ.

«Общеармейский с'езд на заседании своем 14 сего декабря в 23 часа, выслушав радиотелеграмму от Украинского Центрального Исполнительного Комитета Советов о переходе в его руки всей полноты власти на Украине, с восторгом и великой радостью приветствует демократию Украины в лице родного всему трудящемуся народу органа. Рабочие и крестьяне Великороссии никогда не сомневались в том, что рабочие и крестьяне Украины — братья одной трудовой семьи, тесно связанные одними интересами, одними чаяниями, одними стремлениями сбросить с себя вековой гнет капитала.

Мы, великороссы, никогда не верили в то, что голос Ц. Рады был голосом украинских рабочих и крестьян и, посылая ей ультиматум, мы об'являли войну украинской буржуазии, которая в связи с нашей и мировой буржуазией на возбуждении национальных чувств пыталась затопить в братской крови те завоевания, которые вырвали рабочие и крестьяне в октябрьскую революцию, вырвали последнее, самое ужасное оружие у угнетателей народа.

Победа обеспечена рабочим и трудовому крестьянству, и близок уже тот великий день, когда трудящиеся всего мира сольются в одну семью, чтобы последним дружным натиском смести все следы мерзости издыхающей буржуазии.

Привет тебе, родная Украина!

Привет твоим Советам!

Привет твоим завоеваниям, украинский пролетариат и крестьянство!

Председатель с'езда *Рагозинский*» [1]).

В первое время заседания Ц.И.К. происходили еженедельно, а в дальнейшем в 2 недели раз. Заседания Народного Секретариата бывали ежедневно с 12 до 4—5 часов ночи, так как с 6—7 часов вечера большинство членов Народного Секретариата было занято на рабочих собраниях и митингах.

Во весь период пребывания в Харькове — с 9 декабря 1917 г. по 1 февраля 1918 г. — Ц.И.К. и Народный Секретариат работали с

[1]) Эти телеграммы были отпечатаны в № 1 «Вестника Украинской Народной Республики» — органе Ц. И. К. Советов Раб., Солд. и Селянских Депутатов. Первый номер вышел 19 декабря на русском и украинском яз. — в этом же номере был помещен и «Манифест», отпечатанный вначале отдельными листами.

громадным напряжением и в полной солидарности. Все партии, входившие в Ц.И.К., полностью поддерживали решения фракции большевиков, в наших же рядах серьезных расхождений не было — все решения принимались единогласно.

3. Краевой партийный комитет с.-д. (большевиков).

После оформления Народного Секретариата работа Краевого парткомитета почти полностью была поглощена работой названного Секретариата. Краевой парткомитет почти не созывал пленарных заседаний, все партийные распоряжения проводились президиумом Краевого парткомитета, а обсуждения и решения политических вопросов сосредоточились в Народном Секретариате, куда президиум Краевого входил полностью.

Основной причиной такого положения являлись громадная перегрузка ответственных работников, — рабочий день начинался с 9—9½ час. утра и продолжался до 4—5 ч. ночи,—и совместительство работы. Большинство Народных Секретарей, начиная прием с 10 часов утра, до 6 час. вечера не успевали его закончить, и приемная всегда была забита делегациями, требующими личной беседы «с представителем народной власти». К тому же для центральной работы приходилось задерживать самое минимальное число партработников, так как контр-революционная агитация Ц. Рады, постоянные налеты гайдамаков на местные Советы, аресты и разгромы рабочих организаций и трудность сношения центра с местами—из-за постоянных разрывов агентами Ц. Рады телеграфных и почтовых сношений—требовали присутствия ответственных работников на местах. И больше половины членов Краевого парткомитета находились вне Харькова, а с'езд их на пленум крайне затруднялся военными налетами гайдамаков, охватившими всю Украину. К тому же весь президиум Краевого парткомитета входил в Народный Секретариат, и весь Народный Секретариат, за исключением одного тов. Терлецкого, состоял из большевиков, активных работников Украины.

Решения Народного Секретариата принимались, как решения партийные, и только в редких случаях разногласий эти решения проводились через президиум Краевого парткомитета или же путем опроса имевшихся налицо членов Краевого парткомитета.

Отсутствие разногласий в Народном Секретариате и Ц. И. К., общность Советской и партийной работы, особенно в тот период вооруженной борьбы за власть Советов, также не в малой мере способствовали слиянию работы Краевого парткомитета с работой Народного Секретариата.

Отдел управления Ц. И. К. был, по существу, и организационно-инструкторским отделом Краевого парткомитета. Во главе этого отдела стоял член краевого парткомитета, тов. Тарнагродский, и все

партийные распоряжения на места проводились через этот отдел, но только за подписью президиума Краевого парткомитета.

То же положение было и на местах. Там, где Исполкомы состояли из членов нашей организации, работа партийных комитетов сливалась с работой исполкома Совета.

За весь период существования первого Советского правительства Ц. И. К. Советов Украины (с декабря 1917 г. по апрель 1918 г.) пленум Краевого парткомитета собрался всего два раза, да и то не в полном составе. Общеукраинские партконференции с декабря и до занятия немецкими войсками территории Украины не созывались. Это был период беспрерывной ожесточенной вооруженной борьбы за власть Советов.

4. Отношение руководящих партработников (б-ков) Харькова к избранному Ц.И.К. Советов Украины и Народному Секретариату.

Как я уже говорила, харьковские и областные (Донецко-Криворожской Области) ответственные партработники безоговорочно принимали участие в работах Всеукраинского с'езда Советов и выборах Ц.И.К. и входили в президиум Ц.И.К. и Народный Секретариат, и не по собственному почину, а по постановлению своих парткомитетов.

Но, несмотря на это, и ответственные товарищи, входившие в Ц.И.К. и Народный Секретариат, и большинство президиума областного Донецко-Криворожского и харьковского парткомитетов с первых же дней существования Советского правительства начали выявлять свое оппозиционное отношение к избранному Ц.И.К. Советов Украины и его Народному Секретариату.

На собраниях Краевого, Областного и Харьковского парткомитетов, созываемых в первое время президиумом Краевого, с целью выяснения причины оппозиционного отношения, ни областники, ни харьковичане действительных причин не указывали, останавливались на мелочах повседневной работы, и заседания кончались ничем, поэтому изжить оппозицию в своей среде путем устранения причин, вызывавших ее, так и не удалось.

И во все время пребывания Советского правительства Украины в Харькове руководящие областные и харьковские [1]) партработники не только не оказывали содействия в работе Ц.И.К. и Нар. Секретариата, но значительно осложняли ее и во всем подчеркивали, что за деятельность этих учреждений они ответственности не несут.

Уже в день приезда из Киева делегатов 1-го Всеукр. с'езда Советов и членов Краевого парткомитета харьковские товарищи

[1]) Руководящие партработники Харькова входили в президиум Областного Донецко-Криворожского парткомитета, в Харьковский парткомитет и Исполком Харьковского Совета, так что персонально это были почти одни и те же товарищи.

встретили прибывших не скажу чтобы совсем враждебно, но в их отношении проглядывало нескрываемое недружелюбие. И если не говорили прямо, то во всем, даже в мелочах, как устройство на ночевку, давали понять, что приехавшие для них «нежеланные гости».

Этот прием, после дружеского предложения председателя Донецко-Криворожского областного парткомитета, тов. Артема, переехать в Харьков, был полной неожиданностью, тем более, что в Киеве с делегатами Харькова никаких разногласий не обнаружилось. И в первый момент трудно было подыскать об'яснение этому недружелюбию.

Но на ночном заседании (в день приезда) харьковского парткомитета, президиума Областного и Краевого парткомитета (во время перерыва пленума Совета), харьковичане дали понять, что они не потерпят вмешательства «приезжих» в местные дела. Это если и не было полным об'яснением враждебной встречи, то все же серьезным предупреждением. Краевой парткомитет принял это предупреждение и решил быть сугубо осторожным и не допускать и избегать возможности случайных вторжений в местные дела. Но это не легко было провести в жизнь, оставаясь в Харькове и работая в центральном советском учреждении.

Переговоры о помещении для делегатов Всеукраинского с'езда Советов показательны для характеристики отношения харьковских руководящих работников к приехавшим товарищам. Переговоры велись между членами Краевого парткомитета и уполномоченным членом харьковского парткомитета.

В начале переговоров товарищ (харьковичанин) в категорической форме отказал в предоставлении помещения, заявив: «устраивайтесь, как хотите. Мы не обязаны предоставлять вам квартиры». Неоднократные попытки добиться более благоприятного ответа не приводили ни к чему, и на все доводы получался один ответ: «Я сказал, что помещения у нас нет. Не мешайте мне работать».

Наконец, часа в 2 ночи, после решительного протеста члена Краевого комитета и указания, что о партийных товарищах он не беспокоится, так как, в крайнем случае, они смогут устроиться в корридорах парткомитета, но считает необходимым устроить делегатов с'езда, среди которых имеются непартийные и члены других партий (лев. с.-р., укр. с.-д.), что подобные действия своих товарищей чреваты серьезными последствиями и проч., и проч., последовал, после некоторых размышлений и совещания с присутствовавшими при этом разговоре харьковичанами, более благоприятный ответ: «Делегатов устроим в помещении, предназначенном для нашего областного с'езда Советов, а вам (Краевому парткомитету) можем отвести камеру в тюрьме». — «С запором и конвоем?» — спросил член Краевого комитета. Товарищ не ответил, суровым взглядом дал понять неуместность вопроса и углубился в разложенные перед ним бумаги.

Предложение товарищами было принято. И подшучивая над «страхами» харьковичан, очевидно, боявшихся нашего соприкосновения с делегатами «их» с'езда, и своим «тюремным положением», мы направились по темным закоулкам к знакомым каменным стенам. Старая, но еще не забытая картина: часовые, пропуск, двор — каменный мешок, надзирательница и, наконец, камера, вызвала невеселые воспоминания и заставила с тревогой заглянуть в будущее...

Помещение оказалось крайне нездоровым. Камера была только что отремонтированная и совершенно сырая — за ночь все белье становилось мокрым и спать приходилось не раздеваясь. Испарения свежей штукатурки, грязь в коридоре, отсутствие отливов в уборных отравляли воздух настолько, что к утру все угорали до полусознательного состояния. Но всем этим неудобствам в тот период не придавали значения, и дней 10 товарищи прожили в своем, не совсем обычном для добровольного вселения, помещении. Это общежитие членов первого Советского правительства, предоставленное им своими же товарищами, вызвало немало злорадных замечаний со стороны враждебных нам элементов.

В период работ Всеукраинского с'езда Советов никаких размолвок и недоразумений между членами Краевого парткомитета и харьковским парткомитетом не было, и можно было предполагать, что недоброжелательное отношение сгладится в процессе общей работы. Но эти предположения членов Краевого парткомитета оказались слишком оптимистичными.

Вопрос о взаимоотношениях с харьковичанами стал остро уже на первом заседании фракции Ц.И.К., когда пришлось прервать заседание и передать вопрос о взаимоотношениях на разрешение Краевого и областного парткомитетов.

На заседание Краевого и областного парткомитетов харьковичане, члены Ц.И.К., не явились, и пришлось обсуждать внесенные ими требования в их отсутствии. При обсуждении областники об'ясняли требования харьковичан (среди которых были не только члены харьковского комитета, но и члены областного) недоразумением и взяли на себя выяснение и устранение этого недоразумения.

Но и на дальнейших заседаниях фракции харьковичане продолжали настаивать на своем требовании—предоставить им 4 места в Народном Секретариате. Оттягивать выборы Народного Секретариата Краевой парткомитет не считал возможным, и предложил фракции Ц.И.К., ввиду того, что Советскому правительству приходится временно работать в Харькове, итти на всяческие уступки, вплоть до обязательства голосовать за 4-х кандидатов, выставленных группой харьковичан, дабы достигнуть соглашения, так как в противном случае работа Ц.И.К. и Народного Секретариата в Харькове крайне осложнится. Фракция приняла предложение Краевого парткомитета, и этим инцидент с выборами Народного Секретариата удалось ликвидировать, но трений с харьковскими товарищами не изжили.

Харьковский комитет в целом не только не оказывал содействия в работе Ц.И.К. и Народного Секретариата, но отдельные члены комитета пользовались всяким поводом, особенно в первые дни, чтобы создать конфликт с работниками советского правительства. И такой повод не замедлил представиться.

С окончанием работ Всеукраинского с'езда Советов зал заседаний сейчас же заняли другими совещаниями, и Ц.И.К. остался без помещения для работ. Харьковичане предлагали обратиться в Исполком Совета—в большинстве меньшевистский, который под всякими предлогами оттягивал предоставление помещения, а партком на несколько дней не соглашался дать комнату в своем помещении.

В первые дни члены президиума Ц.И.К. и Народного Секретариата всячески изворачивались, намечали заседания по ночам, когда освобождался зал, днем работали в каких-то темных комнатах, заваленных всяким хламом, а первый манифест писали на подоконниках в корридоре и самостоятельно никаких мер к подысканию помещения не принимали, пытаясь столковаться с харьковичанами, чтобы избежать трений и упреков о вторжении в местную жизнь. Но видя, что вопрос с помещением ни на шаг не продвигается и угрожает срывом работ Ц.И.К. и Народного Секретариата, президиум Ц.И.К. постановил: подыскать самостоятельно помещение и потребовать от Исполкома его освобождения. Это решение совпало с предложением комиссара харьковской Красной гвардии, т. Беленковича (б-к), сделанным от имени его отряда [1]), занять для Ц.И.К. любое помещение, так как на меньшевистский Исполком Совета «надеяться не следует».

Помещение было подыскано, но Исполком категорически отказался освободить его, заявив, что «у нас помещений для Ц.И.К. нет». Тогда президиум поручил отряду Красной гвардии, под руководством т. Беленковича, занять помещение буржуазной газеты «Южный Край» с типографией и всеми складами. Этим разрешался и вопрос о печатании «Вестника» Ц.И.К., так как партком и Исполком категорически отказались предоставить свою типографию, об'ясняя свой отказ отсутствием технической возможности.

Числа 17-го декабря Красная гвардия (кажется, с завода «Всеобщей Комп. Электр.») заняла, без всякого сопротивления, помещение и типографию и установила караул [2]).

Занятие «Южного Края» было выполнено быстро и организованно, поэтому все помещения редакции, типографии и склада, где имелся большой запас бумаги и все необходимые типографские принадлежности, сохранились в полном порядке. Помещение редакции

---

[1]) Этот отряд Красной гвардии первый прислал свою делегацию на заседание ЦИК с приветствием вновь избранному Советскому правительству.

[2]) Этот отряд нес охрану помещения ЦИК и Народного Секретариата во весь период Советского правительства.

имело 10 комнат с громадной приемной. Типография великолепно оборудована, с ротационной машиной, большинство рабочих остались у станков, хотя владелец «Южного Края» не жалел денег, чтобы сбить их на забастовку. И Ц.И.К., и Народный Секретариат сейчас же смогли приступить к работе и начать выпуск своего органа «Вестник».

Но занятие помещения буржуазной газеты без санкции Исполкома вызвало бурю негодования среди членов харьковского комитета. Назначили экстренное заседание областного и харьковского Комитетов и потребовали председателя Краевого для об'яснений.

Харьковичане обвиняли приезжих товарищей в желании диктаторствовать и считали, что своими действиями они дезорганизуют местную работу. Никакие уверения в обратном не имели действия, и заседание комитета кончилось ничем. Началась полоса бесконечных заседаний комитета с требованиями об'яснений по всякому незначительному поводу. Отсутствие тов. Артема, выехавшего сейчас же после Всеукраинского с'езда Советов в Петроград, сильно давало себя чувствовать—он во всех случаях сдерживал оппозицию харьковичан.

После нескольких бесцельных заседаний, президиум Краевого комитета отказался продолжать пререкания и предложил областному и харьковскому комитетам апеллировать к Ц. К. партии, что и было, повидимому, сделано. Через некоторое время приехал командированный Ц.К. Р.К.П. тов Серго Ордженикидзе, который и взял на себя,—кроме работы основной,—улаживание трений с местными работниками.

С этого момента харьковичане прекратили мелочные придирки и бесконечные заседания с разбором недоразумений. Но оппозиция группы комитетчиков осталась и давала себя чувствовать до последнего дня пребывания Ц.И.К. в Харькове.

Подчинившись требованию Ц. К. партии прекратить придирки, формально признавая Ц.И.К. Сов. Украины и Народный Секретариат, оппозиция начала проводить в отношении Советского правительства тактику скрытого бойкота. На партийных собраниях и митингах, проходивших под руководством членов комитета, товарищи совершенно замалчивали выборы и работу Ц.И.К. и Народного Секретариата, а когда приезжал член Краевого Комитета, то очень неохотно давали слово, с неизменным предупреждением: «покороче».

Но отношение харьковской парторганизации не соответствовало отношению большинства харьковских комитетчиков. Это выявилось на первом, после Всеукраинского с'езда Советов, общегородском партсобрании в связи с сообщениями председателя Краевого парткомитета о решениях Всеукраинского с'езда Советов. Президиум собрания (члены Комитета) очень неохотно и после немалых пререканий предоставил председателю Краевого парткомитета слово, но не для доклада, а в порядке общих выступлений, предупредив, что по регламенту оратор имеет 5 минут.

После краткого сообщения о выборах Ц.И.К. и Народного Секретариата и первых мероприятиях Советского правительства председатель прервал оратора заявлением, что время истекло. На это собрание дружно ответило: «Просим не мешать докладчику и время не ограничивать».

Президиум потребовал голосования, и громадным большинством, за исключением нескольких ответственных товарищей и самого президиума, собрание приняло предложение «время не ограничивать». Продолжая доклад, товарищ сообщил о тех затруднениях, которые встречаются в работе в связи с тем, что Исполком Совета не только не идет навстречу, но ставит всяческие препятствия, и указал, что в связи с этим президиуму Ц.И.К. пришлось прибегнуть к поддержке Харьковской Красной Гвардии и помимо Исполкома занять помещение. На это раздались восклицания: «А что смотрит парткомитет?»—«Нужно переизбрать Исполком, он не отвечает требованиям Харьковского Совета раб. депутатов».

По окончании доклада президиум предложил перейти к порядку дня, а заслушанный доклад рассматривать, как информационный. Но собрание потребовало вынесения резолюции, в которой подчеркнуло, что харьковская парторганизация будет всемерно поддерживать избранный Ц.И.К. Сов. Украины и его Народный Секретариат. Резолюцию приняли единодушно, при воздержавшемся президиуме, что немало поразило собрание, неосведомленное об имеющейся в комитете оппозиции.

И во все время пребывания в Харькове парторганизация полностью поддерживала избранное Советское правительство. Оппозицию составляли только некоторые ответственные работники, большинство президиума областного и часть членов Харьковского комитетов. Но оппозиция не выносила своего отношения на общие партсобрания, вела агитацию персонально и, пользуясь своим руководящим положением в организации и Совете, проводила в отношении избранного Советского правительства тактику бойкота.

Группа харьковских и областных товарищей заняла, по существу, ту же позицию в отношении к Советскому правительству, что и харьковские меньшевики, с тою только разницей, что последние вели борьбу открыто и свое отношение обосновывали принципиальными разногласиями, а первая формально признавала, а на деле выступала нередко более непримиримой оппозицией, чем меньшевики.

Действия ответственных харьковских товарищей, имевшие место на заседании Исполкома Харьковского Совета, где по предложению президиума Исполкома в порядок дня поставлен был доклад о работах Ц.И.К.. весьма характерны для тактики оппозиции. Предоставляя слово члену президиума Ц.И.К., наши товарищи (большинство членов оппозиции комитета входили в Исполком), не меньшевики, потребовали ограничения времени докладчика 10 минутами. Пришлось голосовать, так как товарищи настаивали на этом.

И, не удовлетворяясь ограничением времени, свои же товарищи нашли нужным предупредить: «покороче». Совершенно ничем не вызванное предупреждение, так как докладчик не настаивал на продолжении времени, удовлетворился 10 минутами, оговорившись только, что и содержание доклада будет соответствовать предоставленному времени.

По выступлениям харьковских большевиков в прениях по докладу получалось впечатление, что в Исполкоме наши товарищи более недоброжелательно настроены к Советскому правительству, чем меньшевики. Хотя во всех случаях, когда требовалось содействие Исполкома, товарищи ссылались на меньшевистское большинство Харьковского Исполкома, лишающее возможности провести требуемое решение. По существу же товарищи и не пытались их проводить и, в лучшем случае, оставались пассивными.

В Совете Рабочих Депутатов тактика оппозиции была та же, что и в Исполкоме, с той только разницей, что в Совете харьковские товарищи были более сдержанны. Но эта сдержанность об'яснялась отношением Совета. Харьковский Совет в громадном большинстве, не только фракция большевиков, но и беспартийные рабочие, безоговорочно и активно поддерживал Советское правительство. Все предложения и постановления Ц.И.К. в Совете всегда принимались громадным большинством, против численно небольших фракций мелко-буржуазных партий.

На пленумах Совета оппозиция держала себя пассивно, никогда не принимала участия в дебатах с мелко-буржуазными партиями и нередко своими лояльными предложениями, по существу, поддерживала мелко-буржуазный блок. Так, на пленуме Совета, когда фракция большевиков внесла предложение принять резолюцию приветствия избранному Ц.И.К., то первыми с возражениями выступили члены комитетской оппозиции, мотивируя свои возражения тем, что делегаты Харьковского Совета принимали участие в выборах Ц.И.К. и «само собой разумеется, что Харьковский Совет поддерживал его, поэтому принимать резолюцию совершенно излишне». Это предложение полностью отвечало желаниям мелко-буржуазных партий. Отношение членов Исполкома большевиков, руководящих работников харьковской парторганизации, не могло остаться незамеченным большинством Совета и, особенно, нашей фракцией. И в дальнейшем фракция большевиков, не сочувствуя поведению верхов парторганизации, перед каждым пленумом Совета присылала свою делегацию в президиум Ц.И.К. с просьбой прислать своего представителя, в виду того, что на протесты меньшевиков по поводу действий Советского правительства отвечать им будет некому.

Действительно, не было случая, чтобы на протесты меньшевиков против действий Ц.И.К., выступали с возражением руководящие работники-харьковичане. Даже при самых бешеных выступлениях, когда меньшевики встретили Нар. Секр. криками: «жандармы», «палачи», в связи с закрытием радовской газеты и арестом активных

деятелей Ц. Рады, товарищи харьковичане сидели в президиуме совершенно безучастно. А когда громадное большинство Совета решительно запротестовало против этих выступлений меньшевиков (выступали исключительно меньшевики—члены Исполкома) и единогласно, против мелко-буржуазных партий, проголосовало немедленное переизбрание Исполкома Совета, товарищи-оппозиционеры внесли предложение отложить перевыборы и создать комиссию, которая должна будет подготовить все для перевыборов. Но фракция большевиков не сдалась и требовала немедленных перевыборов; на это товарищи заявили, что это—дезорганизованные действия, которые комитет не может поддержать [1]). После избрания комиссии созыв пленума Совета начали под всякими предлогами откладывать, и перевыборы Исполкома затянулись на продолжительное время.

В первое время оппозиция держала себя непримиримо, никакого участия в работах Советского правительства не принимала и отказывалась от всякой об'единенной работы. Попытки президиума Краевого парткомитета втянуть харьковичан в общую работу, чтобы в процессе самой работы изживать оппозиционное отношение, или терпели неудачу, или же вызывали неожиданные столкновения.

В конце декабря 1917 г. президиум Краевого парткомитета предложил областному и харьковскому парткомитетам об'единить издание и редакцию харьковского областного органа и «Вестника», органа Ц.И.К. [2]). Товарищи на об'единенную работу редакций не согласились и приняли только техническое об'единение. И тут, только при пользовании одной типографией, вместо содружества получились лишь новые поводы для конфликтов.

Помню, как однажды, идя на работу в 10 ч. утра, мы увидали в продаже все газеты, кроме «Вестника». При входе в редакцию столкнулись с глубоко возмущенным редактором «Вестника», тов. Н. Н. Лебедевым, который встретил нас негодующим восклицанием: «Не ожидал, чтобы свои же товарищи устраивали пакости». От него узнали, что харьковичане с первого же дня переезда в здание редакции «Вестника» устраивают всяческие затруднения и ведут скрытую борьбу с редакцией органа Ц.И.К.—задерживают телеграммы и сообщения из провинции, по ошибке попадающие в их редакцию, отказываются делиться материалами из Д.-К. области, которые ими не используются, и проч., и проч., а «сегодня дошли до того, что

---

[1]) Фракция большевиков неоднократно перед этим требовала перевыборов Исполкома, указывая, что в настоящем составе Совета меньшевистский Исполком поддержки не имеет, но большинство комитета отклоняло это требование, ссылаясь на формальную причину — еще не наступил срок для перевыборов, а в частной беседе об'ясняли свое нежелание переизбрать Исполком тем, что с уходом меньшевиков (новый состав Совета не проведет их) из Исполкома мы потеряем хороших работников, что, в первую очередь, должно тяжело отразиться на всем городском хозяйстве.

[2]) Это предложение представляло интерес для харьковских товарищей, так как типография Ц. И. К. имела ротационку, и можно было значительно увеличить тираж газеты.

сознательно задержали печатанье «Вестника», из желания иметь в Харькове только свою газету». Трения уладили, но товарищеского сотрудничества редакций до последнего дня пребывания ЦИК в Харькове не добились.

Однако, чем шире разворачивалась работа Ц.И.К. и Нар. Секр. и росли связи с массами и авторитет Советского правительства на местах, тем менее активны в своем противодействии становились верхи харьковских организаций, и тем меньше оставалось в областном и харьковском комитетах сторонников оппозиции. Ряд комитетчиков, поддерживавших оппозицию, начали входить в работу Ц.И.К. и Нар. Секретариата, некоторые оппозиционеры ушли на фронт и в штаб тов. Антонова-Овсеенко, и оппозиция комитета распылилась, но не изжилась.

То же разложение, что и в Комитете, произошло и в рядах ответственных харьковских работников, сторонников оппозиции. В первых числах января в президиум Краевого Комитета явилась группа военных работников Харькова с т. Петряковским, начальником харьковского гарнизона, с заявлением, что они считают позицию, занятую большинством харьковского комитета, вредной и будут работать в полном контакте с Нар. Секретар. и Президиумом ЦИК.

Довольно быстрому разложению оппозиции не в малой мере содействовало настроение большинства харьковского пролетариата и гарнизона, которые активно поддерживали ЦИК и Народный Секретариат. Рабочие со всеми нуждами шли не в харьковский исполком, а обращались прямо в Президиум ЦИК. На собраниях и митингах представителей Советского правительства встречали всегда дружески-доброжелательно. Рабочая Красная гвардия и воинские части, расположенные в Харькове, активно поддерживали ЦИК, безоговорочно исполняя все его предписания.

Оппозиция харьковского комитета не имела влияния на пролетарские массы, ею воспользовались, главным образом, мелко-буржуазные партии и враждебные нам элементы, которые использовали трения в среде большевиков в своих контр-революционных целях. Эти слои даже пускали в ход всяческие провокационные приемы, чтобы усилить антагонизм между местными организациями и Советским правительством. К одному из таких приемов, которым чаще всего пользовались, прибег командир броневого отряда. Этот командир по собственной инициативе явился в Народный Секретариат с заявлением, что броневой отряд, находящийся под его командованием, постановил передать все броневики в полное распоряжение Советского правительства, и «люди» просили его передать, что без приказа Советского правительства они выступать не будут. А на другой день этот же командир отправился в харьковский комитет и заявил, что его вызывали (он явился в Нар. Секрет. без всякого вызова) в Народный Секретариат и предлагали не подчиняться местным властям. К сожалению, некоторые комитетчики ему поверили и потребовали об'яснений от Народного Секретариата.

Оппозиционное отношение к ЦИК Советов Украины со стороны группы товарищей об'яснялось установившимся в верхах Донецк.-Криворож. и Харьковск. парторганизаций взглядом, что между промышленной Донецк.-Криворож. областью и крестьянской Украиной нет и не может быть никаких общих интересов. Товарищи видели экономическую связь Донецко-Криворожской области с Россией, а национальное единство Украины ими рассматривалось как пережиток старого, сохранившийся в умах националистов. И если с большой натяжкой соглашались признать Украину как автономное государство, входящее в РСФСР, то уж ни в коем случае не включая Донецко-Криворож. область в территорию Украины: Украина, по их мнению, это крестьянская Киевская область—правобережье. Украинский язык им казался совершенно чуждым народным массам. И товарищи не раз указывали членам ЦИК, что издание газеты на украинском языке—непроизводительная трата бумаги, так как массы ее читать не могут. Поэтому, когда встал вопрос о государственной власти на Украине, они склонялись к присоединению к России или образованию Донец-Криворож. Советской республики со своим ЦИК и Нар. Секретариатом и меньше всего стремились к созданию ЦИК Советов Украины. Но в виду переезда Всеукр. С'езда Советов в Харьков и директив ЦК партии, товарищи подчинились, но остались при старом взгляде. Отсюда формальное признание ЦИК и его Нар. Секретариата, а по существу, оппозиционное отношение. Партийная дисциплина требовала подчинения, и товарищи не вели открытой агитации, но во всех своих действиях не скрывали своего отношения и в партийных рядах старались провести решение за образование Донецко-Криворожской Советской республики.

На партийной областн. конференции, вскоре после Всеукраинского с'езда Советов, группа товарищей во главе с Эпштейном-Яковлевым предложила резолюцию за выделение Донец-Криворож. Области и настаивала на ней. После долгих споров, главным образом с Краевым парткомитетом, сколько помнится, приняли компромиссное решение. Но в конце января на областном Донецко-Криворож. с'езде Советов товарищи провели резолюцию о выделении и образовании своей республики.

Этим стремлением «выделиться» об'ясняется и тактика комитетчиков в отношении к харьковским меньшевикам. Последние стояли за отделение, и товарищи, до поры до времени, не хотели с ними обострять отношений.

Что же касается недоброжелательного отношения верхов Донец.-Криворож. областной парторганизации к Краевому парткомитету, то это об'ясняется не столько принципиальными разногласиями, сколько отсутствием связи в предшествовавший период между партработниками правобережья и левобережья. Оба областные партоб'единения юго-западной области — правопобережья и Донец.-Криворожского левобережья — оформлялись и работали совершенно самостоятельно, не имели между собой постоянной органической связи и каж-

дая сносилась самостоятельно с Ц.К. партии. Хотя в ноябре представители Донец.-Криворожского и харьковского комитетов и принимали участие в выборах Краевого комитета, но войти персонально в Краевой комитет отказались,—формально, как бы признали его высшим партийным органом на Украине, но по существу считали Краевой комитет только организацией правобережья, такой же равноправной, как и Донец.-Криворож. обл. парткомитет. А с выборами Ц.И.К. создавались условия, ставившие Донец.-Криворож. областной комитет (в который входила харьковская организация) в положение, подведомственное Краевому парткомитету. Это вызывало особую нервозность харьковичан и опасения, что Краевой комитет будет вмешиваться в деятельность харьковского комитета.

Враждебный же прием приезжающих товарищей в тот период был обычным явлением на Украине. При всяких отступлениях и наступлениях своих же товарищей встречали или как оккупантов, или же как негодных работников. Это была своего рода болезнь, временно охватившая в дальнейшем все парторганизации Украины.

Но каковы бы ни были причины, вызвавшие оппозицию, это дела не меняет. Отсутствие активной поддержки со стороны руководящих харьковских товарищей крайне усложняло работу Советского правительства в Харькове. Будь другое отношение верхов парторгапизации Донец.-Криворож. области, не было бы перебоев в работе Ц.И.К, так как не пришлось бы сейчас же после падения Ц. Рады переезжать в Киев и в дальнейшем не приходилось бы перекочевывать Ц.И.К. и Народному Секретариату из города в город. Не пришлось бы затрачивать в самый трудный момент время и силы на изживание конфликтов в своей среде, и крайне ограниченный численный состав работников мог бы быть пополнен ценными работниками Харькова. С активной поддержкой харьковского комитета Харьков стал бы опорой Советского правительства, застрельщиком в проведении всех мероприятий и примером для непролетарских губерний Украины.

5. Отношение рабочих, крестьянских и солдатских масс Украины к ЦИК Советов Украины и Народному Секретариату.

После ультиматума Совета Народных Комиссаров 5 декабря и приказа Ц. Рады готовиться к войне с Великороссией в крестьянских массах, войсках, а отчасти и среди рабочих, особенно железнодорожников, национальный вопрос выдвигается, как важнейший вопрос, требующий серьезного разрешения. Его обсуждение вызывает споры в широких массах, которые значительно обостряются необходимостью сейчас же с оружием в руках бороться за принятое решение. Ц. Рада, занявшая с первых дней Октябрьской революции явно контр-революционную позицию по отношению к власти рабочих и крестьян, все свои силы направила к тому, чтобы вызвать

национальную вражду, национальную рознь. Агитация Ц. Рады, будто Совет Нар. Комиссаров не хочет признать за украинским народом права на самоопределение и поэтому, дескать, об'явил Украине войну, в первый момент имела своим последствием не только недоверчивое отношение масс ко всем, кто поддерживал Совет Народных Комиссаров—главным образом, к большевикам,—но и толкнуло многих к решению поддерживать Ц. Раду, как национальную власть,—хотя бы она и не была вполне своей. Ряд рабочих и военных организаций, не имевших своих представителей в Ц. Раде, начали избирать своих делегатов и выносить резолюции о полной поддержке ее. Даже те рабочие массы, которые активно боролись за власть Советов, в этот момент начали проявлять колебания и склонялись к поддержке Ц. Рады, рассматривая ее как украинское национальное правительство.

С избранием ЦИК и Народного Секретариата Советов Украины положение меняется. Борьба за национальное освобождение осложняется внутренней борьбой между двумя национальными правительствами, ЦИК Советов Украины и Ц. Радой, и вопрос о войне с Великороссией отодвигается на второй план. Глубже в массы проникает мысль, что за требованием Ц. Рады бороться с Великороссией за национальную независимость скрывается борьба с Советской Россией и желание буржуазии уничтожить все завоевания «трудящегося народа».

С этого момента рабочие и крестьянские массы внимательно начинают присматриваться к Ц. Раде и прислушиваться к ее постановлениям. Рабочие и солдатские собрания избирают свои делегации одновременно и в Ц. Раду, и в ЦИК со специальными заданиями: выяснить, какая из этих организаций действительно является народной властью. Вырабатывают наказы для своих представителей в Ц. Раде «настаивать на том, чтобы помещичьи, монастырские, удельные и кабинетские земли немедленно были переданы трудовому народу без выкупа, а также живой и мертвый инвентарь», и дают указания—«если Ц. Рада не защищает интересов рабочих и крестьян, то переизбрать ее». На сходках и общих собраниях уполномоченных сел и деревень выносят постановления делегировать в Киевскую Ц. Раду представителей для пред'явления следующих требований:

... Признать на местах власть только Советов Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов:

Переизбрание Киев. Ц. Рады на строго-демократических началах.

Изменение закона о выборах, ибо теперешняя система дает возможность враждебным народу классам проводить своих кандидатов. Избирательный округ не должен превышать размеров одного уезда. Пропорциональность голосов недопустима: проходит весь список, получивший большинство голосов.

На случай непринятия Киевской Ц. Радой указанных требований народа нашего, представители наши должны заявить, что Глуховский уезд присоединяется к Харьковской Раде (Ц.И.К. Советов Украины) Крестьян-

ских, Солдатских и Рабочих Депутатов, которая признана Сов. Нар. Комиссаров и борется в союзе с ним против калединцев и корниловцев [1])...

В массах начинается обратное движение, которое значительно ускоряется первыми вооруженными выступлениями Ц. Рады против Советов.

Деятели Ц. Рады в своих обращениях и постановлениях стремятся уверить народные массы украинцев в том, что ЦИК создали большевики и рабочие-великороссы, находящиеся на Украине, которые являются врагами украинского народа, украинской свободы.

Генеральный Секретариат Ц. Рады начинает проводить систематически вооруженные набеги гайдамаков на Советы, расстрелы членов Исполкомов, массовые аресты и избиения рабочих и самосуды над большевиками. Тут уже массы имеют дело не только с воззваниями Ц. Рады и заявлениями, что она стоит на страже интересов трудового народа, а с вооруженными выступлениями Генер. Секретариата Ц. Рады против «трудового народа».

Первый налет гайдамаков под командой полковника Реуцкого, сейчас же после выборов ЦИК, был устроен на Полтавский Совет. Следствием этого разгрома было то, что чисто крестьянская губерния первая восстала против Ц. Рады, а войска, находившиеся в Харькове и не решившие еще какое правительство поддерживать, вынесли следующую резолюцию: [2]).

> Мы, солдаты 4-го запасного артилл. дивизиона и других частей... шлем порицание тем частям, которые, ослепленные шовинистическим угаром украинской буржуазии и контр-революционного офицерства, идут для насильственных разгромов органов Сов. Р., С. и К. Депутатов. Мы протестуем против действия Киевской Ц. Рады и ее Генер. Секретариата, который присылает карательные экспедиции во главе с полковником Реуцким и уничтожает по пути органы революционной демократии — Советы Р., С. и К. Депутатов. Мы приветствуем вновь организовавшуюся власть Всеукр. С'езда Советов Р., С. и К. Депутатов, который и выделил из себя Всеукраинский Виконавчий комитет Рады Работничьих, Солдатских и Селянских Депутатив... признавая его, как единственный орган власти на Украине, защищающий интересы рабочих, солдат и крестьян, и возле которого мы готовы об'единиться.

Все репрессии проводятся под лозунгом борьбы с большевиками и неукраинцами. Украинцами признаются все те, кто безоговорочно поддерживает Ц. Раду и ее Генер. Секретариат, хотя по национальности они могут быть и великороссы, немцы, поляки, латыши и проч.

Параллельно с разгромами Советов и рабочих организаций Генер. Секр. проводит насильственную украинизацию находящихся на Украине войск и украинизирует румынский фронт, где действия Ц. Рады поддерживаются местными властями. Те воинские части,

---

[1]) Требование, выработанное уполномоченными Глуховского уезда, Черниговской губернии, «Вестник Украинской Народной Республики», № 13 от 20/I, 1918 г.

[2]) «Резолюция солдат г. Харькова — «Вестник Укр. Народн. Республики», № 1 от 19/XII 1917 г.

что стоят за власть Советов, об'являются великорусскими частями и расформировываются, а на румынском фронте, по предписанию Ген. Секретариата румынские жандармы арестуют выборных представителей от армии, обвиняют их в большевизме и набивают ими румынские тюрьмы.

Для сообщения о действиях Ц. Рады на румынском фронте дадим слово украинцу-делегату румынского фронта [1]):

Когда произошел октябрьский переворот, и власть перешла в руки Советов Раб., Солд. и Селянских Депутатов, мы, солдаты румынского фронта, решили переизбрать все свои организации, начиная с ротных комитетов и кончая фронтовым румынским комитетом. Десятого декабря 1917 года был созван фронтовый с'езд, открывшийся в Одессе. Общее настроение с'езда, за исключением небольшой группы «оборонцев»—«оборонческого блока», было явно в пользу перехода всей власти к Советам. На с'езд начали прибывать делегации от IV, VI и др. армий. Все делегаты рассказывали об одном, как солдатских представителей на румынском фронте арестовывают, сажают в тюрьмы и держат там без всякого повода. Выяснилось, что безобразие это — дело рук румынских властей и Киевской Ц. Рады в лице «национальных комиссаров». Чтобы прекратить эти насилия, мы избрали комиссию в числе девяти человек, которые должны были со специальными полномочиями ехать на фронт. Комиссия уехала, и мы ожидали ее возвращения, однако, не дождались, так как она была арестована генералом Щербачевым. Послали вторую комиссию, которую постигла та же участь. Избрали третью, из которой вернулась только часть, которой удалось избежать ареста. Эти оставшиеся товарищи рассказали нам, что случилось. Тогда нами были посланы делегации в Яссы и Киев, которые должны были, минуя ген. Щербачева и национальных комиссаров, потребовать от румынских властей и Генер. Секр. Ц. Рады немедленного прекращения арестов и насилий. Я попал в число делегатов. Когда мы прибыли в Киев, то квартиры для нас «не нашлось»: все было занято офицерством, бежавшим из Великороссии к гостеприимной Раде. Переночевав кое-как в номерах, на утро мы прошли прежде всего на заводы к рабочим, так как знали, что у них скорее всего встретим сочувствие. Так и оказалось, когда мы об'яснили им, для чего мы прибыли в Киев и спросили, каков их взгляд на действия Ц. Рады, то они нам сказали, что Рада контр-революционна, что она заключила союз с Калединым против российской и украинской демократии. Получив у них некоторые материалы, мы отправились на прием к Генер. Секретарю по военным делам г. Поршу, заменявшему в то время Петлюру. С трудом добившись приема, переждав бесконечное количество явившихся на прием офицеров, спасавшихся в Киев «от большевиков», мы вошли к Поршу. Принял он нас, как врагов. На все наши вопросы относительно событий на фронте и арестов и проч. он заявил, что ему будто бы ничего неизвестно и что по прямому проводу ему передавали, что на румынском фронте все спокойно. На нашу просьбу переговорить немедленно по проводу и приказать прекратить аресты, он вдруг «вспомнил», что провод испорчен. Так, ничего не добившись, мы ушли. Такой же прием встретили мы в Войсковой Раде: на все вопросы — один ответ: «нам неизвестно ничего». Решив во что бы то ни стало добиться какого-нибудь результата, мы опять пошли на другой день к Поршу. Не добившись снова ничего, мы отправились в Совет Рабочих Депутатов, члены которого все стоят за власть Со-

[1]) «Октябрьская революция и румынский фронт». «Вестник Украинской Народн. Республ.», № 10 от 17 января 1918 г.

ветов и настроены против Рады. От них мы узнали кое-что о положении Киева. Отсюда мы отправились на заседание Малой Рады, которое шло под председательством Грушевского. Я просил слова, чтобы сделать доклад о событиях на румынском фронте. Но говорить мне не дали, называя нас «большевиками, грозящими свободе Украины». На третий день мы вновь пришли к Поршу. Встретил он нас в дверях словами: «Провод еще испорчен». Мы просили впустить нас— он говорит: «Обождите». Ждем 20 минут. Зовет в кабинет, спрашивает: «Чего же вы хотите от меня?». «Мы требуем, чтобы армии дали хлеба, чтобы прекратили аресты и чтобы армию разрешили вывести с румынского фронта». Ответы на все мы получили очень уклончивые. Выпустить арестованных оказалось, по словам Порша, невозможным, так как «они все большевики». Вообще же о положении армии на румынском фронте Порш заявил, что «положение улучшится, если фронт захочет украинизироваться». О Каледине и его замыслах секретарь Порша выразился так: «Это не наше дело, пусть, что хочет, то и делает». Больше мы ничего не добились и должны были вернуться в Одессу в образовавшийся там ЦК румынского фронта. Вот как Ц. Рада заботится о фронте, вот как она работает на пользу контр-революции.

И чем шире развивала свою погромную деятельность Ц. Рада, тем быстрее шел обратный процесс, и тем решительнее выступали рабочие, солдатские и крестьянские массы против Ц. Рады и ее Генерального Секретариата. На митингах и собраниях в городах и селах принимают резолюции, в которых об'являют Ц. Раду контр-революционной, приветствуют ЦИК Советов Украины и требуют от него «беспощадной борьбы с буржуазной Ц. Радой и ее Генер. Секретариатом».

Уездные Советы крестьянских депутатов «протестуют самым энергичным образом против самого существования Ц. Рады» и требуют от ЦИК более решительной борьбы с ней.

Военные моряки черноморского флота, вначале полностью поддерживавшие Ц. Раду, в конце декабря прислали свою делегацию — 12 чел. — в ЦИК с тем, чтобы их информировали подробно в действиях Советского правительства, а 10 января приняли следующую резолюцию [1]):

Мы, украинцы и военные моряки Черноморского флота, рабочие порта и солдаты Севастопольского гарнизона, на своем собрании 10 января, собравшись в Севастополе, постановили искренно приветствовать Харьковскую Советскую Раду ЦИК, клеймим Киевскую Раду и ее Генер. Секретариат...

Телеграмма заканчивается угрозой Ц. Раде:

«Не врите же нашим отцам, братьям и сынам, не затемняйте им глаза, ибо скоро они увидят вашу действительность, и вы будете прокляты всеми вольными сынами Украины. Не опирайтесь же на Черноморский флот, ибо мы первые наведем 12-дюймовые орудия...»

Матросы, солдаты и рабочие украинцы, находящиеся в Кронштадте, прислали своего делегата в ЦИК Сов. Украины с *наказом:* [2])

[1]) «Привет Харьковской Советской Раде», «Вестник Украин. Народн. Республ.», № 10 от 17 января 1918 г.

[2]) Помещено в «Вестнике Укр. Нар. Республ.», № 20, от 28 января 1918 г.

Представитель Украинской Кронштадтской громады должен отстаивать и выполнять во Всеукраинском Центр. Исполн. Комитете следующий наказ:

1) Власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

2) Старо-прогнившую буржуазно-монархическую Раду, во главе с Грушевским, Винниченко и Петлюрой, арестовать, потребовать отчета и предать Революционному Суду за то, что они тормозили дело рабоче-крестьянской революции на Украине.

3) Украинское рабоче-крестьянское правительство обязано заключить демократический мир совместно с демократией России.

4) Никаких уступок и компромиссов контр-революционерам из лагеря Винниченко, Петлюра, Грушевский и К°.

5) Всеми силами отстаивать, чтобы универсалы буржуазной Рады о земле были аннулированы и все земли, как-то: помещичьи, монастырские, церковные, удельные и проч., были бы немедленно переданы в крестьянские земельные комитеты без всяких выкупов.

6) Все банки на Украине должны быть национализированы, а также заводы, фабрики, рудники и прочее.

7) Образовать социалистическую армию на Украине, как главную защитницу интересов трудящихся.

8) Беспощадное обложение капиталистов, расширение и увеличение школ на Украине.

9) Представитель от Кронштадтской «Просвити» должен озаботиться, чтобы из Украины, по возможности, посылали хлеб в центры революции.

10) Представитель должен приезжать по возможности почаще, делать отчеты в «Просвити», но не ранее, чем через два месяца, для того должен прислать уведомление о дне приезде; о ходе же дел должен уведомлять письмами еженедельно.

В войсках Ц. Рады также началось большое брожение. Полки имени Шевченко, Сагайдачного и Дорошенко, сформированные Ц. Радой и находившиеся в Киеве, вынесли постановление не выступать против рабочих, хотя бы им грозило разоружение, а первый Украинский Червонный полк вынес следующую резолюцию [1]):

1) Высказываем порицание Киевской Центр. Укр. Раде, которая поддерживает политику буржуазии и Каледина; 2) признаем как наивысшую и полномочную власть, Центр. Исполн. Комитет Советов Украины; 3) приветствуем Сов. Нар. Комиссаров, который помогает рабочим, солдатам и крестьянам в борьбе с контр-революцией; 4) желаем немедленно переформироваться и обращаемся к ЦИК Советов Украины с просьбой о вооружении полка, чтобы с оружием в руках могли защищать Советскую власть на Украине.

Воинские части, разбросанные на Украине, принимают резолюции, в которых говорят:

Шлем свой горячий революционный привет ЦИК, как действительной власти рабочих, солдат и крестьян, и выражаем твердую уверенность, что пролетариат и беднейшее крестьянство не поддастся провокаторской ловушке Ц. Рады и свергнет буржуазную Ц. Раду, сплотившись вокруг Сов. Р., С. и Кр. Депутатов.

С первых чисел января 1918 года в пленум ЦИК ежедневно являлось по нескольку делегаций из сел и деревень ближайших и

---

[1]) «1-й Український Червоний полк» — в «Вістник'е Українськоі Народньоі Республіки», № 16, от 21 січня (января) 1918 р.

дальних губерний с резолюциями и наказами от «обчества». Крестьянские сходы присылали почтенных стариков, пользующихся авторитетом и уважением в их деревнях и селах, для передачи Советскому правительству «воли народа». «Обчество постановило, — говорил старейший член делегации, — всем держаться за народную власть, за Советы и наказывало получить от вас приказ, как народу теперь поступать и просило пулеметчиков». Винтовки у солдатиков есть, с фронта принесли, а вот пулеметик бы нам, солдатики бают, он дюже хорош», пояснил сельский делегат «обчества» и при этом указывал на демобилизованного солдата, непременного члена крестьянских делегаций.

И не только рабочие, солдаты и крестьяне, но чиновники и служащие начали отказываться поддерживать Ц. Раду. В первых числах января в Харькове почтово-телеграфные служащие на своем собрании вынесли постановление поддерживать Советское правительство и избрали свой «Совет 15», который обратился с воззванием ко всем почтово-телеграфным служащим на Украине с раз'яснением политики Ц. Рады и призывал стать на сторону рабоче-крестьянского правительства — ЦИК и его Нар. Секретариата. Провинция не замедлила откликнуться и последовала примеру харьковских почтово-телеграфных служащих. И 16 января в г. Кременчуге на общем собрании почтово-телеграфных служащих, в количестве 60 человек, приняли постановление приветствовать Нар. Секретариат Советов Украины и «Совет 15», организацию почтово-телеграфных тружеников Харькова, и по их примеру выбрать свой Совет для того, чтобы он провел выборное начало. С этого времени они перестают звать себя почтово-телеграфными чиновниками и называются «почтово-телеграфные труженики». За почтово-телеграфными служащими пошли банковские, казначейские и другие служащие государственных учреждений.

А чем глубже шел откол масс от Ц. Рады, тем решительней Генер. Секретариат проводил репрессии против трудящихся масс и тем меньше «социалисты» Ц. Рады брезгали приемами царской черной сотни, дабы продлить свое существование. Оставшиеся верными Ц. Раде войска — «Курень смерти», вербовавшиеся из юнкеров и буржуазной молодежи гайдамаки и часть Полуботьковского и Богдановского полков—использовались Генеральным Секретариатом для зверских расправ с рабочими и крестьянскими массами и для налетов и разгромов Советов. Бодрость духа и смелость в этих частях «социалист» Петлюра поддерживал двойными порциями спирта.

В Полтаву Генеральный Секретариат выслал из Киева полк Богдана Хмельницкого с броневиками, под командой полковника Реуцкого, который окружил внезапно Полтавский Совет Р., К. и С. Депутатов и в течение 3-х часов залпами обстреливал здание Совета. Прекратив обстрел, ворвались в здание, избивая прикладами находившихся тут членов Совета, арестовали 8 членов Исполкома и председателя Совета. «После дикой расправы с Советом,—из рас-

сказа очевидца, — эта темная ослепленная толпа, под командой своих контр-революционных офицеров, рассыпалась по городу небольшими кучками, начала громить магазины и останавливать прохожих, граждан г. Полтавы, обыскивать их и отбирать деньги и все, что можно было взять». Арестованных членов Исполкома с председателем тов. Дробнисом повели на вокзал расстреливать,—но во время расстрела, в момент команды офицера, наши бросились врассыпную бежать; пустив вдогонку несколько залпов, гайдамаки начали дикую погоню за убегавшими. Настигаемых прикладами и каблуками превращали в кровавую массу. Большинство погибло, но несколько товарищей, в том числе и тов. Дробнис, получив по несколько пуль, все же скрылись.

В Киеве гайдамаки—опора Ц. Рады в Киеве—разгромили Совет професс. союзов и Совет фабрично-заводских комитетов, устраивали ночные налеты на фабрики, заводы и, под видом поисков оружия, учиняли форменный погром, арестовывали пачками рабочих и, зверски избивая, отправляли по тюрьмам.

Яркую картину создавшегося в то время положения в Киеве дает следующее письмо киевского товарища рабочего [1]).

«Ц. Рада ведет, как она выражается, беспощадную борьбу с большевизмом,—для достижения цели она разоружила в ночь на 8-е января Киевский арсенал, политехнические мастерские, завод Ауто, Варшавскую судостроительную верфь и др.; под словом «разоружение» нужно понимать полнейший разгром указанных заводов: под предлогом поисков оружия снимались кожаные пассы с моторов, разламывались ящики столов в конторах и проч. О процессе обыска и разоружения можно составить представление по случаю, имевшему место на заводе Ауто. Явились на завод ночью, часа в 3, разбудив сторожа и, не дав ему одеться, в нижнем белье повели его по заводу с тем, чтобы указывал, где хранятся ружья, гранаты и вообще оружие; когда сторож отвечал, что не знает, били его прикладами. Обойдя завод, и если обыск даже оставался безрезультатным, шли в контору, брали список рабочих и, читая по алфавиту, спрашивали: «большевик или нет?»— если нет, то какой партии? Таким путем устанавливали политическое «кредо» рабочего. Покончив с заводами, Ц. Рада об'явила мобилизацию «вильного казачества» на 7 дней, с уплатой жалования, и начала охоту на поименованных, правильно и неправильно, большевиков. По улицам и квартирам брали товарищей и избивали до полусмерти, а избив, бросали в «Лукьяновку». Около 40 чел. исключительно рабочих томятся и сейчас на больничных койках Лукьяновской тюрьмы... Все воинские части, которые поддерживают Ц. Раду, получают особый порцион водки; когда же нужен особый подвиг со стороны этих героев, порцион увеличивается вдвое: озверелые люди, под влиянием алкоголя, творят ужасы, не поддающиеся описанию, как это имело место в Киевской центр. хлебопекарне. Пекаря в знак протеста против насилий об'явили через свой профессиональный союз однодневную забастовку. Вечером группа гайдамаков ворвалась в пекарню, где в это время происходила замеска хлеба, и с криком: «А, вы бастовать, морить нас голодом!» — открыла пальбу. Убили 4-х тов. пекарей и изрешетили всю пекарню пулями... Рабочая печать

[1]) Письмо напечатано в № 11 «Вестник Украинской Народной Республики» — органе ЦИК Советов Раб., Солд. и Крест. Деп. Украины.

преследуется. «Пролетарскую Мысль» закрыли; редакция попробовала выпустить «Пролетарское Дело», но первый номер, едва вышел, стали конфисковать у разносчиков и в киосках; сейчас киевский пролетариат без своего живого пролетарского слова... Пробовали рабочие отправлять делегации в Ц. Раду, чтобы прекратить эти безобразия, стоящие жизни нашим товарищам, но всегда получали один и тот же ответ: «Мы никаких распоряжений никому не давали и ничего не знаем...».—Раз вы не даете таких распоряжений,—говорили рабочие,—то издайте приказ, чтобы это не повторялось». Но никаких приказов не издается. Завод Млашевского и железнодорожные мастерские, где преобладало украинское течение, вынесли резолюцию против контр-революционных действий Рады и разоружений рабочих. Железнодорожники к тому же в своей резолюции заявили, что те 2 броневые поезда, которые ремонтировались в мастерских, предназначаются против большевиков, а потому они их разобрали и не дадут... Пролетариат Киева,—кончает свое письмо товарищ,—лишенный реальной силы штыков, обращает свои взоры в сторону Харьковской Укр. Народн. Республики, изо дня в день ожидая часа расплаты за неповинно пролитую кровь».

Лукьяновская тюрьма и военная, Косой-Канонир, переполнены были изувеченными киевскими пролетариями. Тов. Чудновский, содержавшийся в Косом-Канонире, об'явил голодовку против зверских насилий, чинимых в тюрьме агентами Ц. Рады.

В ночь на 25 декабря в квартиру тов. Леонида Пятакова, — члена Киев. комит. больш. и члена ЦИК — ворвался отряд гайдамаков под предводительством офицера, стащили его с кровати в одном белье и, зверски избивая, увели неизвестно куда, а через 2 недели труп тов. Леонида нашли под мостом с простреленной раной в области сердца, с вырезанными во всю длину тела полосами, выколотыми глазами и исполосованного сабельными ударами.

В Умани, 5 января, во время заседания Уманьского Совета комиссар Ген. Секр. Суровцев с отрядом из «Куреня смерти» ворвался в Совет и «разгромив все, что возможно было», тут же расстрелял члена ЦИК Советов Украины, тов. Пионтковского — члена партии большевиков с 1905 г. — и члена Уманьского Совета и комитета большевиков, тов. Урбайлиса — рабочего печатника.

Генер. Секр. Ц. Рады предписал арестовать весь Совет Солд. Депут. IX армии румынского фронта. Члены Совета, находясь в тюрьме, обратились со следующим письмом [1]) к рабочим и крестьянам Украины:

Мы, члены Совета Солд. Депутатов, считаем своей моральной обязанностью заявить о нашем глубоком возмущении по поводу того насилия, которое именем Укр. Нар. Республики творилось над нами в течение нескольких дней. Без пред'явления ордера об аресте, без об'яснения причин, лица, которые себя именуют украинскими социалистами, врывались ночью в квартиры и, угрожая револьверами и румынскими штыками, заставляли нас всех подчиняться грубому насилию. Под охраной румын и украинцев арестованные, подгоняемые грубыми окриками румынских жандармов и украинских социалистов, отправлялись на окраины города в казармы, где уже передавались всецело в руки румын... Под впечатлением произошедшего,

[1]) «З армії — Вісти з Румынії» — «Вістник Укр. Народн. Респ.», № 15, от 20 січня 1918 р.

мы, очутившись за двумя толстыми решетками и под внимательным наблюдением юнкеров-кавалеристов, сразу вспомнили темное минувшее царской России. Но российские жандармы были куда более вежливы к своим жертвам. Они осторожно звонили и когда им открывали, пред'являли документы, и уже после этой процедуры предлагали исполнить, что прочитано... И нужно помнить, что это было во времена рабства, когда мы только мечтали о воле, когда она нам казалась чем-то недостижимым, как небесный рай... О неприкосновенности личности и жилища мы только читали, да и то тайком... И все-таки, темные люди находили возможным быть по отношению к нам людьми, несмотря на свое физическое господство. А теперь? Теперь мы считаем себя свободными гражданами, имеем полное право пользоваться всеми гражданскими свободами. Для завоевания этих свобод пролито целое море братской крови, и вдруг в то время, когда меньше всего ожидаешь насилия, снова, как когда-то, превращаешься в арестанта, но уже не по воле темного, неграмотного жандарма, а по желанию просвещенного украинского социалиста... Но мы не верим, что эти люди, со словами и действиями жандармов, — социалисты, и слова, которые они кричали при арестах: «От имени Украинской Народной Республики», они нахально украли у подпавшего под новое рабство несчастного украинского народа. Мы знаем этот народ. Кому знать его, как не нам, плечо в плечо умиравшим одинаково жестокой смертью в серых, холодных окопах... Мы знаем, что наши надежды и желания еще вчера были и их надеждами и желаниями, и теперь, когда их рука замахивается на нас, то в том виноваты только те лже-социалисты, которые обманули утомленных войной людей и под знаменем национального движения угнетают свободный народ так же, как это делали недавно царские генералы. Мы уверены, что скоро будет сорвана маска с этих самозванцев, и вся их черносотенная сущность сама собой оттолкнет от них свободолюбивый украинский народ.

Да здравствует подлинно народная Республика!

Душителям свободы — позор и проклятья!

Председатель Совета Солд. Депутатов IX армии *И. Стефанский.*

Секретарь *Якоби.*

И этот погромный разгул шел по всей Украине, куда только могли проникнуть агенты Ц. Рады и послушные распоряжениям Генер. Секретариата гайдамаки и «Курень смерти».

На репрессии и зверства, чинимые по приказу Генер. Секретариата, массы начали отвечать вооруженным сопротивлением, и по всей Украине стали вспыхивать восстания против Ц. Рады и ее Ген. Секретариата.

6. Первая Всеукраинская крестьянская конференция.

20 января (ст. ст.) в Харькове открылась Всеукраинская Крестьянская Конференция, созванная ЦИК Советов Украины из представителей волостных, сельских и уездных советов[1]). Представительство с мест было не полное, так как Конференция собралась

[1]) В тех уездах, где в волостях и селах не были еще избраны Советы, предварительно созывались уездные с'езды делегатов от всех волостей, и с'езд избирал представителей на Всеукраинск. конф. А там, где в губернии имелся особый губерниск. Совет крестьянских депутатов, он еще присылал двух делегатов от себя.

в разгар вооруженной борьбы с Ц. Радой. Киевская и Черниговская губернии совершенно не были представлены, их делегаты не могли прибыть на конференцию, так как железнодорожное сообщение с Харьковом было прервано. Делегаты остальных губерний присутствовали, но по той же причине некоторые губернии представлены были только несколькими уездами, и только Харьковская губ. представлена была полностью... Большинство делегатов были беспартийные, но определенные сторонники Советской власти... В президиум избрали большевиков, левых с.-р. и беспартийных, председателем конференции—т. Скрыпника, тов. председателя— т. т. Матвеенко и Гресса, почетным председателем—Е. Бош.

Порядок дня конференции:

1) о государственной власти на Украине и Учредительном Собрании (докладчик Е. Бош); 2) доклады с мест; 3) доклад Народного Секретариата Земледелия (докладчик Терлецкий); 4) доклады Народных Секретарей и 5) текущие дела.

Из докладов делегатов с мест [1]) выяснилось, что в большинстве уездов в селах и деревнях, как правобережных, так и левобережных, до середины декабря 1917 г. Советов не существовало, и в период керенщины и после октябрьского переворота в них продолжали править земская управа и старые старосты.

> До 20 декабря в нашем селе Ивановке ничего не было, — говорит делегат Даниловской волости, Изюмского уезда, Харьковской губ. — Наши волостные и земские организации совсем не выражают настроения крестьянства и им не верят. С земской Управы пришла телефонограмма: «Прошу известить население, что для Изюмского уезда получена мануфактура, которая будет распределена по волостям. Вскоре будут получены две тысячи лошадей, и все это будет распределено только между теми волостями, которые будут исправно нести все причитающиеся земские повинности». Этой телефонограмме крестьяне не поверили и считают, что все в ней написанное—ложь... В последнее время жители села пропитались революционным духом. На созванном митинге высказали недоверие Киевской Ц. Раде и приветствовали Советскую власть.

А делегат Змиевского уезда Харьк. губ. докладывал: «У нас совсем не отразилась Октябрьская революция, на селе всеми делами орудовал тот же староста, что и раньше в Волостной и Земской Управе. Только с 16 января дело подвинулось вперед... Некоторых членов земской управы мы попросили уйти, другие ушли сами».

И на этой информации сходились все делегаты различных губерний.

После октябрьского переворота, когда Ц. Рада об'явила себя государственной властью на Украине, Земские Управы стали проводить приказы и постановления Ц. Рады. Ниже привожу один из таких приказов [2]), прочитанный на конференции делегатом Александровского уезда, Екатеринославской губ.

---

[1]) Из отчета «Конференції Совітів Селяньских Депутатів», в Вістник'е Укр. Народн. Респ.», № 21, от 26 січня 1918 р.

[2]) Из того же отчета о конференции.

ВСЕМ ВОЛОСТНЫМ ЗЕМСКИМ УПРАВАМ, НАЧАЛЬНИКАМ МИЛИЦИИ АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА.

В текущий момент на территории Украинской Республики существует только одна законная власть Генерального Секретариата Ц. Рады и исполняющие распоряжения этой власти комиссары, городские, земские и волостные самоуправления, избранные самим народом на демократических началах, милиция и другие учреждения, деятельность которых строго ограничена существующими законами. При обслуживании интересов населения самовольные действия каких бы то ни было организаций, идущие против законов, вредные для планомерной деятельности признанных правительством Украины учреждений, недопустимы и подлежат строжайшему преследованию. В связи с этим предлагаю волостным Управам и начальникам милиции Александровской волости, чтобы так называемые войсковые революционные комитеты, которые безусловно противоречат законам и сеют смуту в народе, были немедленно ликвидированы, как организации бесполезные и даже вредные. Те из организаций или отдельные лица, которые не пожелают подчиниться этому распоряжению, исходящему из Центр. Украинской Рады, будут привлекаться к ответственности по ст. 29 Ул. о наказаниях.

Комиссар *Лазир.*

Эти приказы вызывают громадное недовольство масс против Ц. Рады. И с середины декабря, когда в деревню начинают приходить сведения о состоявшемся в Харькове Всеукраинском С'езде Советов и образовании Всеукраинского Советского правительства, в крестьянских массах начинается сильное брожение. Беднота, поддерживаемая вернувшимися с фронта солдатами, организуется, сбрасывает старые власти и организации Ц. Рады и создает свои Советы и Комбеды. Как шла эта борьба в земледельческих районах, говорят докладчики Полтавской губернии.

«С первых дней революции у нас было очень плохо, — говорит докладчик от волостей Полтавского уезда, — гайдамаки расстреливали крестьян и угнетали народ. Только 16 января собрались все к волости, и мы решили всюду на местах, в каждом селе создать Советы. Теперь у нас Советы, теперь живой и мертвый инвентарь в наших руках. Да здравствует Советская власть!».

«С начала революции в нашем уезде, — сообщает делегат Роменского уезда, Полтавской губ., — создался крестьянский комитет и Совет Раб. и Крестьянских Депутатов. Потом у нас возник крестьянский союз. 14-го декабря этот крестьянский союз вошел в блок с правыми с.-р. и меньшевиками. На 31 декабря назначили уездное собрание союза, другие организации не допускались. Союзом был приготовлен наказ — этим наказом союз хотел привлечь крестьян голосовать в Учредительное собрание. Наказ имел 31 пункт, в последнем пункте его говорилось: «Поддерживайте Киевскую Ц. Раду!» Большинство присутствовавших потребовало исключения последнего параграфа, но вносившие наказ отказались. Тогда мы своими революционными действиями выгнали сторонников наказа. Взяв власть в свои руки, мы избрали от себя комиссию, чтобы она назначила уездный с'езд для контакта с Советом Раб. и Солд. Депутатов. Комиссия назначила с'езд на 10 января. В это время от Киевской Ц. Рады был прислан в Ромны комиссар, который, узнав о с'езде, выпустил воз-

звание от 8 января, в котором призывал записываться скорей в вольное казачество: «Кому дорога отчизна, — говорилось в воззвании, — записывайтесь в вольное казачество, об условиях и плате спросить в канцелярии». Солдаты отправлялись записываться и создали 18-й полк, который 10 января, как один человек, стал за Советскую власть. Центр. Рада прислала на имя комиссара 1.200 винтовок и два пулемета, которые сложили в местной тюрьме. Солдаты заявили об этом с'езду, и с'езд приветствовал 18-й полк за его честное поведение и постановил забрать оружие и передать часть 18-му полку, а часть направить в села для вооружения революционных солдат. С'езд приветствовал Советскую власть и комиссаром Советской власти избрал т. Савченко».

Послушаем делегатов промышленного района:

«У нас много железных дорог и рудников бассейна, — говорит делегат из Кривого Рога. — Пролетариата у нас около 50 тысяч. С самого начала власть у нас принадлежала Советам. Потом создалась сельская Рада, которая всецело угнетала крестьян. Возникшее так называемое вольное казачество заставляло признавать только Ц. Раду, а не Советскую власть. 9 января, когда приехали солдаты с фронта, мы скинули власть Ц. Рады и переизбрали Советы. Теперь вольное казачество обезоружено. Всюду порядок. Все крестьяне признают исключительно Советскую власть. В Учредительное Собрание никто голосовать не хочет. Мы все глубоко убеждены, что победит Советская власть».

«Теперь у нас создана Советская власть и Красная гвардия в 500 человек, — докладывает делегат от волостей Ахтырского уезда, Харьковской губ., — телефонная контора, почтовое отделение и др. учреждения перешли в руки народа. Вот резолюция, которую вынес с'езд крестьянских депутатов Ахтырского уезда: постановили высказать недоверие Киевской Центр. Раде за ее буржуазные и контр-революционные поступки и об'явить всем, что с этого 8 января 1918 года мы все, как один, признали Центральный Исполнительный Комитет Всеукраинского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и Совнарком, как единственную власть, которая стоит на защите наиеднейшего крестьянства, пролетариата и солдат. Власть должна принадлежать Советам Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, только такую власть мы признаем и всецело ей доверяем».

Все делегаты, с небольшими изменениями, давали единую информацию о положении на местах. С начала января идет спешная организация бедноты, выносятся резолюции, об'являющие Ц. Раду контр-революционной, и постановления о признании и поддержке Советской власти, избираются Советы там, где их не было, и переизбираются раньше избранные Советы, так как в них засели кулаки, и всюду по селам организуется крестьянская Красная гвардия.

По заслушании докладов с мест и доклада о государственной власти 1-я Всеукраинская Крестьянская Конференция приняла всеми голосами, против 4-х правых с.-р., резолюцию [1]), в которой говорилось:

...Конференция постановляет признать Украинскую Рабоче-Крестьянскую Республику, которая входит в состав Всеукраинской федерации Советских республик. Вся власть на местах и в центре принадлежит Советам и избранному на Всеукраинск. С'езде ЦИК Советов Украины.

[1]) Там же — в отчете о конференции.

Все организации, общественные и государственные учреждения находится под управлением и контролем местных Советов. Местные Советы являются государственными учреждениями, зависимыми только лишь от своего Центрального органа.

Полномочным представителем Рабоче-Крестьянской Республики и всех трудящихся масс на ее территории является Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской Республики. Старые формы государственного управления достаточно задержали победу труда над капиталом. Смертельные враги трудового народа, полной победы социализма, должны быть подавлены властью диктатуры рабочего класса. Не единство классовых интересов, не Учредительное Собрание, а равенство всех трудящихся и диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства...

Конференция признает необходимым поручить Народному Секретариату Украинской С. С. Республ. распустить коллегию по созыву Украинского Учредительного Собрания и созвать II Всеукраинский С'езд Раб., Солд. и Крест. Депутатов, который и будет законным органом государственного управления.

По докладу Народного Секретариата Земледелия были приняты положения к декрету о земле, разработанные комитетом земледелия. Доклады о работе Народного Секретариата были заслушаны с большим интересом, и вынесена резолюция полной солидарности со всеми мероприятиями, проводимыми Советским правительством.

Крестьянская конференция избрала, в дополнение к избранному на Всеукраинском С'езде ЦИК, 20 челов. во Всеукраинский ЦИК Советов. Заседания конференции проходили в строго-деловом порядке. Конференция закрылась пением «Интернационала».

7. Вооруженная борьба с петлюровскими войсками и падение Центральной Рады и ее Генерального Секретариата.

К моменту образования первого ЦИК Советов Украины Генеральный Секретариат Центральной Рады располагал значительными вооруженными силами. Национальные полки, сорганизованные Ц. Радой в период керенщины, после октябрьского переворота были значительно усилены новыми воинскими частями украинцев, выделенных из войск, находившихся на фронте и снятых с фронта по разрешению ставки, для переброски на Украину. Во все украинские части, снимаемые с фронта, Генеральный Секретариат назначал свой командный состав, большею частью, состоявший из офицеров, бежавших из России и перекрасившихся в национальный цвет, и своих политических комиссаров. Все украинские войска стягивались Петлюрой—Генеральным Секретарем по военным делам—в Киев, и Киев стал военной крепостью Ц. Рады и базой всех врагов Советской власти, начиная от белогвардейской офицерщины и кончая всеми социалистическими мелко-буржуазными партиями. Все военные выступления Петлюры против Советов идут из Киева, и вся революционная борьба трудящихся с национальной контр-революцией сосредоточивается вокруг Киева.

Борьба с Ц. Радой разворачивается главным образом в правобережье. Левобережье и пролетариат Донецкого бассейна главные силы отдают на борьбу с Калединым и казаками. Харьков служит буфером между двумя военными лагерями и центром сосредоточения вооруженных сил как против петлюровцев, так и против Каледина. Харьковский пролетариат отдает большую часть своих сил на калединский фронт и только небольшую часть уделяет для борьбы с войсками Ц. Рады. Всей вооруженной борьбой с петлюровцами руководит Народный Секретариат ЦИК Советов Украины, борьбой с Калединым—штаб Антонова-Овсеенко, назначенный Советом Народных Комиссаров для командования российскими силами против Каледина.

В первое время ЦИК Советов Украины не имел в своем распоряжении никаких вооруженных сил, кроме Красной гвардии, имевшейся на местах в распоряжении Советов. Воинские части, стоявшие на стороне Советов в правобережье, были в большей части разоружены и расформированы Ц. Радой еще до Всеукраинского с'езда Советов. А движение петлюровских войск из Киева на Полтаву ставило Советскую власть на Украине под угрозу военного разгрома. И Советскому правительству пришлось с первых дней своего существования заняться военной работой и мобилизацией сил для обороны.

На одном из первых заседаний ЦИК принял проект декрета об организации социалистической армии, в котором говорилось: «Для защиты и укрепления Народной власти и для действительной победы рабочих и беднейших крестьян над буржуазией, организовать социалистическую Рабоче-Крестьянскую Армию «Червоное Казацтво» на следующих основаниях: 1) все воины, из которых должно состоять «Червон. Казац.», вступают в армию добровольно по рекомендации социалистических партий и Советских органов; 2) все воины находятся на полном государственном содержании; 3) семьи солдат рабоче-крестьянской армии обеспечиваются государством; осуществление и проведение в жизнь этого постановления поручается Советам Раб., Солд. и Крест. Депутатов» [1]).

ЦИК поручил Народному Секретарю по военным делам немедленно приступить к организации военного отдела, который должен заняться: 1) организацией и формированием воинских частей; 2) вооружением на местах Красной гвардии и крестьянских революционных отрядов и 3) раз'яснением в войсках, собранных Ц. Радой, требований ЦИК Советов и политики Ц. Рады. Кроме этого, было принято решение обратиться с воззванием к рабочим, солдатам и крестьянам о вступлении в ряды рабоче-крестьянской армии и на места послать распоряжение, чтобы Исполкомы Сове-

[1]) Этот проект, разработанный и пополненный, отпечатан в «Вістник'е Українськоі Народньої Республіки», от 23 січня, № 18, и помещен в приложении № 15.

тов Р., С. и К. Депутатов выделили лучших организаторов для формирования отрядов рабоче-крестьянской армии и усилили работу по обучению и вооружению Красной Гвардии.

В течение суток военный отдел ЦИК был сорганизован и приступил к работе. Заведующим отделом назначили тов. Богданова—арсеналец, большевик. В первые дни стали приходить в одиночку и группами демобилизованные и расформированные солдаты-украинцы, и запись в ряды рабоче-крестьянской армии пошла живо. Можно было бы в течение нескольких дней сформировать значи-

Виталий Примаков — первый червоный казак, организатор и командир первого полка Червоного Казачества.

тельные военные отряды, не будь задержки и больших трудностей с обмундированием, вооружением и всем снабжением. Но так как в распоряжении ЦИК никаких запасов вооружения не было, и приходилось удовлетворять свои нужды тем, что отвоевывали у Харьковского меньшевистского Исполкома и комиссара Харьковского гарнизона, и брать в долг в штабе тов. Антонова-Овсеенко, то вся работа военного отдела по формированию крайне тормозилась.

Из этого положения некоторым выходом послужило быстрое разложение воинских частей Ц. Рады, находившихся в Харькове. Некоторые петлюровские части, отказываясь поддерживать Ц. Раду, сдавали оружие и просили о роспуске их по домам; в других выделялись группы, заявлявшие о желании активно бороться с «контрреволюционной Ц. Радой», тогда и остальные сдавали оружие и расформировывались. Таким образом накоплялось оружие для вновь сформированных частей рабоче-крестьянской армии.

Одним из первых расформированных полков Ц. Рады был, кажется, 2 запасный украинский полк, где выделилось 300 человек, отказавшихся поддерживать Центр. Раду. Под руководством тов. Виталия Примакова в ночь на 22 декабря забили тревогу в полку, арестовали командный состав и заявили солдатам, что все нежелающие поддерживать Советское правительство должны немедленно сложить оружие, после чего им будет предоставлен свободный проезд, и они могут раз'ехаться по домам. Без сопротивления оружие было сдано, и 2 запасный полк расформирован.

Восставшие на защиту Советской власти 300 человек положили начало организации «Червоного Казацтва» — красных казаков. Тов. Вит. Примаков был назначен начальником этого отряда и приступил к организации и формированию полка. Но развернуть работу по формированию полка тов. Примакову в Харькове не удалось, так как пришлось выступить по предписанию Народного Секретариата на поддержку Полтавы, стонавшей от насилий, чинимых войсками Петлюры.

Военная работа закипела по всем городам и селам Украины, где начали спешно вооружаться и создавать рабоче-крестьянские отряды. Но на местах эта работа проводилась не в форме создания рабоче-крестьянской армии, а как всеобщее вооружение революционных масс для немедленной борьбы с петлюровскими погромщиками.

К 27 декабря с мест сообщают в Народный Секретариат [1]):

Криворожский район спешно вооружается и формирует свои военные отряды.

В Екатеринославе все рабочие вооружены и сорганизованы в отряды Красной гвардии. В губернии сорганизовались значительные крестьянские отряды из демобилизованных солдат, требуют оружия и, главным образом, пулеметов...

В Одессе организация отрядов и вооружение рабочих идет успешно...

В Николаеве рабочие формируются в отряды Красной гвардии, обучаются стрельбе и спешно вооружаются...

В Конотопе железнодорожники сорганизовались в крепкие отряды Красной гвардии...

В Жмеринке солдаты 2-го гвардейского корпуса, особенно кексгольмцы, помогают железнодорожникам вооружаться и в нужный момент поддержат рабочих.

---

[1]) Большая часть сообщений отпечатана в «Вестнике Укр. Народн. Республ.» за январь 1918 г.

В Донецком бассейне Бюро Военно-Революционного Комитета обратилось ко всем рабочим Донецкого бассейна со следующим воззванием [1]).

Признавая необходимым поставить на прочную основу все дело формирования Красной гвардии и руководства его, Бюро военно-революционных комитетов Донецкого бассейна постановляет: 1) образовать Центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна из представителей Петроградского, Московского и местных красногвардейских отрядов, на который и возложить дело создания Красной гвардии; 2) в ряды Красной гвардии принимать товарищей-рабочих, представивших рекомендацию заводского комитета, давших обязательство подчиняться революционной дисциплине, выполнять без промедления все боевые приказы и распоряжения командиров и готовых без колебания переносить все тяготы и опасности походной жизни; 3) запись в Красную гвардию поручается заводским комитетам всех заводов и рудников Донецкого бассейна. Заводский комитет формирует из рабочих своего предприятия боевую дружину, в которую входит 10% общего числа рабочих данного предприятия. Затем сформированные дружины должны немедленно направляться на сборные пункты: Штаб ртутного рудника, 2-й Южный рудник при ст. Никитовка, Южн. жел. дор. На сборных пунктах дружины получают полное походное снаряжение и обмундирование и затем распределяются по участкам фронта.

Для развития максимальной боеспособности и стойкости рабочих баталионов, последние должны хранить строжайший порядок и подлинную пролетарскую дисциплину. Красногвардеец, нарушивший дисциплину и вносящий смуту в ряды товарищей, карается судом батальонного трибунала по законам революции. Служба в Красной гвардии об'является отныне священной повинностью революции, и настоящее постановление входит в силу со дня его опубликования.

Но период военной подготовки и организации вооруженных сил был короток.

Уже 28-го декабря в Екатеринославе восстали рабочие Брянского завода.

Восставшие выбили из города петлюровцев, и в Екатеринославе вся власть в руках Совета Р., С. и К. Депутатов. Петлюровцы отступили от стан. Пятихатки, и значительный отряд Красной гвардии преследует их по пути отступления. Идут бои, и на поддержку Красной гвардии подходят отряды из губернии... Из Полтавы прибыл представитель от рабочих организаций с требованием срочной военной поддержки, так как своими силами с «гайдамаками не справиться», а больше мы не в силах терпеть насилия погромщиков.

29 декабря Народный Секретариат принял решение выдвинуть на поддержку революционных масс Полтавы имеющиеся в распоряжении Советского правительства военные отряды. Но, ввиду полученных сведений, что в Полтаву на поддержку Богдановского полка — выдвинутого Центр. Радой 14 декабря для разгрома Полтавского Совета — Петлюрой переброшены значительные силы из

[1]) Напечатано в «Вестнике Украинской Народной Республики», от 18 января 1918 г., № 11.

Киева, было устроено совещание с тов. Антоновым-Овсеенко, и принято решение усилить войска ЦИК небольшим отрядом из войск, находящихся в распоряжении штаба. Всю организацию военного выступления возложили на тов. Коцюбинского.

5 января 1918 г. сводные отряды червоного казацтва с тов. Примаковым, Красная гвардия с тов. Беленковичем и отряд штаба с Муравьевым, под общим командованием Муравьева, выступили из Харькова на Полтаву.

Выступление советских войск из Харькова послужило сигналом к повсеместному вооруженному выступлению революционных масс против Ц. Рады. По всей Украине стали вспыхивать вооруженные восстания, и началась ожесточенная борьба с петлюровскими войсками.

С этого момента период подготовительной работы кончается, и начинается повсеместная организация вооруженных выступлений и ожесточенная борьба революционных масс с войсками Ц. Рады. Массы борются за власть Советов и, изгоняя и разоружая петлюровские войска, восстанавливают разгромленные их рукой Советы и проводят все постановления ЦИК Советов Украины. Народный Секретариат руководит наступлением на Киев и сосредоточивает революционные силы против оплота контр-революции, Ц. Рады и ее Генерального Секретариата.

Участие отряда из штаба Антонова-Овсеенко и командование Муравьева выступившими советскими войсками дали повод агентам Ц. Рады и всей буржуазной прессе кричать о продвижении на Полтаву громадных российских сил и завоевании Украины штыками великорусской армии. В этой агитации контр-революционеры перестарались и нагнали такую панику на войска Петлюры, что по всему пути следования наших эшелонов петлюровские войска спешно очищали путь и отступали без боя к Киеву. Рабочие же и крестьяне, для которых и предназначалась вся эта лживая агитация, узнавая, с какой целью идут советские войска, выходили им навстречу, оказывали всяческое содействие и пополняли своими сформированными отрядами ряды советских войск Выступавшие из Харькова неначительные силы — человек по 600 — 800—по пути следования обрастали, точно катящийся ком снега, присоединявшимися отрядами рабочей и крестьянской Красной гвардии.

Весь путь до Полтавы наши войска прошли, не имея ни единой стычки. И только верстах в 5 от города столкнулись с петлюровской заставой, которая после небольшой перестрелки рассеялась. При приближении к городу навстречу нашим войскам пробралась группа железнодорожников рабочих, которые ночью провели наши эшелоны на Северный и Южный вокзалы. Ночью наши войска вошли в город. Большая часть петлюровских войск, узнав о приближении советских войск, бежала из города, оставшиеся части сдали оружие. Виленское пехотное училище было окружено нашими

войсками и тоже сдалось без сопротивления. После освобождения города в большей части Полтавской губернии петлюровцы бежали, и власть Советов восстановилась.

Числа 6 января прибыл из Киева в Народный Секретариат член Киевского Комитета большевиков с сообщением, что «рабочие массы требуют вооруженного выступления против Центральной Рады. Комитет сдерживать массы больше не в силах, и восстание может вылиться в стихийный протест и неорганизованное выступление. Хотя часть войск Центральной Рады заявила, что против рабочих не выступит, но без поддержки извне трудно рассчитывать на победу, так как рабочие вооружены плохо...»

На заседании Народного Секретариата было решено: 1) предложить киевлянам не выступать, в виду громадного скопления петлюровских частей в Киеве, до того момента, пока не подойдут советские войска к границам Киева и 2) начать общее продвижение вооруженных сил на Киев и с этой целью дать распоряжение советским войскам выступить из Полтавы на Гребенку; в Жмеринку и Бахмач делегировать своих представителей для организации обороны и наступления по линии Винница—Киев и Бахмач—Киев.

Из Полтавы наши войска, значительно пополненные Красной гвардией, 8-го января выступили по двум направлениям: основные силы на Гребенку имели направление на Киев, а небольшой отряд, под командованием тов. Беленковича,—на Кременчуг.

С продвижением советских войск на Киев, в крупных городах и рабочих центрах начали вспыхивать восстания. Но не везде они начинались с выступления революционных масс. Во многих городах восстание начиналось в связи с выступлением петлюровских войск, но в результате вооруженной борьбы всюду победа оставалась за боровшимися за власть Советов.

10 января восстание в Жмеринке и Виннице закончилось полной победой революционных масс. В Жмеринке железнодорожных рабочих поддерживали части 2-го гвардейского корпуса. Красная гвардия обезоружила милицию, отобранное оружие взяли для вооружения рабочих, которые и несут охрану в городе. Общее собрание рабочих всех служб железной дороги постановило вооруженной рукой поддерживать Советскую власть. В Виннице произошла стычка с петлюровцами; при перестрелке обе стороны имели потери, в результате петлюровцы выбиты не только из города, но и из окрестностей Винницы и отступили.

На ст. Знаменка, под видом отпускных солдат, прибыло 3 эшелона петлюровских войск, надеясь неожиданно захватить станцию. Хитрость их была обнаружена железнодорожной Красной гвардией, которая немедленно мобилизовала свои силы. Началась перестрелка, в результате которой гайдамаки побросали оружие и в беспорядке бежали. Все оружие взято Красной гвардией.

15-го января—восстание в Одессе, начавшееся неожиданным выступлением петлюровцев, надеявшихся взять массы врасплох.

Утром 15, в районе Пироговской улицы, — по рассказу очевидца [1]), — и возле военной школы начали раздаваться отдельные выстрелы, которые иногда прерывались стрельбой «пачками». Выстрелы все приближались к пассажирской станции, и к 9 часам утра вокзальная площадь и расположенные вблизи улицы представляли район жестокого боя. О происходящем бое известили железнодорожные мастерские и железнодорожную Красную гвардию. Раздались тревожные гудки железнодорожных мастерских. Рабочие бросили станки и тревожно спрашивали: «В чем дело, что случилось?». Тут раздался призыв: «Товарищи, к оружию! У нас отымают свободу и хотят сделать нас покорными рабами буржуазной Центральной Рады. Товарищи, все, как один, к оружию и идем бороться против гайдамаков». Моментально толпы рабочих, записанных в Красную гвардию, бросились к цейхгаузу, где были сложены винтовки. Сначала оружие выдавали по записям и регистрировали получавших, но быстро, под напором рабочих, бросили всякую запись и спешно стали выдавать винтовки. Начальники Красной гвардии начали разбивать рабочих в отряды и повели в бой. Приемный покой при большом вокзале спешно стал готовиться к помощи раненым, заготовлять носилки, медикаменты и перевязочный материал. От отряда, посланного на пассажирский вокзал, получили извещение, что гайдамаки теснят его, отряд отступает и требует помощи. Снова тревожный гудок и сбор всех оставшихся рабочих. Часть рабочих отправили на поддержку отступающего отряда, а часть занялась вывозом из мастерских 4 броневиков, находящихся в ремонте. Быстро доставили снятые с броневиков части, вывезли их во двор, но только два удалось пустить в ход. Раздобыли запас пулеметных лент и 3-дюймовых снарядов для имеющейся у нас скорострелки. Одновременно группа рабочих с лихорадочной поспешностью занялась сбором бронепоезда, находящегося в мастерских. Скоро поезд удалось собрать, развели пары, прицепили вагоны с пулеметами и площадки с орудиями и поставили на главный путь, чтобы в нужный момент можно было его пустить по линии. В это время пришло донесение, что гайдамаки идут к Одессе-малая и пытаются занять всю окружающую местность. Скоро гайдамаки подошли к стенам Одессы-малая и начали ее усиленно обстреливать. Наши пулеметчики - красногвардейцы поставили пулеметы на крыше вокзала Одессы-малая и возле водопроводной вышки и начали обстрел подошедших гайдамаков, — завязалась горячая перестрелка. Начали приносить раненых и убитых товарищей. В жестокой перестрелке перевес стал переходить на сторону гайдамаков, и наше положение с каждой минутой становилось все более критическим; были минуты, когда мы готовы были отступить и оставить станцию. Но подоспел броневик с красногвардейцами и стал обстреливать гайдамаков по линии. Мы ободрились и общим натиском оттеснили гайдамаков по направлению к переезду и «Соколинчику». К шести часам развернулся горячий бой в районе кладбища и Ближних Млинов, по которым гайдамаки били орудийными снарядами. Ночь прошла очень тревожно, обе стороны были на-чеку и следили за всякими движениями друг друга. Пулеметы беспрерывно строчили на ст. Одесса-малая и на водопроводной станции, пулеметчики не дремали и давали знать противнику, что они следят за ним, что всякая попытка наступать будет парализована. К утру 16-го выстрелы почти прекратились. Но часов в 9 снова раздалась ружейная и пулеметная пальба и тревожные гудки с железнодорожных мастерских. Снова начался сбор рабочих. К этому времени получили требование от черноморцев действовать более согласованно и отрядить свободное количество людей в распоряжение «Рум-

[1]) «Вестник Укр. Народн. Республ.», — январь 1918 г. и «Известия Киевского Совета Р. и С. Д.», № 12 от 31 января 1918 г.

черода». Быстро подсчитали людей и начали распределять их по участкам и выделили порядочный отряд, который отправили в город для усиления сил, боровшихся с гайдамаками. В начале 11-го часа раздалась орудийная стрельба со стороны гайдамаков. Снаряды попадали в дома, и началась паника среди жителей, которые спешили скрыться в погребах и подвалах. К полудню орудийный обстрел сосредоточился на Ближних Млинах и Лагерной улице, а к часу дня достиг Лагерной и Садовой, приближаясь к питомникам Дейбирца на Ливадии. К ночи начался жестокий обстрел района мастерских и Ближних Млинов. Воздух все время оглашался свистами снарядов, и все жители попрятались в погреба. С 3½ до 5 часов канонада приняла такие размеры, что началось бегство жителей. Но с 5 ч. канонада сразу прекратилась, и до 7 часов была полная тишина. К 7 часам получили сведения, что гайдамаки очистили железнодорожную линию, район переезда около пробочного завода и Сахалинчика и разошлись. Но в это время раздалась орудийная стрельба в районе Средне-фонтанской дороги. Это были уже последние выстрелы. Гайдамаки были вытеснены за городскую черту и предложили мир революционным массам. 17 января утром мир был заключен. Большинство гайдамацких частей прислали своих представителей в революционный штаб. Некоторые части отошли за город. Число жертв значительное. Все больницы, лазареты и госпитали переполнены ранеными. Около морга и университетской клиники стояли громадные очереди для опознания трупов...

В ночь на 16 января восстал киевский пролетариат против Центральной Рады. Часть петлюровских войск отказалась выступить против рабочих и осталась нейтральной, некоторые части присоединились к восставшим.

В это время вспыхивает восстание моряков и грузчиков в Крыму.

В Керчи, Ялте, Феодосии восстановлена Советская власть. Флот на стороне Советов. Центральная Рада окончательно выброшена из Севастополя. Дредноут «Воля» — надежда Ц. Рады — отрекся от нее и поднял общечерноморский флаг...

Со всех концов Украины получаются сообщения в ЦИК и Народный Секретариат о том, что на местах восстанавливается власть Советов, и петлюровские войска спешно отступают к Киеву:

Со стороны Екатеринослава красногвардейцы заняли Пятихатку и Знаменку.

По линии Курск — Киев занят Путивль, и наши продвигаются дальше к Конотопу.

По линии Полтава местные отряды, об'единенные с советскими войсками, продвигаются на Киев, уже заняли Лубны и приближаются к станц. Гребенка. Движение не встречает серьезного сопротивления. Всюду организуется Красная гвардия...

Со стороны Бахмач—Киев повели наступление советские войска и железнодорожные красногвардейцы. Как только наши войска начали подходить к Гребенке, российские войска, под командой т. Берзина, охранявшие железнодорожную линию Гомель — Бахмач, начали продвигаться и заняли Бахмач. Петлюровские войска отступили и, продвигаясь к Киеву, взрывали все мосты. С занятием Бахмача войска пополнились отрядами Красной гвардии, и Коно-

топские железнодорожные рабочие присоединились к вооруженным силам, шедшим под командованием т. Берзина, и стали преследовать отступающих петлюровцев, принявшись спешно чинить мосты и исправлять сделанные отступающими петлюровцами повреждения.

Вооруженная борьба ширилась, сходясь революционным кольцом вокруг Киева [1]). А в самом Киеве все рабочие, как один человек, встали на борьбу с Центральной Радой. Целые заводы вооружились поголовно. Те, кто не могли сражаться с винтовкой в руках, поддерживали борьбу всеобщей стачкой. Часть гарнизона, понтонный батальон, 3-й авиационный парк и полк Сагайдачного присоединились к восставшим рабочим. Большая часть гарнизона сохраняет нейтралитет. Против рабочих выдвинуты полуботьковцы, дорошенковцы и грушевцы. Выступление восставших началось одновременно со всех концов города. Арсенал, оба вокзала, железнодорожные мастерские подготовлялись к обороне, на улицах города рабочие сооружают баррикады. Город об'явлен Центральной Радой на осадном положении, комендантом города назначен известный своими расправами полковник Ковенко. Вся жизнь в городе замерла. Хлеб выпекают только для повстанцев, под контролем стачечного комитета, вода и свет прекратились...

В ночь на 18 января Народный Секретариат получил извещение, что в Киеве идут ожесточенные сражения рабочих с петлюровскими войсками, участки города переходят из рук в руки, и пока нельзя учесть, на чьей стороне будет победа.

Срочно дается распоряжение ускорить продвижение Гребенка—Киев и Бахмач—Киев на поддержку киевского пролетариата. Народный Секретариат постановляет делегировать т. т. Ауссема и Лапчинского политическими представителями в группу войск, шедшую под командой Муравьева, а на т. Коцюбинского возложить общее командование всеми вооруженными силами, борющимися против Центральной Рады.

Наши вооруженные силы стали спешно продвигаться на Киев.

...Наши войска подошли к Нежину, — сообщает [2]) Коцюбинский из Бахмача, — и, верно, возьмут его без бою. Петлюра с разбитыми войсками отступил к Носовке по направлению Гребенка — Киев. Мосты на Трубеже исправлены, и мы сможем двигаться дальше. Нами заняты Черкасы, Фастов, Корыстовка...

Все время продвигаемся, — следует сообщение из группы войск Гребенка — Киев. — Сейчас походным порядком идем с Яготина на Борисполь. Мосты через Трубеж еще исправляются. Чехо-словаки в Борисполе, Яготине держат строгий нейтралитет. Они хлопочут о пропуске их на французский фронт через Сибирь...

---

[1]) Смотри схему № 1.

[2]) Как это, так и большая часть военных сообщений, приводимых в данной главе, помещены в «Вестнике Укр. Народн. Республ.» — январь, Харьков, 1918 г.

21 января из Киева в Народный Секретариат прибыл посланный от рев. штаба железнодорожный рабочий с требованием ускорить продвижение советских войск, так как Петлюра стянул все войска в Киев и, за отсутствием патронов у рабочих, долго держаться против петлюровских войск, прекрасно вооруженных, будет невозможно...

Народный Секретариат срочно сообщил т.т. Коцюбинскому и Ауссему о положении восставших рабочих в Киеве и потребовал от них ускорить продвижение советских вооруженных сил.

Но отступившие к Киеву, под напором советских войск, гайдамацкие отряды Петлюры дали значительный перевес силам Центральной Рады. Петлюровцам удалось раз'единить рабочих и окружить их по частям. После этого Петлюра предложил восставшим сдать оружие, гарантируя полную неприкосновенность. Большинство вооруженных рабочих отрядов ответило отказом, продолжая отчаянно бороться. Но недостаток патронов и вооружения давал значительный перевес силам противника, и участки города один за другим стали переходить в руки контр-революционеров.

В ночь на 23 января обе наши группы войск Бахмач—Киев сходятся в Дарнице. К этому времени в Киеве уже началась кровавая расправа петлюровцев с обессиленными рабочими.

Арсенальцы, забаррикадировавшиеся в главном здании Арсенала, 6 дней без пищи и с незначительным запасом вооружения выдерживавшие ураганный артиллерийский обстрел Арсенала, длившийся с утра и до поздней ночи, вынуждены были сдаться на условиях, предложенных Центральной Радой. Но как только оружие было сдано, гайдамаки по приказу офицера приступили к дикой расправе.

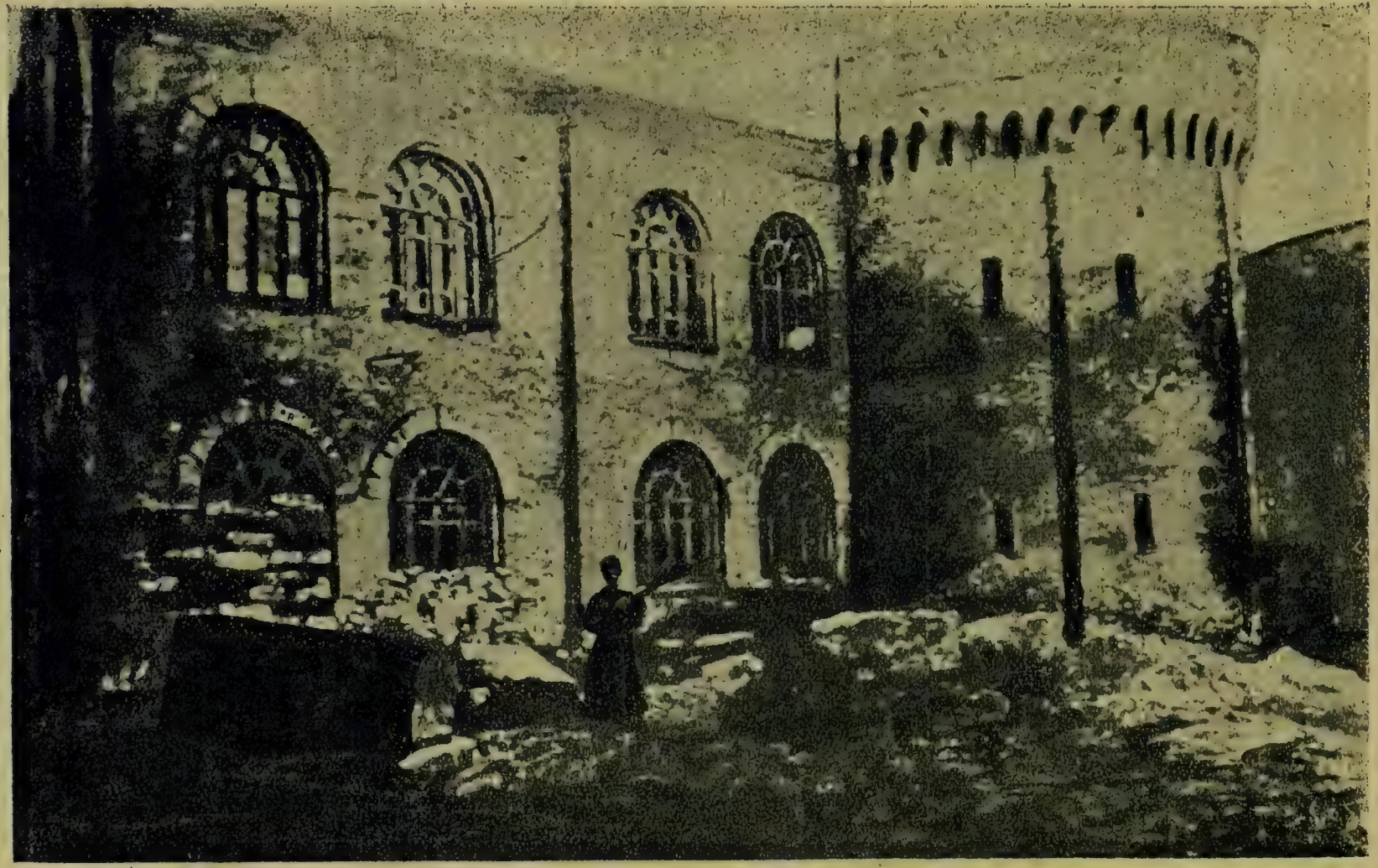
> ...Очевидцы этой сдачи, спустя несколько дней, не могли спокойно говорить о тех ужасах, которые пришлось пережить осажденным. Их всех, не исключая раненых и сестер милосердия, заставили бежать через рвы и окопы и в это время били прикладами, кололи штыками, расстреливали [1])...

То же, что и в Арсенале, происходило на вокзале и в различных районах... Удержались к приходу советских войск только часть железнодорожников на бронированном поезде и забаррикадировавшиеся в железнодорожных мастерских.

С 23 января начинается наступление советских вооруженных сил из Дарницы на Киев. К ним навстречу по ночам из города пробираются рабочие, и уже вместе с войсками начинают пядь за пядью брать и очищать город от петлюровцев. И Ауссем, и Коцюбинский сообщают из Дарницы:

> Наступление идет успешно. Линия железной дороги и все шоссейные и грунтовые дороги заняты нами. В настоящий момент идет

[1]) «Известия Киевского Совета Р. и С. Д.», от 30 января 1918 г., № 1



Здание Арсенала, где забаррикадировались рабочие в январское восстание.

штурм Печерска в двух направлениях: со стороны Киева 1-го на Арсенал и со стороны Цепного моста на Лавру, где противник особенно сильно укрепился. Отряды «Червоного Казацтва» действуют великолепно.

23 января вспыхивает восстание в Николаеве, в последнем из крупных городов, где еще оставалась власть Центральной Рады.

Около двух часов дня (23-го) произошло столкновение между Красной гвардией и петлюровцами, вызванное сторонниками Рады. На поддержку Красной гвардии вышли рабочие всех заводов. После вооруженной борьбы, продолжавшейся несколько часов, Красная гвардия заняла отделение Государственного Банка, казначейство, почту, телеграф и вокзал. Вечером осажденные рабочими петлюровские войска сдали оружие. Вся власть в городе перешла в руки Совета... День 24-го января прошел совершенно спокойно. Работают все заводы, открыты магазины, и город принял вполне нормальный вид.

В Киеве 24-го января бой идет уже в самом городе. По сообщениям Ауссема и Муравьева:

Заняты нами арсенал, крепость, лавра. Белогвардия держится еще на Киеве 1-м... Освобождены из заключения 500 рабочих, взятых в плен Ц. Радой. Освобожденные рабочие снова взялись за оружие. На улицах идет непрерывный бой, то же под городом...

26 января главная часть города очищена от петлюровцев.

Нами занят Печерск. Продвинулись по Александровской улице и заняли дворец и участок по Александровской площади. Заняты товарная и пассажирская станции, Васильковская и Караваевская улицы и очищаем Лукьяновскую.

В ночь на 27 января т. т. Ауссем, Коцюбинский и Лапчинский сообщают в Народный Секретариат:

К нам в штаб прибыла делегация от Киевской городской думы и, во имя Украинской Советской власти, просила приостановить обстрел города. Ответ нами дан следующий: обстрел города может быть приостановлен только в том случае, когда: 1) сегодня же, 26 января, в 3 часа дня все лица, ведущие на улицах вооруженную борьбу против революционных масс, сдадут оружие и вывезут его на площадь перед вокзалом Киев-пассажирский; 2) к этому же времени выдать виновников контр-революционного движения в Киеве, членов так называемого Генерального Секретариата, министров и военного коменданта. Эти условия выработаны нами вместе со штабом.

Делегация городской думы ответа не дала, заявив, что она передаст эти требования на обсуждение общественных деятелей и через два часа явится с ответом. Но больше делегация не являлась. 27 января политические представители Нар. Секретариата сообщили уже из Киева:

Наконец, окончательно овладели городом. Освободили из тюрьмы т.т. Чудновского, Боварского, командира особой армии Егорова и других революционеров. Киев окончательно очищен от контр-революционных банд, разрозненные группы которых еще ночью стали покидать город. Генеральный Секретариат бежал на автомобилях по Житомирскому шоссе. Петлюра с оставшимися войсками отступил на Житомир. Советская власть Киева начинает возобновлять свою деятельность. Сорга-

низовался Ревком. Завтра состоится первое заседание Киевского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Нами выпущено следующее воззвание к населению [1]):

Товарищи и граждане!

После жестокого артиллерийского обстрела, после отчаянной борьбы на улицах Киева, наши войска заняли столицу Украинской Республики.

Председатель низвергнутого правительства называл нас в своих выступлениях северными варварами-завоевателями, нас клеймили именем великорусских империалистов, но это была такая же правда, как утверждение Центральной Рады, будто она является истинным выразителем надежд и чаяний всего украинского народа.

С Радой, проводившей политику соглашательства с буржуазией украинской, российской и заграничной, с Радой, изменившей своему народу заключением позорного мира с австро-германскими империалистами, боролись не северные варвары, не чужеземные завоеватели, а мы, представители пролетариата и беднейшего крестьянства Украины, войска же Российской федерации являлись лишь верным союзником в борьбе с нашим внутренним заклятым врагом — украинской националистической интеллигенцией и стоящими за ее спиной группами городской буржуазии и деревенского кулачества.

И не даром с упорством отчаяния отстаивали свои позиции «щирые» украинцы из Центральной Рады, отстреливаясь до последнего патрона, отбиваясь до последнего издыхания, — они знали, что с нашей стороны пощады им не будет, не им лично, а их привилегиям, их стремлениям опекать меньшего брата.

Взявши власть вооруженной рукой, мы, представители рабочих и беднейших крестьян Украины, передадим ее только с'езду Советов рабочих, солдат и крестьян Украины, на котором угнетенные классы украинского народа сами выяснят свою волю и порешат, как им строить жизнь.

До тех же пор перед лицом революционного городского и сельского пролетариата Украины, всей России и всего мира обязуемся высоко держать красное знамя рабоче-крестьянской революции, знамя международного братства и социализма.

Жизнь, к которой мы стремимся, не похожа на прежний проклятый строй насилий и произвола человека над человеком. И мы не боимся ропота возмущенной буржуазии и жалобного писка интеллигентов, обвиняющих нас в насилии и разбое. Да, мы насильники, но над насильниками, над теми, кому порядок и законность нужны для выжимания соков из ближнего, да, мы разбойники, потому что разбиваем вековые оковы рабства рабочих и крестьян.

Мы говорим рабочим и крестьянам: разбивайте свои кандалы как материальные, так и духовные, отбросьте все сомнения и нерешительность, берите все в свои руки и стройте сами новую жизнь.

Не беда, если вначале не все будет ладиться. Будут ошибки, неизбежные в новом деле, будут неудачи. Учитесь на ошибках и идите дальше — только таким путем можно стать господином своей жизни.

Помните, что позади нас—постылое рабство, впереди—тернистый путь великой творческой работы и упорной борьбы за царство равенства и братства, за социализм.

Да здравствует свободная отныне Украина, свободная от всяких господ, хотя бы и украинских! Да здравствует всемирная рабоче-крестьянская революция! Да здравствует социализм!!!»

[1]) Воззвание было напечатано листовкой и в «Вестнике Укр. Народы. Республ.», от 4 февраля 1918 г. № 23, г. Киев.

27 января в г. Киеве, главном и последнем оплоте буржуазно-помещичьей контр-революции, об'единившейся вокруг Центр. Рады и ее Генерального Секретариата, подняли красное знамя—знамя победы революционных масс. 28 января состоялось первое заседание Киевского Совета рабочих, солд. и крест. депутатов. 30 января вышел первый номер «Известий» Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов.

С 16 января по 28 января, одиннадцать дней, киевский пролетариат вел отчаянную вооруженную борьбу с войсками Ц. Рады. И в эти «незабываемые дни,—писал орган Киевского Совета,—пролетариат Киева проявил удивительный, беспримерный героизм и беззаветное самопожертвование. Сотни пролетариев отдали свою, в большинстве случаев молодую, жизнь за великую цель освобождения человечества от ига капитала. Великие и трагические дни Парижской Коммуны невольно приходили на память в эти дни, когда под градом пуль и орудийным огнем пробирались десятки девушек и женщин рабочего класса в осажденный арсенал с хлебом, медикаментами, снарядами, приносили патроны на передовые позиции, когда участки города переходили из рук в руки, и потом в дни кровавой расправы петлюровских наймитов с восставшими рабочими»...

Больше 2.000 сознательнейших пролетариев выбыло в это восстание из рядов киевского пролетариата...

4 февраля киевский Совет Раб. и Солд. Депутатов и весь киевский пролетариат хоронили своих погибших товарищей. В две братские могилы, в Александровском парке, в один день и час опустили 750 красных гробов с останками расстрелянных и изувеченных деятелями контр-революционной Центральной Рады.

С освобождением Киева восставшие массы Украины, боровшиеся за власть Советов, могли праздновать свою победу. Низвергнутый Генеральный Секретариат и деятели Центральной Рады бежали в Австрию, и по всей Украине, кроме части Волынской губернии, куда отступили остатки петлюровских войск, власть перешла к Советам Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов. Вооруженная борьба рабочих и крестьян Украины за власть Советов закончилась полной победой революционных масс.

27 января состоялось последнее в Харькове заседание Народного Секретариата, на котором большинство приняло решение о немедленном переезде в Киев. По этому вопросу в Народн. Секретариате были большие дебаты. Часть народных секретарей решительно высказалась против немедленного переезда, указывая, что Киев, в первое время, будет военным лагерем, и все силы там нужно будет отдать на охрану и оборону города и на организацию и укрепление фронта против Петлюры, находившегося всего в 20—30 верстах от Киева. По их мнению поэтому Киев менее всего годен для правительственной работы, которая теперь, с освобождением всей Украины, должна значительно расшириться. Вследствие этого предлагали выждать с переездом всего правительства, а в Киеве пока оставить тех трех народных секретарей, которые ранее были откомандированы полити-

ческими представителями ЦИК Сов. Украины, и группу войск, двигавшихся на Киев, с представлением этой тройке широких полномочий. Товарищи, внесшие предложение о немедленном переезде, настаивали на своем предложении, мотивируя его политическими соображениями: «Киев—столица Украины. Наместо свергнутой контрреволюционной Центральной Рады должно немедленно прибыть Советское правительство»... И, кроме того, указывали, что «на время создавать комиссариаты в Харькове нецелесообразно и сложно, а в Киеве аппарат уже имеется, созданный Центральной Радой»...

Братская могила.

При голосовании большинство высказалось за немедленный переезд, и меньшинство, оставшись при особом мнении, потребовало занесения в протокол его протеста по поводу принятого решения. В первый раз народные секретари резко разошлись во мнении, и соглашение не было достигнуто.

В тот же день состоялось заседание пленума ЦИК Советов Украины. От имени Народного Секретариата было внесено предложение о немедленном переезде в Киев. Пленум ЦИК принял это решение большинства Народного Секретариата

29 января ЦИК Советов Украины и Народный Секретариат выехали в Киев. Через две недели в Харькове был составлен Совет Народных Комиссаров, под председат. тов. Артема, и Донецко-Криворожская Область об'явлена отдельной Советской республикой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. Пребывание ЦИК Советов Украины и Народного Секретариата в Киеве.

30 января (12 февраля) [1]) 1918 г. Советское правительство переехало в Киев. В тот же день президиум ЦИК разослал следующую телеграмму [2]), адресованную всем Советам на Украине, Всероссийскому Центр. Исполн. Ком. Советов Раб., Солд., и Крестьян. Депутатов, Совету Народных Комиссаров и редакциям газет:

> Киевская Центральная Рада и контр-революционные силы, группировавшиеся вокруг нее, сломлены и разбиты советскими войсками, и 30 января сего 1918 года Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины и Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской Республики переехали из Харькова в Киев.

Меньше трех месяцев прошло со дня захвата Центральной Радой государственной власти, меньше двух месяцев, как делегаты первого Всеукраинского С'езда должны были бежать из Киева в Харьков, чтобы иметь возможность открыть свой с'езд и избрать свой государственный орган — ЦИК Советов Украины, — и меньше месяца со дня решительной борьбы рабочих и крестьян Украины против насилий, чинимых Ц. Радой. На всей Украине государственная власть перешла к Советам Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов.

> ... Все рабочие украинские, все беднейшие крестьяне, все солдаты, из окопов вернувшиеся в свои родные села и деревни, — писал орган ЦИК [3]), — все они с презрением отвернулись от политиканов, которые обманно захватили в Киеве управление государством. Все они встали на сторону власти истинно-народной... Теперь народная власть, власть рабочих и беднейших крестьян на Украине, в лице Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и выделенного им из себя Народного Секретариата, вступила в свои законные права и овладела всем аппаратом управления Республики...

---

[1]) С февраля 1918 г. введен новый стиль.

[2]) «Известия Киевского Совета Раб. и Солд. Деп.», от 14 — 1 февраля 1918 г., № 3.

[3]) Орган ЦИК Советов Украины — «Вестник Украинской Народной Республики», перенесенный из Харькова, начал выходить в Киеве на русском и украинском языках.

ВѢСТНИК

Цѣна 25 к.

Украинской Народной Республики

Орган Центральнаго Исполнительнаго Комитета Всеукраинской Рады Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

№ 23. Кіев, 17 (4) Февраля. № 23.

АДРЕС КОНТОРЫ:	ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:	АДРЕС РЕДАКЦІИ:
Фундуклеевская, № 19. КОНТОРА ОТКРЫТА отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч.	На 1 мѣсяць 6 руб. На 2 мѣсяца 12 руб.	Фундуклеевская ул. № 19. Секретарь редакціи принимает отъ 10 до 12 час. дня.

Волею рабочих и крестьян Украины низвергнута буржуазная Центральная Рада с ея предательским генеральным секретаріатом.

На Украинѣ установлена ВЛАСТЬ СОВѢТОВ рабочих и крестьян.

Революціонный пожар соціалистической революціи, зажженный в РОССІИ, об'ял своим пламенем УКРАИНУ, перебрасывает свои огненныя искры на ДОН и другіе углы Великой Россійской Федеративной Республики.

Над всей Россіей загорается заря новой свободной жизни.

Ярким свѣтом озаряется Вселенная и на развалинах буржуазнаго міра вырисовываются контуры соціалистическаго строя.

От Редакціи.

С переѣздом в Кіев Центральн. Исполнительнаго Комитета Совѣтов Украины и Народнаго Секретаріата в столицу Украины переносятся и их центральные органы: „Вѣстник Укр. Народной Республики" на русском языкѣ и „Вістник Української Народньої Республіки" на украинском языкѣ.

Центральный Исп. Комитет Совѣтов Украины и Народный Секретаріат помѣщается на Б.-Владимирской ул., № 18.

Адреса и часы пріема Секретарей и управляющих отдѣлами Народнаго Секретаріата Украины.

[illegible]

К НАСЕЛЕНІЮ!

[illegible]

Кіев, 17 февраля.

[illegible]

12 февраля вечером состоялось заседание Исполнительного Комитета Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов [1]) под председательством Андрея Иванова. С приветствием от ЦИК и Народного Секретариата киевскому пролетариату и докладом о положении на Украине и работе Советского правительства выступила Е. Бош, народный секретарь по внутренним делам. Доклад никаких возражений не вызвал, но члены Исполкома, информируя о положении в городе, требовали скорейшего вывода войск, находящихся под командованием Муравьева, из города и принятия экстренных мер со стороны Нар. Секрет. к скорейшему продвижению продовольственных грузов и урегулированию вопроса о дензнаках. Требуя вывода войск Муравьева, товарищи с возмущением говорили об арестах и расстрелах, производившихся штабом Муравьева, и сообщали, что действия штаба вызвали громадное недовольство населения, а на заседании Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов—28 января—была принята единогласно резолюция [2]), предложенная фракцией большевиков, следующего содержания:

> ...Совет выражает решительное осуждение непрекращающимся самосудам над пленным врагом, которые пятнают славную победу пролетариата. Киевский Совет Раб. и Солд. Депутатов вменяет в обязанность Исполнительному Комитету и военно-революционному Комитету принять самые решительные меры для прекращения самосудов и требует, чтобы все без исключения арестованные представлялись на суд Революционного Трибунала. Опозорившие себя убийством безоружных должны быть исключены из рядов социалистической армии и преданы революционному суду. Не унижайте себя подражанием гнусности низвергнутой контр-революции. Довольно насилий! Да здравствует справедливый суд организованного пролетариата! Киевский С. Р. и С. Д. об'являет, что на территории его власти смертная казнь отменяется.

После вынесенной Советом резолюции Муравьев издал приказ по армии, в котором заявил: «Категорически запрещаю самочинные обыски, а тем более самосуды» и указал, что «право обысков и арестов принадлежит только Военно-революционному комитету, в лице гражданского комиссара тов. Чудновского»... Но, несмотря на этот приказ, самочинные обыски и аресты продолжаются и проводятся не кем другим, как ближайшим помощником Муравьева — командующим 2-й армией, Ремневым.

Что же касается продовольствия и финансов, то большинство членов Исполкома считало, что крайне тяжелое продовольственное положение, создавшееся в городе, усугубляется предписанием народн. секретаря по финансовым делам, тов. Ауссема—«не принимать к уплате «Гарбованцы», что этой мерой был вызван денежный голод, создавший невыносимые условия для рабочих, получавших

[1]) После падения Ц. Рады Исполком Киевского Совета состоял исключительно из большевиков; представители мелко-бурж. партий в Совете оставались, но в Исполком не входили.

[2]) «Заседание Совета Р. и С. Д. 28 января» — в «Известиях Киевского Совета Р. и С. Д.», от 30 января 1918 г., № 1.

в последнее время зарплату исключительно «карбованцами», и находило, что временно «карбованцы» следует оставить, а изымать их из обращения только постепенно.

В ту же ночь состоялось заседание Народного Секретариата, где в экстренном порядке были обсуждены вопросы, выдвинутые Исполкомом Киевского Совета, и принят ряд решений во исполнение требований Исполкома. Тотчас было послано т. Лугановскому, народному секретарю продовольствия, постановление Народного Секретариата: экстренными поездами высылать продовольственные запасы, находящиеся в распоряжении Советского правительства в Харькове, и срочная телеграмма в Госбанк в Петроград о немедленной высылке дензнаков.

15 февраля состоялся пленум ЦИК Советов Украины, на котором единогласно принято было обращение «К рабочим, крестьянам и всему населению Украины». В воззвании говорилось, что с изгнанием из Киева «правительства предателей интересов народа—правительства буржуазной Ц. Рады, — оплот контр-революции разбит, и на Украине нет больше власти буржуазии и соглашателей. Рабоче-крестьянское украинское правительство, избранное в декабре в Харькове, распространило свою власть на всю Украину... Спокойно и твердо оно будет вести свое дело строения Украины... Беспощадно сурово сметать врагов Советской власти... Нет больше помещиков и капиталистов... Вся земля переходит в распоряжение земельных комитетов и Советов Крестьянских депутатов... На всех фабриках и заводах должен быть введен строгий рабочий контроль... Все частные банки сливаются с государственным в единый Народный Банк... Рабочие и крестьяне Украины должны немедленно приняться за работу по укреплению власти Советов на местах»... Пленум принял решение на 20 февраля (ст. ст.) созвать II Всеукраинский С'езд Советов. С первых дней переезда ЦИК Советов Украины и Народного Секретариата работа Советского правительства сосредоточивается в самом Киеве. Это вызывалось, с одной стороны, тяжелым положением в самом городе, с другой, — сосредоточением силы и внимания на разворачивании комиссариатов.

Положение в городе вызывало серьезные опасения, с продовольствием дело обстояло катастрофически. За 2 недели вооруженной борьбы, когда все базары были закрыты, и всякая доставка продуктов прекратилась, рабочие и беднейшие слои населения проели все свои скудные запасы и остались буквально без куска хлеба. В момент, когда город еще очищали от последних петлюровских банд, перед Ревкомом уже встала первейшая и неотложнейшая задача — изыскать продовольствие немедленно.

С этой целью 27 января (ст. ст.) Ревком вызвал деятелей городской продовольственной управы для переговоров. После заявления с их стороны о готовности приступить к работе под контролем Советской власти, Ревком вынес постановление о возобновлении деятельности Городской Продовольственной Управы, которой пору-

чил в срочном порядке приступить к учету имеющихся в городе продовольственных продуктов и распределению их среди беднейшего населения и, в первую очередь, среди рабочих.

Но попытка удовлетворить первые требования запасами, имеющимися в городе, оказалась тщетной. Интендантские склады к моменту прихода советских войск были расхищены войсками Ц. Рады; опустошенными оказались и склады продовольствия разных общественных организаций; немало постарались по части расхищения продовольствия мародеры, воспользовавшиеся тем, что во время боев, с момента фактического безвластия, продовольственные грузы некому было охранять; поработало также и «вольное казачество»—войска Ц. Рады,—которое, отступая, портило железнодорожные пути, уничтожало продовольствие, уже погруженное в вагоны и предназначенное для Киева.

Поезда с мукой, заготовленные Народным Секретариатом (предвидевшим возможность продовольственных затруднений в Киеве) и пришедшие вслед за советскими войсками, оказались каплей в море требований, шедших как от рабочих и военных организаций, так и от городской бедноты.

Без доставки извне удовлетворить нужды сегодняшнего дня даже только рабочего населения не представлялось возможным.

Подвоз же из ближайших деревень шел слабо,—крестьяне опасались налетов петлюровских банд, а доставка продовольственных грузов из ближайших губерний тормозилась неисправностью железнодорожных путей. И «костлявая рука голода так угрожающе протянулась над Киевом, как никогда еще за все время революции»,—писал орган Киевского Совета.

Катастрофическое продовольственное положение значительно ухудшалось почти полным отсутствием денежных знаков.

Ц. Рада наводнила город не имевшими никакой ценности бумажками, расплачиваясь в последние недели своего существования исключительно «карбованцами» — дензнаками, выпущенными Генеральным Секретариатом и аннулированными Народным Секретариатом Советов Украины, еще в бытность в Харькове, постановлением от 20 января. Кроме того, большинство рабочих и служащих не получили жалования за январь, многие — и за декабрь.

С изданием приказа народн. секретаря финансов, требовавшего «карбованцы» к уплате не принимать, Ревком, предвидя крайне тяжелое положение рабочих и городской бедноты, принял следующее постановление [1]):

> ...Принимая во внимание тяжелое положение трудящихся масс, в руки которых попали выпущенные Генер. Секр. украинские деньги... производить обмен на общероссийские деньги по справкам, выдаваемым Советом Раб. и Солд. Депутатов, Профессиональными Союзами, Земельными Комитетами, Фабрично-Заводскими Комитетами, Железнодорож-

[1]) «Известия Киевского Совета Р. и С. Д.», от 14—1 февраля 1918 г. № 3.

ными коллективами, советами и комитетами служащих и прочими демократическими организациями, — удостоверяющими, что эти деньги были получены в качестве заработной платы или вознаграждения за труд... Размен обмениваемой суммы ограничивается для каждого лица 400 рублями»...

Но этой мерой положение не улучшалось, так как в первый же момент потребовались громадные суммы для обмена «карбованцев» и на уплату жалования рабочим и служащим. Удовлетворить эти громадные потребности не представлялось никакой возможности, банки и казначейство были пусты. Министры Ц. Рады, удирая из города, захватили весь золотой запас, оставив груды никому ненужных «карбованцев», а сумма, привезенная Советским правительством из Харькова, была крайне незначительна, по сравнению с требованиями. Отсутствие же дензнаков прежде всего ухудшало положение рабочих, которые тщетно обивали пороги банков в надежде немедленно получить то, что даст им возможность утолить голод сегодняшнего дня...

На-ряду с продовольственными и финансовыми затруднениями, положение значительно осложнялось отсутствием порядка и спокойствия в городе. Оставшиеся петлюровцы и черносотенные банды, пользуясь отсутствием надлежащей организованной охраны, устраивали стрельбу на окраинах и вооруженные налеты на винные склады и погреба. Уголовные, выпущенные из тюрем деятелями Генерального Секретариата перед бегством своим из Киева, хозяйничали по ночам по обывательским квартирам и магазинам. А хулиганского вида типы пьяные бродили днем по улицам города, задевали прохожих и устраивали всяческие дебоши. Прекратить эти бесчинства и установить хотя бы сравнительный порядок в городе не представлялось возможным.

Охрана города требовала до 4.000 человек караула, а в распоряжении Киевского Исполкома и Советского правительства таких сил не было. Старые караульные части, с установлением Советской власти в Киеве, расползлись по домам, а солдаты киевского гарнизона рассматривали падение Ц. Рады, как конец всякой вооруженной борьбы, отказывались продолжать военную службу и требовали демобилизации. Красная гвардия гор. Киева была крайне утомлена почти двухнедельными беспрерывными боями, рассматривала себя, как временную охрану, и неохотно несла караулы, требуя себе смены. Отряды же Красной гвардии, присоединившиеся в пути к советским войскам, с установлением Советской власти в городе, поспешили возвратиться к себе на места. Приходилось численно небольшими отрядами «Червоного казацтва» и еще меньшими численно самоотверженными отрядами Красной гвардии нести караулы в городе и держать фронт против отступивших на Житомир петлюровских войск. И вследствие этого не только не удавалось поддерживать порядок в городе, но и арестованные охранялись слабо. В. Лукьяновской тюрьме пришлось оставить весь караул и персонал старый,

назначив только своего комиссара, который оказывался совершенно бессильным что-либо предпринять, и арестованные контр-революционеры и бандиты чуть ли не в тот же день исчезали из-под ареста. Ко всему еще присутствие в городе войск и особенно штаба Муравьева, отказывавшегося подчиняться распоряжениям Народного Секретариата Советов Украины, усложняло организацию охраны.

Штаб Муравьева расположился в центре города и, не считаясь совершенно с постановлениями Исполкома Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов и Ревкома, наводил порядок в городе по-своему. Приказами штаба Муравьева, сыпавшимися как из рога изобилия, заклеивались буквально все свободные места на зданиях и телеграфных столбах. Приказы большей частью шли вразрез с постановлениями местной Советской власти. А по улицам города раскатывал на автомобиле Ремнев—весьма сомнительный суб'ект, пролезший в штаб Муравьева—с вооруженной группой и, держа винтовки на изготовку, останавливали извозчиков и автомобили, требуя от имени Советской власти пред'являть документы и сдать оружие, если таковое имеется. Этим налетам подвергались не только обыватели, но и ответственные советские работники. В первый же день приезда в Киев, возвращаясь с заседания Исполкома, мы были остановлены мчавшимся на нас автомобилем, с которого неслись грозные крики: «Стой, или будем стрелять!». Нас окружила группа человек в 5—6 вооруженных людей, направив в упор на нас оружие. На наш вопрос: «В чем дело?», последовал приказ: «Руки вверх», а к нам подошел *сам* Ремнев. После осмотра наших документов, самочинная «охрана» быстро вскочила в автомобиль и полным ходом умчалась. Все вместе наводило панику на население и давало повод обывателям, меньшевикам, бундовцам и эс-эрам кричать об анархии в городе, вызванной властью большевиков. Эти крики с особой энергией подхватывались ставленниками Ц. Рады, продолжавшими подпольно вести свою работу против Советской власти. Необходимо упомянуть, что с победой революционных масс только министры Ц. Рады бежали, но все чиновники Генерального Секретариата и все контр-революционные силы, собравшиеся под крылышком Центральной Рады, остались в городе и, «бессильные в открытом бою, они прилагали все усилия к тому, чтобы восстановить против Советской власти широкую обывательскую массу». Их работа значительно облегчалась гуманностью Киевского Исполкома Совета Раб. и Солд. Депутатов и тактикой ответственных партийных товарищей.

Городская Дума продолжала существовать, представляя из себя оплот всех контр-революционных сил, об'единившихся вокруг Ц. Рады. Заседания ее происходили чуть ли не ежедневно и в большинстве случаев конспиративно, под видом экстренных заседаний, так что большинство принимаемых решений оставались скрытыми от советских работников. Детище Городской Думы—Продовольственная Управа—держала в своих руках все дело снабжения населения продуктами питания, так как Исполком Совета Раб. и Солд. Депу-

татов хотя и избрал 30 января продовольственный комиссариат, на который возложил всю организацию продовольственного дела в гор. Киеве, оставил, однако, Городскую Продовольственную Управу в прежнем составе, как исполнительный орган Продовольственного Комиссариата. Таким образом, отцы города, рьяно поддерживавшие Ц. Раду, активные враги Советской власти, имели возможность беспрепятственно и бесконтрольно организовывать свои силы и вести работу против Советской власти.

Все мелкобуржуазные социалистические партии, представители которых являлись активными деятелями Городской Думы, об'единились в ней с октябристами и кадетами и образовали единый фронт контр-революции. Имея свою прессу, Киевский Исполком закрыл только буржуазные и черносотенные газеты, оставив демократические и «социалистические»,—и они повели открытую кампанию против «большевиков» и всех их мероприятий.

Украинские демократы из «Новой Рады», «информируя» население, пишут: «В тот час, когда царит физическая сила, как бы она себя ни называла, не может быть полного и всестороннего освещения событий», а их друзья из «Neue Zeit» раз'ясняют, что должно скрываться под «полным и всесторонним освещением»: «теперь большевистский террор уничтожил все завоевания революции на Украине. Он, правда, восстановил единство рассийского фронта, но еще большой вопрос, какого фронта—всероссийской революции или всероссийской контр-революции». А «социалисты» из бундовского «Фолькскайтунг» авторитетным заявлением своего лидера, М. Рафеса, предостерегают своих товарищей от участия с «большевиками в их анархической работе», дабы не брать на себя ответственность за «террористические и анархические действия захватчиков», так как «каждый серьезный человек поймет, что расстреляна в Киеве не контр-революция, а революция». Сотрудник той же газеты Фукс с упреком спрашивает своих читателей: «Неужели большевистская отрава прошла в сердца и уши также и еврейского пролетариата и они с удовлетворением встретят освобождение, которое будет принесено им штыками с севера?»

Контр-революционную работу так называемых социалистов и деятелей Городской Думы активно поддерживали ставленники Ц. Рады из наших же комиссариатов.

Народным Секретариатом Советов Украины принято было решение развернуть немедленно все комиссариаты, используя уже существующий государственный аппарат. Все государственные учреждения, переименованные Ц. Радой в министерства, за время господства Генерального Секретариата были украинизированы путем замены ответственных служащих своими ставленниками. С падением Ц. Рады все служащие министерств остались на местах. По упорно циркулировавшим в городе слухам, все ответственные служащие получили от Генерального Секретариата плату золотом за несколько месяцев вперед и директивы оставаться на местах, стараясь вся-

чесли взрывать работу Советского правительства изнутри, и ожидать быстрого возвращения министров Ц. Рады обратно в Киев. Эти слухи подтверждались тем, что даже заведующие различными управлениями, «щирые украинцы», делавшие вид, что русским языком они владеют с трудом, с переездом Советского правительства начали сами заявляться в кабинеты Нар. Секретариата с докладами о положении дел во вверенных им управлениях и за получением директив от Советских комиссаров.

Впечатление они производили гнуснейшее и не внушали большинству товарищей ни малейшего доверия. Но увольнять их Народный Секретариат считал нецелесообразным—во-первых, за отсутствием другого кадра служащих, во-вторых, считал, что с увольнением мы их теряем с глаз, а наблюдая в учреждении, имеем возможность, в случае нужды, принять более решительные меры.

С этим мнением не все Народные Секретари были согласны. Несогласные товарищи указывали, что при таком положении, по существу, аппарата не будет, а будет внутренний шпионаж и контрреволюционный контроль всех действий Советского правительства и что лучше иметь 10 служащих, на которых можно положиться, чем 100 человек явных врагов.

Но так как это было решением большинства, то пришлось вести работу при старом составе, давая незначительные поручения начальникам управлений и проводя решения через технический аппарат, обходя начальников. Это не только затрудняло работу, но создавало крайне неустойчивое положение комиссариатов, которые строились на песчаном фундаменте.

И не только в комиссариатах, но и во всех государственных организациях ставленники Ц. Рады остались на местах. И вся эта петлюровская свора начала действовать единым фронтом, стараясь использовать продовольственный и финансовый кризис, созданный министрами Ц. Рады, против Советской власти.

С первого часа работ Народного Секретариата в Киеве его приемные стали осаждаться делегациями от всевозможных организаций с жалобами на отсутствие денег и требованиями продовольствия.

Особенно жестоко приходилось комиссариату внутренних дел, так как по постановлению Народного Секретариата, еще в Харькове, ни одна ассигновка не проходила без подписи Народного Секретаря внутренних дел. Это решение было принято с целью политического контроля. С 9 часов приемная загружалась делегациями от больниц, лазаретов, приютов, инвалидов и проч. и проч. с заявлениями, что их склады пусты, что они не получали последние недели ни фунта продовольствия и доедали остатки, что сейчас у них ничего нет и уже сутки, а то и двое голодают и «молят» Советскую власть накормить их. Заведующие детскими приютами приводили группами изможденных детей, которые при слове «хлеб» начинали громко рыдать. Приползали парализованные, безногие и безрукие инвалиды, подкрепляющие свои требования истерическими выкриками и ди-

кими угрозами. Приемная бывшего губернаторского дома с раннего утра запружалась этими делегациями, и никакими мерами не удавалось ее освободить. Одна волна сменялась другой,—за одним требованием шло новое, и море слез, истерик и угроз крайне осложняло творческую работу.

Но на-ряду с действительно тяжелым продовольственным положением рабочих в этих воплях больниц и приютов о хлебе и деньгах было много лживого, состряпанного агентами Ц. Рады и проводимого ее заведующими.

Во главе каждой делегации, составленной обязательно из низших служащих, являлся заведующий, который и говорил от имени делегации. А так как все хозяйство находилось в ведении заведующих, то низшим служащим оставалось только подтвердить, что они действительно ничего не получают. Но действительно ли в складе ничего нет, а если нет, то куда ушли запасы, — этого они не знали...

В связи с создавшимся положением в городе Народному Секретариату и ЦИК'у пришлось отдавать большую часть своих сил и времени на местную работу.

Первую острую нужду в продовольствии удалось изжить срочной доставкой продовольственных запасов, находившихся в распоряжении Советского правительства. Но эти запасы были невелики, вся работа тормозилась отсутствием дензнаков, и вопрос о продовольствии не разрешался. Продовольственный отдел Киевского Исполкома Совета Раб. и Солд. Депутатов принял шаги к учету всех запасов муки, имевшейся в городе, и издал следующее постановление [1]):

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

В целях точного учета наличности имеющихся в г. Киеве запасов муки, Киевская Городская Продовольственная Управа и Продовольственный Отдел С. Р. и С. Д. издают нижеследующее обязательное постановление:

1. Все места хранения муки, как-то: мельницы, пекарни, склады и торговые помещения, принадлежащие как частным лицам, так и кооперативным и иным общественным организациям, обязуются доставлять в Отдел Продовольствия при Сов. Раб. и Солд. Депутатов (Крещатик № 2, комната 7), не позже пятницы 22/9 февраля сведения об имеющихся у них запасах муки.

2. Всем перечисленным учреждениям и лицам с момента опубликования сего постановления строжайше воспрещается выдавать муку без разрешения Городской Продовольственной Управы.

3. Все домовладельцы и управляющие домами или лица их заменяющие, а также Домовые Комитеты обязаны сообщить в Отдел Продовольствия при Сов. Раб. и Солд. Деп. сведения о мучных складах, расположенных в их владениях, с указанием лиц и учреждений, владеющих означенными складами.

4. Не считаются запасами, хранящимися со спекулятивной целью, запасы муки у частных лиц, не превышающие одного пуда на члена семьи.

[1]) «Вестник Укр. Народн. Республ.», от 27/8 февраля 1918 г., № 27, г. Киев.

5. В случае обнаружения запасов муки, о которых не были даны сведения, таковые запасы будут немедленно конфискованы, а владельцы их будут предаваться суду Революционного Трибунала.

6. Проверка запасов производится исключительно членами Комиссии, организованной Отделом Продовольствия при Сов. Раб. и Солд. Деп., и Гор. Прод. Управы, снабженными соответствующими удостоверениями.

Отдел продовольствия при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

Киевская городская Продовольственная Управа.

Но сведения о запасах в Продовольственный Отдел не поступали, запасы, обнаруживаемые комиссией, были крайне ничтожны, а заготовка в ближайших селах и деревнях не производилась из-за отсутствия дензнаков. 7 февраля (ст. ст.) Продовольственный Отдел принял решение, ввиду отсутствия дензнаков, организовать товарообмен между городом и ближайшими селами через рабочие организации, которые снабжать мануфактурой и срочно направлять по селам. С этой целью принято было решение учесть имеющуюся в городе мануфактуру. 8 февраля издано следующее постановление [1]):

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Киевской Городской Продовольственной Управы и Продовольственного Отдела Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Для выяснения наличности имеющегося в г. Киеве запаса мануфактурных товаров, Киевская Городская Продовольственная Управа совместно с Продовольственным Отделом Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов издает нижеследующее обязательное постановление:

1. Все общественные и частные учреждения, кооперативы и проч. организации, равно и лица, имеющие в пределах г. Киева оптовые и розничные склады и магазины, обязаны представить в Киевскую Городскую Продовольственную Управу сведения об имеющихся у них к моменту подачи сих сведений о количестве мануфактурных товаров, аршинных и штучных.

Примечание: В представленных сведениях должно быть точно указано: 1) количество, 2) подробное наименование товаров, как, например: 50 кусков, 3.000 аршин бязи, фабрикант, ширина, сорт.

2. Сведения принимаются в помещении Управы, Крещатик 2, комн. 43, исключительно в понедельник 25 сего февраля (12) с 10 часов утра до 5 час. вечера. С момента подачи сведений, всякая продажа товаров воспрещается, впредь до особого распоряжения Киевской Гор. Прод. Управы и Продовольственного Отдела при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

Примечание: Правильность подаваемых сведений должна быть заверена мануфактурной секцией Киевского союза торг.-промышл. служащих.

3. Банки, комиссионные конторы, транспортные общества, желдорожн. станции, почта, пароходные пристани, ломбарды, находящиеся

---

[1]) «Вестник Укр. Народн. Республ.» от 21/8 февраля 1918 г. № 27, I, Киев.

в районе г. Киева, и др. учреждения и заведения, имеющие у себя на хранении или в залоге вышеуказанные товары, обязаны сообщить о количестве таковых Киевской Городской Прод. Управе не позднее понедельника 25 сего февраля к 10 часам утра.

4. Всем перечисленным в п. 3 сего постановления учреждениям и лицам, имеющим у себя вышеуказанные товары на хранении или в залоге, воспрещается с момента опубликования сего постановления выдавать эти товары без разрешения КГПУ.

5. Все домовладельцы и управляющие домами или лица их заменяющие, а также и Домовые Комитеты обязаны сообщить КГПУ 25/12 сего февраля о нахождении в помещении их усадеб учреждений, имеющих запасы мануфактурных товаров.

6. В случае обнаружения скрытых товаров, о коих не было своевременно представлено сведения, таковые будут конфискованы КГПУ.

7. Воспрещается вывоз из пределов г. Киева мануфактурных товаров по жел. дор., водным путям, по почте, гужем и др. способами, без соответствующих на то разрешений КГПУ.

8. Настоящее обязательное постановление вступает в силу со дня его опубликования.

9. Виновные в нарушении сего обязательного постановления подвергаются, сверх конфискации товаров, суду Военного Революционного Трибунала.

Киевская Городская Продовольственная Управа.

Продовольственный отдел Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Киев, февраля 20/7 дня, 1918 г.

После опубликования этого постановления мануфактура из частных магазинов и складов неизвестно куда исчезла, и в распоряжение Г. П. Управы для товарообмена поступили только мизерные запасы из кооперативных складов.

Народный Секретариат, принимая ряд мер к обеспечению города продовольствием, урезал до минимума все расходы, выделив значительную часть имевшихся в его распоряжении сумм на заготовку в ближайших селах продовольствия, поручив это т. Гриневичу, которого назначил заместителем т. Лугановского, и 24 февраля опубликовал следующее обращение [1]):

ВСЕМ СОВЕТАМ КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ, УЕЗДНЫМ И ВОЛОСТНЫМ ЗЕМЕЛЬНЫМ КОМИТЕТАМ.

Ввиду острого положения продовольственного дела как в России, так и на Украине, грозящего гибелью народному хозяйству и всем завоеваниям народа и революции, смертью маллионам крестьян и рабочих, Народный Секретариат Украинской Народной Рады Крестьянской Республики обращается ко всем Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов Украины, ко всем крестьянам и рабочим с призывом спасти страну и революцию от гибели.

Капиталисты и помещики, деревенские кулаки, хотят задавить революцию рукой голода и не дать голодающему крестьянству и рабочим хлеба.

Необходимы немедленные меры борьбы с этим злом.

[1]) «Сборник постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украинской Народной Республики», Изд. ЦИК, Таганрог, 1918 г., за № 67, стр. 5.

Необходима беспощадная борьба с помещиками и кулаками-спекулянтами и укрывателями хлеба.

Ввиду этого Народный Секретариат предлагает всем местным Советам Крестьянских и Рабочих Депутатов немедленно приступить к реквизиции всех излишков и других продовольственных продуктов по установленным твердым ценам и перевозке их, пользуясь для этого имеющимся техническим аппаратом продовольственных организаций.

Надлежит немедленно всем, у кого имеется излишек хлеба и других продовольственных продуктов, сделать о сем заявление в местные Советы или продовольственные организации.

Все укрыватели и спекулянты подлежат аресту и преданию революционному суду, как враги народа и революции, и будут караться со всей строгостью, вплоть до конфискации всего имущества и отдачи на принудительные работы.

Советы должны проявить всю решительность в борьбе со спекуляцией и злостным укрывательством, не останавливаясь перед применением в необходимых случаях вооруженной силы.

Из излишков реквизированных запасов хлеба и продовольствия будет снабжаться прежде всего местное беднейшее крестьянство, не имеющее хлеба.

Медлить нельзя.

От этого зависит спасение страны и революции от гибели.

Народный Секретариат.

В общем, продовольственное положение города, хотя и вызывало большие тревоги, но хлебные грузы непрерывно поступали, и удавалось не только удовлетворять нужды рабочих, но и давать нетрудовому населению регулярно по ½ фунта хлеба на едока. Вопли о голоде стали постепенно стихать. Хуже обстояло с охраной города и дензнаками.

Для облегчения организации охраны Народный Секретариат поспешил вывести лишние войска из города. Муравьеву было предъявлено ультимативное требование—прекратить издание приказов, касающихся внутренней жизни города, привлечь к ответственности Ремнева за его самочинные действия и немедленно выступить на фронт против Петлюры. После отказа Муравьева выполнить последнее требование, он был отозван Советом Народных Комиссаров с Украины.

Но с уходом Муравьева и других отрядов положение с охраной не улучшилось. Отряды Красной гвардии уменьшались с каждым днем, так как рабочие считали, что, покончив с Ц. Радой, они должны поскорей вернуться к своим станкам. Этот взгляд поддерживался руководящими киевскими работниками, в среде которых царило то же настроение, что и в рядах киевских рабочих: «Мы победили, Ц. Рада свергнута, и теперь все силы должны итти на работу мирного строительства».

Заменить Красную гвардию старыми войсками не представлялось никакой возможности; старые солдаты, даже самые преданные Советской власти, требовали, если не демобилизации, то хоть кратковременного отпуска, чтобы с'ездить домой. И это стремление было настолько велико, что никакими мерами удержать их не представлялось возможным.

Мобилизация же новых военных сил шла медленно. Рабочие и солдатские массы жаждали мира, и на военную «службу» шли или вполне сознательные, или же кому деваться было некуда. Вновь сформированные отряды были численно не велики и являлись каплей в море требований, увеличивавшихся с каждым днем в связи с наступлением петлюровцев.

Военный комиссариат ЦИК ставил основной своей задачей формирование новой армии, но в Киеве его захлестнула демобилизационная волна, и его работа главным образом свелась к выдаче отпусков и приему дел от старых военных организаций.

Киевский Исполком, в первые дни надеявшийся своими силами справиться с охраной города, столкнувшись с первыми трудностями, переложил всю тяжесть охраны на плечи Советского правительства и не только не оказывал активного содействия во всей этой работе, но все указания Народного Секретариата насчет формирования военных сил и учета имеющегося в Киеве военного снаряжения не встречали его активной поддержки.

При всех этих условиях охрана города как внутри, так и извне налаживалась крайне медленно. А борьба с крепнущими контр-революционными силами, сосредоточенная в руках «Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией», организованной из представителей Исполкома Киевского Совета и членов Ц. И. К., затруднялась отсутствием крепкой организованной охраны в городе.

Что же касается финансов, то тут Народный Секретариат оказывался совершенно бессильным, и положение не только не улучшалось, но ухудшалось с каждым днем.

С опубликованием об'явления, что «карбованцы» принимаются к обмену, к банкам повалили толпы народа.

Запас денежных знаков, привезенный из Харькова, стал быстро таять и, главным образом, шел на обмен «карбованцев». Обещанные Советом Нар. Ком. суммы на покрытие обмена не шли, и кассы отделений Государственного Банка и казначейства с каждым часом опустошались; приходилось урезывать выдачу дензнаков даже для выдачи зарплаты.

17 февраля Народный Секретариат принял постановление потребовать от предпринимателей уплаты за дни восстания зарплаты рабочим, а 19 февраля опубликовал следующий декрет[1]):

ДЕКРЕТ ОБ УПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИМ ЗА ДНИ ВОССТАНИЯ.

В дни январского восстания рабочие Украины и в частности г. Киева не могли выходить на работу, сражаясь на улицах с контр-революцией.

Ныне контр-революционная буржуазия не только отказывается уплатить рабочим за эти дни невыхода на работу, но даже осмеливается угрожать им репрессиями.

[1]) «Вестник Укр. Народ. Республ.», от 19/6 февраля 1918 г. № 25.

Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской Республики не может допустить такого издевательства над революционным пролетариатом и поэтому постановляет:

За дни невыхода на работу во время январского восстания предприниматели обязаны немедленно, по издании сего декрета, уплатить рабочим причитающуюся им заработную плату полностью.

Лица, отказывающиеся исполнить настоящее постановление и таким образом препятствующие рабочим бороться за свободу и торжество советской социалистической власти, будут предаваться суду революционного трибунала и караться самым беспощадным образом.

(Подписи народных секретарей).

Но эта мера не облегчила положения,—предприниматели заявили, что все их суммы находились на текущем счету в банках, и если банки выдадут им по их текущим счетам, то тогда они немедленно выплатят рабочим, в противном же случае они лишены этой возможности.

На заседании Исполнит. Комитета Киев. Совета от 18 февраля тов. Крейсберг — комиссар Киевского отделения Государственного Банка—в своем докладе отмечает, что ежедневно в очередях у Государственного Банка возникают недоразумения. Большое недовольство замечается среди рабочих. Последние получки им были выданы сплошь и рядом только украинскими деньгами. Дензнаков, имеющихся сейчас в Банке, недостаточно для того, чтобы выдавать полностью по требованию заводских комитетов. Частным лицам по текущим счетам выдается только по 200 руб., а по требованиям для уплаты жалования служащим и рабочим только ¼ часть ассигновок. По заслушании этого сообщения Исполком принял постановление, что «тяжелое положение, вызванное обменом «карбованцев», побуждает членов Исполнительного Комитета высказаться за необходимость признать эти деньги действительными» и решил немедленно же сговориться по этому вопросу с Народным Секретариатом, для чего тут же выделили делегацию, которая направилась на заседание Народного Секретариата.

Народный Секретариат не мог согласиться с постановлением Исполкома, во-первых, потому, что не считал эту меру выходом из создавшегося положения, а во-вторых, она вела к установлению особой денежной системы для Украины, так как Совет Нар. Комиссаров, заявил через комиссара Государственного Банка Ю. Пятакова, что в случае признания «карбованцев» он немедленно прекращает высылку дензнаков на Украину. Таким образом признание «карбованцев» лишало возможности получки дензнаков из Государственного Банка, а прекращение получки из Государственного Банка, отсутствие в Киевском отделении Госбанка значительных сумм «карбованцев» и отсутствие заготовленных дензнаков у Народного Секретариата создало бы неизбежно в первое время еще худшее положение.

Решено было немедленно переговорить с Советом Нар. Комиссаров, и если Госбанк не имеет сейчас достаточных сумм для покры-

тия обмена, то предложить *временно* оставить в обращении «карбованцы» с тем, что с получкой необходимых сумм из Гос. Банка они постепенно будут изыматься из обращения. Принято было постановление, что «облигации займа свободы, ценностью до 100 рублей номинальных, краткосрочные обязательства и серии Государств. казначейства имеют хождение наравне с соответственными кредитными билетами».

При переговорах с комиссаром Госуд. Банка Ю. Пятаков заявил, в ультимативной форме, от имени С. Н. К., что ежели «карбованцы» не будут аннулированы, то Петроградский Гос. Банк *не вышлет больше ни копейки денег* в распоряжение Украинского Советского правительства.

Положение создалось безвыходное, и все мероприятия Народного Секретариата, без срочной получки сумм из Гос. Банка, являлись жалкими паллиативами.

Сейчас же после переговоров Ю. Пятаков—комиссар Госуд. Банка—приехал в Киев с целью выяснения финансового положения на Украине и организации деятельности киевского отд. Госбанка. Начались заседания Народного Секретариата и Исполкома и совещания в отделении Госбанка. Ю. Пятаков снова подтвердил требование С. Н. К. и пообещал ускорить высылку необходимых для покрытия «карбованцев» совзнаков.

Но обещаниями, заседаниями и совещаниями кассы Банка и казначейства не пополнялись, а весть о приезде комиссара Госбанка разнеслась с молниеносной быстротой по городу, и осада Банка и казначейтсва приняла угрожающие размеры. Товарищи, не без возмущения, указывали Ю. Пятакову, что было бы несравненно целесообразней не беспокоиться с приездом, а поспешить со своевременной высылкой обещанных сумм и что он своим приездом только ухудшил положение, вызвав несбыточные надежды в рабочих массах.

Ю. Пятаков через несколько дней уехал с заверением немедленно выслать установленную сообща с ним сумму. Но до ухода из Киева, Советское правительство Украйны так и не получило требуемых и обещанных сумм.

Отсутствие дензнаков не могло не отразиться на всей деятельности ЦИК и Народного Секретариата; местные казначейства требовали пополнений, Исполкомы крупных рабочих центров били тревогу, а Народный Секретариат советовал им извернуться и подождать. Неудовлетворенные и возмущенные этим ответом, они избирали делегации, которые отправляли в Петроград в С. Н. К., прерывали сношения с Народным Секретариатом и не считали для себя обязательными его постановления и предписания.

Но если местам приходилось туго без дензнаков, то центру и того хуже. Все мероприятия Народного Секретариата упирались в пустые кассы. К 25 февраля даже жалованье «Червоному Казацтву» и красногвардейцам выплачивать было уже нечем, и вся работа срывалась.

А тут еще ко всем трудностям присоединились разногласия в своей, большевистской среде.

Между киевскими ответственными работниками, членами Исполкома и парткомитета, и работниками Советского правительства постоянно происходили столкновения по вопросам нашей тактики. Киевляне считали необходимым более мягкую политику в отношении мелко-буржуазных партий—предоставить «социалистам» свободу выступления как на собраниях, так и в прессе. Считали необходимым сохранение Город. Думы и решительно возражали против репрессий в отношении лиц из «социалистических» партий, ведущих открытую организационную и агитационную работу против Советской власти.

В результате этих постоянных столкновений, киевские товарищи сосредоточили свое внимание не столько на борьбе с контрреволюцией, сколько на действиях и распоряжениях Народного Секретариата. В связи с этим масса времени уходила на советы с киевлянами, и вместо экономии сил для творческой работы получалась хищническая трата времени на бесконечные заседания, разговоры, споры и протесты.

Персональный состав Народного Секретариата стал вызывать недовольство киевлян. В составе Народного Секретариата они не видели для себя авторитетных лиц и повели кампанию против отдельных членов Народного Секретариата.

Это отношение киевлян сказалось и на настроении некоторых членов Народного Секретариата... Некоторые товарищи начали держать курс на киевлян, и в среде большевиков, входивших в Народный Секретариат и Ц.И.К., нарушилась солидарная работа, и без того уже сорванная принципиальными разногласиями с левыми с.-р. Вопросы, обсуждаемые в Народном Секретариате, уже не проходили единогласно, большевики голосовали несолидарно, и решения часто принимались незначительным большинством.

Заседания Народного Секретариата происходили ежедневно, по вечерам. Но нередко заседания созывались экстренно, не в обычное время, и на них присутствовали не все члены Народного Секретариата. Это приводило к тому, что решения, принятые на таких заседаниях, голосами своих же товарищей, нередко опротестовывались отсутствующими членами Народного Секретариата—большевиками, несогласными с принятыми решениями.

Левые с.-р., попав в Киев в среду своих товарищей по партии, с которыми они после некоторых препирательств не только сговорились, но и об'единились и сообща приступили к изданию своего органа «Борьба», начали не только на заседаниях ЦИК и Народного Секретариата, но и в своей газете выступать с протестами против решений большинства, печатать свои декларации и проч. и проч. И, пользуясь отсутствием части членов ЦИК, выехавших на места для продвижения продовольствия и проведения с'ездов Советов, стали опротестовывать в печати постановления ЦИК, заявляя, что

эти решения не обязательны, ввиду отсутствовавшего кворума [1]). Их выступления на решения ЦИК и Народного Секретариата влияния не имели, так как левые с.-р. находились в значительном меньшинстве, но солидарная работа внутри нарушилась, и не было единства действий и извне. Заседания ЦИК и Народного Секретариата бесконечно затягивались, отрывая время и силы на принципиальные споры, а проведение в жизнь решений Советского правительства тормозилось протестами самих же членов его.

Но, несмотря на всю сложность создавшегося положения, до разрыва мирных переговоров все препятствия постепенно преодолевались, советские и партийные (большевики) работники сговорились и действовали солидарно. Советские органы крепли и хотя медленно, но разворачивали свою деятельность. С началом оккупационных действий германской армии усиливается разлад в своей среде, и единство действий в партийных большевистских рядах срывается.

Числа 13/26 февраля получились сообщения о разрыве мирных переговоров, а вслед за этим приехали представители ЦИК Советов Украины из мирной делегации—Шахрай и Медведев—с сообщением, что Украина исключена из Брестского договора, заключенного Германией с Россией, и что в тексте мирного договора, предъявленного Украине, имеется пункт, на который делегация не может дать ответа без решения ЦИК Советов Украины.

Текст мирного договора в Народном Секретариате подвергли детальному обсуждению и единогласно, при воздержавшемся Шахрае, приняли решение: итти на всяческие уступки, вплоть до признания договора, заключенного с Германией Центральной Радой, о вывозе известного количества хлеба, но твердо стоять на требовании исключить из мирного договора 4-й пункт, гласящий об уничтожении советской власти на Украине.

Созванный по этому вопросу экстренный пленум ЦИК, заслушав доклад мирной делегации и решение Народного Секретариата, единогласно принял резолюцию, выработанную Народным Секретариатом, доизбрал в мирную делегацию т.т. Нероновича, Затонского, Руденко и Терлецкого и предписал им срочно выехать в Брест.

Решение ЦИК Советов Украины было сообщено Киевскому Совету Р. и С. Депутатов и встречено единодушным одобрением большинства пленума Совета.

Но только выехала делегация, как получилась телеграмма от т. Сталина с сообщением, что германская делегация отказывается продолжать переговоры с делегацией Советской Украины, так как мирный договор с Украиной подписан уже представителями Центральной Рады, и что германские войска перебрасываются с Юго-Западного фронта на Украину. На экстренном заседании ЦИК Со-

[1]) Заседания ЦИК в Киеве происходили 2 и даже 3 раза в неделю, но с от'ездом членов ЦИК не всегда в полном составе.

ветов Украины, после обсуждения создавшегося положения, было принято постановление бороться до последней возможности с оккупационными войсками и все силы бросить на организацию обороны. Это решение было принято единогласно всеми партиями, входившими в ЦИК, и встречено было общим одобрением Киевского Исполкома и громадным большинством Совета. Для мобилизации вооруженных сил большинство членов ЦИК срочно выехало на места. Сейчас же после пленума ЦИК, постановлением Народного Секретариата, был организован военный штаб по обороне города. Начальником штаба назначен Павлов (с.-р. прапорщик), приехавший с группой товарищей — Кузьминым, Ленговским, Быком и др. — из расформированной 7-й армии. (Кандидатуру Павлова Народный Секретариат принял по рекомендации прибывших с ним товарищей.) Тов. В. Примаков был назначен чрезвычайным комиссаром по охране города.

Вслед за сообщением т. Сталина начали поступать тревожные телеграммы о спешном продвижении германской армии на Украину и направлении значительных сил на Киев. В городе создается жуткотревожное настроение, которое не замедлило сказаться на всей работе советских органов, создавая большую нервозность в организации обороны, а в рабочих массах вызывая крайнюю подавленность и настроение безнадежности.

21 февраля, в связи с полученными сообщениями о первых стычках с немецкими войсками, созывается экстренное заседание президиума ЦИК и Народного Секретариата, в отсутствии многих членов его, где принимается решение о создании Чрезвычайного Комитета Обороны и тут же избираются 5 товарищей в состав этого Комитета. На вечернем заседании Народного Секретариата и президиума ЦИК в тот же день товарищи, избранные в Чрезвычайный Комитет Обороны, поставили на обсуждение вопрос о правах и обязанностях избранного Комитета. Этот вопрос вызвал горячие прения. Столкнулись две точки зрения. Большинство принимавших участие в выборах Чрезвычайного Комитета Обороны считали, что деятельность Комитета заключается в организации обороны и что в этих вопросах он пользуется всеми правами Народного Секретариата. Меньшинство и отсутствовавшие на экстренном заседании члены Народного Секретариата указывали, что при создавшемся положении основная работа Советского правительства должна заключаться в организации обороны и что, создавая Чрезвычайный Комитет Обороны, нужно в таком случае его рассматривать, как высший правительственный орган со всеми правами Народного Секретариата, в противном случае, при существовании Штаба Обороны и Народного Секретариата, он должен быть или техническим органом Народного Секретариата или же подсобным органом Штаба Военного Секретариата, и предлагали, раз уж поставлен этот вопрос, создать Совет Обороны, который должен пользоваться *всеми* правами и по существу являться высшим правительственным органом, для чего состав

Чрезвычайного Комитета Обороны пересмотреть. В результате продолжительных и крайне бурных прений незначительным большинством принято было решение, что обязанностью Чрезвычайного Комитета Обороны является военная организация обороны и в этих вопросах он имеет права Народного Секретариата. Несмотря на долгие дебаты, большинство членов Чрезвычайного Комитета Обороны ушли с заседания, не имея четкого представления, что собственно они должны делать.

На другой день было опубликовано постановление о создании Чрезвычайного Комитета Обороны и 2 обязательных постановления самого Комитета Обороны [1]):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ УКРАИНЫ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА.

Образовать Комитет из пяти членов в составе и. о. Народного Секретаря Путей Сообщения т. Сергея Бакинского, и. о. Народного Секретаря по Военным Делам т. Юрия Коцюбинского, и. д. Народного Секретаря Почт и Телеграфов т. Якова Мартьянова, Начальника Червоного казачества т. Виталия Примакова и Народного Секретаря Труда Николая Скрыпника, каковому Комитету поручить руководство всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов, для чего предоставить ему чрезвычайные полномочия.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ.

На основании постановления Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины г. Киев и его окрестности об'явлены на осадном положении.

1) Воспрещается выход на улицу от 10 часов ночи до 5 часов утра всем не имеющим пропусков.

2) Впредь до особого распоряжения пропусками служат удостоверения, выданные Советом, профессиональными и другими рабочими организациями.

3) Все ворота и под'езды с 10 часов ночи до 5 часов утра должны быть заперты и охраняемы внутри домовыми комитетами.

4) Все театры, кафе, рестораны и т. п. закрываются в 9 часов вечера.

5) Всякие уличные скопища и собрания воспрещаются.

6) Все несданное оружие должно быть немедленно сдано в Педагогический Музей.

7) Все виновные в контр-революционных действиях будут беспощадно караться.

Чрезвычайная Комиссия Народного Секретариата для защиты страны и революции.

Юрий Коцюбинский.
Николай Скрыпник.
Виталий Примаков.
Сергей Бакинский.
Яков Мартьянов.

Киев, 22 февраля 1918 г.

---

[1]) Позднее опубликованы в «Сборнике Постановлений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Народной Республики». Таганрог. 1918 г., за №№ 64, 65 и 66.

ПРИКАЗ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА.

1. Конфискация платы за помещения:

а) для дела охраны революции со всех квартировладельцев и квартирантов берется квартирная плата за месяц вперед, независимо от того, в какое время внесена плата, при чем этот взнос зачисляется за счет квартирной платы домовладельцам;

б) от взноса освобождаются лица, которые платят за квартиры меньше, чем 100 рублей в месяц;

в) взносы делаются через домовые комитеты, а там, где их нет,—лично;

г) торговые помещения—магазины, рестораны, кафе и т. п.—вносят наемную плату за три месяца вперед, а гостиницы — за два месяца

2. Налог на домовладельцев:

а) все домовладельцы должны внести для защиты революции сумму, которая равняется последнему городскому оценочному сбору в 1917 г.;

б) от взноса освобождаются домовладельцы, оценочный сбор с которых не превышает 100 рублей;

в) владельцы барских особняков платят сумму, которая равняется тройному оценочному сбору.

3. Сдача золота на сбережение:

а) все золото в слитках, монетах и изделиях, больше чем 12 золотников весом, должно быть внесено на сбережение в Государственный Банк.

4. Порядок взносов:

а) плата за квартиры, а также налог на домовладельцев вносятся во все частные и государственные банки и кассы;

б) взносы должны быть произведены наличными деньгами;

г) золото сдается на сбережение только в Государственный Банк.

5. Срок взноса:

а) время взносов: суббота 23, воскресенье 24 и понедельник 25-го февраля;

б) все частные и государственные банки и кассы будут открыты ежедневно от 9 утра до 6 вечера в названные дни.

6. Ответственность:

а) домовые комитеты ответственны за взнос денег квартирантами дома.

б) виновные в неисполнении этого приказа будут беспощадно караться.

Настоящий приказ действителен на всей территории Украины, которая об'явлена на военном и осадном положениях.

Провинциальным Советам предоставляется право менять ставки.

22 февраля 1918 года. г. Киев.

Члены Чрезвычайного Комитета Народного Секретариата для защиты страны и революции:

Юрий Коцюбинский.
Яков Мартъянов.
Сергей Бакинский.
Николай Скрыпник.

Комиссар по борьбе с контр-революцией.

Виталий Примаков.

По поводу этих приказов в Народном Секретариате был снова поставлен вопрос о деятельности Чрезвычайного Комитета Обороны. В принятом решении обязанности Чрезвычайного Комитета Обороны ограничивались обслуживанием штаба обороны.

Но и в этой работе Чрезвычайному Комитету Обороны не удалось развернуть своей деятельности, так как он не встретил активной поддержки со стороны Киевского Исполкома и Киевского партийного Комитета. Это об'яснялось, во-первых, недоброжелательным отношением к Чрезвычайному Комитету Обороны—киевляне считали, что своими приказами комитет усилил панику в городе; во-вторых, киевляне не видели реальной возможности вести успешно борьбу с регулярной немецкой армией и всю организацию обороны принимали, как необходимость, вызванную создавшимися условиями, но рассматривали, как безнадежную попытку, заранее обреченную на неудачу. Чрезвычайный Комитет Обороны не был ликвидирован постановлением, но сам по себе незаметно прекратил существование.

Отношение руководящих киевских работников тяжело сказывалось на всей работе по организации обороны города. Вооружение собиралось медленно, мобилизация проводилась вяло, а широкой работы в массах не велось. Митинги и собрания созывались редко, докладчики часто не являлись, а там, где приезжали, проводили собрание вяло, без боевого призыва и указания плана действия. Подавленное настроение в рядах киевского пролетариата росло и углублялось паническими слухами.

Все требования Народного Секретариата усилить работу в городе по сбору вооружения и мобилизации Красной гвардии для отправки на усиление передовых отрядов и призвать киевский пролетариат на оборону города ни к чему не приводили. Киевляне заявляли, что они ничего предпринять не могут, — Красная гвардия устала, массы пассивны, а винные склады пусты, и в городе никакого вооружения нет: «Все, зависящее от нас и все, что возможно, мы делаем, и больше сделать не в силах». И даже после пленума Совета от 23 февраля, где было принято решение напрячь все силы на организацию обороны, товарищи не проявили ни малейшей активности. В результате пассивности руководящих киевских работников, отсутствия живой организационной работы и широкой информации в массах, рабочие Киева действительно почувствовали себя бессильными и, под влиянием панических слухов и не видя выхода из создавшегося положения, начали в одиночку и группами уходить из Киева.

Городская Дума занялась втихомолку усиленной работой по организации своей обороны и вооружению домовых комитетов, а еврейские демократы, вместе с Бундом, начали организовывать отряды самообороны из еврейского населения. Руководители Городской Думы на одном из конспиративных заседаний провели постановление, что ввиду имеющегося в мирном договоре, пред'явленном Германией, требования об уничтожении Советской власти на Украине, Гор. Дума должна взять на себя роль посредника и принять активное участие в наиболее безболезненной ликвидации Советской власти в Киеве. С этой целью тут же была избрана делегация в ЦИК, которая должна была предложить Советскому правительству

временно, до прихода германских войск, передать власть Городской Думе и разрешить немедленно выслать делегацию навстречу оккупационным войскам.

Делегация Городской Думы явилась на прием к Народному Секретарю внутренних дел. Бундовец М. Рафес взял на себя роль ходатая и, после длинного предисловия, внес предложение приблизительно следующего содержания: «Ввиду того, что Советская власть по мирному договору должна быть на Украине ликвидирована, мы, общественные деятели, предлагаем Советскому правительству сдать охрану города Городской Думе, которая вышлет свою делегацию навстречу германскому командованию, чтобы не допустить обстрела города». Это предложение вызвало желание немедленно потребовать караул и отправить представителей «общественных деятелей» в Лукьяновку. Но ввиду «бережного» отношения киевлян к Городской Думе пришлось дать ответ, что их предложение будет передано на обсуждение Народного Секретариата.

Народный Секретариат принял постановление, ввиду контр-революционной деятельности Городской Думы, немедленно арестовать активных деятелей ее. Но на экстренном заседании Комитета с фракцией большевиков Центрального Бюро профсоюзов т. Зарницын выступил от имени Комитета приблизительно со следующим заявлением: киевские руководящие организации считают подобное решение Народного Секретариата недопустимым и требуют отмены его, в противном случае товарищи слагают с себя всю ответственность и никакого участия в работе принимать не будут. Решение об аресте было отклонено.

24 февраля Народный Секретариат опубликовал свое обращение [1]) к населению, в котором сообщал, что «близкий и столь желанный мир снова откладывается. Немецкие империалисты, в союзе с украинскими националистами и на радость русской черной сотне, угрожают вооруженной рукой задавить нашу молодую свободу»... и заканчивал призывом: «За дело, товарищи! Пусть знают банды насильников, что везде на своем пути они встретят самое решительное сопротивление, пусть знают, что лишь через наши трупы войдут они в столицу Украины»...

С каждым часом в городе создавалось все более и более неустойчивое положение. Распоряжения Советских органов почти не проводились в жизнь. Служащие не являлись на работу. Тюремный караул наполовину покинул посты, и арестованные контр-революционеры и бандиты беспрепятственно покидали места заключения.

Ползущие отовсюду слухи, что к Киеву *спешно* подходят громадные германские силы, создавали крайнее напряжение в городе и полную неуверенность в завтрашнем дне. И достаточно было самого незначительного повода, как пожар двух вагонов со снарядами на пас-

---

[1]) Воззвание Народного Секретариата приводится полностью в приложении № 16

сажирском вокзале 26 февраля, часов в 12 дня, чтобы по городу моментально разнеслись слухи, будто подошли германские войска и начался обстрел города. Эти сообщения вызвали невероятную панику в городе, которая не замедлила отразиться и на руководящих советских органах.

Президиум Киевского Исполкома Совета Р. и С. Депутатов потребовал точной информации о положении на фронте, но так как *точной* информации Советское правительство дать не могло — сведения о продвижении германских сил были крайне сбивчивы, — то товарищи поставили вопрос о том, сколько дней Советское правительство может гарантировать пребывание в Киеве.

Созвали экстренное расширенное заседание Народного Секретариата с президиумом ЦИК, президиумом Исполкома и секретариатом Киевского партийного Комитета. Ввиду экстренности созыва, собрание получилось крайне неполное. Вызвали т. Коцюбинского — военного комиссара — и потребовали информации о положении на фронте.

Сообщение т. Коцюбинского [1]) сводилось к следующему:

> Отряд т. Чудновского стоит на участке Ирпень, взорвал мост через реку Ирпень и защищает переправы. У противника значительно сильней артиллерия, устоять трудно, но пока наши держатся хорошо. Линия Фастов — Киев нам не угрожает, германские войска по ней не пойдут, так как по ней двигаются массы наших войск, отступающие с фронта, и быстро пробиться германским войскам нет возможности. Хуже обстоит с Житомирским шоссе: здесь наши силы невелики, а отсюда нужно ожидать главного удара. Наша разведка, на протяжении 30 верст от города, противника еще не обнаружила, но сюда необходимо послать подкрепление; в моем же распоряжении сил нет, и если районы не дадут людей, то послать пока некого. На вопрос т. Скрыпника: «За сколько дней военные власти могут поручиться?», т. Коцюбинский заявил, что на это трудно ответить: «Будет зависеть от активности противника, и получим ли мы силы для подкрепления. Если районы не дадут людей и Харьков не вышлет тех отрядов Червоного Казачества, которые уже там сформированы и вызваны сюда, а противник ударит со стороны Житомирского шоссе, то нам удержать Киев имеющимися силами будет крайне трудно».

После заслушания этой информации, не ожидая возвращения товарищей, поехавших выяснить причины взрыва, приняли решение о спешной эвакуации ценностей Государственного Банка и переезде Советского Правительства в Полтаву [2]). Заседание длилось не более 1/2—3/4 часа.

Сейчас же Киевский парткомитет дал распоряжение всем ответственным советским и партийным работникам Киева эвакуироваться в Полтаву. Когда товарищи возвращались с вокзала, то на пути встретили мчавшихся на вокзал членов Киевского Исполкома. Все

---

[1]) Восстановлено т. Коцюбинским и взято из его записей.

[2]) По поводу последнего постановления в дальнейшем были разногласия: некоторые товарищи доказывали, что постановление было о переезде всех руководящих советских органов, включая Киевский Исполком

об'яснения т. Гамарника—секретаря парткомитета,—что нет причин для такой спешки, не возымели действия, товарищи основывали свой спешный от'езд на постановлении расширенного заседания Народного Секретариата.

Отсутствовавшие члены Народного Секретариата, узнав о состоявшемся постановлении, потребовали срочного заседания Народного Секретариата и президиума ЦИК, где поставили вопрос о пересмотре принятого решения: не возражая против решения эвакуировать ценности и переезда правительства, самым решительным образом опротестовывали от'езд киевлян и требовали планомерной эвакуации и немедленного прекращения панического от'езда, указывая, что причин для спешного от'езда нет и что это решение было принято под влиянием паники, созданной поджогом на вокзале.

Большинство присутствовавших ранее на экстренном заседании и принимавших участие в решении вопроса об эвакуации доказывали, что киевские товарищи неверно истолковывали принятое решение, так как ни одного слова не говорилось о том, чтобы сию же минуту уезжать. Решено было принять меры к прекращению панической эвакуации и задержать от'езд киевлян. Но в это время получилось сообщение, что весь Киевский Исполком и парткомитет уже уехали 6-часовым поездом в Полтаву. Тогда вслед им была отправлена телеграмма с предложением немедленно возвратиться в Киев.

Весть об от'езде Исполкома Совета быстро разнеслась среди обывателей, и положение в городе создалось настолько неустойчивое, что дальнейшее пребывание Советского правительства являлось совершенно невозможным. И президиум ЦИК'а, и Народный Секретариат переехали из занимаемого помещения в поезд. В городе остались только три члена Народного Секретариата (народные секретари по военным делам, внутренним и финансовым) и т. Виталий Примаков. Т.т. Коцюбинский и Ауссем занялись собиранием разрозненных отрядов Красной гвардии и розыском вооружения, т. Примаков со своим небольшим отрядом Червоного Казачества поддерживал порядок и охрану в городе, а тов. Е. Бош принимала бесконечные делегации и демонстрировала власть, а вернее, безвластие в городе.

Исполком Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов уехал 26 февраля, не созвав пленума Совета и не уведомив его о своем от'езде. Товарищи так торопились с от'ездом, что бросили все, как было; даже винтовки, хранившиеся в подвалах дворца, где находился Исполком, не были сданы и оставлены без всякой охраны. Только члены Исполкома, работавшие в Банке, выполнили свои задания и эвакуировали все ценности и бумаги.

Ужасную картину,—картину панического бегства, представлял на другой день дворец—помещение Исполкома... Обыватели моментально узнали об оставленных винтовках и с утра 27 февраля валом повалили в здание Исполкома на разграбление оружия. Только часов в 12 дня, когда сообщили в Народный Секретариат, эта грабиловка

была прекращена, и оставшиеся винтовки перевезены в Штаб. Неорганизованный, панический от'езд Исполкома резко подчеркивался положением на заводах. Хотя рабочие были охвачены не меньшей тревогой и прекратили работу, но они заперли предприятия и организовали свою охрану с постоянной сменой караула.

На другой день после от'езда Исполкома (27 февраля) меньшевики и бундовцы экстренно созвали пленум Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Наша фракция Совета не знала об от'езде Исполкома, но увидев, что на заседании он отсутствует, и пленум открывают меньшевики и бундовцы, бывшие в Исполкоме в период Центральной Рады, забила тревогу и срочно вызвала членов Народного Секретариата, оставшихся в городе. В Совет мы приехали в момент, когда бундовец М. Рафес сообщал о бегстве Советского правительства и Исполкома Киевского Совета и предлагал избрать новый Исполком. Зал Купеческого собрания, где происходил пленум, был буквально с верху до низу забит рабочими, и к трибуне невозможно было протиснуться. Мы остановились у входа. Но в это время раздался голос: «Приехали члены Советского правительства», и весь Совет, как один человек, поднялся с мест и встретил нас бурной, долго несмолкавшей овацией. Рафесу продолжать не дали и предоставили слово для доклада представителю Советского правительства. Докладчик, сообщая о продвижении противника и наших, указал, что положение на фронте крайне тяжелое, требуется немедленное подкрепление нашим вооруженным силам, а мобилизация Красной гвардии проходит крайне слабо; что чехо-словаки, хотя и обещали поддержать нас, но пока активного участия не принимают и что при таком положении удержать город будет невозможно; что Советское правительство решило не уступать ни пяди украинской территории без решительного сопротивления и принимает все зависящие от него меры к обороне города, но что успех обороны будет зависеть не от него, а от активности рабочих Киева; что организация обороны усложняется контр-революционной деятельностью мелко-буржуазных партий, которые рука об руку со всеми контр-революционерами всеми способами стараются дезорганизовать наш тыл; что несколько дней тому назад М. Рафес являлся в Народный Секретариат с предложением передать власть Городской Думе и выслать делегацию для встречи германских войск. Это сообщение вызвало бурные протесты против меньшевиков и бундовцев. Раздались негодующие голоса: «Вон бундовцев и меньшевиков из Совета»... «Подлецы»... «Предатели»... «Так вот зачем им понадобилась ложь о бегстве Советского Правительства»... «Обманом хотят добиться власти»... «В Лукьяновку их»... «Что смотрит Советское правительство—почему Рафес на свободе?»... Призыв докладчика ко всем рабочим Киева, так в январское восстание, встать под ружье для обороны города, был встречен бурными приветствиями и долго несмолкаемыми аплодисментами... Тут же внесено было предложение немедленно закрыть заседание, чтобы, не теряя ни минуты, взяться за организацию рабочих отрядов и

вооружение их. Заседание закрыли, и весь Совет, вместе с представителями Советского правительства покинул зал заседания.

Присуствовавшие на пленуме Совета члены Народного Секретариата прямо с заседания отправились на вокзал и потребовали экстренного заседания Народного Секретариата и президиума ЦИК, где после информации о состоявшемся пленуме Совета внесли предложение—приступить немедленно к созыву всех пролетариев Киева и вооружению их и для этой цели выделить часть ответственных работников из президиума ЦИК'а и Народного Секретариата, которые вместе с членами Киевского Совета и должны провести это решение Совета в жизнь.

Но предложение не встретило поддержки со стороны большинства собрания: возражавшие указывали, что уже поздно, так как оккупационные войска находятся в 30 верстах от города, и что без киевлян, хорошо знающих местные условия, ничего не удастся сделать.

Тогда те же товарищи внесли предложение срочно вызвать киевлян, а тем временем приняться своими силами за мобилизацию. Но на это последовало новое предложение—заслушать доклад начальника штаба, чтобы выяснить на какой максимальный срок можно рассчитывать удержаться в городе; принято было второе предложение.

Доклад Павлова сводился к тому, что с имеющимися в его распоряжении силами, при условии, что оккупационные войска будут спешно продвигаться (на этот счет у него никаких точных сведений, кроме предположений, не было), больше двух-трех дней Киев не продержится. В конце доклада он развил свою точку зрения на оборону Киева, указав, что не согласен с решением Народного Секретариата, так как с военной точки зрения оборона Киева совершенно невозможна и, в заключение, предложил оттянуть свои силы за Днепр. Его предложения никто из присутствовавших на заседании не поддержал. «Ну, что же,—заявил Павлов,—я буду проводить решение Народного Секретариата, но требую для этого военных сил, так как необученные рабочие не могут вести оборону города».

При обсуждении доклада Павлова выступавшие товарищи указывали, что сам Народный Секретариат и президиум ЦИК остаются при прежнем решении: без активного сопротивления не уступать оккупантам ни единой пяди украинской территории; поэтому необходимо заменить Павлова, так как начальнику обороны совершенно чужды те мотивы, по которым Советское правительство считает необходимым вести оборону города; что за все время штабом ничего не предпринималось в деле организации обороны, на что товарищи неоднократно уже указывали, и что последний доклад Павлова говорит за то, что и дальше ничего не будет предпринято. Предлагают поэтому назначить начальником обороны своего товарища, а Павлова оставить в штабе, как военспеца, и эту меру считают необхо-

димой еще и потому, что при более близком наблюдении Павлова появляются все большие сомнения и предположения, что он действует не в интересах Советской власти. Рекомендация наших товарищей, знавших его по армии, ничего не дает: Павлов — правый с.-р., политическая обстановка изменилась, и его отношение могло измениться; они уже неоднократно высказывали сомнения в политической честности Павлова.

Большинство собрания высказалось против смещения Павлова, мотивируя свои соображения тем, что предпринять что-либо радикальное для обороны города уже поздно, а смена начальника обороны при создавшихся условиях может только ухудшить положение. Предложение о вызове киевлян было принято, и сейчас же послана вторая телеграмма о немедленном возвращении их.

Тут же т. Лапчинский и т. Скрыпник внесли предложение о переезде президиума ЦИК'а и Народного Секретариата в Полтаву, ввиду того, что никакая работа Советского правительства в таких условиях невозможна. В этом вопросе разногласий не было, но группа товарищей предлагала, ввиду сомнительной честности Павлова и отсутствия Киевского Исполкома, выделить из своего состава тройку, которая должна остаться в Киеве. Против этого предложения решительно восстал т. Скрыпник, мотивируя свое возражение тем, что, все равно, товарищам ничего не удастся сделать, а отсутствие трех активных работников из Народного Секретариата в такой момент срывает работу Народного Секретариата. Но внесшие предложение настаивали и заявили в категорической форме, что до приезда Исполкома они не считают возможным уехать, хотя бы так и решило большинство. На этом заседание закрыли, и старая тройка отправилась в город, а остальные остались на вокзале.

28-го с утра начали проходить правильными рядами, сплошной линией, чехо-словацкие войска, отступая за Днепр.

Перед этим в массах широко распространился слух, что чехословаки, оставшиеся нейтральными во время борьбы с Центральной Радой, в борьбе с немецкими войсками активно поддержат Советскую власть, и отступление прекрасно вооруженных чехо-словацких войск, количественно свыше 10 тысяч, со всем командным составом, произвело удручающее впечатление на рабочих. У каждого невольно являлась мысль: «Раз отступает такая армия, то что можем сделать мы?». Положение создалось совершенно невозможное.

Чехо-словаки действительно заявили о своем согласии поддержать Советское правительство в борьбе с германской оккупацией, но при этом командный состав оставлял за собой свободу военных действий. Решение Советского правительства оборонять город не совпадало с мнением чехо-словацкого штаба, и они отступали без боя, обеспечивая себе переправу через Днепр. Такими действиями они не только не помогали, но в значительной мере срывали возможность обороны и действовали в интересах оккупантов.

После отхода чехо-словацких войск за Днепр, начался массовый уход рабочих из города. Поддерживать порядок в городе становилось все трудней. По городу стали раз'езжать подозрительные автомобили с вооруженными людьми, раздавались то в одном конце города, то в другом отдельные выстрелы, а по ночам вспыхивали неизвестно с кем перестрелки. Обыватели позаколачивали окна и двери, забаррикадировали ворота и несли свой вооруженный караул.

28-го вечером редакция «Вестника» заявила, что газета не выйдет, так как рабочие типографии разошлись по домам, в виду того, что поздно ходить по городу опасно, и на ночь они не могут оставлять свои семьи.

Часа в 3 ночи на 1 марта нас (трех Народных Секретарей, оставшихся в городе) вызвали на экстренное заседание Народного Секретариата на вокзал. Наше предложение отложить совещание до утра, ввиду того, что ночной от'езд из города будет истолкован караулом как оставление города, ни к чему не привело—товарищи требовали срочного приезда.

Заседание Народного Секретариата назначено было в поезде. Но как только мы вошли в вагон, поезд тронулся полным ходом. Мы бросились к дверям, но они оказались запертыми. В первый момент явилась мысль, что это провокационная уловка железнодорожных чиновников, но тут же т. Лапчинский пояснил, что после категорического заявления Павлова, что без боя он город не оставит, состоялось постановление Народного Секретариата—всю оборону города возложить на штаб, а правительству немедленно выехать в Полтаву. Это сообщение вызвало бурный протест с нашей стороны и заявление, что Павлов и весь его штаб только и ждали нашего от'езда, чтобы оставить город.

Как мы и предполагали, Павлов, отправив «правительственный» поезд, сейчас же со всем штабом выехал вслед, *не дав* никаких распоряжений войскам, оставшимся на фронте, и не предупредив т. Примакова, ведавшего охраной города. И если бы наши начальники отрядов—коммунисты—проявили больше доверия к штабу, то все наши вооруженные силы остались бы в руках оккупантов, так как чехо-словаки, получив сообщение, что штаб бежал и город оставлен, обеспечивая себе тыл, подготовили взрыв главных мостов.

В момент от'езда штаба наши войска находились в 10 верстах от города. Потеряв связь со штабом и узнав от железнодорожников, что все покинули город, они стали спешно отступать за Днепр. Но как только стали подходить к мосту—раздался первый взрыв, к счастью, неудачный. Полная неосведомленность наших отрядов, взрыв моста и угроза быть отрезанными создали невероятную панику, и лишь выдержка и стойкость т. Чудновского спасли положение.

Видя, что мост только попорчен, но не взорван, он с группой смельчаков (человек 25) из своих отрядов бросился вперед и ору-

жием стал прокладывать себе путь через мост. Чехо-словаки в первый момент приняли наши войска за неприятельские и стали обстреливать бросившихся на мост пулеметным огнем. Был момент, когда казалось, что все смельчаки погибнут. Но наши прорвались на другую сторону моста, и огонь прекратился. Путь был свободен, и все отряды прошли за Днепр.

Караул, остававшийся в городе, не получая распоряжений и крайне встревоженный нашим ночным от'ездом на вокзал, начал постепенно сниматься и уходить на вокзал в штаб, но, не найдя такового и не имея никаких распоряжений, в одиночку и группами поспешил за Днепр. К 14 часам дня весь караул снялся и покинул город.

Большая часть членов Совета, оставшиеся отряды Красной гвардии и активные железнодорожные рабочие покинули город и вместе с нашими отрядами перешли за Днепр. 1 марта 1918 года Киев был оставлен, — на другой день оккупанты вступили в город и восстановили власть Центральной Рады.

Правительственный поезд, неизвестно по каким причинам, прийдя в Дарницу, задержался на продолжительное время. Часов в 8 утра, выйдя из вагона, мы услышали распоряжение: «Все войска и все поезда отправлять на Полтаву». На вопрос дававшему распоряжение железнодорожному чиновнику: «Кто дал это распоряжение?», узнали: «Начальник штаба Павлов, поезд которого стоит рядом с правительственным поездом». Спешно направились в штабной поезд, но там Павлова не оказалось. Тем временем наш «правительственный» поезд отошел, и начали готовить к отправке штабной. Приняв меры к задержанию штабного поезда, мы—Бош и Бакинский—пустились на розыски Павлова, которые длились довольно продолжительное время, — и безуспешно.

В это время начали подходить наши отряды. Приехали т.т. Чудновский, Примаков, Коцюбинский с полной информацией о действиях штаба и последнем отступлении. Немедленно устроили совещание, на котором присутствовали товарищи Чудновский, Примаков, Коцюбинский, Бош, и Бакинский. Потребовали Павлова, но он как в воду канул. После обсуждения создавшегося положения, приняли решение: настаивать перед Народным Секретариатом о предании Павлова революционному суду; его распоряжение об отступлении на Полтаву отменить; имеющиеся организованные вооруженные силы выдвинуть заслоном, а все разрозненные отряды Красной гвардии и отступающие группы рабочих направить спешно в Полтаву для формирования.

Т. Чудновский, Примаков и Коцюбинский взяли на себя руководство остающимися вооруженными силами, т. Бакинский занялся разгрузкой Дарницы, отправкой поездов, а т. Бош направилась в Полтаву для доклада в Народном Секретариате о принятых на совещании решениях. По дороге, в Ромоданах, нагнала поезд правительства.

На заседании Народного Секретариата и президиума ЦИК, устроенном в поезде по дороге из Ромодан в Полтаву, решение, принятое нами на совещании в Дарнице, не встретило возражений. Большие и крайне нервные дебаты развернулись вокруг вопроса о дальнейшей работе Народного Секретариата. Резко столкнулись две точки зрения: первая, — что основной деятельностью Советского правительства в данный момент является организация обороны, поэтому Народный Секретариат должен сосредоточить свою работу на организации вооруженной борьбы с оккупантами, и вторая,—что деятельность Советского правительства заключается в руководстве «государственной» жизнью страны, поэтому Народный Секретариат не может и не должен заниматься организацией обороны, что это — дело военного штаба. Сторонники первой точки зрения доказывали, что дело штаба только руководить военными действиями, что Народный Секретариат должен повести широкую агитацию и информацию на местах, заняться массовой мобилизацией рабочих и крестьян, вооружением их и всемерно содействовать в обслуживании нашего фронта, что для этого Народный Секретариат должен усилить работу военного и продовольственного комиссариатов, все же остальные комиссариаты не разворачивать, так как их работа должна занять второстепенное место, и предлагали выделить Совет Обороны из 5-ти товарищей, на который и возложить всю руководящую правительственную работу, а остальным членам Народного Секретариата и членам ЦИК выехать на места и заняться живой массовой работой, но отнюдь не сидеть в комиссариатах и отписываться бумажками. Сторонники второй точки зрения решительно возражали против сокращения комиссариатов и организации Совета Обороны...

Заседание длилось несколько часов, разногласия принимали все более острый характер, и в результате отстаивавшие первую точку зрения — меньшинство — заявили, что в виду того, что в последнее время им приходится оставаться при особом мнении по целому ряду важнейших вопросов, они не могут нести ответственность за принимаемые решения, слагают с себя полномочия народных секретарей и уходят на фронт. Назревавший со времени переезда в Киев раскол в среде своих товарищей (б-ков), входивших в Народный Секретариат, произошел в самый трудный момент.

2. Полтава.

В момент приезда в Полтаву там уже находились не только Киевский Исполком и парткомитет, но и не малое число киевской Красной гвардии, опередившей наш поезд в пути.

Местный Исполком Совета Раб., Солд. и Крестьян. Депутатов лихорадочно работал по приемке поездов, разгрузке вокзалов, предоставлению помещений и продовольствия приезжающим.

Все здания бывшего кадетского корпуса были предоставлены в распоряжение киевлян. Здесь организовали общежитие Киевскому Исполкому и парткомитету, здесь же находился штаб по формированию Красной гвардии, выделенный киевскими рабочими в первый же момент приезда в Полтаву.

Но, несмотря на громадное скопление отступивших, город производил мертвое впечатление. И трудно было поверить, что это наш ближайший военный тыл, где сосредоточено немалое количество уже имеющихся вооруженных сил, прибывших сюда для формирования. Ничто не говорило о какой бы то ни было военной работе. На вокзале и по улицам города бесцельно бродили, в одиночку и группами, красногвардейцы и солдаты с винтовками через плечо, а у здания Совета и помещения киевлян—полное безлюдие и спокойствие.

Члены Киевского Исполкома и парткомитета, за все четыре дня пребывания в Полтаве, не проявили ни малейшей активности и пребывали в полной бездеятельности.

Даже не присутствовали на собрании представителей киевской Красной гвардии, и в избранный Штаб по формированию Красной гвардии не входил ни один из руководящих киевских работников.

Это изолированное и бездеятельное существование усиливало недовольство в рядах киевских рабочих против своих руководящих работников, вызванное преждевременным их от'ездом. В городе широко шли разговоры, что киевская Кр. гвард. крайне озлоблена против своих исполкомцев и парткомитетчиков и поговаривает об аресте и предании их революционному суду. На эти разговоры киевляне крайне нервно реагировали и не только не сделали попыток изжить недоразумение и сблизиться с рабочими, а забаррикадировались в своем помещении, выставили усиленный караул и приняли ряд мер к обороне против своей же Красной гвардии. Мы приехали в самый острый момент, когда ждали выступления, и, под'ехав часов в 6 вечера к помещению Киевского Исполкома и парткомитета, мы увидали у парадного входа пулеметы и у всех дверей усиленный караул, который никого не впускал без строгой проверки мандатов. Нас остановили громким окриком: «Стой, не подходи, а то будем стрелять!». Мы назвали себя, но на это последовал новый окрик: «Не подходи!». В недоумении остановились. Тревожно забилась мысль: «Не произошел ли здесь контр-революционный переворот?» Посоветовались между собой, решили не уезжать, не выяснив в чем дело. И так как большинство киевских рабочих меня знали, я вышла вперед и стала вести с ними переговоры.

Несколько минут караул перешептывался между собой, переговаривался с находящимися за дверью и, наконец, выкрикнул: «Тов. Бош, подойдите». На меня направили свет и, убедившись, что перед ними стоит не самозванец, крикнули в коридор: «Пропустите, это тов. Бош, я знаю ее в лицо».

На мой недоуменный вопрос к караулившему в коридоре знакомому товарищу: «в чем дело?», он смущенно ответил, что ходят слухи, будто один из отрядов киевской Красной гвардии, прибывший сегодня, собирается устроить налет на занимаемое помещение, чтобы арестовать членов Исполкома и Комитета, которых они считают виновниками сдачи Киева. Поспорив с товарищами насчет нелепости всех приготовлений, составили список для пропуска всех приехавших и условились, что им не будут устраивать опроса на улице.

В самом помещении мы нашли те же приготовления к обороне и крайнюю тревогу, — все были в сборе и вооружены. Во внутреннем коридоре дежурили часовые и без подробного опроса и тщательной проверки документов никого не впускали.

На наши указания, что все эти приготовления только обострят отношения и действительно могут вызвать столкновения, товарищи ответили, что мы не знаем создавшегося положения, что оно гораздо серьезней, чем нам представляется. Прибывающие отряды киевской Красной гвардии не желают вести никаких переговоров со своими членами Исполкома и парткомитета, устраивают собрания, куда не пускают никого из ответственных работников, избрали свой штаб и решают действовать самостоятельно. После бесполезных споров, мы предложили устроить сейчас собрание для заслушания нашей информации о положении дел за последние дни,—товарищи согласились.

На совещании присутствовали киевский парткомитет и Исполком полностью, часть членов ЦИК (б-ков) и Народный Секретариат, приехавший в Полтаву. Слово для доклада предоставили тов. Е. Бош.

В первой части—информационной—докладчик обрушился, в крайне резкой форме, на киевлян за их преждевременный от'езд, подверг критике деятельность Народного Секретариата с момента наступления оккупационных войск и сообщил о разногласиях в Народном Секретариате, во-второй части — наши задачи и работа правительства; в основе всей работы поставил организацию обороны и сообщил о предложении меньшинства Народного Секретариата создать Совет Обороны и значительно сократить комиссариатскую работу. Для содоклада слово предоставили т. Скрыпнику, который выступил с обоснованием точки зрения большинства Народного Секретариата... По заслушании докладов, собрание приняло решение прения перенести на следующий день [1]).

2 марта из переговоров с товарищами из штаба по формированию Красной гвардии — штаб состоял из членов нашей партии, киевских рабочих — выяснилось, что озлобление среди киевских рабочих против своих руководящих работников действительно громадно, но что решения об аресте не было, и штаб, пользующийся

[1]) На следующий день собрание не состоялось, и прений по докладам так и не было.

доверием избравших его, не допустит этого. Но в связи с контрреволюционным натравливанием, ведущимся отдельными подозрительными типами и проникающими в солдатских шинелях в ряды Красной гвардии, возможно выступление какой-нибудь группки, особенно, если киевские товарищи не изменят своего образа жизни, так как полная изоляция их от Красной гвардии и бездеятельное существование усиливают недовольство, создавшееся в связи с неорганизованным и преждевременным от'ездом из Киева. Все члены штаба высказывались за необходимость скорейшей ликвидации этих трений и, как первый шаг, предложили поставить на общем собрании представителей от всех отрядов киевской Красной гвардии доклад члена Народного Секретариата о мероприятиях Советского правительства в борьбе с оккупацией Украины.

2 и 4 марта состоялись собрания представителей киевской Красной гвардии. Штаб внес предложение — «заслушать доклад т. Е. Бош»; в суровом молчании собрание приняло это предложение, и весь доклад прослушали с сосредоточенным вниманием. По докладу записалось свыше 20 человек. Но вначале прения носили сдержанный характер, — выступающие останавливались исключительно на организации обороны; указывали, что руководящими советскими органами очень мало сделано в этой области; что заседания и резолюции — это не дело; что сейчас необходимо итти в массы, чтобы организовать их в боевые отряды, так как без опытных организаторов рабочие чувствуют себя распыленными и при всем желании бороться с оккупантами они не видят никакой возможности организованных действий... К концу прений страсти разгорелись, и некоторые делегаты стали выступать с резкой критикой действий киевских руководящих товарищей и требованием немедленного предания их суду...

После заключительного слова, в котором докладчик указал, что ошибки есть и неизбежны и дальше, так как дело для нас всех совершенно новое, но сейчас не время судов, а необходимо максимальное напряжение всех революционных сил, и сообщил, что часть членов Народного Секретариата и членов ЦИК уходит исключительно на военную работу и вместе с отрядами идет на передовые позиции,—заседание закончилось принятием ряда практических предложений по вопросу о формировании отрядов Красной гвардии и спешной отправке их на передовые позиции.

После этого заседания, острота конфликта начала постепенно сглаживаться. И хотя большинство членов Киевского Исполкома и парткомитета продолжали держаться в стороне от киевской Красной гвардии, но начавшаяся лихорадочная работа по формированию частей для отправки на фронт и постоянная связь с членами Народного Секретариата значительно разрядили враждебное настроение и ослабили внимание к действиям своих руководящих работников.

В первые дни пребывания Советского правительства в Полтаве единых действий и направляющих и руководящих постановлений не было, каждый ответственный работник выполнял ту или иную работу по собственной инициативе.

Народный Секретариат, ввиду резких разногласий в своей среде, не мог принять единого решения и не собирался, Президиум ЦИК'а не мог принять решения за отсутствием большинства, а пленум ЦИК'а нельзя было созвать сразу, так как налицо имелось всего 15—18 членов ЦИК.

Меньшинство Народного Секретариата требовало срочного созыва пленума ЦИК, на обсуждение которого и должен был быть поставлен вопрос о дальнейшей работе Советского правительства, а до пленума, ввиду того, что каждый час промедления грозил срывом обороны, все силы сосредоточить на организации фронта. Но большинство Народного Секретариата с этим предложением не соглашалось, считая, что прежде всего необходимо решить основной вопрос. Соглашение не было достигнуто, и меньшинство и большинство повели работу самостоятельно.

Члены Народного Секретариата т.т. Ауссем, Е. Бош, Коцюбинский и Бакинский, занялись военной работой — формированием имеющихся уже сил и срочной отправкой их на фронт, подбором командиров и организацией временного штаба, т.т. Скрыпник и Лапчинский взяли на себя инициативу переорганизации Народного Секретариата и подбора соответствующих кандидатур; в этой работе им оказывали активное содействие киевские ответственные товарищи.

2 марта состоялось заседание членов Народного Секретариата, президиума и членов ЦИК, находившихся в Полтаве; т. Скрыпник внес предложение пополнить ЦИК киевлянами и ввести в президиум ЦИК трех товарищей от Киевского Исполкома. В противовес этому предложению внесено было предложение об экстренном созыве пленума ЦИК.

После продолжительных дебатов предложение о пополнении ЦИК отклонили и приняли предложение об экстренном созыве пленума и большинством провели постановление: «В президиум ЦИК включить т. Андрея Иванова, Леонида Слуцкого-Эратова и Якова Гамарника, возложив на тов. Иванова обязанности товарища председателя ЦИК» [1]).

3 марта состоялось снова то же заседание; т. Скрыпник сделал информационный доклад о работах Народного Секретариата, разногласиях, приведших к расколу, и внес предложение—ввиду отсутствия возможности быстро созвать пленум ЦИК для разрешения этого вопроса—пополнить ЦИК 10 товарищами из членов

---

[1]) Постановление ЦИК Советов Украины от 2 марта 1918 г., опубликованное в сборнике «Постановлений и распоряжений рабоче-крестьян. правит. Украин. Нар. Республики» за № 73.

Киевского Исполкома и немедленно решить вопрос о Народном Секретариате. Но за отсутствием некоторых членов Народного Секретариата, решено было заседание перенести на следующий день, дабы заслушать доклад меньшинства.

4 марта, открывая заседание, президиям внес предложение — считать это заседание пленумом ЦИК, хотя пленума нет, но ввиду особых условий, требующих срочного разрешения ряда вопросов, необходимо принять решение при том составе, какой имеется налицо. Предложение президиума большинством было принято.

Члены Народного Секретариата, «меньшинство», для содоклада не могли явиться, так как были заняты на совещании военных работников. Заседание поручило т. Скрыпнику сговориться с меньшинством Народного Секретариата по предложению организации Совета Обороны и выдвигаемых кандидатурах.

По предложению президиума поставлены были на обсуждение 2 вопроса: 1) О II Всеукраинском С'езде Советов и 2) о пополнении состава ЦИК. После продолжительных дебатов большинством приняты были постановления [1]):

1-е. II Всеукраинский с'езд Советов Раб., Солд. и Крестьян. Депутатов, назначенный в г. Киеве на 5 марта (с 20 отложен был на 5), отложить и созвать этот с'езд в г. Екатеринославе на 15 марта 1918 года.

2-е. Для пополнения состава ЦИК, до перевыборов его на втором Всеукраинском С'езде Советов, предоставить каждому Губернскому Исполнительному Комитету, а также Исполнительным Комитетам значительных Советских об'единений на Украине, право делегировать в ЦИК по десять представителей.

После принятия этого решения, т. Скрыпник внес предложение о включении 10 членов Киевского Исполкома.

Снова развернулись дебаты, в результате которых принято было постановление [2]):

В состав Центрального Исполнительного Комитета включить в качестве членов избранных Исполнительным Комитетом Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, — товарищей Эккерта, Гамарника, Фарбмана, Смирнова, Майорова, Реута, Шварца, Клименко, Гальперина и Карабчука».

5 марта члены Народного Секретариата и ЦИК Совета Украины — т.т. Ауссем, Бош, Коцюбинский и Бакинский, настаивавшие на экстренном созыве пленума ЦИК и образовании Совета Обороны, подали в президиум ЦИК *письменное* заявление об отставке и откомандировании их в распоряжение военного отдела.

В тот же день т. Ауссем с отрядом человек в 700 выехал на фронт Гребенка — Киев.

---

[1]) Сборник «Постановлений и распоряжений Раб.-Крест. Правит. Укр. Народн. Республ.» за № 74 и 75.

[2]) Там же № 76.

5 марта на заседании ЦИК, пополненном 10 киевлянами, обсуждалось заявление членов Народного Секретариата об отставке; заседание поручило тов. Скрыпнику: 1) сговориться с товарищами по поводу их заявления и 2) предложения об организации Совета Обороны и кандидатурах. Эти переговоры ни к чему не привели.

6 марта тов. Антонов-Овсеенко, после переговоров с ним президиума ЦИК, начавшихся с первого дня переезда в Полтаву, взял на себя командование всеми военными силами, находящимися на Украине.

В тот же день т. В. Примаков, возвратившийся с разведки из Бахмача, со своим отрядом и отрядом т. Кулика выехали в Бахмач, чтобы установить линию фронта: т. Примаков назначался т. Антоновым «командующим Бахмачским участком». С этими отрядами выехали на фронт т.т. Е. Бош, Лебедев Н. Н. и Ю. Пятаков, последний числа 5 марта приехал из Петрограда: Ю. Пятаков и Лебедев — для издания газеты группы войск Бахмачского участка, Е. Бош—политическим представителем с полномочиями от главнокомандующего.

7 марта на заседании ЦИК был поставлен на обсуждение вопрос об об'единении всех Советских республик, находящихся на территории Украины—к этому времени на Украине образовались, кроме Донецко-Криворожской, еще две Советские Республики: Одесская и Крымская—для организации единой обороны и доклад об организации правительства. По первому вопросу ЦИК принял «Декларацию» [1]), в которой Центральный Исполнительный Комитет призывает все Советы к об'единению на следующих основаниях:

«а) об'единение создается в целях всемерной вооруженной защиты Советской власти на территории, на которой организуется особый Комитет по борьбе с контр-революцией из представителей 4-х Советских Республик;

б) ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия правительств остальных республик выйти из об'единения и заключать секретные соглашения;

в) к этому Комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами;

г) главнокомандующий войсками Украинской Народной Республики т. Антонов-Овсеенко назначается общим главнокомандующим всеми военными силами»...

Но так как при обсуждении и решении этого вопроса не присутствовали представители других Советских республик, то эта «декларация» так и осталась только декларацией и в жизнь проведена не была.

По второму вопросу решения не было принято. На этом заседании приняли еще постановление [2]):

---

[1]) Приводится в приложении № 17.

[2]) Сборник «Постановлений и распоряжений Раб-Крест. Правит. Укр. Народ. Республ.» за № 80.

Включить в состав Центрального Исполнительного Комитета, в качестве членов, избранных Исполнительным Комитетом Полтавского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — товарищей Буценко, Яновского, Дробниса, Прокопиенко, Дмитриенко и, избранных Исполнительным Комитетом Полтавского Губернского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, товарищей Литвиненко, Ганненко, Боченко, Павла, Матяша, Романа Плиско, Ефима, Черненко, Феодосия, Яковенко, Дмитрия, Яроша Арсения, Кнюпу Порфирия, Зиненко, Данила, Дудку, Ивана, Гончаренко, Щура, Дмитрия и Павелко, Игнатия.

Состав ЦИК получился, в громадном большинстве, новый.

Ночью нас перехватили в Ромоданах и вызвали т.т. Ауссема, Бош и Пятакова к аппарату. Нам предложили от имени президиума немедленно прибыть в Полтаву для разрешения вопроса об организации Совета Обороны. Из дальнейшего разговора выяснилось, что члены Народного Секретариата и президиума ЦИК, возвратившиеся из мирной делегации, поддерживают наше предложение, и весь вопрос сейчас в кандидатурах, что кандидатуры частным совещанием намечены и требуется только наше согласие. Мы предложили столковаться по аппарату, но в результате переговоров к соглашению не пришли, и мы направились на фронт, в Бахмач.

8 марта на заседании ЦИК вопрос об организации Совета Обороны не подымался. Президиум внес предложение принять отставку членов Народного Секретариата, выехавших на фронт, и составить новый Народный Секретариат. По этому предложению ЦИК принял следующее постановление [1]):

1) Народный Секретарь труда Николай Скрыпник назначается председателем Народного Секретариата и Народным Секретарем по международным делам, с освобождением от должности Народного Секретаря труда и от исполнения обязанностей Народного Секретаря торговли и промышленности.

2) Товарищ Владимир Овсеенко-Антонов назначается Народным Секретарем и Верховным Главнокомандующим всеми войсками Украинской Народной Республики.

3) Народные Секретари по военным делам В. Шахрай, по внутренним делам Е. Бош, по финансовым делам В. Ауссем и временно исполняющий обязанности Народного Секретаря по военным делам и командующий войсками Юр. Коцюбинский освобождаются, согласно их ходатайств, от занимаемых ими должностей.

4) Народный Секретарь торговли и промышленности товарищ Артем (Федор Сергеев) и временно исполняющий обязанности Народного Секретаря путей сообщения Сергей Бакинский освобождаются от занимаемых ими должностей.

5) Назначаются члены ЦИК Совет. Украины: Председатель Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—Андрей Иванов и член того же Совета Иван Клименко Народными Секретарями, первый по внутренним делам, а второй — труда; член И. К. Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Евгений Натанович—Народным Секретарем по военным делам, член коллегии Народного Секретариата Тру-

[1]) Сборник «Постановлений и распоряжений Раб.-Крест. Правит. Укр. Народ. Республ.» за № 82.

да Вениамин Липшиц — Народным Секретарем торговли и промышленности, Народный Секретарь, управляющий делами Секретариата Георгий Лапчинский — Народным Секретарем по социальному обеспечению с сохранением временно обязанностей Народного Секретаря, управляющего делами Секретариата.

6) Народному Секретарю по продовольствию Эммануилу Лугановскому и Народному Секретарю по просвещению Владимиру Затонскому поручается временно исполнение обязанностей; первому—Народного Секретаря по финансам, а второму—по межнациональным делам.

7) Управляющий издательством ЦИК Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Народного Секретариата Украины—Яков Городецкий назначается членом Коллегии по управлению делами Секретариата.

8) Товарищ Рудольф Гальперин назначается управляющим Украинским телеграфным агентством и Осведомительным Бюро при Рабоче-Крестьянском правительстве Украинской Республики.

9) Назначаются: членами коллегии Народного Секретариата по военным делам, члены ЦИК: Е. Бош, Нискодуб, Сагач, Смоляков, Тагеев; Коллегии Нар. Секр. труда—Фарбман Рафаил, Смирнов; торговли и промышленности — Реут, Слуцкий; просвещения — Гресь; по судебным делам — Гамарник, по управлению делами Народ. Секр. — Гальперин, по продовольствию — Кравченко, Головко и Литвих, по внутренним делам — Гальперин и Майоров.

За Председателя ЦИК товарищ его, Поликарп Решетько.

Секретарь ЦИК Слуцкий.

За 7 дней до II Всеукраинского С'езда Советов составлен был новый Народный Секретариат, который за этот короткий промежуток времени никакой работы развернуть не мог, тем более, что в этот промежуток времени входил переезд из Полтавы в Екатеринослав. Вся деятельность нового Народного Секретариата свелась к изданию «Призыва» к населению [1]) — принятого 9 марта,—в котором Народный Секретариат обращался «Ко всем, кому дороги интересы трудящихся масс, кто готов бороться за дело социализма, встать с оружием в руках»... Сообщал о назначении верховным главнокомандующим Антонова-Овсеенко и призывал: «Поступать в Красную армию для борьбы против помещиков, капиталистов и с буржуазной Центральной Радой, которую поддерживают штыками германского империализма»...

10 марта Народный Секретариат и большинство нового состава ЦИК, за исключением полтавцев, выехали в Екатеринослав.

В Екатеринославе Всеукраинское Советское правительство пробыло всего 2 недели и в этот период занялось исключительно подготовкой и проведением II Всеукраинского С'езда Советов.

15 марта на заседании ЦИК, происходившем под председательством Медведева, в порядке дня стояли три вопроса: 1) Доклад председателя Народного Секретариата т. Скрыпника. 2) Доклад Народного Секретаря внутренних дел об организации власти на Украине и 3) о количественном составе нового ЦИК. Но ввиду отсутствия докладчиков по первым двум вопросам, обсуждался вопрос о количественном составе нового ЦИК и принято было предло-

---

[1]) См. приложение № 18.

жение т. Майорова «определить состав ЦИК в 100 человек, исходя из тех соображений, что такого количества будет вполне достаточно для непрерывной и плодотворной работы в центрах и на местах».

17 марта открылся II Всеукраинский С'езд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Прибыло 969 делегатов. Партийный состав: фракция коммунистов (большевиков) и сочувствующих им—421, украинских с.-д. левых — 27, об'единенных росс. и укр. левых с.-р. и сочувствующих им—414, укр. с.-д.—13, с.-д. об'единенцев—6, Бунд—2, с.-р. правых—4, анархистов—3, максималистов—4, беспартийных—82, неопределенных—8.

Избрали президиум в составе 10 человек: от фракции большевиков 4 — т.т. Квиринг, Скрыпник, Иванов, Гамарник; от левых укр. с.-д. 1 — т. Медведев; от левых с.-р. боротьбистов 5 — Одоевский, Ткачинский, Терлецкий, Бойченко и Сердюк. От имени президиума С'езд открыл приветственной речью Одоевский (левый с.-р.).

Порядок дня С'ездом принят следующий:

1. Политический момент — отношение к Центральной Раде и война и мир. 2. Организация военной силы. 3. Украина и Федерация. 4. Земельный вопрос. 5. Финансы. 6. Доклад Народн. Секр. и ЦИК. 7. Организационные вопросы и выборы.

Был заслушан затем ряд приветственных речей — от Народного Секретариата, Екатеринославского Совета, народного секретаря по военным делам; слово предоставили т. Антонову-Овсеенко. Отвечая на бурные приветствия, которыми встретил его С'езд, он начал: «...Тем немногим, да, немногим, стоящим на стороне народных интересов и своею кровью орошающих поля Украины, передам я те приветствия, которыми вы встретили меня. Но не ограничивайтесь приветствиями только, собравшись здесь, а сделайте дело, которое дало бы нам возможность сломить немцев и плетущихся в хвосте гайдамаков...». Указав на то, что тылом сделано слишком мало для усиления фронта, он призывал С'езд всю свою работу сосредоточить на вопросах организации обороны. После его речи, делегатами с'езда было внесено предложение послать сейчас от имени с'езда телеграмму приветствия борющимся на передовых позициях; тут же телеграмма была составлена, принята и разослана по всем фронтам.

Но вся работа с'езда не носила характера боевой подготовки к решительной борьбе с оккупантами.

Товарищи, руководившие с'ездом, не могли откликнуться на требование делегатов с'езда, так как, изолировав себя вопросами внутренней жизни Советского правительства от боевой работы, они не воспринимали с достаточной чуткостью создавшейся обстановки. Поэтому, несмотря на живой отклик с'езда на призыв т. Антонова-Овсеенко, работа с'езда не была направлена на обсуждение вопросов организации обороны, и обсуждаемые вопросы и принимаемые решения не отвечали боевым требованиям момента.

Доклад т. Скрыпника о «политическом моменте» носил характер академический и затрагивал, главным образом, вопрос об отношении к войне и миру. В докладе отсутствовал анализ условий, создавшихся на Украине, и никаких перспектив на ближайшее будущее не было дано.

Резолюция составлена была в форме декларации, без конкретных указаний для переживаемого периода и с заявлением, что украинская демократия «*будет* (?) бороться» против завоевателей, душителей революции. Директивы, данные С'ездом, исчерпываются в 6 и 7 пункте.

> 6. С'езд поручает исполнительному органу, который он изберет, послать представителя на международный социалистический конгресс, для борьбы за мир всего мира.
>
> 7. С'езд провозглашает, что трудящиеся Украины не признают в своей стране буржуазной власти ни в центре, ни в отдельных местах и будут бороться за восстановление власти Советов там, где они уничтожены, всемерно противодействуя буржуазным захватчикам путем организации Красной армии, партизанской борьбы, забастовками, неуплатою налогов и всеми другими средствами, которые имеются в распоряжении рабочих и крестьян [1]).

По второму вопросу, «о военной организации», принята была коротенькая резолюция, гласящая: «С'езд, исполненный непоколебимой решимостью отстаивать священное дело революции, постановляет, что делегаты, по возвращении на места, должны поднять села и города и создать мощную рабоче-крестьянскую Красную армию, мощную революционным духом и пролетарским сознанием. Эта армия должна стать несокрушимой твердыней, о которую разобьется последняя волна обреченного на гибель империализма».

К этой резолюции было сделано добавление от ППС (левица):

> В момент напряженной борьбы между революционным пролетариатом и хищническим империализмом, польский пролетариат без колебаний становится рядом с революционными борцами и будет бороться плечом к плечу с украинским и всероссийским пролетариатом.

Партия ППС (левица), во имя защиты революции, призывает польских «пролетариев, заброшенных сдуьбой на территорию Украины, к выполнению пролетарского долга и организации Красной рабоче-крестьянской армии».

По вопросу о «государственном устройстве» принята была резолюция, в которой говорилось:

> «Рабочий класс и все трудящиеся массы Украины рассматривали Украинскую Народную Республику, как Советскую Республику, об'единяющую всех, живущих на территории Украины, трудящихся, независимо от их национальности, и тесно связанную федеративными узами со Всероссийской Рабоче-Крестьянской Республикой...» [2]).

---

[1]) Резолюция — в приложении № 19.

[2]) См. приложение № 20.

На этом основные работы с'езда закончились. 20 марта закрыли с'езд, а 21-го вновь избранный ЦИК в количестве 102 членов постановил переехать в Таганрог, дабы обеспечить себе возможность спокойной работы.

С переездом в Таганрог Украинское Советское правительство изолировало себя от мест и для масс сошло со сцены политической борьбы. Да и не только для масс: и руководящие товарищи, которые находились на фронтах и в прифронтовой полосе, не возлагали уже никаких надежд на поддержку Советского правительства и рассматривали переезд в Таганрог, как начало ликвидации его.

Так в действительности и получилось: ЦИК пробыл в Таганроге около месяца, но за этот период никакого участия в борьбе украинских масс с оккупантами не принимал и существовал совершенно изолированно от мест. Борьба внутри ЦИК с левыми с.-р. и изолирование Таганрога от всей Украины привели к тому, что ЦИК и Народный Секретариат ушли во внутренние свои дела и никакой деятельности по обслуживанию мест и содействия обороне не развернули.

В новом составе ЦИК Советов Украины, с первых заседаний, началась фракционная борьба, которая расколола ЦИК на 2 почти равные части и свела всю деятельность ЦИК на борьбу внутри себя.

Доминирующее значение в этой борьбе имело стремление левых с.-р., пользуясь численностью фракции, стать во главе Украинского Советского правительства.

Численно фракции большевиков и левых с.-р. были почти равные. Украинские с.-д. имели лишь несколько голосов, которыми, по существу, и принимались все решения.

А так как украинские левые с.-д. почти всегда поддерживали предложения фракции большевиков, то постановления, принимаемые большинством 2 — 3 голосов, опротестовывались левыми с.-р., меньшинством, и все заседания ЦИК проходили в бесконечных спорах с левыми с.-р. и посвящались исключительно вопросам жизни ЦИК и Народного Секретариата.

25 марта на заседании ЦИК по вопросу о составе Народного Секретариата левые с.-р. потребовали себе половину мест в Народном Секретариате и самые важные секретарские портфели, а именно: военных дел, внутренних, финансов, продовольствия и председателя Народного Секретариата. И, не получив на это требование согласия большинства ЦИК, они отказались дать своих представителей в Народный Секретариат, в коллегии и отделы Народного Секретариата. Народный Секретариат составили из большевиков и левых украин. с.-д. Левые с.-р. опротестовали это решение, принятое 27 голосами против 25, и заявили, что они не признают избранного Народного Секретариата, так как он избран большинством 2-х голосов.

Члены ЦИК, левые с.-р., повели кампанию против избранного Народного Секретариата и, пользуясь недоброжелательным настроением в кругу руководящих работников Таганрогского Исполкома

и парткомитета (большевиков), повели травлю отдельных членов Народного Секретариата, распуская слухи о хищнической трате народных денег. Это привело к тому, что 27 марта военный комиссар г. Таганрога ввел вооруженную силу в помещение гостинницы «Бристоль» и произвел обыск в номерах, занимаемых членами ЦИК и Народного Секретариата, а 29 марта местный Исполком Совета, после решения Исполкома о невмешательстве в дела ЦИК, принятого 28 марта, принял постановление о вскрытии баулов с ценностями ЦИК, хранившимися в кладовых Таганрогского Государственного Банка, и переводе их на текущий счет Совета Народных Комиссаров.

Проведение второго постановления президиуму ЦИК удалось предотвратить, действиям военного комиссара были посвящены все заседания ЦИК от 29 марта.

29 марта на заседании ЦИК Совета Украины председатель тов. Затонский огласил заявление, поданное в президиум ЦИК от имени Народного Секретариата Украины [1]), по поводу произведенных обысков:

«Вчера, 27 марта, члены ЦИК Карелин, Качинский и Бойченко подали заявление военному комиссару местного Совета, которое в копии прилагаю. На основании этого заявления военный комиссар, незнакомый с положением дела в ЦИК и введенный в заблуждение поименованными членами, ввел вооруженную силу в помещение гостинницы «Бристоль» и приступил к обыску в номерах, занятых членами ЦИК и Народного Секретариата, руководствуясь списком, который кем-то был ему вручен.

Лишь постановлением местного Исполкома Совета Рабочих Депутатов действия военного комиссара были прекращены и ему было воспрещено какое бы то ни было вмешательство во внутренние распоряжения ЦИК и Народного Секретариата.

Принимая во внимание, что указанные члены ЦИК, Карелин, Бойченко и Качинский, относились в действительности, как это выяснилось из об'яснений их товарища по партии, Фишмана, на заседании Исполкома Таганрогского Совета, не к отдельным членам ЦИК, а к должностным лицам Народного Секретариата финансов, которых поименованные члены ЦИК не признают за правомочных представителей Советской власти на Украине, что эти члены ЦИК лживым заявлением местным властям попытались вмешаться в служебное действие должностных лиц высшего управления республики; принимая во внимание, что все заявления членов ЦИК Карелина, Бойченко, Качинского и Фишмана ни на чем не основаны и совершенно ложны, не находя возможным, однако, предпринимать по отношению к ним, как к членам ЦИК, те действия, которые в данном случае должен был бы предпринимать Народный Секретариат по отношению к частным лицам, по поручению Народного Секрета-

[1]) «Заседание ЦИК Сов. Укр., от 29 марта 1918 г.» — в «Вестнике Укр. Народн. Республ.», от 31/18 марта 1918 г., № 52, г. Таганрог.

риата, просим президиум ЦИК вне всякой очереди довести настоящее заявление до сведения ЦИК, дабы орган высшей Советской власти Украины принял меры к ограждению членов Народного Секретариата от покушений отдельных членов ЦИК путем насилия и обмана препятствовать исполнению первыми своих обязанностей».

В дополнение к заявлению тов. Затонский информирует пленум ЦИК, что «по вопросу о ценностях, я, как председатель ЦИК от фракции левых с.-р., никакого заявления не получал. Поэтому я считаю своим долгом вынести резкое осуждение той фракции, которая сама, находясь в составе ЦИК, встала на путь интриг, подрывающих доверие к Советской власти. Фракции левых с.-р. никто не мог воспретить подать заявление на имя председателя ЦИК, и тогда вопрос был бы разрешен законным порядком...».

В ответ на оглашенное заявление взял слово Фишман, от имени фракции левых с.-р., в котором сообщил, что фракция левых с.-р. считает поступок Карелина, Качинского и Бойченко «вполне закономерным, потому что хозяином всех народных сумм они считают только ЦИК, а ни в коем случае не группу лиц, выделенную только половиной его», т.-е. Народный Секретариат.

После весьма бурных прений, развернувшихся вокруг вопроса, правомочен ли Народный Секретариат, избранный большинством только 2-х голосов, принята была резолюция [1]), предложенная фракцией большевиков, дополненная в конце левыми с.-р.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Заслушав внеочередное заявление Народного Секретариата по поводу действий некоторых членов ЦИК Украинской Республики, ЦИК констатирует, что пущенная упомянутыми членами ЦИК заведомая клевета о расхищении народного достояния секретарями и членами ЦИК фракции большевиков сама по себе не заслуживает внимания.

ЦИК мог бы со спокойной совестью реагировать на этот выпад путем привлечения клеветников к судебной ответственности, если бы за этим грязным походом не скрывалось начало организованного наступления против Советской власти на Украине, путем взрывания Советской власти извнутри, в частности дискредитирования отдельных представителей Рабоче-Крестьянского Правительства, путем возведения на них обвинения в самых низких и неблаговидных поступках.

ЦИК обращается ко всем рабочим и крестьянам с призывом твердо стоять на страже интересов Советской власти, ни на одну секунду не верить гнусной клевете, распространяемой явными или тайными врагами Рабоче-Крестьянского Правительства на Украине и быть готовыми без колебаний отмести всех, кто в той или иной степени посягает на ответственные органы Советской Украинской власти.

ЦИК постановляет избрать комиссию, из состава членов ЦИК, для проверки сумм и ценностей Украинской Народной Республики, дабы отмести явно необоснованные и заведомо клеветнические обвинения, которые распространяются врагами Советской власти».

---

[1]) В отчете «Заседания ЦИК от 29 марта 1918 г.» — «Вестник Укр. Народн. Республ.», от 31/18 марта 1918 г., № 52, г. Таганрог.

После принятия этой резолюции тов. Штейнберг огласил декларацию [1]) об'единенной фракции левых с.-р. и украинских эс-эров левого крыла, следующего содержания:

Об'единенная фракция левых эс-эров и украинских эс-эров левого крыла ЦИК Украины считает своим долгом заявить, что вновь образовавшийся 25 марта Народный Секретариат Украины ни в какой мере не является правительством, отражающим во всей полноте волю рабочих и крестьянских масс Украины.

Это правительство подобрано по узко-фракционному принципу и представляет собою только одну партию большевиков, согласившуюся на капитуляцию перед германским империализмом [2]), принявшую предательский мир, заключенный Центральной Радой с германскими завоевателями и потому неспособную искренно организовать дело революционной борьбы с германским империализмом.

Такое правительство, созданное в грозный час революции, без всякого участия самой большой фракции ЦИК Украины (левых эс-эров и украинских эс-эров левого крыла), опирающееся на большинство лишь в 2 голоса (украинских с.-д.), ни в какой степени не может претендовать на поддержку украинских широких трудовых масс и партии левых с.-р. (российских и украинских).

Перед лицом украинских и российских трудящихся масс об'единенная фракция левых эс-эров и украинских с.-р. левого крыла ЦИК Украины об'являет, что Народный Секретариат, назначенный партией большевиков в заседании 25 марта, не является органом Украинской Советской власти, не отвечает воле II Всеукраинского С'езда Советов, и потому фракция снимает с себя всякую ответственность за его действия.

Вместе с тем фракция обращает внимание тружеников Украины на то, что старый Народный Секретариат сложил свои полномочия перед ЦИК того же 25 марта.

Фракция поэтому заявляет, что на очереди дня стоит вновь создание подлинной Советской власти Украины, ставящей себе искренно и последовательно задачи социальной революции и революционного сопротивления наступающему иностранному и отечественному империализму.

На эту декларацию левых с.-р., украинских и российских, ЦИК ответил следующей декларацией [3]), внесенной фракцией большевиков и левых укр. с.-д.:

Заслушав декларацию партии левых эс-эров, ЦИК констатирует:

Образование Народного Секретариата из представителей большинства ЦИК партии коммунистов-большевиков и левых укр. с.-д. явилось результатом отказа партии левых эс-эров участвовать в Народном Секретариате. Этот отказ обусловливается резким расхождением партии левых эс-эров с постановлениями второго Всеукраинского С'езда Советов и стремлением партии левых эс-эров, получив наиболее важные портфели, сорвать постановление второго с'езда. Неудача означенной

---

[1]) Отчет «Заседания ЦИК, от 29 марта 1918 г.» — «Вестник Укр. Народной Республ.», от 31/18 марта 1918 г., № 52, г. Таганрог.

[2]) Что для Украины являлось сплошным вымыслом, так как II Всеукраинский С'езд Советов единодушно подтвердил постановление первого ЦИК, внесенное фракцией большевиков, — вести на Украине борьбу с германскими оккупантами до последней возможности.

[3]) Там же.

попытки не остановила партию левых эс-эров, которые об'ективно, ходом событий, стали на путь борьбы с Советской властью.

ЦИК обращается ко всем рабочим и крестьянам Украины с призывом сплотиться вокруг нового Рабоче-Крестьянского Правительства и оказать ему всемерную поддержку как в борьбе с буржуазной контр-революцией, так и с колебаниями партии левых эс-эров, своими выступлениями играющей в руку врагам пролетарской революции.

«Вестник» от 30-го и 31-го, сообщая «о разрыве» с левыми с.-р., пишет:

То, что можно было предположить заранее, о чем мы говорили уже, а именно о возможности откола левых эс-эров..., стало фактом. Фракция левых эс-эров об'явила о том, что отказывается дать своих представителей в Совет Народных Секретарей. Более того, она отказалась дать работников и в коллегии и в отделы при Народном Секретариате Украины. Она отказалась дать своих представителей даже в Военное Секретарство и Военно-Мобилизационный Отдел при нем и таким образом отмежевалась не только от политики «большевиков», но и от работы по организации сил Украины для отпора бандам воинствующего германского и отечественного империализма.

Левые эс-эры пытались организовать «свое» министерство. Но так как они составляют в ЦИК Советов Украины *меньшинство* и, кроме того, разошлись в основных вопросах момента со с'ездом Советов Украины, то *попытка их*, заранее обреченная на неудачу, *действительно провалилась*...

Мы не знаем, как будут события развиваться в дальнейшем, — это трудно предвидеть. Но во всяком случае, большевики и украинские левые с.-д. не могли, конечно, ничего иного ответить на преступные благоглупости декларации левых эс-эров, как то, что они сказали в своем контр-заявлении.

ЦИК Советов Украины раскололся почти на две равные части, и условия для творческой работы создались совершенно невозможные.

На заседании ЦИК от 30 марта от фракции большевиков было внесено предложение: «ЦИК уменьшить до 20 человек и некоторые комиссариаты соединить вместе».

Фракция левых с.-р. заявила, что они, как не участвующие в работах Секретариата и коллегиях, будут говорить только о сокращении кворума ЦИК, что если есть работа на местах, то ясно, что всем членам ЦИК здесь делать нечего, но при сокращении ЦИК они считают нужным, чтобы все члены собирались для пленарных заседаний не реже двух раз в месяц. Фракция предложила уменьшенный состав ЦИК назвать Бюро ЦИК, зафиксировав и опубликовав состав в 21 человек, и подчеркнула, что Бюро может разрешать только вопросы повседневные, а вопросы важнейшего характера разрешает пленум ЦИК.

Пленум ЦИК принял решение об организации Бюро в количестве 21 человека и по вопросу о компетенции Бюро принял формулировку фракции большевиков, — что Бюро кроме повседневных вопросов решает и вопросы важнейшего характера, при чем хотя эти решения и вступают немедленно в силу, но должны быть рассмо-

трены и утверждены на ближайшем пленарном заседании ЦИК, которое созывается один раз в месяц.

Это заседание ЦИК было одним из последних. Собравшийся 17 апреля пленум принял решение о роспуске ЦИК Советов Украины, так как вся Украина находилась уже под властью оккупантов.

3. Организация фронта и борьба с оккупационными войсками.

Для оккупации Украины германское военное командование выдвинуло свои войска с юго-западного фронта и быстро начало продвигать их в двух направлениях: Шепетовка—Коростень и Калинковичи — Новозыбков, направляя первый удар на Киев [1]). В Киеве в первые дни не имелось достоверных сведений о продвижении германских войск, и даже Советское правительство не имело на этот счет верной информации. И 20 февраля (нов. ст.) тов. Затонский, выступая на пленуме Киевского Совета, говорит [2]):

> ... Получено сообщение из Петрограда за подписью тов. Сталина, что Австрия не принимает участия в возобновленном наступлении. На северном фронте (на Петроград.—*Е. Б.*) наступление ведется германцами. Положение серьезное. Что касается Украины, то страхи оказались преувеличенными — наступление ведется исключительно гайдамаками, сорганизованными Петлюрой на австрийском фронте. Наступление ведется по линии Житомир — Коростень...

Это сообщение казалось весьма правдоподобным, так как петлюровские войска отступили на Житомир, и в последние дни, в связи с продвижением германских войск, усилили наступление на Киев.

Но в ту же ночь (с 20 на 21 февраля) в Народный Секретариат поступили сведения, что под Бердичевым произошел бой между советскими войсками, под командованием тов. Киквидзе, и гайдамаками, «идущими вместе с австро-германскими империалистами для борьбы с Рабоче-Крестьянским правительством Украины; руководит последними бывший военный министр Ц. Рады Петлюра. Последний разослал повсеместно хвастливый приказ о том, что он идет на Киев для восстановления власти Ц. Рады». Эти сведения подтверждались дальнейшими сообщениями, и к моменту разрыва мирных переговоров уже не было двух мнений—восстанавливать Ц. Раду шли германские войска. Но какие силы перебрасывала Германия на Украину, оставалось невыясненным. Народный Секретариат в своем воззвании к населению [3]) сообщал, что

---

[1]) Смотри схему № 2.

[2]) «Вестник Укр. Народн. Республ.», от 24 февраля 1918 г., № 30, г. Киев.

[3]) Опубликовано в «Вестнике Укр. Народн. Республ.», от 24 февраля 1918 г., № 30 г. Киев.

Близкий и столь желанный мир опять отодвигается... и перед нами решительный бой с опасным врагом...

... Враг наступает небольшими отрядами, не имея возможности двинуть большие массы, опять, как в борьбе против Каледина и Ц. Рады, придется иметь дело с отдельными колоннами, партизанскими отрядами отдельных грабителей. Организуйте свои партизанские отряды, рвите мосты, железные дороги, шоссейные дороги, увозите или уничтожайте при отступлении хлеб и все, чем могут поживиться голодные разбойничьи банды. У нас нет другого выхода. Никакое соглашение невозможно — наше мирное предложение германские империалисты отбросили: они прекрасно понимают, что им невозможно существовать рядом с нашей властью рабочих и беднейших крестьян... Пусть знают банды насильников, что везде на своем пути они встретят самый решительный отпор [1]).

И до сдачи Киева ЦИК и Народный Секретариат точных сведений о количестве военных сил, перебрасываемых на Украину, не имели. Ходили слухи, что будто переброшено несколько корпусов со всем командным составом, и командование находится в руках германского главного штаба, что германские силы ведут наступление правильным фронтом, но проверить эти сообщения не удавалось, и они оставались только слухами, которым руководящие работники не особенно доверяли. Большинство членов ЦИК и Народного Секретариата рассматривали выступление Германии не как продолжение войны — «это уже не прежняя война Германии или Австрии против русского или украинца, в которой борются одна против другой миллионные, скованные железной дисциплиной армии» (из воззвания Нар. Секр.), а как дружескую поддержку германской белогвардейщины низвергнутой Ц. Раде. И предполагали, что Германия не даст больших сил, и Украине не придется вести войну, а продолжать вооруженную борьбу с «изменниками своего народа — украинскими «социалистами» Винниченками, Поршами, Петлюрами, которые во главе офицерских немецких банд идут против украинских рабочих и крестьянской бедноты» (из воззвания Нар. Секр.), и в этой борьбе рассчитывали не на армию, а на вооруженное сопротивление рабочих и крестьянских масс.

В начале наступления германских войск не делалось попыток установить советский фронт, а поставлена была задача обороны столицы Украины — Киева. Но с мест войска к Киеву не стягивали. Имевшиеся при каждом Совете отряды в 400 — 600 человек, вновь сформированные, оставались в распоряжении местных Советов. Оборона Киева организовывалась только имевшимися в распоряжении Советского правительства вооруженными силами, которые были сосредоточены вокруг Киева. Эти силы были крайне ничтожны. Остатки старых войск с падением Ц. Рады разбрелись по домам, а вновь сформированные Мобилизационным Отделом Народного Секретариата воинские части, представляли небольшие

[1]) Воззвание полностью приводится в приложении № 16.

отряды по 300—400 чел., всего численностью 1½—2 тысячи человек, которые и были выдвинуты по двум направлениям — по направлению к Житомиру, откуда ожидался главный удар, к Ирпеню и Тетерову. Командование нашими вооруженными силами на Ирпене находилось в руках т. Чудновского.

Постановлением от 21 февраля Народный Секретариат предписывает Мобилизационному Отделу усилить формирование новых частей и поручает Народному Секретариату по военным делам сговориться с чехо-словацким штабом, обещавшим свою поддержку.

23 февраля Мобилизационный Отдел Народного Секретариата обращается ко всем рабочим, солдатам и бывшим солдатам со следующим воззванием [1]):

> Товарищи! Контр-революционеры Украины, в союзе с австро-германскими империалистами, вынудили Советскую власть возобновить кровавую борьбу. На Киев идут недавно изгнанные отсюда, главари разбойничьего гнезда Центральной Рады, мечтающие с помощью немецких аннексионистов уничтожить на Украине власть рабочих, солдат и крестьян и отдать ее, порабощенную, под скипетр австрийского императора. Дело идет о жизни и смерти российской и мировой революции.
>
> Все, кто может помочь в борьбе с приближающимся врагом, должны отдать свои силы защите родины.
>
> Чтобы противостоять бронированному кулаку австро-украинского империализма, решено создать новые части, которые могли бы померяться силами с вражеским регулярным войском.
>
> Идет формирование полевых артиллерийских бригад, тяжелых дивизионов, пулеметных запасных команд и кавалерийских отрядов.
>
> В первую очередь необходимы специалисты-артиллеристы легкой артиллерии, горной, тяжелой, пулеметчики-наводчики и кавалеристы.
>
> Все, кому дороги завоевания великой пролетарской революции, отзовутся на наш призыв.
>
> Запись и справки в Мобилизационном стделе Народного Секретариата, — Фундуклеевская ул., 11, первый этаж, от 10 до 6 ч.

Но работа Мобилизационного Отдела по формированию новых частей не только не усиливается, но почти прекращается, так как под влиянием слухов, что на Украину перебрасываются германские корпуса с фронта, совершенно прекращается приток добровольцев, старых солдат. Формирование отрядов на фронт идет почти исключительно из коммунистов и по инициативе и под руководством отдельных товарищей. Числа 28 февраля Чудновский набирает отряд человек в 300: 150 товарищей чехо-словаков и столько же товарищей красно-гвардейцев, киевских железнодорожников, с которыми устанавливает охрану переправы через реку Ирпень. Через несколько дней выделяется отряд коммунистов из сербского батальона пленных, — сформированного старым правительством, — человек 150—170, и под руководством тов. Зюки готовится к выступлению на фронт. Выделяются небольшие группы в 30 — 50 чело-

[1]) «Вестн. Укр. Народн. Республ.», от 24 февраля 1918 г., № 30, г. Киев.

век коммунистов-рабочих, которые спешно вооружаются, а многие и обучаются владеть винтовкой и отправляются на тот или другой «участок фронта».

На местах в это время ничего не предпринимают для организации вооруженной борьбы с оккупантами. Слухи о продвижении германских войск, в течение 3-х лет побеждавших русскую регулярную армию, создают почти общее настроение безнадежности и невозможности сопротивления. Массы придавлены и пассивны, а местные советские и партийные работники рассуждали приблизительно так: «Бороться мы вынуждены, другого выхода нет, но мы неизбежно будем разбиты». И, находясь под впечатлением общего настроения придавленности, не проявляли никакой инициативы и не видели возможности что-либо предпринять. А тем временем германские войска беспрепятственно, если не считать стычки под Бердичевым с отрядом человек в 600 тов. Киквидзе, продвигались к Киеву.

24 февраля пленум ЦИК принял постановления о немедленном выезде членов ЦИК на места, для раз'яснения создавшегося положения и организации вооруженной борьбы. Народный Секретариат усилил активными работниками Военный Комиссариат, работа которого направлена была к срочному выполнению требований штаба обороны и обслуживанию наших войск. На ряду с этим Народный Секретариат принимал ряд срочных мер к собиранию военного снаряжения и вооружения. С вооружением дело обстояло крайне плачевно — военные склады оказались пусты, и вооружения не хватало даже для обслуживания вновь формировавшихся небольших отрядов, и при самых тщательных розысках оно поступало в очень незначительных размерах и часто совершенно негодное — орудия и пулеметы со снятыми замками, винтовки без затворов и т. д. [1]).

26 февраля штаб по обороне города вносит в Народный Секретариат предложение отступить от города за Днепр, ввиду того, что без регулярной армии и при полном отсутствии артиллерии защищать город не представляется никакой возможности. Это предложение в Народном Секретариате отклоняется, и принимается решение призвать *всех* пролетариев Киева взяться за винтовку. Но это решение в жизнь проведено не было. Паника, создавшаяся в городе, в связи с пожаром вагонов со снарядами, и вызвавшая неожиданный от'езд киевских руководящих советских и партийных органов, создала совершенно немыслимые условия для массовой организации рабочих. Начинается паническое бегство из города и тревога в отрядах, находящихся впереди Киева на расстоянии 25—30 верст, — положение с обороной города крайне ухудшается.

---

[1]) В дальнейшем было открыто немалое количество винтовок, патронов, снарядов, пулеметов и даже орудий, зарытых в земле отступавшими из Киева петлюровцами.

27 февраля орган ЦИК и киевского Совета аншлагом, крупным шрифтом призывает рабочих и солдат к спокойствию:

Товарищи рабочие и солдаты! Будьте на страже! Контр-революционеры распускают ложные слухи, сеют панику. Им нужно внести смятение в наши ряды, чтобы расстроить начавшуюся работу по укреплению Советской власти и помешать нашей беспощадной борьбе с остатками банд Центральной Рады.

Все это работа шайки тайных саботажников! Дайте им решительный отпор! Все за строительство новой жизни! Все под красные знамена социалистической армии!

К этому времени выясняется, что на поддержку чехо-словацких войск при обороне Киева рассчитывать не приходится. Командный состав, состоявший, главным образом, из русских офицеров, весьма неохотно вел переговоры с представителями Советской власти, от прямого ответа насчет поддержки уклонялся и продолжал действовать самостоятельно и без всякой связи с Советским правительством.

27 февраля противник подошел к Ирпеню и артиллерийским обстрелом очистил себе переправу через реку. Наши взорвали мосты и, отступив за реку, продолжали держать фронт, срочно требуя из Киева артиллерию. По Житомирскому шоссе наши, обнаруживая противника, медленно отступали, не вступая в бой.

28 февраля тов. Чудновский прислал гонца с категорическим требованием вооруженных сил и артиллерии, так как после жестокой схватки с передовыми частями противника наши отряды значительно поредели и снова отступили, из имевшихся у них трех орудий — одно выбыло из строя.

Но ни одно из требований срочно выполнить не представлялось возможным. Только к вечеру отправили отряд в 80 человек, но без артиллерии, так как таковой не имелось.

К 10 часам вечера 28 февраля в городе слышалась перестрелка со стороны Пуще-Водицы, где отряд Примакова столкнулся с небольшим отрядом петлюровцев. Кем-то распускались слухи, что немецкие войска подошли уже к городу и, пользуясь ночью, хотят отрезать переправу. Слухи как бы подтверждались действиями чехословаков, спешно подтягивавших свои обозы за Днепр. К 12 часам пассажирский вокзал стал наполняться рабочими семьями с домашним скарбом, требующими поездов для выезда из Киева. Железнодорожники, принимавшие участие в вооруженной борьбе с Центральной Радой, начали грузиться в поезд. У всех составов и у штабного поезда шипели паровозы, готовые каждую минуту к отходу. К 12 часам ночи, в полной тишине, стали отходить поезд за поездом, без ведома и распоряжения железнодорожной администрации. К 4 часам утра отошел правительственный поезд, а вслед за ним штабной. И к утру 1 марта Дарница забита была поездами.

Часов в 10 над Дарницей появляются один за другим 2 аэроплана, которые начинают кружить над сгрудившимися поездами. Раздаются крики: «немецкие аэропланы»!». Начинается стрельба из винтовок, пулеметов... Невооруженные бросаются под поезда, спешат

в вагоны... Никто не хочет верить заверениям, что это — свои аэропланы... От машинистов требуют немедленного продвижения поезда в тыл... Поезд за поездом спешат со станции, направляясь по свободным путям... Аэропланы поднимаются и направляются в сторону от Киева... Устанавливается сравнительное спокойствие...

Весть, что город оставлен своими, вызывает панику в наших войсках, находящихся верстах в 6 — 10 от города. Отдельные отряды стали сниматься, не ожидая общего распоряжения, и уходить, кто куда может. Охрана города — оставшиеся отряды Красной гвардии, группами и в одиночку начала перебираться за Днепр. Но, не зная, где находятся свои, уходили кто куда, и те незначительные силы, что были сформированы, распыляются. В Дарнице, по приблизительному подсчету, собирается только человек 700, главным образом отряды т. Чудновского, которые и остаются передовым заслоном около Дарницы, по железнодорожному пути Киев—Гребенка. Путь Киев—Бахмач остался совершенно открытым; но предполагалось, что этот путь возьмут под охрану чехо-словаки, которые отступили на Бахмач. Только предполагали, так как достоверно никто не знал.

Так, после сдачи Киева против германских дивизий на советском фронте, образовавшемся около Дарницы, находилось 700 красных стрелков, артиллерия с 2-мя орудиями, пулеметная команда из 10 человек и кавалерия в 50 человек, без обоза, без кухни и с весьма небольшим запасом патронов и снарядов.

Пока в Полтаве принимались меры против царившего хаоса, формировались отряды и решался вопрос о дальнейшем ведении вооруженной борьбы, эта группа войск (как в дальнейшем называли наши сводные отряды), под командой т. Чудновского, демонстрировала передовой отряд советских войск, информировала Полтаву о продвижении противника и ночными набегами и неожиданными налетами причиняла немало неприятностей противнику.

В ближайшем тылу — Дарница — Полтава — царил непередаваемый хаос, и все попытки установить хотя бы сравнительный порядок сносились волной отступающих. По всем железнодорожным линиям—Киев—Бахмач, Гребенка—Бахмач, Ромодан—Ромны, Гребенка—Полтава—стояли и раз'езжали поезда с отступившими отрядами и эвакуировавшимися рабочими, большей частью вооруженные и с пулеметами на площадках. Каждый эшелон передвигался по своему усмотрению, требуя от железнодорожной администрации беспрекословного исполнения. На станциях ни комиссаров, ни представителей Советской власти не было. Железнодорожными проводами пользовался кто хотел и без всякого контроля. Местные организации чувствовали себя совершенно бессильными перед массой вооруженных людей. Ко всему между двумя борющимися силами— германской оккупационной армией и Советской властью — существовала третья вооруженная сила — чехо-словацкие войска.

Чехо-словацкий штаб по собственному усмотрению передвигал свои войска, самопроизвольно занимал железнодорожный подвиж-

ной состав, пути, станции, бесконтрольно пользовался прямым и всеми железнорожными проводами. А так как уходя с фронта ими было вывезено громадное количество военного имущества, то большая часть железнодорожных путей на Полтаву тоже занята была чехо-словацкими поездами, нагруженными аэропланами, орудиями, снарядами и всем необходимым военным снаряжением. Все это было прекрасно упаковано и с солидной охраной. Все это громадное военное имущество (в сравнении с тем, что имелось в распоряжении Советского правительства, — оно было колоссально) без задержки, в порядке срочного продвижения, вывозилось подальше в тыл. Железнодорожная администрация безоговорочно и в первую очередь выполняла требования чехо-словаков. Наши поезда, отправленные из Полтавы в Гребенку, с необходимыми припасами для оставшихся на фронте отрядов, задерживались с отправкой по суткам, так как все пути были заняты спешившими в глубь страны поездами чехо-словаков. Отправленный из Полтавы 4 марта в экстренном порядке военный эшелон по пути следования задерживается на несколько часов экстренным поездом, идущим по тому же пути, навстречу, и по выяснении оказалось, что идет чехо-словацкая кухня, отправленная вопреки данным из Полтавы распоряжениям, чтобы путь был свободен для экстренного военного поезда.

3 марта по предписанию Народного Секретариата тов. Примаков со своим отрядом человек в 100 выехал по линии Гребенка — Бахмач с целью разведки.

В Полтаве отдельные товарищи и штаб киевской Красной гвардии приступили к формированию отрядов для отправки на поддержку оставшимся заслонам. Собирали вооружение и обмундирование, подбирали командиров и делали попытки сорганизовать временный военный штаб, так как начальник штаба Павлов бежал, и штаб, сорганизованный в Киеве, распался. Военный Секретариат и Мобилизационный отдел Народного Секретариата хотя и сохранили свой небольшой аппарат, но, не имея директив от Народного Секретариата (ввиду распада Народ. Секрет.) и не имея материальных возможностей — военного снаряжения — бездействовали. Во всей этой работе по формированию встречалось невероятное количество затруднений — отсутствие людей, знающих военное дело, отсутствие военного снаряжения, даже винтовок и патронов, отсутствие централизованных распоряжений и действий—и работа налаживалась крайне медленно. Между тем тов. Чудновский в своих донесениях о продвижении противника срочно требовал подкрепления, указывая, что в противном случае, самое большое через 3—4 дня, Полтава неизбежно будет занята немецкими войсками.

С большим трудом выделили отряд в 100—120 человек, который 4 марта срочно отправили на подкрепление к Чудновскому. Количественно ничтожный отряд, к тому же плохо обученных, рабочих только ухудшил положение, создав в рядах борющихся настроение безнадежности и бессилия. Чудновский отступил к Гребенке.

5 марта тов. Ауссем выехал с отрядом человек в 600 — 800 в Гребенку. В тот же день возвратился тов. Примаков с сообщением, что путь Киев—Бахмач открыт, чехо-словацкие войска все в Бахмаче и, повидимому, готовятся ехать дальше на север; в Конотопе кроме Красной гвардии, которая несет охрану вокзала и пути, никаких войск нет. На одной из станций он наткнулся на военный эшелон, который оказался нашим отрядом сербов, отступивших от Киева по линии Киев — Бахмач. В этом отряде находились т.т. Зюка и Гриневич и после переговоров с Примаковым они решили поставить отряд заслоном около Крут, со стороны Киева.

К этому времени разрешается основной вопрос, вызвавший раскол в Народном Секретариате. Побеждает точка зрения, что Советское правительство должно заняться «государственными делами» и не вмешиваться в военную работу. Составляется новый Народный Секретариат, и во всем ведении вооруженной борьбы с оккупантами намечается иной путь. На смену революционной самодеятельности масс выдвигается организованное ведение войны. Вся инициатива и организация обороны переходят к военному штабу. ЦИК и Народный Секретариат устраняются от организации вооруженной борьбы, и на местах вся работа начинает колоться по двум линиям—тыл и фронт. Тыл занят своими делами, предоставляя «военным» заботиться о фронте. В борьбе с оккупантами уже нет того положения, какое имелось в борьбе с Центральной Радой, где каждый советский и партийный работник являлся частью вооруженных сил, боровшихся на передовых позициях, где Советское правительство являлось активным участником во всей работе военных выступлений. Вооруженная борьба принимает характер войны с внешним врагом. Но для ведения организованной войны Украина не имела никаких сил и возможностей. Вся вооруженная борьба с оккупантами, в самом начале организации ее, носила характер сопротивления кучки самоотверженных людей, не отдающих себе отчета в своих действиях.

5 марта тов. Антонов-Овсеенко, после длительных убеждений, дал свое согласие на назначение его главнокомандующим, обусловив при этом, что берет на себя эту нелегкую задачу только с условием, что ЦИК и Народный Секретариат примут срочные меры к формированию частей и во всей работе будут оказывать ему самое активное содействие. Тов. Скрыпник, который вел переговоры, дал это обещание от имени ЦИК и Народного Секретариата.

6 марта состоялось постановление ЦИК о назначении Овсеенко (Антонова) народным секретарем и верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской Народной Республики. В тот же день, для занятия Бахмачского участка фронта, выслали сводные отряды—Примакова, червонное казачество—120—150 человек, Кулика—35 человек, Винницкий отряд, состоявший из партработников и членов Винницкого Совета, человек 70, и артиллерийский отряд, человек 50 петроградских рабочих, солдаты империалистской войны, с 3-мя орудиями,—всего 300—320 человек, под общим командова-

нием Виталия Примакова. С этими отрядами выехали Н. Н. Лебедев, Юр. Пятаков [1]) и Е. Бош; первые два товарища для издания газеты группы войск Бахмачского участка фронта, последний—политическим представителем с полномочиями главнокомандующего назначать и смещать комиссаров. Эта группа войск собрана была в течение нескольких часов из тех вооруженных сил, что имелись в тот момент налицо, и выехала с очень небольшим запасом вооружения, плохо снабженная, даже без кухонь и с запасом сухого продовольствия на три дня. Занятие Бахмачского участка фронта считалось первоочередной задачей в связи со сведениями, что значительные германские силы спешат занять узловой железнодорожный пункт. Эти сводные отряды высылались с тем, что в ближайшие дни будут присланы войска, которые предполагалось собрать в тылу, для занятия участка фронта, их же задачей являлось установить боевой участок, нести разведку и демонстрировать передовой заслон советских войск.

7 марта приказом тов. Овсеенко назначены были командующие трех участков фронта.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВСЕМИ ВОЙСКАМИ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ [2]).

Полтава, 7 марта 1918 года.

Назначаю

1. Товарища Киквидзе [3]) — командующим Полтавским [4]) участком фронта.
2. Товарища Виталия Примакова — командующим Бахмачским участком фронта.
3. Товарища Коляденко — командующим Знаменским участком фронта.
4. Товарища Сергея Бакинского — начальником военных сообщений всего фронта.
5. Товарища Григория Разживина—заведующим Мобилизационным отделом Полтавского района.
6. Тов. Барона — комендантом в г. Полтаве.

Верховный Главнокомандующий войсками Украинской Народной Республики, Народный Секретарь *Овсеенко (Антонов)*.

Тов. Киквидзе выехал со своим отрядом, около 1000 человек, сформированным им из демобилизованных солдат, хорошо снабженных и вооруженных, в Гребенку. И на Полтавском фронте, вместе с находившимися там отрядами Чудновского и Ауссема, составилась группа войск, численностью свыше 2000 человек. С назначением командующего, т. Ауссем остался комиссаром этой группы войск, тов. Чудновский выехал в Полтаву, где занялся снабжением. При штабе составилась редакция из партработников, по собственному

[1]) Пятаков приехал из Петрограда числа 5-го.
[2]) Сборник «Постановлений и распоряжений Раб.-Крест. правит. Укр. Народн. Республики», за № 79.
[3]) Киквидзе — левый с.-р., находился в армии на империал. фронте
[4]) Гребенка.

желанию выехавших на фронт [1]), в составе т.т. Зарницына и Вейланд, которые с 16/III начали выпускать газету «Вперед» — группы войск Полтавского участка фронта. Этот участок фронта до сдачи Полтавы был наилучше организован и имел, по нашим возможностям, лучшие военные части.

Устанавливаются три участка фронта. Штаб тов. Овсеенко, находившийся в Харькове и руководивший борьбой с Калединым, переименовывается в главный штаб верховного главнокомандующего, и в нем сосредоточиваются организация и руководство вооруженной борьбой с германскими войсками.

7/III ЦИК принял постановление о создании «Особого Комитета» по борьбе с контр-революцией из представителей всех Советских республик, образовавшихся на Украине—Донской, Донецкой, Крымской и Одесской,—и в своей декларации указал, что «к этому комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами» и что «все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны (финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т. п.) распределяются Об'единенным Комитетом».

В ожидании организации этого комитета ЦИК и Народный Секретариат не принимали никаких мер для изыскания возможностей успешного ведения борьбы с оккупантами и создания вооруженных сил. Мобилизационный отдел Народн. Секретариата, из-за постоянных переездов и отсутствия активной поддержки со стороны Народного Секретариата, не мог вести успешно формирование даже тех сил, что имелись уже налицо. Губернские Мобилизационные отделы местных Советов хотя и усилили, после сдачи Киева, формирование отрядов и вооружение Красной гвардии, но их вооруженные силы не шли на фронт, а оставались в городе. Крупные города самостоятельно вели оборону и только после сдачи города остатки своих распыленных вооруженных сил отдавали ближайшему участку фронта. Между тем германская армия, с занятием Киева, начала быстро продвигаться вглубь Украины. Наши вооруженные силы, имевшиеся на участках фронта, требовали срочных пополнений, и штабу главнокомандующего пришлось срочно заняться формированием, розыском вооружения и всем военным снабжением — не только выполнять свою непосредственную работу, но полностью организовать оборону. В этой работе один штаб Овсеенко, с небольшой группой членов ЦИК и бывших народных секретарей, ушедших от работ Советского правительства на передовые позиции, без участия всех оставшихся в тылу партработников и деятельной поддержки центрального Советского органа, сделать многого не мог, так как армии не было, а сформированные и формировавшиеся отряды состояли в громадном большинстве из рабочих, никогда не бывавших на

[1]) В тот период коммунистов не распределяла парторганизация, а, кто хотел, уезжал на фронт и мобилизовался в ряды наших войск.

фронте и даже не умевших хорошо владеть винтовкой. Линия фронта установлена не была. Военное имущество еще было не только не учтено, но даже не разыскано. Старые военные склады пустовали, а в распоряжении штаба и местных Советов имелись незначительные, разрозненные и в большинстве совершенно негодные запасы военного имущества. Знающих военное дело работников не было, о специалистах в тот период и говорить не приходилось. И вся работа штаба по ведению войны с оккупантами носила характер «изворачивания» и имела громадные недочеты.

Участки фронта устанавливались наспех, исключительно по линии железных дорог, и не только потому, что наши отряды стремились держаться ближе к железной дороге, чтобы иметь возможность спешно отступать, но и потому, что обоз совершенно отсутствовал и даже орудия не все имели передки и часто укреплялись на вагонных площадках. На некоторых участках фронта не представлялось никакой возможности снять орудия с площадки за отсутствием передков, упряжи, лошадей.

Отряды отправлялись на участки фронта наспех сформированные, необученные, плохо вооруженные и почти не снабженные. Спайки среди них не было. Старые солдаты, взявшиеся снова за винтовку, были в этих отрядах в громадном меньшинстве, распылялись в общей массе и теряли свою боеспособность. Отряды, формировавшиеся спешно, часто представляли из себя крайне разнохарактерную массу, не признающую ничьего авторитета, кроме своего командира отряда. Командиром в этих отрядах был тот, кто сформировал их, и назначение командира штабом грозило развалом отряда. Весьма часто среди этих командиров встречались авантюристы, пьяницы и совершенно чуждые Советской власти лица. Да и командиры отрядов, формировавшихся штабом, весьма нередко назначались из случайно подвернувшихся людей, за отсутствием своего кадра работников, и мало чем отличались от самоназначенных командиров. Только в рабочих и крестьянских отрядах командиры были свои и в большинстве случаев коммунисты. Вновь формируемые отряды, приходя на фронт, в большинстве случаев не усиливали создавшуюся в первые дни группу войск, а вносили дезорганизацию и при малейшем удобном случае спешили скрыться в тыл, где они могли беспрепятственно раз'езжать по железнодорожным линиям и угрозами добывать себе все необходимое на местах остановок.

Снабжение фронта, как военным снаряжением, так продовольствием и обмундированием, шло из рук вон плохо—нужда в винтовках, патронах и снарядах на наших передовых позициях доходила до катастрофических размеров, когда оставался один патрон в винтовке и ни единого снаряда для орудий. На-ряду с крайней бедностью вооружения было не мало хаоса в самом снабжении. Участок фронта, имеющий 3-дюймовые орудия, получал снаряды для 6-дюймовых, имеющие 6-дюймовые получали только 3-дюймовые снаряды. Или группа войск, получающая приказ сняться и итти пешим по-

рядком, на все требования не получала никаких средств для пешего передвижения, а в это же время группа войск, получившая предписание погрузиться в вагоны, загружалась всем необходимым для пешего продвижения.

Не лучшее положение, чем со снабжением, получалось и с боевыми приказами. То по нескольку дней ожидали ответа на срочные запросы и, так и не дождавшись, продвигали войска по собственному усмотрению, а то в один день, и почти в один час,—три-четыре приказа и подчас один другой отменяющий. Так, получается приказ удержать участок во что бы то ни стало с сообщением, что подкрепление высылается, через ½ ч. — приказ, со строжайшим предписанием срочного выполнения, перебросить лучший отряд на другой участок фронта, а еще через ½ ч. — 1 ч. приказ: немедленно отступить, и вслед за этим — предписание спешно занять впереди лежащий пункт. Устранить недоразумение с приказами по прямому проводу только в редких случаях удавалось даже там, где связь имелась. Для того, чтобы получить штаб главнокомандующего, требовались часы, а, получив его, в редких случаях можно было вызвать к аппарату ответственного работника штаба, и, в большинстве случаев, приходилось передавать дежурному и ответ получать тогда, когда он терял всякое значение.

Неналаженность работы штаба, отсутствие руководства Советского правительства на местах, растерянность партийных и советских работников в ближайшем тылу фронта создавали чрезвычайно тяжелые условия для боровшихся на передовых позициях. Ответственным товарищам, работавшим в штабах на боевых участках фронта, приходилось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы заполнить недочеты работы тыла и при всех трудностях удержать наш фронт. Им приходилось изживать все недоразумения, возникающие с недисциплинированными, наспех сколоченными отрядами, присылаемыми для подкреплений и отказывающимися итти в бой; принимать на себя все протесты, подчас достигавшие крайнего озлобления, со стороны наших вооруженных сил на плохое и несвоевременное снабжение и распоряжения штаба; находить выход из разноречивых распоряжений штаба и отвечать перед главнокомандующим за все военные действия, производившиеся на их участке фронта; производить формирование и вооружение добровольцев, старых солдат, сотнями стекавшихся из деревень и сел, расположенных в полосе фронта; раздобывать в ближайшем тылу вооружение и все необходимое техническое снабжение и продовольствие; проводить мобилизацию лошадей и гужевого транспорта; зорко следить за действиями железнодорожной администрации и всего старого чиновнического персонала; руководить работой местных Советов и укреплять ближайший тыл, не говоря уже об информации местного населения и агитации среди рабочих и крестьян и административной работе в штабе. В тот период партработник в штабе отвечал за все, и к нему шли за решением *всех* вопросов, начиная от решения воен-

ного передвижения и кончая выдачей банки консервов или пары портянок. И нет ничего удивительного, что 24 часов в сутки этим товарищам не хватало. По 2—5 суток им не удавалось уснуть—засыпали во время работы, стоя. И никакими силами, вплоть до обливания ледяной водой, разбудить свалившегося товарища не удавалось. В результате крайнего физического переутомления и постоянного нервного напряжения руководящий работник, от которого буквально зависело существование боевого участка фронта, становился живым автоматом, подчас неспособным не только проявить живую инициативу, но даже дать толковый ответ на вопрос. Попытались бы вы спросить в тот период любого партработника на фронте о его желании, и он, ни на секунду не колеблясь, ответил бы вам — «уснуть».

Это состояние не могло не сказываться на работе, особенно в массах, и на отношении к товарищам, остающимся в тылу. Нередко на настойчивые требования делегатов от рабочих или крестьянских собраний прислать докладчика, «так как народ хочет итти бороться с немцами, да не знает как», такового никак нельзя было раздобыть. Каждый отговаривался отсутствием времени, а на длительные уговоры своих, безнадежно махая рукой, заявлял: «не пойду, что я скажу?! У меня голова пустая. Да и что говорить?! Все скверно...» И в результате товарищи между собой переругивались, докладчик не являлся, и митинг расходился, не получив ответа на животрепещущие вопросы.

На этой же почве стало зарождаться и расти в своей среде недовольство парттоварищами, находящимися в глубоком тылу и отдававшими все свое время бесконечным заседаниям, дискуссиям и обсуждению вопросов, не связанных непосредственно с боевой работой. Их деятельность рассматривали, как совершенно бесцельную трату времени и желание создать себе видимость работы, дабы иметь повод находиться в безопасных условиях. Чаще и чаще в своем кругу стали слышаться раздраженные разговоры о работе ЦИК и Народного Секретариата, и нередко можно было услышать весьма нелестные реплики по адресу товарищей, руководящих работой центрального советского органа. Это недовольство особенно усиливалось в моменты приезда в новые пункты. Отступая в ближайший тыл, там уже не находили ни Исполкома, ни парткомитета и ни единого ответственного советского работника—чаще всего царило полное безвластие. Но бывало, что советские войска встречали общественные деятели, любезно докладывавшие, что Советская власть покинула город, передав власть общественным организациям—городским думам или земским управам, и тогда военным партработникам приходилось заниматься местными делами, дабы создать мало-мальски сносные условия для наших войск. Тут наших тыловых работников не щадили, и все затруднения и все недочеты сыпались на их головы. Чем больше отступали вглубь тыла, тем сильнее росло недовольство, и в результате всякая надежда на поддержку тыла исчезла,—та сла-

бая связь с ЦИК и Народным Секретариатом, какая была еще вначале, путем информации и посылки ряда требований, в дальнейшем окончательно прервалась.

При таком положении вести успешно борьбу с регулярными войсками, численно превышавшими наши силы в 10 — 20 раз, прекрасно технически снабженными, наступавшими под руководством опытных специалистов, не представлялось никакой возможности. Наши войска на всех участках фронта почти непрерывно отступали, а крупные города один за другим переходили в руки оккупантов.

В каких условиях велась борьба на наших участках фронта и с какими силами, можно судить по положению в группе войск Бахмачского участка фронта, пробывших на боевых позициях, до сдачи Харькова, с 8/III по 8/IV, по линии фронта Бахмач — Ромны — Гадяч — Зеньков — Ахтырка — Кириковка — Богодухов — Люботин — Мерефа.

Эта группа войск находилась не в худших условиях и, по мнению товарищей с других участков фронта, даже имела преимущество, так как в ней находилась значительная группа партработников и командование было в руках партийного товарища [1]).

Как я уже говорила, 6/III из Полтавы для установки Бахмачского участка фронта выехали сводные отряды, численностью около 320 человек, под командой Примакова. По пути следования мы встретили поезд киевских железнодорожников, стоявший на одной из станций. В поезде находилось свыше 100 чел. активных железнодорожных рабочих, некоторые с женами и детишками, имелась кухня и значительные запасы продовольствия. Все мужское население поезда имело винтовки, но многие владели ими плохо, а на некоторых площадках вагонов стояли пулеметы. После переговоров с т.т. железнодорожниками, не знавшими, что с собой предпринять, мы предложили им ехать вместе с нами, предполагая, что их знание железной дороги будет очень полезно в Бахмаче — крупном узловом центре. Но так как по пути следования на всех станциях мы не встретили ни одного политработника, а только железнодорожную администрацию, которая работала без всякого контроля, то устроив в поезде партийное совещание [2]), решили по всей линии Полтава — Бахмач установить на станциях свой полит-контроль, путем назначения комиссаров. Тут же наметили права и обязанности этих комиссаров, которые заключались в следующем: 1) контролировать действия железнодорожной администрации, 2) наблюдать за желез-

---

[1]) Отсутствие каких бы то ни было документов, по которым можно было бы восстановить те условия, в которых находились наши войска, заставляет меня писать о положении группы войск Бахмачского участка фронта по своим воспоминаниям, и здесь я позволю себе остановиться на ряде мелких эпизодов, которые лучше всего смогут охарактеризовать то положение, в котором велась борьба с германскими войсками.

[2]) В тот период без совещаний и митингов ничего не предпринималось.

нодорожными проводами и 3) спешно продвигать наши военные поезда и строго следить за выполнением всех требований Советской власти. Для этой работы железнодорожные товарищи были наиболее приспособлены и, не доезжая Бахмача, нам пришлось многих из них оставить по линии, назначая их (на основании полномочий, данных мне главковерхом) комиссарами.

В Бахмаче мы нашли около 6 тысяч чехо-словацких войск, и большая часть железнодорожных путей была занята их эшелонами, а на вокзалах и у аппаратных дежурили их военные представители. По сведениям чехо-словацкой разведки на Бахмач продвигалось около 10 — 12 тысяч германских войск. Штаб чехо-словаков, еще до нашего приезда, выдвинул со стороны их продвижения свой заслон — тысячи 1½ штыков с артиллерией.

По приезде наш штаб (Примаков, Бош Е. и Пятаков Юр.) решили прежде всего столковаться с чехо-словацким штабом. Но это оказалось довольно сложной задачей. Представители чехо-словацкого штаба говорили с нами корректно, сдержанно, но ни на один вопрос прямого ответа не давали и с нескрываемой иронией спрашивали: «Вы думаете этими силами бороться с германской армией»? Нам приходилось делать вид, что мы не замечаем злой насмешки и между прочим сообщить, что на-днях должны притти войска, а наша задача подготовить все к их приезду. На это чехо-словаки отвечали коротко: «Если у Советской власти будут силы, чтобы вести войну с Германией, мы вас поддержим»... Наше предложение ввести одного представителя в их штаб, не встретило прямого отказа, но всячески отводилось заявлениями, что у нас нет военных специалистов, а у них исключительно военный штаб, и что присутствие нашего представителя они могут понимать только как политический контроль. Что касается военных действий, то они готовы нас информировать о своих решениях и даже, если потребуется, предварительно сговариваться по каждому отдельному случаю. Пришлось на этом согласиться, так как на большее рассчитывать по их тону не приходилось. Правда, никто из нас на действительную поддержку чехо-словаков не рассчитывал, но рвать с ними не считали возможным, так как т. Овсеенко требовал от нас максимальной сговорчивости и уступок, основываясь на телеграммах тов. Троцкого, в которых сообщалось, что чехо-словацкий штаб официально заявил о своем решении оказать поддержку Советской власти в борьбе с Германией. В тот же день, как только нами были поставлены комиссар в аппаратной, на обязанности которого лежал просмотр всех переговоров, и комиссар движения, без разрешения которого ни один эшелон не мог быть выпущен с вокзала, чехо-словаки перебрались с вокзала Киево-Воронежского, где остановился наш штаб, на вокзал Либаво-Роменский, где установили свою охрану и где 5—6 наших работников не могли следить за их распоряжениями и действиями..

Числа 10-го к нам прибыл отряд, человек в 400, сформированный в Полтаве из киевских рабочих, с группой партработников—Коля

Голубенко, Евгений Эдельштейн, Довнар-Запольский, Вера Бухарцева, Лида Соколова и Казюлина—первые три т.т. были штабом этого отряда, последние три — санитарным отрядом. Большинство отряда состояло из рабочих, никогда не бывавших на фронте и очень плохо владевших оружием. Всего составилась группа войск челов. в 700 — 800. С этими силами мы заняли боевой участок фронта, несли разведку и, пользуясь спокойствием на фронте и с нетерпением поджидая подкрепления, занялись налаживанием связи, организацией охраны вокзала и путей из железнодорожной красной гвардии и снабжением нашей группы войск продовольствием и всем необходимым. К этой работе привлекли местный Совет, и Исполком Совета полностью взял на себя организацию и доставку продовольствия. Работа шла успешно — 12/III вышел первый номер нашей газеты «К оружию!» — орган наступающих на Киев советских войск, издание группы войск Бахмачского участка фронта. Сведения с Полтавского участка фронта, нашего левого фланга, приходили хорошие — там уже составилась группа войск около 3-х тысяч, и настроение в нашей группе войск создалось бодрое — боевое.

Несколько беспокоил нас наш левый фланг — Конотоп. Хотя Конотоп, по крепости Советской власти и революционному настроению рабочих, сам по себе представлял для нас значительную опору, но прибывший туда из Харькова числа 10/III отряд был крайне неудачно сформирован, из случайно набранных людей, и командующий этим отрядом был человек с неизвестным прошлым. В рядах войск и в штабе совершенно отсутствовали партработники, и с первого дня между штабом и местными органами власти начались трения, которые усугублялись с каждым днем и грозили столкновениями отряда с населением. Вмешаться в действия командующего этим отрядом мы не могли, так как он получил полномочие от главнокомандующего т. Овсеенко — занять боевой участок на правом фланге от Бахмачского участка фронта—и действовал самостоятельно, отказываясь подчиняться Примакову. Что это был за отряд и какое положение создалось у нас на правом фланге, лучше всего покажет следующий случай, имевший место в Конотопе.

Кажется, на 12/III в Конотопе назначен был губернский с'езд Советов. Никто из центра на с'езд не приехал, и так как настроение, в связи с действиями командующего, создалось тревожное, то конотопские товарищи вызвали срочно меня из Бахмача. Приезжаю в Конотоп часов в 11 дня — все пути заняты воинскими эшелонами, на вокзале полно подвыпивших солдат, а на одной из железнодорожных площадок грозно возвышается необычное и редкое на наших фронтах 10-дюймовое орудие, дулом направленное на город, с готовой командой и ящиками снарядов. Смехотворное зрелище обращает мое внимание. Подхожу ближе, — команда пьяная, начальник, узнав меня, сконфуженно, заплетающимся языком, докладывает, что по распоряжению командующего приказано навести орудие на город, так как в городе неспокойно и нужно их попу-

гать... Иду разыскивать штабной вагон. В вагонах и на путях масса солдат и все здорово выпившие, в ответ на мой вопрос — «где штаб?», получаю площадную ругань. Покамест разыскиваю штаб, моим глазам представляется новое зрелище. Под строгим караулом ведут активных членов комитета (б-ков) и Исполкома, — всех знаю с первого дня февральского переворота, все местные рабочие, серьезные, преданные работники, — направляюсь к ним и узнаю, что по распоряжению того же командующего арестован весь президиум губернского с'езда, без всяких об'яснений причин и без всякого повода со стороны с'езда. Направляемся вместе в штаб. Встречает нас очень развязный ад'ютант (по виду молоденький офицерик), без доклада к начальству не впускает, останавливаемся в коридоре вагона. Покамест я достаю удостоверение, к командующему входит начальник караула, докладывает ему о приводе арестованных — президиума с'езда. К нам доносится дикая площадная ругань командующего с прибавлением: «расстрелять, изничтожить этих мерзавцев»... Отстраняю ад'ютанта, который несколько растерялся, узнав, что перед ним Бош (чем об'яснить, не знаю, но вся приказавшаяся мразь меня боялась), и вхожу без доклада. Вижу у стола, перед разложенными картами старого знакомца Шарова, которого еще в период борьбы с Центральной Радой 2 раза арестовывали за бандитизм и препровождали к т. Овсеенко со всеми документами. При моем появлении смутился, но пьяное состояние придало бодрости, и он начал развязно, но не особенно членораздельно давать мне об'яснения и говорить о каком-то бунте в городе, о том, что он ничего худого не хотел сделать, а вызвал товарищей только для об'яснений, что орудие навели только, чтобы припугнуть, и в этом я сама могу убедиться, так как стрелять с площадки невозможно, и проч., и проч., и что он вот сейчас при мне, как подтверждение своих слов, дает распоряжение немедленно всех отпустить и снять команду с площадки, где находится орудие... Товарищи уехали на с'езд, а я еще с час вела беседу с этим типом, указывая ему на недопустимость его действий, на пьянство вокруг, на бездействие и стоянку на вокзале и проч., и проч., и хотя твердо знала, что это бесцельная трата времени, но другого выхода не было — он имел широчайшие полномочия от главнокомандующего. Часам к 3 попадаю в город. Вид мертвый. Только изредка по пустынным улицам с гиканьем проносятся, группами по 20 — 30 чел., конные раз'езды Шарова.

Попадаю прямо на заседание партийного комитета и из доклада секретаря узнаю следующее: с первого момента приезда Шаров отнесся к местной советской власти враждебно, произвольно начал устанавливать «крепкую» власть в городе, обложил местную «буржуазию» (в число которой попали железнодорожные рабочие) громадной денежной контрибуцией, производит массовые реквизиции, ночные обыски по квартирам и не стесняется с расстрелами; что Шаров как бы забыл о своих непосредственных заданиях и

обращает внимание исключительно на местный поселок, участок фронта не устанавливает, даже разведка выезжает только версты за 3 — 4 от вокзала, весь отряд находится в вагонах на вокзале и занят исключительно реквизициями и беспрерывным пьянством; что попытки Исполкома Совета и парткомитета (б-ков) столковаться с Шаровым ни к чему не приводили, и во избежание вооруженного столкновения Исполком и парткомитет выполняют все его требования и предписания, хотя глубоко возмущены ими и считают, что действия Шарова направлены к срыву Советской власти, но ни в коем случае не к укреплению ее; что результаты деятельности Шарова уже сказались на отношении рабочих, которые в первое время решили все, как один человек, вооружиться и итти на фронт, а сейчас сторонятся наших войск и, чувствуя себя бессильными что-либо предпринять,—пассивны, и что, коротко говоря, вся деятельность Шарова есть открытое контр-революционное выступление. Возмущенно спрашиваю товарищей: «почему молчите? Почему не сообщили т. Овсеенко?»,—хотя по собственному опыту знаю, что т. Овсеенко по другому оценивает Шарова и, несмотря на все материалы и беседы с ним о бандитской деятельности Шарова, он все же дал ему опять полномочия не только командования, но и для борьбы с контр-революцией. На мои вопросы секретарь комитета сокрушенно махнул рукой: «От провода не отхожу целые дни, а толку никакого. Овсеенко к аппарату не подходит, а его подчиненные сообщают, что докладывали, и наши сообщения находятся у главнокомандующего»...

К 6 часам иду на с'езд. Нужно итти... Нужно как-то об'яснить с'езду действия нашего командующего Шарова. А хочется не об'яснять, а немедленно расстрелять этого мерзавца... Встречают бурными аплодисментами и предоставляют слово вне очереди... С'езд заявляет о своем решении все силы отдать на борьбу с оккупантами и всемерно поддерживать Советскую власть во всех ее мероприятиях и требует от Советской власти беспощадной борьбы со всеми примазавшимися, дискредитирующими народную власть... Еду снова на вокзал, чтобы поговорить по аппарату с т. Овсеенко... Но в главном штабе, кроме спеца, никого нет, и приходится отложить разговор и терпеть Шарова... Отправляюсь на заседание комитета и президиума с'езда. В городе непроглядная тьма и почти непрерывные, отдельные выстрелы. Под'езжаю к зданию Исполкома и вижу, что из дверей два вооруженных солдата выводят секретаря комитета и ведут его к стоящему тут же закрытому автомобилю. Увидев меня, арестованный товарищ приостановился со словами: «Вот, т. Бош, везут в штаб Духонина!». Подхожу быстро к автомобилю и вижу человек шесть вооруженных военных, прячущих от меня свои лица... Мы одни: я и безоружный секретарь... Начальническим тоном спрашиваю сидящих в автомобиле: «В чем дело?». Но в этот момент двое конвоиров стремительно бросаются в автомобиль, и, толчком срываясь с места, автомобиль полным ходом бросается

вперед и исчезает во тьме. Спрашиваю товарища: «Кто такие? Зачем вы подчинились? Ведь это бандиты? — Смеется: «Эх, т. Бош! Бандиты-то,—бандиты, с этим согласен, но приехали они с предписанием начальника группы войск, за его подписью... Я ведь его подпись хорошо знаю, много получал бумаг... Что мне было делать? Сопротивляться, чтобы вызвать бойню в городе? И с кем? С советскими войсками — значит, свои на своих? Другого выхода не было, я должен был подчиниться и умереть зря—главное, зря!»... Идем в комитет, на заседание, но оно не состоялось. Товарищи, ожидая нового налета, заблаговременно ушли. Потолковав с двумя дежурными членами комитета, решили, что секретарь на время уедет со мной, чтобы избежать новой такой же истории (на нем, как на секретаре, концентрировалось внимание Шарова), а я должна срочно информировать т. Овсеенко и требовать строжайшего наказания бандитов... Через два дня Шаров получил предписание от т. Овсеенко срочно сдать командование Примакову и самому возвратиться в Харьков. Но он тайком скрылся со всем своим отрядом и укатил неизвестно куда [1]). Конотопский участок фронта остался открытым, так как сил для занятия его у Примакова не было. Новые войска из тыла к нам не приходили и, вместо ответа из главного штаба на наши требования поспешить с высылкой войск, мы прочли в «Вестнике» в отделе телеграмм сообщение, что положение Советской власти в Конотопе «блестящее»... « На-днях займем, совместно с чехо-словаками, Нежин и Гомель, по направлению которых посланы довольно сильные отряды» [2]).

Истории, подобные шаровской, нередки были в то время, и они прекрасно характеризуют те условия, в которых приходилось нам вести войну. Нужно было действовать быстро, промедление грозило катастрофой, выбирать командиров было не из кого, партийных товарищей, знакомых хоть немного с военным делом, были только единицы, и приходилось брать тех, кто шел к нам. А к протестам товарищей с мест относились недоверчиво, об'ясняя их желанием «в белых перчатках делать революцию».

С 13/III к нам в штаб стали поступать тревожные донесения нашей и чехо-словацкой разведки о приближении противника. Чехословаки увеличили свой заслон до 3-х тысяч штыков и начали настойчиво добиваться от нас ответа, когда прийдут советские войска. Нам приходилось отвечать, что войска выехали из Харькова, хотя на ряд наших требований мы никаких ответов из главного штаба не получали. Наша группа войск пополнилась отрядом сербов, отступивших от Крут с 180 старыми солдатами, подошедшими к нам из ближайших сел, и мы насчитывали около 1000 человек. Кроме того, за время стоянки в Бахмаче, нам удалось лучше сформиро-

[1]) В дальнейшем Шаров был расстрелян советскими войсками.

[2]) Подобные сообщения встречаются в наших газетах очень часто—связь фронта с тылом была крайне слабой, и наши газеты пользовались часто сообщениями «очевидцев».

вать наши силы — снабдить их всем необходимым и сравнительно хорошо вооружить. Будь у нас вооружение, мы могли бы количественно значительно увеличить нашу группу войск, так как с приближением немецких войск к нам стали подходить демобилизованные солдаты из занятых сел и деревень. В первые дни штаб их задерживал и сформировал хороший отряд человек в 200, но с началом сражения, за неимением винтовок, большинство их разбрелось кто куда.

14/III произошла первая стычка с подошедшими германскими войсками.

15-го и 16-го бой развернулся по всему участку фронта. Главную силу представляли чехо-словаки, но нашим красным солдатам приходилось итти впереди и выдерживать самые жестокие схватки. В общей сложности на нашем участке фронта имелось до 4-х тысяч штыков. По сведениям чехо-словацкого штаба противник имел от 10 до 12 тысяч и наступал медленно, но упорно, пополняя и освежая свои силы. После двухдневных боев, длившихся с раннего утра и до поздней ночи, наши вооруженные силы, находившиеся бессменно на поле действия, заметно поубавились. Из отряда т. Кулика осталось только несколько человек, да и из них большинство раненых, в том числе и т. Кулик, из сербского отряда осталось человек 25 — 30, да и в остальных отрядах выбыл из строя не один десяток людей. Несмотря на значительные потери, наши держались стойко, так как плечо к плечу с ними боролись опытные чехо-словацкие войска. Но к вечеру 2-го дня чехо-словацкие войска, по распоряжению своего штаба, стали готовиться к отходу с позиции. Это вызвало острую тревогу в наших отрядах, и они настойчиво требовали от своих командиров немедленного отступления. С большим трудом удержав отряды на позиции, тов. Примаков отправился в штаб чехо-словаков для выяснения. Но прежде чем получить ясный ответ, ему пришлось выслушать немало разговоров насчет того, что Советская власть с такими силами не может сражаться с немецкими войсками, и добрый совет отступить пока не поздно. И только, когда он потерял терпение и решительно потребовал дать определенный ответ, ему ответили, что снимают войска, пользуясь ночным затишьем, только для замены их свежими силами. Этому заявлению не особенно верили, но хотелось верить, и им предоставили свободу действия. К 12 часам ночи началось движение чехо-словацких эшелонов, а к 2 часам ночи чехо-словаков в Бахмаче уже не было. Все чехо-словацкие войска с фронта были сняты, и наши отряды остались одни лицом к лицу с 10-тысячной немецкой армией. В наших отрядах началась паника. Гонец за гонцом прибывали в штаб, требуя распоряжения об отступлении, а в это время главный штаб приказывал держаться, так как подкрепление выслано. К 6 часам утра на вокзал стали прибывать отдельные отряды, самочинно снимаясь с боевого участка. И никакие уверения и убеждения не могли их заставить вернуться. Начали раздаваться про-

тесты со стороны своих же партийных товарищей, которые отказывались подчиняться требованию штаба. К 8 часам вся группа войск была уже на вокзале, в эшелонах, и ничего не оставалось, как дать распоряжение об отправке эшелонов на ближайшую станцию, в тыл. От главного штаба никаких распоряжений добиться не удалось, так как на все запросы получались краткие предписания не отступать и держаться до прихода подкреплений. В 10 часов утра оставили Бахмач и решили установить участок фронта между Григоровкой и Ромнами, а базу и штаб в Ромнах.

В тот же день противник занял Бахмач и вслед нам пустил бронированную площадку с орудиями, обстреливая наши эшелоны. Отвечать мы не могли, так как приходилось экономить снаряды, оставшиеся у нас в очень небольшом количестве. Пока мы раздумывали, что предпринять, в отрядах уже созрело решение, и к нам прибежали с предложением пустить навстречу бронированной площадке платформы, груженные бураками и стоящие на станции Григоровка; тут же нашелся смельчак-машинист, который брался пустить поезд и на ходу спрыгнуть. Этот план настолько пришелся всем по душе, что, не ожидая распоряжения Примакова, все принялись за приведение его в исполнение. И через несколько минут бураки помчались на противника. Эффект получился полный. Обстрел моментально прекратился, и площадка полным ходом пошла назад — под свист, крики и улюлюкание инициаторов этой затеи.

В ту же ночь на станцию Григоровка (между Бахмачем и Ромнами), где находился наш боевой участок фронта, прибыл отряд анархистов—обещанное Харьковом подкрепление—человек 400. Командир отряда — анархист, — не выгружая своего отряда, заявил, что он требует свободы действий и подчиняться распоряжениям Примамакова не считает для себя возможным. После довольно продолжительной беседы сговорились на том, что на ночь он выступает на смену одного из наших отрядов, и что в его распоряжения в этом пункте фронта никто вмешиваться не будет. Часов в 10 вечера отряд с большими треволнениями выступил, а в 4 часа утра он уже был самочинно на вокзале и спешно укатил в тыл, послав нам на прощание: «мы не так глупы, чтобы сидеть в мышеловке». Держаться в Григоровке было неудобно, и решили установить боевой участок верстах в 15, не доезжая Ромен.

Наш штаб расположился в Ромнах; здесь мы получили сообщение, что частями Баварского корпуса 15/III занята Одесса; 15/III на Полтавском участке фронта наши отступили к станции Ромодан; 17/III австро-венгерскими войсками занят Николаев, а 18/III Херсон и Алешки. Наш штаб, начав терять надежду на присылку подкрепления из главного штаба, стал изыскивать всякие способы, чтобы своими силами усилить нашу группу войск. Пользуясь тем, что немецкие войска продвигались осторожно, занимая каждую деревеньку, и что нашей группе войск приходилось иметь стычки

с их разведкой и бронепоездом, обстреливавшим нас по линии железной дороги, мы занялись спешным формированием отрядов из демобилизованных солдат, заменив свое требование в главный штаб о присылке войск—требованием срочно выслать вооружение. В первые же дни формирование пошло довольно успешно. Из ближайших сел и деревень, занятых немцами, к нам пробирались крестьяне, демобилизованные солдаты, многие с винтовками, и нам в течение 2 дней удалось составить крепкий отряд человек в 600. Тут нам сослужила немалую службу наша газетка «К оружию», которую мы всяческими способами — через крестьян, доставлявших нам продовольствие и приезжавших в Ромны по своим делам, через местный Исполком и своих разведчиков — широко распространяли по селам. К нам начали собираться значительные силы, приходили по 200—300 человек сразу, все бывшие солдаты, и можно было в течение 3—4 дней сформировать до 2.000 человек несравненно более боеспособных солдат, чем имевшиеся в нашей группе войск. Но отсутствие оружия срывало всю работу. На наши бесконечные требования в главный штаб выслать винтовки, вместо винтовок получались телеграммы: «высылаем». Телеграммой не вооружишь,—и наши собранные силы, прождав день-два, расползались, так как оставаться на фронте без винтовок никто не хотел, а ехать в Харьков отказывались, заявляя: «Что ехать? Если бы были винтовки, то выслали бы, а не высылают, значит, их нет. — Зачем нам тогда ехать в Харьковь?» [1]) На-ряду с отсутствием винтовок начали ощущать острый недостаток патронов, пулеметных лент и снарядов. И хотя в нашей группе войск оставалось попрежнему только 3 орудия, но непрерывный обстрел пути, по которому пытался пройти бронепоезд противника, истощил наши небольшие запасы снарядов. А к этому времени немецкие войска подошли по всей линии фронта и находились в 10—15 верстах от Ромен. Поползли слухи, что нас обходят. Наша группа войск, около 1000 человек (после отступления от Бахмача у нас осталось человек 500), бессменно оставалась на боевом участке и находилась в крайне тревожном состоянии, ежеминутно ожидая внезапного нападения. Числа 21 — 22/III наша артиллерия умолкает, оставшись без единого снаряда, последние патроны розданы на руки, а сведений, когда прибудет вооружение из Харькова, — нет. Но часов в 11 получаем приказ из главного штаба перейти в наступление и занять участок, находящийся верстах в 10 от нашей боевой линии. Отвечаем, что патронов и снарядов нет, и должны будем отступить — на это строжайший приказ держаться, с угрозой наказания за неисполнение боевого приказа и сообщением, что наше отступление

[1]) Разговоры, что украинское крестьянство отказывалось поддерживать Советскую власть в борьбе с немецкими войсками, неверны. Если мы не имели вооруженных сил, то только благодаря отсутствию крепкой, налаженной организации в центре и неправильной постановке формирования, сосредоточенного исключительно в городах.

грозит ударом в тыл полтавской группе. Часов в 12 дня получаем сообщения в ответ на наш запрос, по линии, что идет товарный поезд, кажется, с оружием. Срочно даем предписание продвигать его экстренным порядком, без малейшей задержки и навстречу высылаем своих людей. В это время получаем приказ главнокомандующего срочно перебросить отряд Примакова к Ромоданам и ему выехать вместе с отрядом. Снятие лучшего отряда вместе с командующим, после недавнего приказа, вызывает крайнее недоумение. Пытаемся выяснить, какой приказ нужно проводить. Получаем подтверждение всех предыдущих приказов и строжайшее требование немедленного выполнения. Подчиняемся. Наконец, приходит поезд—и, действительно, с вооружением. Настроение подымается. Но скоро падает. Из прибывших вагонов—2 с баллонами удушливых газов [1]), без предохранительных масок, а в остальных вагонах большинство снарядов — 6-дюймовые, а у нас только 3-х-дюймовки; патроны и винтовки—разнокалиберный сбор. Но кое-как все же оружия набрано некоторый запас. Примаков выезжает со своим отрядом на другой участок фронта. Наша группа войск остается без командующего, и мне приходится брать на себя командование на нашем участке фронта. Ночью получаем сведения от наших железнодорожных комиссаров, что к нам идет эшелон с отрядом матросов, высланный из Харькова. Часам к 10 утра принимаем эшелон. Выгружается, очень неохотно, человек 250—300 матросов и все, вместе со своим командиром, основательно подвыпившие. Командир, тоже матрос, не выгружая отряда, явился в штаб с требованием немедленно выдать продовольствие и обмундирование и, подкрепляя свои требования крепкими словечками, заявил, что до выполнения требования ни один «человек» не выгрузится из эшелона. Усмирив командира, начали готовить отряд к выступлению, а пока снабжали винтовками, патронами и проч. Командир, несколько вытрезвившись, снова явился в штаб, но уже с официальным докладом, в котором сообщил, что отряд сформирован наспех, и его необходимо дней на 10 оставить в тылу, чтобы «привести в боевой порядок». На указания, что необходимо сейчас же выехать на боевой участок, он ответил, что не отказывается — что он «за народ готов положить свою голову», но за «людей» не отвечает. Разговоры, сборы и, наконец, часам к 3-м отряд вышел. Вслед за отрядом выезжаю на боевой участок и версты за три до боевой линии встречаю возвращающихся обратно матросов, группками по 10 — 15 человек и в одиночку; поворачиваю их обратно. В 200 шагах от нашей артиллерии нахожу остальной отряд, сгрудившийся в кучу и переругавшийся со своим командиром. Всяческими мерами воздействия — уговорами, угрозами — выстраиваем и вместе отпра-

[1]) Эти вагоны доставили нам много хлопот. Их необходимо было немедленно убрать с боевого участка, а отправлять их в тыл без *надежной* охраны было весьма небезопасно.

вляемся в намеченный пункт. Впереди нам необходимо было перейти железнодорожный путь, непрерывно обстреливаемый артиллерийским огнем противника,—отряд приостановился, но когда я прошла шагов на 10 вперед, они вдруг все сразу двинулись за мной и самым дружелюбным тоном стали подавать мне советы, как итти, чтобы «дзыга» не задела. До вечера они продержались на позиции, но как только наступила ночь, все до единого скрылись в вагоны.

Часов в 6 — 7 вечера секретарь нашего штаба М. Бош сообщает, что приехал из Харькова командующий фронтом и срочно требует меня в штаб. Отвечаю, что сейчас оставить фронт не могу и предлагаю ему приехать и сейчас же на месте принять командование. Через некоторое время к полустанку, находящемуся вблизи нашей боевой линии, подошел поезд, исключительно из вагонов I и II класса с салон-вагоном, на площадках вагонов красовались пулеметы и охрана. За мной прискакал гонец. Иду... Навстречу мне из салон-вагона выходит группа военных. После короткого разговора узнаю, что командующий командирован к нам только с целью ознакомиться с положением дел на нашем участке фронта и для передачи нам плана действия и направления, по которому мы должны будем отступать «в случае необходимости». Предлагаю на месте осмотреть боевой участок и наши силы. Но артиллерийский обстрел противника не располагает блестящего командующего (23-х лет, с.-р.) к осмотру, он поучительно говорит мне о том, как дорого ему время, и предлагает своим поездом довезти меня до штаба и по пути переговорить о делах... При входе в его вагон невольно останавливаюсь от одуряющего запаха духов. Командующий заметил мое движение и тут же пояснил мне, что он вынужден возить с собой духи, так как не выносит «специфического запаха», проникающего к нему из купе караула. Весь вид вагона: красные бархатные диваны, такие же занавески на зеркальных окнах, пушистый ковер и вся обстановка — серебряный туалетный прибор, такой же чайный прибор и изящная дамская чернильница — напоминал будуар женщины, но никак не помещение командующего, хотя в углу, для вида, стоял пулемет и валялись сваленные в кучу карты. Выхоленный, надушенный эс-эрик, удобно усевшись на диване, затараторил без умолку, стараясь скрыть свое нетерпение, вызываемое задержкой с отправкой поезда. Воспользовавшись этой задержкой, предложила ему кратко изложить имеющиеся у него директивы и в кратких словах сообщила ему о положении на нашем участке фронта. Получив приказ «держаться и не отступать без приказа главнокомандующего» и план нашего фронта, на случай отступления, я поспешила покинуть начальство. Эта первая ласточка из главного штаба произвела на всех нас удручающее впечатление. Накипала бешеная злоба против товарищей, сидящих в тылу.

В ту же ночь Ромодан перестал отвечать на наши вызовы, и мы каждый момент могли ожидать противника с тыла, по линии Ромодан — Ромны. Но зная, что наши могли снять аппараты, под влия-

нием случайной тревоги, решили держаться, выслав разведку на паровозе по линии Ромны — Ромодан. Пока наша группа войск, несмотря на непрерывный артиллерийский огонь и донесение разведки, что противник находится на расстоянии 5 верст, держалась стойко, и в Ромнах настроение было бодрое — деловое. Железнодорожные рабочие спешно заканчивали оборудование сооруженного ими бронепоезда. Часов в 8 утра выехали с группой железнодорожных рабочих, человек в 75, на поддержку нашей артиллерии, обстреливавшей путь, по которому пытался пройти бренепоезд противника. Но не прошло и получаса после их от'езда, как штаб получил сообщение, что наши войска спешно отступают. Вслед за сообщением к вокзалу полным ходом влетает эшелон с матросами. Командир отряда на ходу выскочил из вагона, бегом пустился в штаб, по дороге истерически выкрикивая: «Погибли... Отрезали... Скорей отступайте!» С этим выкриками он ворвался в штаб. А в это время по всем путям и на вокзале началась невообразимая суматоха. С невероятным трудом штабу удалось установить некоторое спокойствие в ближайшем тылу, а на боевом участке положение спасли артиллеристы — преданные революционеры, петроградские рабочие. В момент тревоги, вызванной пожаром нашего вагона со снарядами, куда попал снаряд противника, т.т. артиллеристы, ни на минуту не растерявшись, быстро перевели площадки с орудиями на другой путь, так как загоревшийся вагон находился в шагах 10 от артиллерии по той же линии, и отступили к полустанку, версты на 1½ в тыл. Все отряды, кроме матросов, последовали их примеру, и в течение какого-нибудь получаса вызванная пожаром суета была прекращена. Но оставшиеся на позиции, особенно артиллеристы (петроградские рабочие) категорически требовали от меня «всю эту шваль» (имелись в виду матросы) немедленно отправить обратно в тыл. «Таких подкреплений нам не нужно»... «Если не умеют ничего лучшего сорганизовать,—возмущались они,—так лучше пусть ничего и не присылают. А то вместо помощи только мешают и устраивают панику». Но прежде чем нами было принято решение, что предпринять с этим отрядом, вопрос разрешился сам собой. В тот момент, как мы заняты были спешной отправкой снарядов на позицию, к нам подошла группа матросов во главе со своим командиром, еле державшимся на ногах от выпитого для храбрости спирта. Подойдя вплотную, командир выхватил маузер и, направив его на меня в упор, стал требовать немедленной отправки в тыл, скрашивая свою речь площадной руганью. Бессознательно положила левую руку на маузер, а правой вынула браунинг и приказала немедленно отправляться к отряду и ждать приказа. Результаты получились совершенно неожиданные. Вся группа молча повернула в сторону и быстро направилась через путь к стоящим товарным вагонам. Через несколько минут донесли, что отряд захватил эшелон и, угрожая маузерами, требует от железнодорожной администрации прицепить паровоз. А вслед за этим сообщили, что паровоз взят силой, и эше-

лон полным ходом двинулся с вокзала в тыл... В дальнейшем мы получили выговор от тов. Овсеенко за неумение использовать присылаемое в нашу группу войск подкрепление.

Часа в два дня, того же числа, получаем тревожное сообщение от наших тыловых железнодорожных комиссаров, что к Ромнам по линии Ромодан идет какой-то поезд. Даем распоряжение задержать на промежуточных станциях и выяснить, что за поезд. В скором времени дополнительное сообщение — поезд проходит без остановок, небольшой состав и, повидимому, не военный. И, наконец, с одной из ближайших тыловых станций сообщают: экстренный поезд—наш, едет тов. Ауссем. Вздохнули с облегчением, значит в тылу еще свои. Но тов. Ауссем, находившийся со своей группой войск около станции Лохвица, так же, как, и мы, ничего не знал, что делается в Ромоданах... Посовещавшись, решили держаться и добиться сведений из Ромодан. Но часов в 6 вечера наша разведка галопом прискакала в штаб с сообщением, что с правой стороны нас обходят немецкие войска, и передовые части находятся верстах в 3—4 от вокзала. Верить полностью нашей разведке в тревожные моменты не приходилось. И мы решили послать новую разведку, а своим войскам дали распоряжение отступить ближе к вокзалу. Через $^{3}/_{4}$ часа разведка возвратилась с подтверждением сообщений первой. Даем распоряжение войскам спешно подтянуться к вокзалу. Но слух об обходе уже успел проникнуть в ряды наших войск и вызвал громадную тревогу. Отряды стали спешно грузиться в вагоны, и к 8 часам вечера эшелон за эшелоном начали подходить к вокзалу. Только артиллеристы продолжали держаться, посылая ответные снаряды противнику, метко бравшему на прицел полустанки и эшелоны. Командиры отрядов, в большинстве свои же товарищи, стали требовать немедленного отступления, указывая, что задержка бессмысленна, что при создавшемся настроении в отрядах никакое сопротивление невозможно, что необходимо отступить, чтобы создать уверенность в войсках, что удара противника с тыла не может быть. Приняв меры к срочному отходу наших орудий, начали отправлять эшелоны в ближайший тыл. Сами, со своим, так называемым, штабным поездом—он по существу был и поездом снабжения и вооружения—остались на вокзале поджидать артиллерию, так как по горькому опыту знали, что, если «штабной» поезд двинется с места,—все моментально разбегутся.

Около 9 час. вечера неожиданно на вокзальном здании зажигается большой электрический фонарь, находящийся под самой крышей выступа. Старшие служащие с вокзала исчезают неизвестно куда, и никак не удается выяснить, зачем и по чьему распоряжению фонарь зажжен. И не проходит после этого, казалось бы, незначительного эпизода и ¾ часа, как из-за железнодорожных зданий выбегает немецкий отряд, человек в 600 и с криками «Hurra» бросается на штабной поезд. Крики, свист пуль, звон разбиваемых стекол... Поезд окружают. Слышится настойчивая команда немец-

кого офицера—«на площадки». Но солдаты колеблются и приказу не подчиняются... Отстреливаемся, кое-чем... Охрана поезда — человек 15—25... И в тот момент, когда немецкие солдаты бросаются к входам в вагоны, наш поезд сразу срывается с места и полным ходом уходит в тыл... Выручил товарищ машинист — увидав, что поезд окружают немецкие солдаты, он бросился к паровозу и, не ожидая распоряжения, на свой страх пустил поезд. В нашем поезде оказалось несколько человек раненых и один убитый. Противник захватил 3 орудия и небольшое количество снарядов; все артиллеристы и оставшиеся на вокзале одиночки бежали [1]).

В ночь 25/III получили сообщение из Лохвицы, что наши, часов в 6 вечера, 24/III оставили Ромодан и отступили к Полтаве. Из главного штаба ни сведений, ни директив. Выгрузить отряды из эшелонов в Лохвице после того, как войска узнали, что Ромодан сдан еще вечером, не представлялось никакой возможности. То обстоятельство, что наш штаб задерживал войска в Ромнах в то время, как Ромодан был уже сдан, вызвало громадное недовольство штабом. И часть эшелонов, не ожидая распоряжения, уехала в Гадяч. Дали распоряжение—все поезда отправлять в Гадяч—железнодорожный тупик, надеясь, что там уже, в силу необходимости, все должны будут выгрузиться из эшелонов. Отряды Примакова и Ауссема, находившиеся у Лохвицы, стали отступать пешим порядком. Часам к 5 25/III, наш штабной поезд подошел к Гадячу и остановился в версте от станции, так как Гадячский вокзал отказывался нас принять, заявляя, что все пути заняты. Действительно, все пути были забиты тесно стоявшими один возле другого поездами. Большинство вагонов были открыты, и из них женщины и подростки, торопясь, вытаскивали плотно набитые мешки, с которыми, скрываясь между вагонами, убегали, кто-куда. Между поездами валялись груды грязного, изодранного обмундирования, и все пути и платформы были густо усеяны исписанными листами бумаги, рваными сапогами, пустыми коробками от консервов, грязными тряпками и всякими ломаными и битыми вещами. По всем путям, под вагонами и в проходах шмыгали детишки, торопливо набивая свои корзинки и мешки. По пути мы не встретили ни единого человека из наших отрядов и никого из железнодорожной администрации. Но в помещении вокзала нашли всю железнодорожную администрацию, которая предупредительно доложила, что все прибывшие за день войска спешно выгрузились и ушли, куда—им неизвестно, что Исполком Совета дня два тому назад эвакуировался, передав власть Земской Управе. Не прошло и 2 часов, как к нам на вокзал явился председатель Земской Управы (петлюровец) с докладом, что в городе—полный порядок, что им было предпринято все, чтобы удовлетворить требование советских

---

[1]) Собственно, подробно остановилась на этом отступлении, предполагая, что ряд сообщенных мною мелочей лучше всего охарактеризует ту обстановку, в которой велась борьба на наших участках фронта.

войск в спешном предоставлении им подвод и что он ждет от штаба дальнейших распоряжений. К этому времени путь освободили, и наш поезд подошел к вокзалу. Мы предложили председателю посидеть у нас в вагоне, дав распоряжение караульному не выпускать его, и подождать наших распоряжений. В город отправили 3-х товарищей для выяснения положения, мобилизовали все свои и железнодорожные силы и принялись наводить порядок у станции. При осмотре поездов среди пустых вагонов нашли несколько запломбированных, в которых оказались вооружение и обмундирование. Когда и откуда прибыли эти вагоны, выяснить не представлялось возможным, предполагали, что они оказались в одном из составов, прибывших из Ромодан в момент отступления. Но ни в одном из составов не нашли мы обещанных нам Харьковом средств для пешего продвижения. Ни передков, ни кухонь, ни обоза. И если бы мы не потеряли своих 3 орудий в Ромнах, их пришлось бы бросить в Гадяче, так как снять их с площадок не представлялось возможности.

К вечеру прибыл тов. Ауссем со своим отрядом. Но ни у него, ни у нас — никаких сведений о месте нахождения противника. Попытки связаться с главным штабом не приводили ни к чему положительному. А к ночи поползли слухи о продвижении бронепоезда противника. И оставшиеся отряды начали настойчиво требовать отступления. Начальники отрядов поддерживали это требование, указывая на отсутствие у нас артиллерии. С оставшимися силами, говорили они, даже с незначительным численно противником мы стычки не выдержим. Необходимо было подождать прихода отряда Примакова, и отступление отложили. Но на утро мы уже не досчитались нескольких десятков людей — воспользовавшись ночью, они ушли. К 12 часам подошел Примаков со своим отрядом. Несмотря на успокоительную информацию, что противник нигде им не обнаружен, настроение отрядов не улучшалось. Железнодорожный тупик, отсутствие средств передвижения, отсутствие своей власти в городе и неизвестность, где противник, — создали крайне нервное настроение, и каждый час промедления грозил полным распадом нашей группы войск. Решили отступить к Зенькову. Но обоза в нашем распоряжении никакого не было. А все попытки достать подводы в городе не увенчались успехом—город оказался без лошадей и повозок. Петлюровские власти божились, что все забрано ранее проходившими советскими войсками. Приходилось верить этим клятвам, так как мы были бессильны что-либо предпринять, и рассылать людей в ближайшие села для добывания подвод, которых требовалось немало, так как нужно было выгрузить винтовки и патроны, оказавшиеся в вагонах на путях. Крестьянские подводы брали только до ближайших сел, с тем, что там снова придется перегружаться. Крестьяне ближайших сел, узнав о нашем отступлении, стали группами приходить к нам с просьбой дать винтовок и патронов. Приносили удостоверения, по которым мы могли бы судить, что они—сторонники Советской власти, приводили свидетелей,

а некоторые являлись с бумажкой от «общества», в которой говорилось, что в их селе—все беднота, и они просят выдать им оружие, которое они клянутся употреблять только в защиту Советской власти. Вывезти все винтовки не представлялось возможным, а уверенность, что крестьянство неизбежно должно будет восстать против оккупантов, была сильна, и мы решили, хотя и с разбором, но выдавать остающиеся винтовки. Снаряды решили взорвать и числа 27/III [1]) выехали из Гадяча. Если и раньше наша группа войск численно была незначительна, то из Гадяча отступала уже горсточка вооруженных людей, но людей наиболее стойких и самоотверженных.

Все наши беды на фронте Бахмач — Ромны побледнели перед теми условиями, в которые мы попали на участке Гадяч—Зеньков—Ахтырка... Под холодным дождем, утопая в грязи грунтовых дорог, без обоза, без кухни и без продовольствия плелись мы днем и в темные ночи, не зная, что происходит вокруг нас и что ждет нас впереди. Если, имея весь железнодорожный аппарат в своих руках, мы были слабо информированы о положении на наших ближайших участках фронта, то, находясь вдали от железных дорог, не имея полевых аппаратов, мы были совершенно оторваны и питались слухами, которым верить не могли. Наша разведка не решалась отходить дальше чем на 3—4 версты, боясь отбиться от отрядов. На остановках разбивались по хатам, засыпали мертвым сном, и отряд в 30 — 40 человек мог бы взять нас без особого труда. Крестьянство в целом встречало нас сдержанно, кормило охотно, но подводы давали с большой опаской, боясь, что угонят совсем. Богатеи старались не показываться на глаза, прятали лошадей и подводы, беднота обступала и засыпала вопросами. С тревогой спрашивали, — почему отступаем, есть ли у Советской власти настоящие войска, далеко ли «немец», что будет дальше и что «народу» теперь делать. Помогали раздобывать подводы, указывая богатеев, а нередко одиночки, бывшие солдаты, приходили с винтовкой и лошадью и просили зачислить их в отряд. Сельские попы при нашем уходе большей частью начинали перезвон на колокольне (с какой целью это делалось, ни от кого нельзя было добиться).

В Зенькове мы уже не нашли Советской власти. Исполком дня за два до нашего прихода эвакуировался, и власть находилась в руках Земской Управы. (Председатели Земских Управ всюду были петлюровцы.) Телеграфные провода неизвестно кем были попорчены, и связи с внешним миром — никакой. Упорно ходили слухи, что Полтава сдана и немецкие войска идут пешим порядком по линии фронта Гадяч—Полтава и с севера Ромны — Сумы. Но чего-либо достоверного никто не знал. От земской управы мы потребовали срочно предоставить помещение и продовольствие для войск. В тот же вечер созвали экстренное заседание Совета, избрали рев-

[1]) Точно установить даты не представляется возможным. Но ошибки возможны, самое большое, на один-два дня.

ком, оставив земскую управу как технический хозяйственный орган. И установив свою власть в городе, занялись приведением в порядок своих вооруженных сил. Подошли отряды, ушедшие раньше нас из Гадяча и находившиеся в ближайших селах; из Лохвицы пришел отряд в 600 человек старых солдат, сформированный по почину Исполкома во главе с председателем Исполкома Лохвицкого Совета, и наша группа войск снова пополнилась и представляла более компактную часть, чем до отступления из Ромен. Но артиллерии не было, и это крайне смущало старых солдат, считавших, что без артиллерии никакое сопротивление невозможно. На 3-й день нашей стоянки в Зенькове подошел новый отряд, тоже из демобилизованных солдат, сформировавшийся в Ахтырском уезде по собственному почину. Все со своими винтовками и даже небольшим запасом патронов. Настроение в войсках поднялось. Настойчиво заговорили, что без боя ни в коем случае не отступать. Штаб усилил разведку, выдвинул заслон верст за 6 от города в направлении Полтавы, но вопрос о бое не предрешал, так как полностью зависел от настроения своих отрядов. Числа 29—30 к нам прибыл корреспондент нашей газеты, О. Бош из Екатеринослава, но, информируя о работе тыла, товарищ не мог дать последних военных сообщений. Разведка обнаружила противника верстах в 20 от города с полтавского направления. Сведения разведки стали подтверждать крестьяне, сообщавшие, что к ним в село пришли немцы, установили орудия на площади и, оставив человек 50 солдат, проследовали дальше. Прибывали одиночки солдаты из занятых сел с просьбой зачислить их в наши отряды. Усилился наплыв подозрительных типов, предвестников приближения противника, распространяющих панические слухи об обходном движении немецких «дивизий». На утро, кажется 31/III, наша разведка сталкивается с немецкой разведкой в 6 верстах от города. Т.т. Примаков и Ауссем со всеми отрядами выехали на занятый участок фронта. В течение дня — небольшие перестрелки и сообщения разведки об обходном движении противника. К 10 часам вечера разведка противника обнаруживается в двух верстах от города, и обходное движение противника подтверждается всеми сообщениями. В отрядах начинается тревога. Ждут окружения. Старые солдаты рекомендуют отступить за город. На заседании штаба с командирами отрядов принимается решение отойти от города версты на 3 и там установить линию боевого участка. К 12 часам ночи начали отступать. К 6 часам утра противник занял город.

Отступали не 3 версты, а гораздо дальше, к Ахтырскому монастырю, — по мнению «опытных» людей Ахтырский монастырь представлял прекрасную позицию.

При отступлении наша группа войск снова теряет не один десяток людей. На остановках для отдыха слышатся протесты: «Дальше не пойду, моченьки моей нет»... Настойчивее требуют обмундирования, особенно сапог, а на одной из остановок в штаб врывается с

угрозами группа человек в 15 с требованием немедленно дать сапоги и горячую пищу. Обещаем в Ахтырке дать необходимое обмундирование, горячую пищу, организуем варку пищи в ближайшем селе по крестьянским хатам. Крестьянский сход постановил оказать поддержку советским войскам и предписал всем «хозяйкам» заняться стряпней для «солдатиков». В Ахтырский монастырь приходим к ночи и располагаемся в самом монастыре. Монахи мобилизуются для варки горячей пищи, а монастырские припасы служат обильной продовольственной базой. Командиры и партработники вздыхают с облегчением. Но на утро часть отрядов отказывается выступать на боевой участок и требует отхода. Митингуем, уговариваем, убеждаем и, наконец, предлагаем, кто не хочет бороться за власть народа, пусть сдает оружие и уходит. Но никто не принял этого предложения... После некоторого раздумья протестующие выстроились и выступили вместе с другими. К 4 часам 3-го дня пребывания в монастыре в бинокль с монастырской колокольни можно было видеть приближающиеся колонны противника, а с 6 часов вечера началась артиллерийская стрельба по нашему боевому участку. Из города Ахтырки, наконец, связались с главным штабом, узнали, что Полтава и Екатеринослав [1]) нами оставлены, что Харьков в угрожаемом положении, и получили предписание спешно продвинуться и занять боевой участок между железнодорожной станцией Кириковка и Богодуховым, чтобы задержать продвижение на Харьков. Ночью вышли из монастыря и, погрузившись в Ахтырке в эшелоны, выехали на ст. Кириковка.

В Кириковке к аппарату вызвал т. Киквидзе и сообщил, что спешит к нам со своим отрядом. Ночью, кажется 3/IV, прибыл отряд Киквидзе, человек около 1000, все старые солдаты-добровольцы, прекрасно вооруженные, с артиллерией и опытными командирами. Начали спешно готовиться к бою, установив линию фронта между Кириковкой и Богодуховым, версты 3 — 4 от полотна железной дороги. На утро все наши силы были на позиции, даже редакция «К оружию» сменила перо на винтовку. Необходимость задержать продвижение противника на Харьков толкала *всех* на позицию и спаивала единым стремлением итти в бой. Но по сравнению с противником наши силы были горсточкой безоружных людей. Немецкие войска наступали полукругом, выдвигая правый фланг, по линии железной дороги обстреливал бронепоезд. Артиллерия противника действовала беспрерывно, безошибочно попадая в намеченную цель. К 2 часам дня на нашем боевом участке, то в одном, то в другом пункте, начинается тревога и отступление. Немецкие войска наступают упорно, и к 6 часам наша группа войск начала отступать по всему участку. Противник усилил артиллерийский огонь, как бы пытаясь замкнуть нас в огненном кольце. Снаряды рвались

[1]) Поскольку удалось установить, Полтава сдана 30 марта, Екатеринослав — 31 марта.

беспрерывно. Взятый на прицел, третьим ударом уничтожался. Полустанок в ближайшем тылу наших войск горел. Отступали без паники, подбирая даже смертельно раненых товарищей. Но жутко было взглянуть в глаза друг другу, двигались, точно лунатики, не отдавая себе отчета, что нужно делать... Минутами казалось, что нервы не выдержат, и все бросятся в безумном ужасе, кто-куда... И, действительно, не выдержали: и хотя отошли без панического бегства, но 15 человек наиболее энергичных и стойких вышли из строя уже после отступления — острое нервное расстройство. Невозможно даже сейчас себе представить муки, олицетворяющие безграничное отчаяние, — они являлись полным олицетворением их...

В Богодухове наша группа войск не остановилась, так как меньшевики и эс-эры подготовили нам контр-революционный тыл и от имени Совета потребовали отхода от Богодухова. И за версту от станции устроили засаду, обстреливавшую наши эшелоны пулеметным огнем. Остановились в Люботине, где получили предписание из главного штаба все поезда гнать в Мерефу, оставив заслоном у Люботина отряд Примакова. Числа 6 апреля мы прибыли в Мерефу, куда доносились непрерывно тревожные гудки из Харькова...

В Люботине или в Мерефе, точно не помню (упоминаю для полной характеристики того периода), мы встретили громадный (по нашим силам) военный эшелон. Из расспросов узнали, что эшелон стоит на станции уже с неделю и день и ночь держит паровоз под парами, что это отряд матросов, ожидающий приказа об отправке на позиции... Нахожу командира отряда и стараюсь узнать, почему он стоит на станции, когда на наших фронтах так необходимы силы. С большим апломбом, командир в матросской форме заявляет, что он ждет назначения от т. Троцкого, так как его отряд находится в распоряжении «самого т. Троцкого» и никаким другим распоряжениям не подчиняется. Толкуем, но никакие указания ни к чему не ведут... Тогда предлагаю итти вместе к аппарату и вызвать т. Троцкого. Соглашается, но скрыть тревогу не может. А пока толковали, вокруг нас образовалась группа матросов и, когда мы направились к аппаратной, он полушопотом бросил несколько слов (мною не расслышанных) ближайшему матросу. Прошу вызвать Москву, а сама слежу за командиром, чтоб не удрал. Но не успела я сказать несколько слов выстукивавшему чиновнику, как мой командир сорвался с места и исчез за дверью. Выхожу на перрон и вижу, как командир впрыгивает в вагон, и поезд полным ходом трогается с вокзала. Даю предписание по линии задержать эшелон, хорошо зная, что этого не будет, так как железнодорожная администрация под угрозой маузера вынуждена будет сделать то, что от нее потребует отряд... Трудно верилось, что в 8 — 10 верстах от Харькова, где стоял наш главный штаб, где в городе имелось значительное количество партийных и советских работников, на станции мог в течение недели стоять отряд в полном бездействии и никто ничего о нем не знал.

Но это было так. Невольно каждый из нас, «фронтовиков», задавал себе вопрос: что же делает тыл, где скопилось громадное количество партийных и советских работников? и приходили к выводу, что при таких условиях вести борьбу с регулярными войсками не представляется никакой возможности. Но что предпринять—никто себе четко не представлял. Высказанные мною соображения на собрании партийных товарищей и киевских рабочих, в Мерефе, что вооруженную борьбу с оккупантами нужно дотянуть, но основная задача в данный момент — итти на места, восстанавливать парторганизаци и, существуя нелегально, а если условия позволят, то и полулегально, сплачивать и организовывать массы и готовиться к новому натиску— не встретили возражений, но и не были поддержаны. Для всех очевидно было одно, что война проиграна, что мы оказались бессильными организовать серьезное сопротивление и должны на время сложить оружие. Но рядом с этим каждый рядовой работник нашей группы войск твердо знал, что рабочие и крестьянские массы с нами, и что оккупантам долго не продержаться на Украине.

8/IV наши войска оставили Харьков [1]), отступив на Змиев и Чугуев. Не получая от главного штаба никаких директив и даже не зная, где он находится, мы приняли решение ехать в Таганрог, так как наши измученные, потрепанные отряды совершенно не годны были для какой бы то ни было вооруженной борьбы. Кроме того, все мы (активные члены партии) считали, что настал момент срочного обсуждения в своей партийной среде вопроса о формах борьбы в создавшихся условиях и, не откладывая, принять то или иное решение. Для этого нам необходимо было поторопиться, чтобы застать товарищей на месте, так как 7/IV Таганрогский Исполком Совета принял постановление об эвакуации. Числа 10 мы прибыли в Таганрог. Тут жизнь и образ мыслей тыловых товарищей крайне поразили нас своим несоответствием с действительными условиями, создавшимися на Украине. Товарищи работали и рассуждали так, как будто Украина не находилась уже под каблуком германского юнкерства и как будто вопрос о нашем военном поражении еще оставался открытым. В первые дни нас даже не желали слушать, не то что разговаривать о перспективах и формах дальнейшей работы. Но постепенно, под влиянием отступлений и нарастающей угрозы Таганрогу, товарищи, сначала в одиночку, а в дальнейшем и на совещаниях, стали без гневного протеста выслушивать наши соображения насчет роспуска ЦИК Советов Украины и дальнейших форм работы.

---

[1]) Точно установить день ухода наших войск из Харькова мне не удалось. По газетным сообщениям, 7/IV Харьков перестает отвечать на вызовы, а 9/IV—занят немецкими войсками. Из бесед с участниками —7/IV уехал штаб, а 8 и 9 уходили наши войска.

4. Таганрогское партийное совещание и роспуск ЦИК Советов Украины.

С отступлением из Киева Краевой партийный комитет, в силу создавшихся условий, совершенно устраняется от руководства как партийной, так и советской работой. Разногласия, вызвавшие распад Народн. Секретариата, создали две тактические линии в рядах членов партии, работавших на Украине, и единое руководство до разрешения вопроса, вызвавшего разногласия, являлось совершенно невозможным. Кроме того, партийные товарищи, ставшие во главе нового состава Сов. правительства, после переорганизации, произведенной в Полтаве, не считали для себя Краевой Комитет авторитетной партийной организацией. Большинство членов Краевого комитета и президиум его в целом ушли на фронтовую работу. Вторым Всеукраинским с'ездом Советов Краевой комитет не руководил, и большинство членов Краевого комитета даже не присутствовали на с'езде. С'езд проводили товарищи, ставшие во главе переорганизованного Нар. Секретариата, екатеринославские активные партработники и товарищи, приехавшие на Украину в начале войны с Германией. За весь период борьбы с оккупантами Краевой парткомитет ни разу не собрался и как бы прекратил свое существование.

С падением Харькова и начавшейся эвакуацией Таганрога члены президиума Краевого комитета подняли вопрос о необходимости укрепления нашей партийной организации, а в связи с этим и вопрос о партийном центре на территории Украины. В частных беседах некоторые члены президиума Краевого комитета высказывались за необходимость срочного созыва Краевого комитета с тем, чтобы Краевой комитет немедленно приступил к созыву Всеукраинской партконференции. Но эти соображения не встречали поддержки. Товарищи высказывали опасения, что если только Краевой комитет будет созывать Всеукраинскую конференцию, то, единства не достигнем, и можно ожидать, что группа товарищей, которых поддержат приехавшие в период войны с Германией, примут шаги к созыву параллельной партконференции, основываясь на том, что Краевой партийный комитет, по существу, не является всеукраинским партийным органом, так как на ряду с ним существует Донецко-Областной партийный комитет. Числа 14/IV в Таганроге президиум Краевого комитета, с участием т.т. Пятакова и Бубнова, после обмена мнениями, принял решение, вследствие отсутствия возможности спешно созвать Краевой комитет и ввиду присутствия новых активных работников, принимавших руководящее участие в работе Советского правительства с момента войны с Германией, созвать партсовещание активных работников Украины, на котором поставить на обсуждение два вопроса: о роспуске ЦИК Советов Украины и об организации бюро по созыву партконференции коммунистов Украины. Сообщение о созыве партсо-

вещания разослать от имени Краевого комитета и активно-руководящих работников за подписями Е. Бош (Кр. комитет) и А. Бубнова (руководящих работников).

19—20 апреля состоялось партсовещание в Таганроге. Присутствовали, в громадном большинстве, фракция ЦИК и активные парт. работники Киева, Екатеринослава и Полтавы, эвакуировавшиеся ранее и находившиеся в Таганроге; из работников Дон.-Крив. Областного и Харьковского комитетов никого не было, из работников фронта — только некоторые товарищи [1]) из нашей группы войск, из неоккупированных мест приехали только из Ростова 2 или 3 товарища. Всего присуствовало 69 товарищей.

Положение на фронте к 19 апреля значительно ухудшилось. Наши войска по всем направлениям отступали, откатываясь к Ростову, и до открытия работ совещания в срочном порядке был внесен вопрос о дальнейшем существовании Советского правительства. После краткого обсуждения принято решение о роспуске ЦИК Сов. Украины с тем, что Нар. Секретариат сохраняется и переезжает временно в Москву. После этого решения собравшиеся на совещание разошлись, так как фракция ЦИК должна была торопиться на пленум ЦИК Советов Украины. Вечером того же дня 19 апреля совещание начало свою работу [2]).

ПРОТОКОЛ ПАРТИЙНОГО СОВЕЩАНИЯ КОММУНИСТОВ Б-КОВ.

(членов Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины и работников из оккупированных и неоккупированных местностей Украины), состоявшегося 19—20 апреля 1918 г. в г. Таганроге.

Председательствовали на заседании 10 апреля — т. Георгий Пятаков, 20 апреля — т. Николай Скрыпник, секретарем на обоих заседаниях был т. Исаков (Крейсберг).

На совещании был принят следующий порядок дня:

1. Задачи и правомочия Совещания.
2. Образование самостоятельной партии коммунистов-большевиков Украины.
3. Тактика партии на Украине.
4. О выборах в различные представительные учреждения на Украине.
5. Организационные вопросы.
6. О взаимоотношениях с левыми украинскими социал-демократами.
7. Партийная программа.

По вопросу *о задачах и правомочиях Совещания* принята следующая резолюция.

«Совещание имеет организационный характер. Его решения не являются обязательными для организаций, но служат материалом при

---

[1]) Товарищи Ауссем В., Е. Бош и В. Примаков не присутствовали: т. Ауссем находился в главном штабе, т. Бош заболела и слегла, тов. Примаков выехал на фронт в Ростов.

[2]) О работах партсовещания у меня других материалов, кроме протокола, не имеется, поэтому привожу протокол полностью. Протокол напечатан в «Извещении о созыве конференции парторганизаций коммунистов-большевиков Украины». Издание Организационного Бюро по созыву конференции парторганизаций коммун. (б-ков) Украины. Москва, 1918 год.

обсуждении партийными организациями организационных и тактических вопросов партийной работы на Украине. Задачей Совещания является также создание временного центра для подготовки с'езда партийных организаций коммунистов-большевиков Украины».

2. По вопросу *об организационных формах партийной деятельности на Украине* вынесены были две резолюции:

1) «Образовать автономную партию со своим Центральным Комитетом и со своими с'ездами, но подчиняющуюся общему Центральному Комитету и с'ездам Российской Коммунистической Партии» (это предложение тов. *Квиринга* Совещанием было отклонено.)

2) «Образовать самостоятельную коммунистическую партию, имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные с'езды и связанную с Российскою Коммунистическою Партиею через международную комиссию (III Интернационал)». (Это предложение группы товарищей (несколько одинаковых предложений) Совещанием принято поименным голосованием 35-ю голосами при 21, голосовавшем за первое предложение, и 1 воздержавшемся.)

(Результаты поименного голосования по постановлению О. Б. от 18/V не публикуются.)

По вопросу о *названии партии* было внесено 3 предложения:

I. «Коммунистическая Партия (большевиков) Украины».

II. «Российская Коммунистическая Партия на Украине» (предложение т. Квиринга).

III. «Украинская Коммунистическая Партия».

При голосовании большинство (34 голоса) высказалось за первое предложение, которое и было принято.

По мотивам голосования т. Лебедев заявляет, что он в голосовании участия не принимает, так как считает необходимым вопрос о названии партии разрешить после выяснения наших взаимоотношений с левыми украинскими социал-демократами.

Вносится поправка: «Коммунистическая *Рабочая* Партия (большевиков) Украины». Совещанием эта поправка отклонена по тем мотивам, что *коммунистическая* партия не может не быть рабочей.

В начале второго заседания все принятые на первом заседании резолюции были голосованием подтверждены вновь. При этом 3 товарища заявили, что они от голосования уклоняются, так как вопросы не были предварительно обсуждены в представляемых ими организациях.

3. *О тактике партии на Украине.*

При обсуждении этого вопроса на первом заседании наметились 3 точки зрения, представители которых обязались ко второму заседанию представить тезисы.

На втором заседании были предложены две резолюции:

1) Т. Н. Скрыпника и 2) товарищей Пятакова, Бубнова и Кассиора, к которым присоединились тов. Исаков и Коцюбинский. Представители 3-й точки зрения, от имени которых на первом заседании выступали т.т. Квиринг и Липшиц, тезисов своих не представили, ввиду своего, спешного от'езда, но в качестве материала к протоколу была приложена на ряду с резолюциями Пятакова, Скрыпника и других также резолюция, вносившаяся товарищами Квирингом и Липшицем во время II Всеукраинского С'езда Советов в Екатеринославле.

При поименном голосовании резолюция [1]) т. Н. Скрыпника принимается 26-ю голосами при 23-х, голосовавших за резолюцию Пятакова, 2-х воздержавшихся и 3-х уклонившихся от голосования.

(Результаты поименного голосования по постановлению О. Б. не публикуются.)

---

[1]) Тезисы резолюции т.т. Скрыпника и Пятакова — в приложении № 21 и № 22.

4. *Выборы в различные представительные учреждения на Украине.*
Внесены 2 предложения: 1) тов. Бубнова: «Партийное Совещание считает необходимым в выборах во все представительные учреждения на Украине участия не принимать»; 2) тов. Скрыпника: «При наличности контр-революционной диктатуры на Украине, партия коммунистов-большевиков считает участие в выборах во все представительные учреждения недопустимым, самую же пропаганду выборов считает преступной».

27 голосами против 14 принимается первое предложение.

Тов. Скрыпник вносит предложение: «Вопрос о мелких (поселковых) самоуправлениях снять с очереди». Это предложение отвергается.

5. *Организационные вопросы.*

Вносятся и принимаются предложения:

I. Совещание признает необходимым создание центра, которому поручается организация партийной работы на Украине.

II. Избрать центр на данном Совещании из 7 человек, пригласить в центр по одному представителю от Областного Комитета Донецко-Криворожского бассейна и от Главного Комитета Социал-Демократии Украины.

III. Предоставить центру право кооптации.

IV. Назвать центр: «Организационное Бюро по созыву конференции партийных организаций коммунистов-большевиков Украины».

V. Список членов центра не оглашать.

VI. Созвать конференцию партийных организаций коммунистов-большевиков Украины на 20 июня сего года, о чем поручить Организационному Бюро ежедневно публиковать во всех российских легальных и украинских нелегальных газетах. Местом созыва конференции назначить Москву.

6. *О взаимоотношениях с левыми украинскими социал-демократами.*
Вносится предложение — поручить Организационному Бюро вступить в переговоры с левыми украинскими социал-демократами по вопросу об об'единении.

7. *Программа партии.*

Вносится предложение — поручить Организационному Бюро выработать проект программы партии и представить его партийной конференции.

Предложение принимается.

Предложение нашей фракции о временном роспуске ЦИК Советов Украины на пленуме не вызвало возражений, и после утверждения Народ. Секретариата, в количестве 9 товарищей, перед закрытием последнего пленума ЦИК Советов Украины единогласно было принято следующее обращение к рабочим и крестьянам Украины:

МАНИФЕСТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ.

Рабочие и крестьяне Украины!

В тяжкий час, когда рабоче-крестьянская Украина растаптывается каблуками немецких палачей и гайдамацких тюремщиков, когда освободившийся было народ снова загоняется в ярмо позорного рабства, когда между вашим выборным правительством и вами заградительной лентой протянулись немецко-гайдамацкие банды, в этот тяжкий час мы, законное, народом поставленное и волей народа утвержденное правительство Украины, считаем своим долгом возвестить свою непреложную волю биться до последнего человека, до последней капли крови с врагами народа, с врагами рабочих и крестьян Украины.

Мы твердо уверены в том, что, несмотря на нашу нынешнюю военную неудачу, скоро пробьет час смерти Центральной Рады и час

окончательного торжества рабочих и крестьян Украины. Во всякой борьбе бывают не только победы, но и поражения. И напрасно надеется контр-революционная буржуазия, что гайдамацко-германские захватчики сумеют надолго удержать власть в своих руках.

Этого не будет.

Временное торжество буржуазной Рады в октябре—декабре 1917 г. кончилось полным крахом. Рабочие и крестьяне Украины, создав свое правительство, свергли кулацко-хозяйское правительство Рады и прогнали Генеральный Секретариат в Германию.

Руководимый своим Советским Правительством, народ Украины расправился со своими контр-революционерами и праздновал в январе 1918 года свою окончательную победу над своей отечественной буржуазией.

Эти победы, как и постановления Всеукраинских С'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, безусловно и очевидно доказывают, какое правительство является законным, т.-е. народом признанным правительством Украины.

Тогда отчаявшаяся украинская буржуазия обратилась за помощью к германской буржуазии: Генеральный Секретариат, совершив явное предательство, призвал себе на помощь хорошо организованные немецкие войска. Вильгельм снял с Западного фронта Баварский корпус и бросил своих янычар на измученный долгой борьбой украинский народ, который еще не успел вместо царской армии создать достаточно многочисленную, мощную, дисциплинированную и хорошо вооруженную рабоче-крестьянскую армию. Только тогда, под напором подавляющих сил неприятеля, действительное правительство Украины было вынуждено шаг за шагом далее отступать на восток.

Украина занята немецкими войсками.

Охраняемая немецкими штыками, Центральная Рада, уже не стесняясь, ведет свою противо-народную политику, расправляясь с рабочими и крестьянами. Возрождаются худшие времена николаевского режима. Гибнет не только свобода народа, но и разрушается самая жизнь его, ибо продавшаяся немцам Рада отдает Германии хлеб, сахар, скот и всякое иное продовольствие, столь необходимое рабочим и крестьянам Украины. Возрождается власть помещиков. Восстанавливается господство капиталистов. Разрушаются рабочие организации.

Отнимаются у рабочих и крестьян все их завоевания. И снова несутся стоны терзаемых борцов за народное дело, снова наполняются революционерами казематы царских тюрем.

Кровавая Рада, вместе с прусскими офицерами и баварскими церберами, заковывают в цепи рабочих и крестьян Украины, и далеко несется стук молота, мерно бьющего по заклепкам надетых на Украину кандалов.

Эти звуки слышим не только мы, заковываемые, слышат наши товарищи рабочие и крестьяне в Российской Федерации, и приближается тот час, когда они придут на выручку своему плененному украинскому брату.

Эти звуки слышит и немецкий рабочий. Он слышит стоны, несущиеся с Украины, и близится час, когда мощным ударом он уничтожит палачей социалистической рабочей Украины.

Эти звуки слышит каждый рабочий, каждый крестьянин Украины и готовится к новому бою, к новой битве за освобождение.

И мы видим признаки этой начинающейся новой схватки. Не успели гайдамацко-германские банды оттеснить на восток советские войска, как по ту сторону, в занятой немцами Украине уже вспыхивают огни нарождающегося восстания против захватчиков и угнетателей. Встает рабочая и крестьянская рать, готовая грудью отстоять Украину от чужеземных грабителей. Разрозненно, то тут, то там, своими силами

ведут крестьяне и рабочие эту борьбу, и мы, Советское Правительство Украины, считаем своей первейшей обязанностью всемерно содействовать этому восстанию. В нашу задачу, как рабоче-крестьянского правительства, входит, поэтому, идейная, организационная и техническая помощь восстанию рабочих и крестьян Украины против германских поработителей и гайдамацких предателей.

И если наши войска, вытесненные германскими штыками из Украины на территорию Российской Федерации, не могут оттуда вести далее борьбу, все же эта борьба вновь разгорится в самой Украине восстанием рабочих и крестьян. Все угнетенные и порабощенные должны сплотиться вокруг своего правительства и соединенными усилиями сбросить иго рабства и нищеты, иго Рады и германских палачей.

В страшный час, когда решается судьба Украины, никто не имеет права уклониться от борьбы, никто не имеет права оставаться в стороне.

А потому — все по местам! Все в ряды восстающих!

И мы, советское правительство Украины, призываем всех вас, рабочие и крестьяне Украины, всеми силами противодействовать незаконному лжеправительству, именуемому Радой министров и Центральной Радой. Не платите ему налогов, не давайте ему солдат, не давайте хлеба, не исполняйте его распоряжений и постановлений, уничтожайте немецких агентов, очищайте Украину от гайдамацко-германских разбойничьих банд. Рада министров и Центральная Рада, пытающиеся управлять Украиной милостью Вильгельма и против воли громадного большинства украинского народа — незаконное, немцами поставленное правительство, и потому все его постановления и распоряжения незаконны и не обязательны для украинского народа. Это лжеправительство должно быть изгнано, и оно будет изгнано, но сделать это могут только рабочие и крестьяне Украины.

И мы, Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины и Народный Секретариат, с твердой уверенностью в том, что настанет час, когда с измученных плеч украинского народа будет сброшено тяжкое иго чужеземного владычества, и свободная, советская Украина, выдержав грандиознейшую борьбу за самоосвобождение, заживет, наконец, мирной, спокойной жизнью, провозглашаем в этот тяжкий час испытаний:

Да здравствует восстание рабочих и крестьян Украины!
Долой германо-гайдамацкую Раду!
Да здравствует Рабоче-крестьянская Советская Украина!

Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины.

Таганрог, 19 апреля.

20/IV вышел последний номер «Вестника Украинской Народной Республики» орган ЦИК Советов Украины, начавший свое издание в Харькове 13/XII 1917 года и продолжавший выходить в Киеве, Екатеринославе и Таганроге.

21/IV Народный Секретариат и Организационное Бюро по созыву партконференции (б-ков) Украины покинули Таганрог и выехали в Москву.

К 1 мая сдали Таганрог и Ростов, наши уцелевшие войска отступили на территорию РСФСР, и на всей территории Украины Советская власть была снесена штыком германского империализма.

МАНІФЕСТ
РОБІТНИЧЕ-СЕЛЯНСЬКОГО УРЯДУ УКРАЇНИ.

Робітники та селяни України!

В тяжкий час, коли робітничо-селянська Україна розшматується кайданами німецьких катів і гайдамацьких поміщиків, коли народ, який тільки що визволився з неволі, опиняється знов у ярмі тяжкого рабства, коли над вашим виборним урядом і вами [illegible], [illegible] німецько-гайдамацькі банди, в цю тяжку хвилю ми, законний, народом поставлений і волею народа затверджений уряд України, беручи на свій обов'язок, оповіщаємо про свою непохитну волю боротися до останнього [illegible], до останньої каплі крови з ворогами народа, з ворогами робітників і селян України.

Ми твердо переконані в тому, що, незважаючи на нашу тимчасову поразку, скоро наступить час смерти Центральної Ради, час остаточного торжества робітників та селян України. В кожній боротьбі буває не лише перемога, але часом поразка. Та жалка контрреволюційна буржуазія думається, що гайдамацько-германські бандити допоможуть надовго держати владу в своїх руках.

Цього не буде.

Тимчасове панування буржуазної Ради в жовтні-грудні 1917 року кінчилось великим крахом. Робітники та селяни України, установивши свій уряд, скинули буржуазно-націоналістичний уряд Ради, прогнали Генеральний Секретаріат [illegible].

Зі своїм Совітським урядом на чолі, народ України розправився з своїми контрреволюціонерами і в січні 1918 року здобув остаточну перемогу над своєю рідною буржуазією.

Ця перемога, як і постанова Всеукраїнського З'їзду Рад Робітничих та Селянських Депутатів безумовно і ясно показують, який уряд є законним, т. зн. народом признаним, народом України.

Тоді українська буржуазія, зневірившись в своїх силах, вдалась за підмогою до германської буржуазії. Генеральне Секретарство не справившись своєї зради, запросило собі на помогу добре з'організовані німецькі війська.

Вільгельм підтягнув із західнього фронту баварський корпус, кинув своїх яничарів на страшенну довгу боротьбу з український народ, який ще не встиг замість державної армії створити доволі численну, міцну, дисципліновану і добре збройну робітничо-селянську армію. Тільки тоді, під натиском переважаючих сил неприятеля, військо, законний уряд України був примушений крок за кроком все дальше і дальше відступати на схід.

Україна зайнята німецькими військами. Центральна Рада, під охороною німецьких штиків, уже не стісняючись ніяк проводить свою противо-народню політику і по свойому розправляється з робітниками і селянами. Відновлюють найгірші часи Миколаївського режиму.

Пропадає не тільки свобода народа — але й руйнується багатство, бо Рада, що запродала себе німцям, віддає тепер Германії весь хліб, сахар, скот та інші харчі, які так потрібні для робітників і селян України.

Відроджується влада поміщиків.

На ново установляється панування капіталістів.

Касуються робітничі організації.

Відбираються від робітників та селян усі їх завоювання.

І знов розлягаються стони мучеників за народне діло, знов заповнюються революціонерами казомати царських тюрем.

Зрадниця Рада, разом з прусськими офіцерами та баварськими гончими собаками закує кайдани робітників і селян [illegible] і ясно, далеко розноситься стук молота, що [illegible] б'є по мільйонам [illegible] на Вкраїну кайданів.

Ці звуки чуємо не тільки ми — в кайданах, їх чують теж наші товариші робітники та селяне Російської Федерації і наближається та хвиля, коли вони прийдуть виручать свойого поневоленого Українського брата.

Ці звуки чує і німецький робітник. Він чує стони, які доносяться з України, і наближається час, коли одним ударом він знищить катів соціалістичної, робітничої України.

Ці звуки чує кожній робітник, кожній селянин України і приготовляється до нового бою, до нової боротьби за свою свободу.

І ми вже бачимо признаки того, як починається ця нова боротьба.

Не встигли гайдамацько-германські банди відтиснути на схід совітські війська, як по той бік, в зайнятій німцями Україні, вже вибухають огні нового повстання проти захватчиків і гнобителів.

Встає робітниче і селянське військо, готове грудьми відстоять свою Україну від чужоземних грабіжників.

Без [illegible], то тут, то там, своїми силами ведуть селяне та робітники цю боротьбу, і ми, совітський уряд України вважаємо за свій найвищий обов'язок всіма засобами помагати цьому повстанню.

В нашім завданні, як робітничо-селянського уряду, входить, власне, ідейна, організаційна і технічна допомога повстанню робітників та селян України проти германських завойовників і гайдамацьких вояків.

І самі наші війська, тимчасово примушені вийти з України на територію Російської Федерації, не можуть відтіля вести дальше боротьбу, то все ж таки ця боротьба розгориться в самій Україні, повстанням робітників та селян.

Усі поневолені і покривджені неначе згуртуються довкола свого уряду і спільними зусиллями скинуть ярмо рабства і [illegible]

В страшний час, коли рішається доля України, ніхто не має права ухилятися від боротьби, ніхто не має права сказать „моя хата з краю".

А тому — всі на місця!

Усі в ряди повстанців!

А ми, совітський уряд України, закликаємо усіх вас, робітники, та селяне України, усіми силами боротися з незаконним лжеурядом, що називає себе Радою міністрів і Центральною Радою.

Не платіть йому податків, не давайте йому ні одного салдата, не давайте хліба, не виповняйте його роспоряджень і постанов, нищте німецьких агентів, очищайте Україну від гайдамацько-германських розбійничих банд.

Рада міністрів і Центральна Рада, що змагаються управлять Україною за ласкою Вільгельма і проти волі переважної більшости Українського народу — незаконний, ніким не поставлений уряд, і тому всі його постанови і розпорядження незаконні і необов'язкові для українського народу.

Цей лжеуряд мусить бути вигнаний і він буде вигнаний.

Але зробити це зможуть тільки робітники та селяне України.

І ми, Центральний Виконавчий Комітет Рад України і Народнє Секретарство, з непохитною вірою в те, що настане хвиля, коли зі стомлених плечей Українського народу спаде тяжке ярмо чужоземного понурення, і вільна, Совітська Україна, видержавши величезну боротьбу за самовизволення, заживе, нарешті, мирним, спокійним життям, — в цей грізний і тяжкий час проголошуємо:

Хай живе повстання робітників та селян України.

Геть з германо-гайдамацькою Радою.

Хай живе Робітничо-Селянська Совітська Україна.

Центральний Виконавчий Комітет Рад України.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

Конференция фабрично-заводских комитетов.

1.

Резолюция о текущем моменте.

1) Чем дальше затягивается война, тем разрушительнее, тяжелее и невыносимее становятся ее последствия для народных масс, для которых 4-я зимняя кампания означает беспримерную «кампанию» голода и холода.

Во всех странах Европы возмущение рабочих против войны переходит в открытую массовую борьбу и в работу организационного сплочения для противодействия правящим империалистским кликам. Однако, революционная борьба рабочих масс тормозится оборонческими перебежчиками социализма, входящими в правительство «национального спасения» и проводящими там политику классового соглашения, гражданского мира.

2) В России 5 месяцев политики соглашения закончились полным крахом. Политика об'единить на общей платформе рабочих с капиталистами, крестьян с помещиками, противников войны с ее сторонниками повели лишь к тому, что буржуазия, прикрываясь «социалистическими» министрами, тормозила переход земли в руки крестьянства, саботировала всякую борьбу с хозяйственной разрухой, оттягивала выборы в Учред. Собр., подготовляла, вместо демократического мира, наступление на фронте, т.-е. возобновление империалистской войны, организуя всем этим контр-революцию.

3) Нарастающее недовольство масс дороговизной, разрухой, затягиванием войны, нежеланием правительства бороться с организующейся контр-революцией, — находило себе выражение в обострении борьбы между буржуазией и пролетариатом, толкавшим вперед революцию и оставшимся непреклонно враждебным империалистской войне.

Перед лицом этого обострения борьбы классов, приведшего к движению 3—5 июля, связанные своим соглашением с буржуазией и своей поддержкой наступления, социал-патриотические партии, поставленные перед необходимостью разрыва с буржуазией и более всего боящиеся этого разрыва, — решительно перешли к открытой поддержке контр-революционной кадетской буржуазии в ее борьбе против революционного пролетариата и революционных войск. Они одобрили вывоз несознательных войск в Питер, разгромы и закрытие интернационалистских газет, разоружение революционных войск и рабочих, смертную казнь на фронте, аресты интернационалистов и т. п.

4) Предав пролетариат, оборонческие партии сами оказались в плену у буржуазной контр-революции. Отказавшись от всей власти, они потеряли всякую власть, которая на деле перешла целиком в руки контр-революционной империалистской буржуазии, опирающейся на военную клику из командных верхов и прикрывающейся лишь как ширмой полусоциалистическим по своему составу министерством Керенского. Именно эта империалистическая диктатура привела и приводит перечисленные выше меры разрушения политической свободы, насилиями над массами до беспощадного преследования интернационалистического пролетариата, при полнейшем бессилии и бездействии центрального учреждения Советов — ЦИК.

5) Однако власть буржуазии неспособна устранить основных об'ективных причин, вызвавших революцию: продовольственной, экономической и финансовой разрухи империалистической войны и земельной нужды крестьянства.

С другой стороны, вызванное империалистической войной крайнее обострение классовой борьбы пролетариата на Западе делает там совершенно неизбежным восстание пролетариата против господства империалистической буржуазии.

При таких условиях новый под'ем революции в России является неизбежным.

Исходя из вышеизложенного, конференция фабр.-зав. комитетов г. Киева считает, что

1. Задачей пролетариата в настоящее время является: не поддаваясь на провокацию контр-революционной буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать пролетариат на преждевременный бой, при безнадежных для него шансах, направить все усилия на подготовку, накопление и организацию своих сил, с одной стороны, и на раз'яснение широким массам городской и деревенской бедноты всей гибельности политики соглашательства и необходимости революционной борьбы против захватившей власть контр-революционной буржуазии с другой.

2. Пролетариат должен взять на себя роль передового борца против контр-революции; энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контр-революционных покушений все созданные революцией массовые организации (Сов. Раб., Солд. и Кр. Деп., Фабр.-Зав: Ком., С. и Кр. Ком. и т. п.) и, в первую голову, Советы, добиваясь коренного изменения их политики и превращения их из бессильных придатков империалистического правительства в живые центры сплочения революционных сил, в органы революционной борьбы.

3. Наступление буржуазии в сфере экономической ставит перед пролетариатом задачу отстаивания своих экономических завоеваний, для чего настоятельно необходимо укрепление профессиональных организаций.

4. Ведя непримиримую классовую борьбу с буржуазией, решительно отказываясь от политики национального единения и поддержки империалистической войны, российский пролетариат должен действовать солидарно с революционным пролетариатом других стран, стремясь слить революционную борьбу русских рабочих с развивающейся мировой пролетарской революцией.

В заключение были произведены выборы в Центральный Совет фабр.-зав. комитетов. Избранными оказались т.т. Иванов (арсенал), Новиков (зав. Гре-

тера), Смирнов (союз портных), Лукьянис (союз кожевников), Горичев (военно-обмунд. мастерская), Собченко (Демиевский сахарный завод), Хавкин (шорная маст. В. З. С.) Савельев, Глотов, Клименко (союз печатн.), Пухтинский, Снитко (трамвай), Леонтьев (союз деревообдел.), Цимберг (маст. уездн. земства) и Голубенков (союз металлистов).

Приложение № 2.

2.

Резолюция о взаимоотношениях фабр.-зав. комитетов и профессиональных союзов.

1. Фабр.-зав. комитеты являются органами рабочего самоуправления на местах.

2. Важнейшая роль фабр.-зав. комитетов — это организация контроля над производством.

3. В деле контроля над производством исключительного значения роль выпадает заводским комитетам.

4. Професс. союзы должны энергично содействовать созданию и укреплению фабр.-зав. комитетов, стремясь превратить их в свои опорные пункты на местах, проводя через них общую политику професс. союзов. Выполняя функции представительства и защиты интересов рабочих данного предприятия, фабр.-зав. комитеты являются первичной инстанцией контроля, а также контроля зав. ком. за соблюдением законов по охране труда, так и по соблюдению заключенных союзом коллективных договоров.

5. Выборы в заводские комитеты должны производиться под руководством професс. союзов. Необходимо привлекать в союз всех членов зав. ком. и не состоящих в нем.

6. Зав. ком. должны, в свою очередь, вести агитацию за вступление в союз всех рабочих своего предприятия и поднимать авторитет союза в глазах неорганизованных рабочих.

7. Зав. ком. должны передавать руководство возникающими конфликтами професс. союзам, предоставляя для этой цели весь свой аппарат в распоряжение союза для организованного ведения и ликвидации конфликта.

8. Ввиду исключительного значения, которое имеет упорядочение рынка труда для борьбы с хозяйственной разрухой и безработицей, фабр.-зав. комитеты должны регулярно сообщать бюро труда при професс. союзах точные сведения обо всех свободных местах, а равно следить за своевременным и правильным сообщением заводо-управлениями биржам труда обо всех местах вакантных.

9. Лишь при правильном размежевании функций професс. союзов и фабр.-зав. комитетов и тесном их сотрудничестве возможно достигнуть полной согласованности, планомерности и единства в ведении экономической борьбы пролетариата и плодотворного участия их в деле контроля и регулирования хозяйственной жизни страны.

[Голос «Социал-Демократа» от 27 августа 1917 г., № 91. Орган Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).]

Приложение № 3.

Резолюция о локаутах.

(Принятая на конференции фабрично-заводских комитетов, отчет о которой помещен в предыдущем № «Г. С.-Д.».).

Все чаще и чаще вспыхивают локауты, а в еще большей степени подготовляемая капиталистами и широко ими задуманная целая кампания локаутов не только грозит смести все завоевания рабочих в области улучшения их существования (8-час. рабочий день, частичное приведение в соответствие денежной заработной платы с уровнем цен на предметы первой необходимости и т. п.), но и угрожает существованию мощных пролетарских организаций, как профессиональные союзы, фабр.-зав. комитеты, Советы Раб. Деп. и т. п. С другой стороны, эта кампания является важным шахматным ходом контр-революционной буржуазии в целой системе ходов, имеющих одну основную цель: «обуздать» передового бойца революции, пролетариат, надеть на него смирительную рубашку повиновения приказаниям класса буржуазии, приковать его цепями материальной зависимости к колеснице капиталистов. Это — поход против революции, успешность которого обусловливается ослаблением авангарда революции, рабочего класса, с одной стороны, и разложением арьергарда ее — с другой. Усиливая хозяйственный развал, локауты содействуют пробуждению самых бешеных контр-революционных поползновений у городской и сельской мелкой буржуазии: недовольство разрухой может превратиться в недовольство пролетариатом и в недовольство революцией вообще. Введение буржуазной диктатуры под лозунгом «порядок» и «обогащайтесь господа» значительно облегчится. Таким образом, локауты с двух концов бьют по революции и опасность грозит, следовательно, не только пролетариату, но и всем слоям населения, заинтересованным в дальнейшем развитии революции.

Исходя из этого, конференция киевских фабр.-заводских комитетов постановляет:

В борьбе с локаутами нельзя останавливаться ни перед какими трудностями, все рабочие организации должны принять все меры к тому, чтобы раз строить контр-революционные планы капиталистов.

Ввиду того, что широкая кампания локаутов возможна только на почве хозяйственного кризиса, ввиду того, далее, что хозяйственный развал создает ту питательную среду, в которой локауты могут и должны будут развиваться чрезвычайно интенсивно, конференция находит, что и в этом отношении первейшая задача, стоящая перед пролетариатом, заключается в самой энергичной борьбе с надвигающейся на Россию экономической катастрофой, что в свою очередь требуют:

1. Борьбы с войной.
2. Борьбы за организованное распределение наличных производительных сил между различными отраслями производства.
3. Борьбы за рабочий контроль над производством.
4. Борьбы за всеобщую трудовую повинность, ведать коей должны органы пролетариата.

Кроме этих мер общей борьбы с хозяйственным развалом, особое внимание должно быть обращено на борьбу с безработицей возникающей во все больших и больших размерах. Лучшим способом борьбы с ней, опять-таки, является борьба с расстройством всего хозяйства. Но помимо этого рабочими организациями должны быть приняты еще целый ряд частных мер, важнейшими из коих являются:

1. Регистрация безработных, с особой отметкой локаутированных.

2. Размещение их по другим предприятиям или по другим местностям, учитывая всегда привязанность рабочего к месту семьей, долголетней жизнью и т. д.

3. В целях планомерного распределения безработных по всей России организовать всероссийский рабочий центр распределения безработных.

4. Организовать биржу труда за счет киевской городской думы, но находящуюся в управлении рабочих организаций. Эта биржа труда должна быть включена в общероссийскую сеть бирж труда.

5. Организовать выдачу безработным пособий, в каковых целях государство и органы местного самоуправления должны прийти на помощь рабочим организациям.

6. Оказывать на киевскую думу давление, дабы она немедленно приступила к разработке плана организации общественных работ, заведывание коими должно быть возложено на рабочие организации.

7. Принять самое деятельное участие в разработке плана и самой организации общественных работ для безработных.

8. Снимать с работ законтрактованных рабочих и военно-пленных в тех случаях, когда работы эти могут поглотить безработных.

Примечание: Относительно военно-пленных никоим образом не может играть роль национальный принцип, а исключительно только то обстоятельство, что военно-пленный и без работы все же получает содержание.

9. Требовать немедленного издания декрета о запрещении рабского и полурабского труда, о платеже рабочим при увольнении без их вины за определяемое професс. союзом время вперед и, главное, о государственном страховании рабочих за счет предпринимателей от безработицы.

Этими мерами движение локаутчиков сломлено быть не может. Необходима еще целая система мер, направленных непосредственно против локаутчиков.

Прежде всего правильно-сорганизованный контроль деятельности капиталистических предприятий позволит устанавливать является ли то или иное закрытие предприятия или частичное увольнение рабочих следствием недостатка средств производства, заказов и т. п., или результатом контр-революционных поползновений капиталистов. Но контроль деятельности капиталистов не может быть поручен правительству капиталистов и его органам на местах; контроль этот должен осуществляться фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами под общим руководством местных, областных и общероссийского рабочих контрольных центров.

Установленный контрольными органами скрытый или открытый локаут должен быть сломлен во что бы то ни стало. В этих целях:

1. Должно быть сделано все, чтобы дать локаутированным рабочим возможность «продержаться».

2. Локаутчику или организации локаутчиков нужно ставить со всей определенностью такого рода ультиматум: либо он согласен вести предприятие дальше, либо оно конфискуется.

3. Должен быть издан закон, запрещающий локауты, как действия контрреволюционные по самому существу своему, а союзы локаутчиков должны быть признаны незаконными, ибо они являются не только союзами борьбы с рабочими, но и союзами активной борьбы с революцией.

4. В случаях необходимости прибегать к мерам административного воздействия, вплоть до ареста особо злостных дезорганизаторов производства.

5. Если все эти меры окажутся недейственными, предприятие должно быть действительно конфисковано, но передано не в руки отдельных групп рабочих, а в руки организации, об'единяющей всех рабочих данной местности, как части общероссийской организации рабочих, солдат и беднейших крестьян. Заведывание такими предприятиями должно быть возложено на администрацию их, под контролем фаб.-зав. комитетов и общим руководством советов рабочих депутатов.

Конференция не закрывает себе глаза на то, что только неуклонной борьбой по выше намеченной линии можно действительно справиться с локаутами. Но, с другой стороны, конференция считает своей обязанностью отметить, что большинство из намеченных дел может быть последовательно проведено в интересах демократии только органами, облеченными государственной властью.

Но это должны быть органы не власти капиталистов-локаутчиков, а власти рабочих, солдат и беднейших крестьян. Поэтому отстранение буржуазии от власти является важнейшим условием успешной борьбы с локаутами.

Конференция требует, далее, от избранного ею центра самой энергичной и быстрой работы по организации проведения в жизнь намеченных мер, дабы к моменту перехода власти в руки революционных классов, на местах уже был готовый аппарат и подготовленная почва для беспощадной борьбы с локаутчиками.

[«Голос Социал-Демократа» от 30 августа 1917 г., № 92. Орган Киевского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).]

Приложение № 4.

Резолюция конференции военной организации Р. С.-Д. Р. П. (большевиков и интернационалистов) Юго-Западного фронта, состоявшейся 10 — 12 сентября 1917 г.

1. Мы в первую голову считаем необходимым заявить, что война и в настоящий момент носит характер империалистический, завоевательный, грабительский. Она ведется не отдельными державами, которые могли бы выставлять свою программу, свои цели и пожелания самостоятельно,—но коалициями держав, цели и задачи которых определяются их договорами. Буржуазия всех стран тщательно скрывает эти договоры от демократии ввиду их явной преступности, и они поныне не пересмотрены ни одной из сторон. В силу этого, несмотря на все заявления российского правительства, характер войны нисколько не изменился.

2. Ввиду этого, мы считаем необходимым вести самую энергичную борьбу с войной. Во избежание недоразумений и в опровержение гнусной клеветы,

которой контр-революционные враги нашей партии хотели нас загрязнить, мы заявляем, однако, что эта борьба ничего общего не имеет с дезертирством, оставлением окопов и неисполнением боевых приказов. «Трусам» и «дезертирам», о которых так много кричат наши враги, никогда не было места в нашей партии. Ибо на нашу долю выпала суровая и тяжелая борьба с вековым заклятым врагом трудящихся масс. Партия рабочего класса, революционная социал-демократия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть со всеми сторонниками старого режима, с крупной капиталистической буржуазией. Она ведет с ней борьбу за власть и, завоевав последнюю для всей революционной демократии, она проложит путь к скорому миру революционным народом.

3. Руководители еще не осознавшей своих интересов демократии оборонцы-меньшевики и соц.-революционеры во что бы то ни стало стремятся войти в союз с контр-революционной буржуазией, доказывая ей, будто бы она принадлежит к «живым силам революции» и об'ективно будто бы должна стремиться к победе последней. Эти смехотворные попытки не могли не окончиться полным банкротством.

Пойдя по пути коалиции, соглашательства с буржуазными империалистскими партиями, так называемые оборонцы-меньшевики и с.-р. пошли на поводу у них и в вопросе о войне и мире. Не веря в революционную мощь международной демократии и—в первую голову,—международного пролетариата, «оборонцы» больше верят перьям дипломатов и успехам штыкового боя. Отсюда их шовинизм, который неизбежно должен ослабить революционную борьбу демократии других стран за скорый демократический мир и который, затягивая войну, содействует гибели России и прочих стран мира под тягостью неизбывных бедствий безумной войны. Не ведая, что творят, они навлекают на страну несчастья сепаратного мира, который может оказаться результатом безрассудного затягивания войны.

Крах Стокгольмской конференции и социалистических дипломатов является крахом всей политики названных друзей демократии.

4. То же соглашательство с буржуазией оказалось не только совершенно бесплодным, но и крайне вредным и в области экономической политики. Гибнущая под влиянием затянувшейся и затягивающейся все дальше войны, страна уже падает в бездну окончательного распада и гибели. Если для восстановления сил страны прежде всего необходимо окончание войны и завершение ее так называемым демократическим миром, то, с другой стороны, все обостряющийся кризис усиливается сознательным и планомерным саботажем производства, организованным взбунтовавшейся буржуазией, скрытыми локаутами и о с т а н о в к о й производства. Компромиссы с буржуазией пресекают всякие маломальски решительные мероприятия по организации производства. Между тем абсолютно необходимо немедленное введение строгого и неуклонного контроля государства над производством, при чем в этом контроле должны принимать участие представители Сов. Раб. Деп., представители союзов и фабрично-заводских комитетов. Необходимо национализировать крупнейшие синдицированные предприятия и ввести практику налоговой беспощадности по отношению к высоким доходам, капиталам и имуществам.

5. Той же беспочвенностью, шатанием и лавированием между пожеланиями демократии, с одной стороны, и «цензовых элементов»—буржуазии и части поме-

щичьего класса—с другой стороны, которых оборонцы-меньшевики и с.-р. хотели привлечь на сторону революции, запечатлена и вся внутренняя политика «коалиционного правительства». «Порядок», военная диктатура и жестокие репрессии, преследования против решительных борцов за освобождение пролетариата, их оклеветание, закрытие их органов печати, смертная казнь на фронте и жестокие приказы о «восстановлении дисциплины», которая должна была вырвать у солдат революционное жало, лишение армии политических свобод, травля солдат и восхваление контр-революционного командного состава, единоличная, беспомощная диктатура Керенского, уже порвавшего с Советами, — вот плоды сотрудничества с контр-революционной буржуазией, которое привело к корниловскому заговору и грозило вернуть страну к худшим временам царского хозяйничанья.

6. Разрешение аграрного вопроса было задержано в угоду все тем же контр-революционным элементам, которых оборонцы-меньшевики и эс-эры во что бы то ни стало хотели иметь на своей стороне. Вместо немедленного лишения черносотенного поместного дворянства его корней—поместий, правительство предпочло откладывать конфискацию земель до Учредительного Собрания и в то же время отсрочивать созыв последнего.

7. Наконец, и национальный вопрос разрешался в угоду этим слоям населения. Вместо официально провозглашенного права на самоопределение наций, правительство проводило политику решительного подавления попыток наций осуществлять свое право на самоопределение. Оно было при этом поддержано всей оборонческой печатью и оборонческими элементами Советов. При этом, как и в подавлении польского восстания, «коалиционное правительство» неизменно пользовалось испытанным оружием царского произвола — казацкой нагайкой— и тем вносило рознь в различные отряды всероссийской демократии, непозволительным образом восстанавливая массы населения против казачества.

8. Ввиду всего изложенного, для проведения широких и глубоких демократических реформ, совершенно необходим переход всей власти в руки организованной революционной демократии города и деревни. В настоящее время полномочными органами такой демократии являются Советы Раб., Солд. и Крест. Деп., которые должны выделить из своей среды или назначить единомышленное с собой Временное Правительство. Когда же, наконец, соберется Учредительное Собрание, оно должно создать соответствующую форму революционного, демократического правительства. На долю Учредительного Собрания и порожденного им правительства выпадет, конечно, львиная доля названных реформ, и ему же, быть может, придется ликвидировать убийственную военную авантюру, грозящую окончательно истощить нас. Но первые и решительные шаги в этой области должно немедленно сделать правительство революционной демократии, правительство Советов.

Необходимо оглашение договоров, которыми русский царь и его прислужники буржуа-империалисты запродали буржуазии и империалистам союзных стран кровь и плоть миллионов русских крестьян и пролетариев. Необходимо твердое и решительное заявление народам всех стран, что русский народ не хочет проливать свою кровь за империалистические цели, в какую бы форму они ни облекались. Это заявление революционной демократии не может не произвести воздействия на революционную волю народа, ибо его определенность и

твердость не сможет быть подвергнута сомнениям, когда оно будет сделано революционной демократией, а не правительством, наполовину состоящим из представителей империалистической буржуазии. Несмотря на развал и разруху, царящую в России, русская армия, наступая или отступая, орошая своей кровью поля Галиции или Польши, Лифляндии, оттягивает большие силы противника и является важным фактором, который нельзя безнаказанно скинуть со счетов и игнорировать. С другой стороны, такое выступление действительно демократического и действительно революционного правительства России придало бы силы революционной части германского пролетариата и увеличило бы его ряды, и если бы там демократия, потеряв веру в свое буржуазное правительство, присоединилась к нашему голосу, — жупел разгрома и расчленения врага исчез бы, и германских рабочих было бы нелегко надуть фразой об оборонительной войне, которую якобы ведет Германия. Неизбежным явилось бы тогда принуждение империалистического правительства Вильгельма к заключению мира, или его царству пришел бы конец. Но еще вероятнее было бы заключение мира и, с тем вместе, свержение Вильгельма. Если же, паче чаяния, не случилось бы ни того, ни другого,—тогда война освобожденных от господства империалистических клик демократий против остатка империализма в Германии была бы во всяком случае поддержана революционными германскими рабочими, давно и неустанно ведущими борьбу против германского императора и против германских тронов. Эта война... она была бы прологом и одним из звеньев к освобождению пролетариата всего мира.

9. Русская революция, носящая в данный момент буржуазно-демократический характер, не может не породить революцию пролетариев всех стран. В странах Запада невозможна иная революция, как революция социальная: зрелость об'ективных условий капитализма должна лишь дополниться зрелостью суб'ективного фактора — пробуждением рабочих масс, которые, однако, не могут не проснуться под влиянием безумных страданий войны.

Россия не может остаться в стороне от пожара социальной революции. Работа Учр. Собр., выкорчевав из нее помещичье землевладение и последние остатки крепостничества, подготовит ее к дальнейшему революционизированию ее социальных отношений — к уничтожению в ней наемного рабства.

В то же время Россия явится, быть может, мостом, по которому революция перейдет в страны Востока, развернув их давно клокочущие социальные силы. Социальная революция, конечно, не дело момента, но тяжелый и длительный путь, процесс не одного дня и даже года — социальная революция явится окончательным избавлением человечества от ужасов эксплоатации и войны.

И в этой мере, в какой международный пролетариат, вновь сплотившись и превратившись в грозную, готовую к бою силу, будет держать империалистических хищников в постоянном страхе и трепете, — в этой лишь мере и возможно предотвращение новых войн, которые в противном случае должны принять еще более страшные размеры, чем нынешняя мировая война.

Бюро военной организации Р.С.-Д.Р.П. (большевиков и интернационалистов) Юго-Западного фронта.

[«Голос Социал-Демократа». Орган Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б-ков). от 29 сентября 1917 г., № 96.]

Приложение № 5.

Списки кандидатов в Учредительное Собрание, предлагаемые комитетами Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

По Киевской губернии.

№ 12.

1) Пятаков, Георгий Леонидович.
2) Урицкий, Моисей Соломонович.
3) Дзерджинский, Феликс Эдмундович.
4) Фиалек, Ипполит Михайлович.
5) Пономарев, Иван Михайлович.
6) Сивцов, Алексей Алексеевич.
7) Ивинский, Болеслав Адамович.
8) Дурач, Теодор Чеславович.
9) Трохульский, Казимир Владиславович.
10) Катакади, Владимир Анастасиевич.
11) Бош, Евгения Готлибовна (Богдановна).
12) Жук, Дмитрий Иванович.
13) Сегал, Овсей Лейбович.
14) Богданов, Михаил Сергеевич.
15) Корельцов, Федор Трофимович.
16) Фарбман, Рафаил Борисович.
17) Поляков, Василий Дмитриевич.
18) Соколов, Александр Николаевич.
19) Биберман (Майоров), Меер Мовшев.
20) Горбачев, Емелиан Григорьевич.
21) Смирнов, Иван Федорович.
22) Щепанский, Юзеф Францевич.

По Волынской губернии.

№ 12.

1) Рязанов, пред. Всерос. Совета проф. союзов.
2) Пятаков, Г. Л., предс. Киев. Сов. Раб. Депутат.
3) Затонский, В. П., член К.К.Р.С.-Д.Р.П.
4) Уншлихт, член Ц. К. С.-Д. Польши и Литвы.
5) Гамарник, Я. Ц., член Исп. Ком. Киев. С.Р.Д.
6) Кулик, И. Ю., член Обл. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

По Полтавской губернии.

№ 12.

1) Троцкий, Л. Д.
2) Ларин, Ю.
3) Смирнов.
4) Пятаков, Г. Л.

5) Жарко.
6) Пономарев.
7) Шахрай.
8) Петровский.
9) Дробнис.
10) Лапчинский.
11) Люксембург.
12) Свистун.
13) Скляровский.
14) Богуславский.
15) Покорнов.
16) Ерман.
17) Кулик, П. Ю.
18) Киричек.
19) Бутырин.
20) Потапов.

По Черниговской губернии.

№ 9.

1) Пятаков, Георгий Леонидович.
2) Бош, Евгения Богдановна.
3) Мотора, Федор Евтихиевич.
4) Муранов, Матвей Константинович.
5) Рындич, Адриан Филиппович.
6) Ногин, Виктор Павлович.
7) Гриневич, Андрей Владимирович.
8) Свердлов, Яков Михайлович.
9) Примаков, Виталий Маркович.
10) Овсянников, Алексей Федорович.
11) Косов, Иосиф Моисеевич.
12) Яриз, Георгий Данилович.
13) Ивасевич, Дионисий Карлович.
14) Дубовик, Сергей Данилович.
15) Иоффе, Адольф Абрамович.
16) Лещинский, Юлиан Марианович.
17) Глебов, Николай Павлович.
18) Гирконд, Иван Иосифович.
19) Киселев, Алексей Семенович.

По Подольской губернии.

№ 15.

1) Луначарский, А. В.
2) Бош, Е. Б.
3) Шмидт, В. В.
4) Тарногродский, И. П.
5) Виллер, С. Э.

6) Журит, П. Г.
7) Фенглер, Б. В.
8) Гиршвалинер, П. И.
9) Знаменский, Г. В.
10) Яковлев И. А.
11) Прохорцев, И. И.
12) Юдкович, Я.—А. А.
13) Баранов, Н. И.
14) Жуков, П. Н.
15) Краснополенский, В. И.
16) Дунаев, И. Т.
17) Левицкий, В. И.

По Юго-Западному фронту.

№ 4.

1) Зиновьев, Евсей Аронович, чл. ЦК Р.С.-Д.Р.П.

2) Крыленко, Николай Васильевич, прапорщик, член Ц. Испол. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп.

3) Чудновский, Григорий Исаакович, солдат, Председатель Корп. Комит. 1-го гвард. корпуса.

4) Марченко, Николай Дмитриевич, солд. 74 Ставропольск. полка, член Исп. Ком. Ю.-З. фронта.

5) Трубачев, Петр Данилович, солд. 27 Сиб. Стрелк. полка, член Полкового Комитета.

6) Розмирович, Елена Федоровна, секретарь газеты «Солдат», орган воен. орг. при Ц.К.

7) Пятаков, Леонид Леонидович, солд., член Киевского Совета Раб. и Солд. деп., секретарь орган. при Киевском Областном Комитете.

8) Коковитин, солд. 48 отд. пол. арт. дивизиона, председ. дивизионного Комитета.

9) Лашевич, член Петроградского Сов. Р и С. Д., пред. фракции больш. Совета.

10) Имошин, солд. 199 Кронштадск. полка, член Полк. Комитета.
11) Дзевалтовский, шт.-капитан Лейб-Гвардии Гренадер. полка.
12) Подвойский, член Петроград. Сов. Р. и С. Депутат.
13) Польвадре, солдат гвардии Саперного полка.
14) Карпович, солд., член Испол. Комитет. Особой Армии.
15) Краснов, солдат гвардии Саперного полка.
16) Никиташенко, солд., чл. Исп. Ком. Воздухочастей Ю.-З. фронта.
17) Петров, солдат, гвардии Саперного полка.
18) Бош, Евгения Богдановна, председ. Обл. Ком. Р.С.-Д.Р.П. (б).

[«Пролетарская Мысль» — орган Киевского Областного Сов. Раб. и Солд. Деп., Центр. Сов. Професс. Союзов. Центр. Совета, фабрично-заводских комитетов и рабочей секции Сов. Раб. и Сол. Деп., от 19 ноября 1917 г.. № 13].

Приложение № 6.

Резолюция о текущем моменте, принятая на Киевской общегородской конференции 25 сентября 1917 года.

Открытое выступление буржуазии с целью захвата власти, не остановившееся перед открытием фронта для подавления революции и отраженное лишь силами революционной демократии, наглый саботаж промышленников, попытка русской буржуазии и европейских банкиров заключить мир за счет российской демократии, с одной стороны, отказ большинства Совета от политики сотрудничества с буржуазией, голосование большинства демократии на Демократическом Совещании против образования коалиционной власти, усиление массового движения в провинции, захват революционными Советами на местах власти, забастовка железнодорожников — с другой, указывают нам:

1. На то, что силы, движущие революцию после корниловского выступления колоссально возросли вследствие того, что широким массам, вместе с мелкой буржуазией, стало совершенно ясно, к чему ведет политика сговора с крупной буржуазией и они — в лице Советов, переходят на сторону пролетариата.

2. Что об'ективные условия: война и хозяйственная разруха ставят остро требования немедленных, радикальных мер.

3. Что рабочие, солдаты и беднейшие крестьяне вступили в последнюю и решительную борьбу с буржуазией и их ставленниками. Политика мелкой буржуазии особенно ярко выявилась на Демократическом Совещании, созванное с целью найти общий язык с буржуазией, дабы отсрочить назревший переворот, оно не смогло, благодаря подтасованному представительству демократии, разрешить вопроса о власти и привело к новой коалиции, обреченной на гибель, как и первая. Образовавшийся на этом совещании предпарламент дает возможность буржуазии собрать свои силы для нового натиска на демократию, пользуясь новой оттяжкой разрешения задач революции, и делает невозможным мирный переход власти в руки революционного пролетариата.

Принимая во внимание все сказанное и учитывая то, что Советы, приняв политику пролетариата и становясь на местах органами революции, немедленно должны стать органами власти и проводить в жизнь целый ряд конкретных мер для борьбы с локаутами, продовольственной разрухой и контр-революцией, почему столкновение их с государственной властью неизбежно, Конференция находит, что второй этап революции, когда власть должна перейти в руки рабочих и беднейших крестьян, наступил. Поэтому всякие сговоры и уступки, тормозящие ход революции **недопустимы**. Только немедленное образование государственной власти из рабочих, солдат и беднейших крестьян путем с'езда Советов может облегчить завоевание власти и вывести страну из создавшегося тяжкого положения.

[«Голос Социал-Демократа», орган Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). от 27 сентября 1917 г., № 96.]

Приложение № 7.

Декларация большевистской фракции Центральной Украинской Рады, оглашенная на заседании 9 августа.

От имени революционных социал-демократов-большевиков и примыкающих к ним интернационалистов мы приветствуем рабочий класс и неимущее крестьянство Украины. В тяжелый момент переживаемого кризиса революции, когда мировая реакция империалистической буржуазии обрушивается на нее, когда контр-революция наступает по всему фронту, при полной растерянности плетущихся за меньшевиками и эс-эрами широких масс и прямом предательстве революции со стороны министерских социалистов, с особенной остротой выявились классовые противоречия, и полное банкротство потерпела идея национального «единения» и общих национальных задач с буржуазией.

Задача революционной социал-демократии была и будет разоблачением перед рабочими массами и беднейшими крестьянами всей вредности и реакционности национализма под каким бы покрывалом он ни скрывался. Не путем национального единения с буржуазией, а путем классовой борьбы, не путем национального союза, а путем интернационального братства пролетариев смогут трудящиеся добиться своего освобождения.

Исходя из классовых интересов пролетариев и полупролетариев Украины, из развития международного рабочего движения и революции, мы отстаиваем для Украины широкую областную автономию.

Вместе с тем, мы будем самым решительным образом бороться против великороссийского империализма, который проявляется в лице контр-революционного правительства, нарушившего права Финляндии, разогнавшего ее сейм, пославшего туда казаков, правительства, которое теперь отказывается исполнить обещания, данные украинскому народу, и которое несомненно их совершенно нарушит. Судьбы Украины должно определять ее население. Всякое покушение на это право является проявлением империализма, с которым революционная социал-демократия будет самым решительным образом бороться. Но от империалистической диктатуры, которая теперь фактически господствует в России, но от мелко-буржуазных демократов, которые кричат о «праве наций на самоопределение», а на деле поддерживают кадетско-октябристскую контр-революцию, нарушающую на каждом шагу это право, демократия Украины этого права не получит. Не в союзе с буржуазией, а в союзе с рабочими и беднейшими крестьянами всей России, всего мира сумеют рабочие и беднейшие крестьяне Украины добиться своих стремлений.

Доверие к капиталистам будет разбиваться непреложным ходом истории. Политика доверия приведет к самым тяжелым последствиям для пролетариев и полупролетариев Украины.

Капитализм у власти. Тяжелыми путами сковал он мир, тяжелой рукой давит он рабочий класс и крестьянство; всеми мерами он старается задушить нашу революцию. Но вместе с тем могучей волной ширится мировое восстание рабочих и об'ективные силы развития истории ведут к нему. Непримиримая борьба с контр-революцией, непримиримая борьба с буржуазией — вот какова задача рабочих и крестьян, — и революционная демократия Украины должна поддержать пролетариат в этой великой битве, в грядущем восстании рабочих.

Только тогда, когда у власти будут рабочие и беднейшие крестьяне, не заинтересованные в национальном насилии и гнете, только тогда добьется народ Украины своих чаяний, только тогда сумеет существовать действительно вольная Украина.

Вступая в Центр. Укр. Раду, мы здесь будем вести неуклонную борьбу с буржуазией и буржуазным национализмом и будем звать рабочих и крестьян Украины под красное знамя Интернационала для полной победы пролетарской революции.

[«Голос Социал-Демократа» — орган Киев. Комитета Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), 20 августа 1917 г., № 90.]

Приложение № 8.

Декларация прав народов России.

Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения.

Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена. Раскрепощаются солдаты и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми.

Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненасытных оков.

Остаются только народы России, терпевшие и терзания, и гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно.

За эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны; резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата.

Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России.

В период империализма, после февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая полемика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации, прикрывающейся словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокации должен быть положен конец.

Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России.

Только в результате такого доверия может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистски-аннексионистской буржуазии.

Исходя из этих положений, Первый С'езд Советов в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

Второй С'езд Советов в октябре этого года подтвердил это неот'емлемое право народов России более решительно и определенно. Исполняя волю этих С'ездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Вытекающие отсюда конкретные декреты будут выработаны немедленно после конструирования комиссии по делам национальностей.

Именем Республики Российской Народный Комиссар по делам Национальностей Иосиф Джугашвилли-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

2 ноября 1917 г.

[«Пролетарская Мысль» — орган Киевск. Обл. Совета Р. и С. Деп. и т. д., от 7 ноября 1917 г., № 2.]

Приложение № 9.

Универсал Украинской Центральной Рады.

Народ украинский и все народы Украины! Тяжелое и трудное время переживает Российская Республика. На севере в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центральной власти нет. И по всему государству растут безвластие, анархия и разруха.

Наш край также в опасности. Без власти сильной, единой, народной Украина также будет ввергнута в бездну кровавой междоусобицы и полного упадка.

Народ украинский, ты вместе с братскими народами Украины поставил нас блюсти права, добытые борьбою, творить порядок и созидать лучшее будущее на нашей земле. И мы, Украинская Центральная Рада, творя твою волю, во имя установления порядка в нашем крае, во имя спасения всей России, об'являем:

Отныне Украина будет Украинской народной республикой.

Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими оказать помощь всей России, чтобы вся Российская республика стала федерациею равных и вольных народов.

До созыва украинского Учредительного Собрания вся власть творить порядок на земле нашей, издавать законы и править принадлежит нам, Украинской Центральной Раде и правительству нашему — Генеральному Секретариату Украины.

В сознании силы своей и власти на родной земле, мы станем на страже права и революции не только у себя, но во всей России.

И потому об'являем:

К территории Украинской народной республики принадлежат земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщина, Подолия, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное установление границ Украинской народной республики, как относительно присоединения населенных в большинстве украинцами частей Курщины, Воронежчины, Холмщины, так и других смежных губерний, должно последовать в соглашении с организованною волею народов.

Всем гражданам этих территорий об'являем:

Отныне существующие на территории Украинской народной республики права собственности на земли помещичьи и на иные земли нетрудовых хозяйств сельско-хозяйственного значения, а также на земли удельные, монастырские, кабинетские и церковные уничтожаются. Признавая, что земли эти принадлежат всему трудовому народу и должны перейти к нему без выкупа, Украинская Центральная Рада поручает генеральному секретариату по земельным делам немедленно выработать закон о порядке распоряжения земельными комитетами, избранными народом, этими землями до Украинского Учредительного Собрания.

Труд рабочих в Украинской народной республике имеет быть немедленно урегулирован. Теперь же об'являем: на территории народной Украинской республики с настоящего дня устанавливается восьмичасовой рабочий день.

Тяжелый и грозный час, какой переживает вся Россия, а с ней и наша Украина, требует упорядочения производства, равномерного распределения продуктов продовольствия и лучшей организации труда. Поэтому предписываем генеральному секретариату труда с настоящего дня вместе с представителями от рабочих установить государственный контроль над производством на Украине, соблюдая интересы как Украины, так и целой России.

Четвертый год на фронтах льется кровь и напрасно тратятся силы всех народов мира. Волею и именем Украинской народной республики мы, Украинская Центральная Рада, станем твердо на том, чтобы скорее был заключен мир. Для этого мы предпримем решительные меры, чтобы через центральное правительство заставить и союзников и врагов немедленно начать переговоры о мире.

Точно так же будем заботиться, чтобы на мирном конгрессе права украинского народа в России и вне России не были нарушены при заключении мира. Но до заключения мира каждый гражданин республики Украины должен вместе с гражданами всех народов Российской республики стоять твердо на своих позициях как на фронте, так и в тылу.

В последнее время светлые приобретения революции были затемнены восстановлением смертной казни. Об'являем:

Отныне на земле Украинской республики с м е р т н а я к а з н ь у н и ч т о ж а е т с я.

Всем заключенным и арестованным за политические выступления, совершенные до настоящего дня, как уже осужденным, так и неосужденным, а также и тем, кто еще не привлечен к ответственности, дается полное помилование (амнистия). Об этом будет немедленно издан закон.

Суд на Украине должен быть справедливый, соответствующий духу народа. С этой целью предписываем генеральному секретариату по судебным делам принять все меры к упорядочению судопроизводства и к приведению его в соответствие с народными понятиями о праве.

Генеральному секретариату внутренних дел предписываем принять все меры к закреплению и расширению прав местного самоуправления, которое является органом высшей административной власти на местах, к установлению связи и сотрудничества его с органами революционной демократии, что и будет наилучшей основой свободной демократической жизни.

Точно так же в Украинской народной республике будут сохранены все свободы, добытые всероссийской революцией: свобода слова, печати, веры, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилища, право и возможность употребления местных языков в сношениях со всеми учреждениями.

Украинский народ, сам долгие годы боровшийся за свою национальную свободу и теперь ее получивший, будет твердо охранять свободу национального развития всех народностей, живущих на Украине, а потому об'являем: что за народами великорусским, еврейским, польским и другими на Украине признаем право на национально-персональную автономию для обеспечения им права и свободы самоуправления в делах их национальной жизни.

Поручаем нашему ген. секретариату межнациональных дел представить нам в ближайшем времени законопроект национально-персональной автономии.

Дело продовольствия — корень государственной силы в этот тяжелый и ответственный час.

Украинская народная республика должна напрячь все свои силы и спасать как себя, так и фронт и те части российской республики, которые потребуют нашей помощи.

Граждане! Именем народной Украинской республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружному великому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и обессиленной республике России здоровье, силу и новую мощь. Выработка этих форм имеет быть совершена на Украинском и Всероссийском Учредительных Собраниях.

Днем выборов в Украинское Учредительное Собрание назначаем 27 декабря 1917 г., а днем созыва Учред. Собрания — 9 января 1918 года.

О порядке созыва Украинского Учредительного Собрания немедленно будет издан закон.

Киев, 7 ноября, 1917 года.

[«Пролетарская Мысль», от 9 января 1917 г., № 4.]

Приложение № 10.

Резолюция Киевского Совета Рабочих Депутатов.

(8 сентября.)

Перед лицом контр-революционного мятежа генерала Корнилова, подготовленного и поддержанного партиями и группами, представители которых входили в состав Временного правительства (во главе с партией ка-де), Киевский Совет Рабочих Депутатов считает своим долгом провозгласить, что отныне должны

быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. От власти должны быть устранены не только представители партии ка-де—открыто замешанной в мятеже, и представители цензовых элементов вообще, но должна быть в корне изменена и вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции. Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Врем. Правительства, ни его безответственность. Единственный выход—в создании из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства власти, в основу деятельности которой должно быть положено следующее:

1. Декретирование демократической республики.

2. Немедленная отмена частной собственности на помещичьи и монастырские земли без выкупа и передача их в заведывание крестьянских комитетов, впредь до решения Учредительного Собрания.

3. Обеспечение беднейших крестьян инвентарем.

4. Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением.

5. Национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной и металлургической.

6. Беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

7. Об'явление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств демократического мира.

8. В качестве немедленных мер должно быть декретировано: а) широкое вооружение рабочих и образование красной пролетарской гвардии; б) прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций; в) немедленная отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации всех демократических организаций в армии; г) очищение армии от контр-революционного командного состава; д) выборность комиссаров и всех должностных лиц местными организациями; е) осуществление на деле прав наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь, удовлетворение требований Финляндии и Украины; ж) роспуск Государств. Думы и Совета и немедленный созыв Учредительного Собрания; и) уничтожение всех сословных преимуществ и установление полного равноправия граждан; к) отмена бюрократического надзора за организациями местного самоуправления.

[«Голос Социал-Демократа, от 19 сентября 1917 г., № 94.]

Приложение № 11.

Резолюция фракции большевиков, оглашенная на соединенном заседании Исполкома Совета и на пленуме Совета Раб. и Солд. Депутатов от 3 ноября 1917 г.

Фракция большевиков заявляет, что требование рабочих, солдат и крестьян о передаче всей власти в руки Советов должно быть осуществлено. Рабочие и солдаты своей кровью завоевали эту власть, и победоносная революция передала ее из рук правительства контр-революционной диктатуры в руки революционного правительства рабочих и крестьян, выделенного из среды Советов.

Фракция большевиков заявляет, что революционную власть Советов она всемерно поддерживает, к чему и призывает Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вместе с тем, относительно власти на Украине она заявляет:

1. Что краевой властью является Центр. Рада, при чем фракция большевиков требует созыва с'езда рабочих и солдатских депутатов Украины для реорганизации Ц. Рады в Центральную Раду Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Вместе с тем фракция поддерживает созыв Учредительного Собрания Украины.

2. Что краевая власть должна действовать через Советы Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, которые являются органом власти на местах.

3. Что Советы, как местная власть, проводят в жизнь постановления Советского правительства и Центральной Рады.

Фракция большевиков предлагает Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: 1) взять власть в свои руки, 2) что касается комиссара, то фракция большевиков предлагает заявить, что никаких назначенных комиссаров Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов не признает, так как это противоречит правам Совета, завоеванным победоносной революцией.

[«Пролетарская Мысль» от 5 ноября 1917 г., № 1.]

Приложение № 12.

К членам Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — большевикам.

Товарищи, рабочие и солдаты, члены Советов Рабочих и Солдатских Депутатов!

Наконец-то должно произойти слияние Советов не на словах, а на деле! Теперь на деле пойдет рабочий и солдат друг с другом рука об руку.

До сих пор в Киеве Советы существовали отдельно, и, вот теперь, т.т. рабочие и солдаты, вы должны избрать единый Исполнительный Комитет.

К вам, товарищи большевики, мое обращение притти на заседание фракции б-ков Совета Раб. и Солд. Деп. для избрания кандидатов в Исполнительный Комитет единого Совета Раб. и Солд. Депутатов.

Новому Совету предстоит работа сложная и серьезная, а потому при выборах кандидатов необходимо полное собрание фракции, необходимо присутствие всех большевиков Совета.

Все товарищи рабочие и солдаты, посылайте своих депутатов-большевиков на собрание фракции, которое состоится в среду, 8 ноября, в 7 часов вечера во дворце, комната № 9.

Секретарь фракции *Мих. Леонтьев.*

[«Пролетарская Мысль» от 8 ноября].

Приложение № 13.

Киевский Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов об'является:

Бой с войсками бывш. Врем. правительства был принят Военно-Революционным Комитетом в тот момент, когда Центральная Рада вела переговоры со штабом

округа о ликвидации пролетарского восстания. Бой был принят в расчете только на силы солдат и рабочих, стоявших за власть Советов.

Солдаты и рабочие показали на деле, что умеют побеждать и умирать.

Когда победа начала склоняться на сторону Воен.-рев. комитета, тогда политики Ц. Рады учли момент, разорвали со штабом и заключили союз с нами.

Мы честно поддерживали этот союз. Мы и теперь признали Ц. Раду краевой властью, но мы требуем, чтобы она во всех своих действиях на местах опиралась на Советы Солдатских и Рабочих Депутатов.

Однако, вчера Ц. Рада вполне определенно сошла с этой позиции, вполне определенно порвала с правительством рабочих и солдат в Петрограде, вполне определенно призывает бороться против Советского правительства, вполне определенно ведет переговоры о союзе с Духониным, Калединым и К°.

Этим самым Ген. Секретариат разрывает с Воен.-рев. Комитетом, который считает своим высшим долгом поддерживать беспримерную борьбу русского пролетариата за власть, за мир, за свободу.

Рабочие, крестьяне и солдаты Украины, к вам обращается Вон.-Рев. Комитет Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вы не можете не откликнуться, вы не можете не поддержать русского рабочего. Вы не можете и не должны поддерживать предательскую политику Ц. Рады. На ваш суд передаем мы результаты разрыва между Ген. Секретариатом и Воен.-Рев. Комитетом.

Председатель воен.-рев. Комитета *Леонид Пятаков.*
Тов. председателя прапорщик. *Туже.*
Секретарь *Карпенко.*

[«Пролетарская Мысль» от 14 ноября 1917 г., № 8.]

Приложение № 14.

Постановление Народного Секретариата Украинской Республики о введении народного суда.

4 января 1918 г.

1. Отныне на всей территории Украинской Народной Республики упраздняются все действовавшие до сих пор судебные установления: окружные суды, палаты судебные, военные и морские суды, коммерческий суд в Одессе, волостные и мировые суды.

2. Все существующие институты: нотариата, прокурорского надзора, судебных следователей, приставов, присяжной и частной адвокатуры упраздняются.

3. Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины немедленно назначают во все судебные установления особых комиссаров для ликвидации отжившего суда, принятия имущества, архива, всех дел, имеющихся в производстве во всех судах, всех следственных материалов, а также имущества и архива сословных учреждений присяжной адвокатуры.

4. Всем служащим канцелярий судебных учреждений предписывается продолжать работы на прежних основаниях, всецело подчиняясь указаниям Советских комиссаров.

5. Немедленно вводятся всюду коллегиальные местные Народные суды, участковые, уездные и городские.

6. Участковые Народные суды учреждаются по расчету один суд на десять тысяч населения.

7. В состав участкового Суда входят десять судей: два постоянных и восемь очередных. Городские и уездные суды учреждаются по одному в каждом уезде, в каждом городе, выделенном из уезда. Число уездных и городских судей — не менее двух постоянных и восьми очередных.

8. Введение участковых судов поручается Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые должны определить границы участков и немедленно составить списки очередных судей из граждан обоего пола старше восемнадцати лет, живущих на территории участков.

9. Постоянные судьи избираются всеобщим и прямым голосованием. Советам предоставляется в любое время лишать судью полномочий и назначать новые выборы. Организация выборов постоянных судей, вслед за изданием о том постановления, поручается волостным, уездным и городским Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

10. Временно, до организации всеобщих выборов, постоянные судьи избираются Советами на общих их собраниях, при чем любое лицо имеет право выставить свою кандидатуру. Где не имеется волостных Советов Крестьянских Депутатов, выборы постоянных судей и распределение участков должны быть произведены на сходах.

11. На фронте, в случае отсутствия Советов Солдатских Депутатов, обязанности по созданию участковых Народных судов и выборы судей постоянных, как равно и составление списков судей очередных лежит на полковых Комитетах. Суды же, соответствующие судам уездным и городским, организуются по тем же основаниям корпусными Комитетами.

12. Все без исключения судебные дела поступают в участковые Народные суды, но местный участковый Народный суд решает лишь те дела, по коим он найдет возможным определить наказание не свыше одного года тюрьмы и 5.000 руб. штрафа или присудить в пользу потерпевшей стороны имущество, стоимостью не свыше пяти тысяч рублей. В тех же случаях, когда мера наказания определяется судом выше одного года тюрьмы или пяти тысяч рублей штрафа, или ценность спорного имущества выше пяти тысяч руб.,—суд участковый передает такое дело на разрешение суда уездного или городского.

13. Решения Народных судов окончательны и подлежат немедленному исполнению. Дело может быть пересмотрено тем же судом по обнаружении новых и существенных для дела обстоятельств.

14. На постоянных судей возлагается ведение судебного следствия. Приказы о задержании, о приводе и взятии под стражу отдаются постоянными судьями, но должны быть в течение двенадцати часов подтверждены участковым Народным судом.

15. Народные суды, как участковые, так и уездные и городские решают дела в составе одного судьи постоянного и четырех очередных во всякое время, днем и ночью.

16. Все решения постановляются именем народа Украины большинством голосов членов суда.

17. Все заседания судов открытые. Присутствующие принимают участие при обсуждении каждого дела под руководством председателя — постоянного судьи.

18. Все граждане старше восемнадцати лет могут быть обвинителями и защитниками в суде и на предварительном судебном следствии.

19. Всем заинтересованным в деле лицам предоставляется отводить судей, при чем от самого суда зависит признать основательность отвода.

20. Право помилования, досрочного освобождения, условного осуждения и восстановления в правах осужденных Народными судами принадлежит исключительно тем же судам.

21. Народные суды определяют наказание по своему усмотрению.

22. Наказания телесные, носящие характер публичного позора, и смертная казнь навсегда должны быть вытравлены из сознания и памяти народа Украины. Во всех без исключения случаях лишать кого бы то ни было свободы на срок более пяти лет недопустимо.

23. В своих решениях народные судьи руководятся революционной совестью и законами прежних правительств, кроме законов отмененных. Отмененными считать все законы, противоречащие постановлениям Всероссийского Центр. Исп. К-та Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Центр. Исп. К-та Советов Украины, Совета Народных Комиссаров, Народного Секретариата Украины, а равно программам партий: Укр. Соц.-Дем. Рабочей, Соц.-Рев., Рос. Соц.-Дем. Раб. и партии Соц.-Рев.

24. Для разрешения всех спорных дел возможно обращение к суду третейскому.

25. Решения третейских судов, образованных путем соглашения спорящих сторон, имеют силу решений участковых Народных судов и приводятся в исполнение по постановлению участковых судов, которые обязаны только установить, что стороны свободно согласились на суд третейский.

26. В целях беспощадного преследования мародерства и всех видов злоупотреблений промышленников и торговцев, а равно для борьбы с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений — вообще решительной борьбы с врагами революции создаются немедленно Рабочие и Крестьянские Революционные Трибуналы, уездные и городские, по образцу Народных городских и уездных судов.

27. Создание Революционных Трибуналов поручается городским и уездным Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

28. Избрание постоянных судей в Революционные Трибуналы должно быть произведено особо на общих собраниях уездных и городских Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Народные Секретари: По Судебным делам *Владимир Люксембург.*
Труда *Н. Скрыпник.*
По военным делам *Ю. Коцюбинский.*
По внутренним делам *Е. Бош.*
Финансов *В. Ауссем.*
Продовольствия *Э. Лугановский.*
Управляющий Делами Секретариата *А. Лапчинский.*

[Отдельный оттиск. Харьков.]

Приложение № 15.

Декрет об организации народной революционно-социалистической армии на Украине.

от 20 января 1918 года.

Для великой рабоче-крестьянской революции Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской республики, исполняя волю трудового народа, постастановляет:

Для защиты и укрепления народной власти и для окончательной победы рабочих и беднейших крестьян над буржуазией, организовать новую социалистическую рабоче-крестьянскую армию «Червоне Козацтво», на следующих основаниях:

1. Все солдаты, из которых должно состоять «Червоне Козацтво», поступают в армию добровольно, по рекомендации революционно-социалистических партий и советских организаций.

2. Все солдаты находятся на полном государственном содержании и получают 25 рублей в месяц.

3. Поступающие в «Червоне Козацтво» должны дать обязательство не бросать рядов его в течение 6 месяцев, при чем они могут быть отпущены раньше указанного срока, когда победа и завоевания революции будут обеспечены.

4. Семьи солдат рабоче-крестьянской армии получают плату натурою по местным нормам, а также пользуются бесплатной медицинской помощью.

5. При оплате по должностям инструкторов-командиров, руководствоваться следующими нормами платы:

инструктору-командиру взвода — 40 р., ротн. — 50 р., батал. — 75 р., полка — 100 р., дивизии — 125 р., корп. — 150 р., армии — 175 р.

6. Семьи убитых, потерпевших товарищей солдат «Червонего Козацтва» обеспечиваются государством.

Выполнение и проведение в жизнь этого декрета поручается Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины и комитетам войсковых частей.

Народные секретари:

Внутренних дел *Е. Бош.*
Юстиции *В. Люксембург.*
Финансов *В. Ауссем.*
Труда *М. Скрыпник.*

[Из газ. «Вестник Украинск. Народной Республики», орган ЦИК, г. Киев, от 17/4 февраля 1918 года. № 23.]

Приложение № 16.

Воззвание Народного Секретариата от 24 февраля 1918 года.

Товарищи и граждане!

Близкий и столь желанный мир снова откладывается. Немецкие империалисты в союзе с украинскими националистами и на радость русской черной сотне угрожают вооруженной рукою задавить нашу молодую свободу, стараются

восстановить «законность и порядок» на Украине, об'являют беспощадную войну Русской Социалистической Революции.

Отчего же это опять война, если все так измучились, так страстно желают мира? Почему прерваны мирные переговоры, на которые немецкие хищники, банкиры и помещики шли под давлением недовольства своих солдат? Неужели нам изменили наши австрийские и немецкие товарищи рабочие, на помощь которых мы так надеялись? Неужели и они поддались соблазну пограбить и поживиться в нашей несчастной, разрушенной стране, которая, к тому же, переживает ныне критический момент коренной ломки социальных отношений и соединенной с этим острой гражданской войны?.. Еслиб это было так — было бы отчего впасть в отчаяние: это означало бы гибель всех надежд и ожиданий, это означало бы возвращение к старому разбитому корыту, к строю насилия и эксплоатации, если не настоящему рабству.

Но припомните калединщину, когда казалось, что весь «тихий Дон» идет войной против Красного Петербурга, вспомните Украинскую Центральную Раду, которая от имени всего украинского народа, выступила против Советской власти, против социализма — и что же? — как там, так и здесь вместо грозных полков оказались офицерские батальоны, вместо широких народных масс кучка политических шарлатанов, за спиною которых стояла, правда, международная буржуазия, но не было ни крестьян, ни рабочих.

Все говорит о том, что и последняя выдумка немецких генералов такого же рода. Глупо думать, будто опять может начаться война, подобная той, какую мы видели в продолжении трех с половиною лет, война, в которой борются друг с другом миллионные, скованные железною дисциплиною армии. Такая война окончилась, она умерла, как бы ни старались оживить ее империалисты всех стран. Нет той силы, которая была бы в состоянии снова бросить друг на друга рабочие массы враждебных стран после трех лет войны и особенно после трех месяцев перемирия.

В нашей экономически неразвитой стране, доведенной до края пропасти германским наступлением и царским, а потом буржуазным хозяйничаньем, развернулась невиданная в истории революция. Доведенные до отчаяния резнею на фронте, голодом, анархией рабочие и солдаты сбросили своих вековых угнетателей, восстали против самых основ буржуазного строя, против права эксплоатации человека человеком. У помещиков была отобрана земля, у капиталистов — права распоряжаться кровью и потом рабочего.

Наше пламя социальной революции, последней беспощадной борьбы с насильниками и тунеядцами, угрожает перебросится за линию проволочных заграждений на русско-германский и австро-украинский фронт. На Германию и Австрию надвигается грозный призрак голода; народ стонет под непосильным бременем неслыханной войны; то тут, то там вспыхивают забастовки; голодные бунты и политические демонстрации доходили уже до баррикад и расстрелов; как в России, так и там возникают Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Господству капитала приходит конец. Международные хищники видят, как почва шатается у них под ногами, они понимают, что рабочего движения уже не сдержать никакими речами и обещаниями; каждый день несет нам все новые победы, каждый день вынужденной бездеятельности стоит им жестокого поражения. Они поняли, что им уже нечего терять, решили снять маску и сделать

последнее отчаянное усилие залить кровью русскую революцию, с корнем вырвать опасную заразу, или хотя бы дороже продать свои преимущества. Это уже не прежняя война немцев или австрийцев против русских или украинцев. Общим фронтом идут на нас румынский король Фердинанд, русский генерал Щербачев, император Вильгельм и изменники своего народа, украинские «социалисты» — Винниченки, Порши и Петлюры, идущие во главе немецких офицерских банд против украинских рабочих и беднейших крестьян. Румынско-щербачевско-украинское войско по соглашению Центральной Рады с румынской контр-революцией захватило уже Бессарабию, и там, где оно прошло, земля уже возвращена помещикам, крестьян расстреливают, как грабителей; повсюду, где оно прошло, разогнаны рабочие и крестьянские организации, и под маскою молдаванского национального самоопределения восстановлены земские начальники и полицейские исправники. Теперь то же самое творится и у нас на Волыни, Подолии, и Киевщине. Луцк, Лунинец, Сарны уже захвачены украинскими гайдамаками и германскими офицерами. Украинским изменникам нужна власть, нужны министерские портфели, хотя бы и добытые штыками немецких наемников; немецким генералам нужен хлеб, чтобы заткнуть горло голодному народу, и всем вместе нужно какой бы то ни было ценой затушить пожар мировой революции.

Приближается момент последнего и решительного боя. В продолжение одной-двух недель решится быть ли нам свободными сынами социалистической республики, или снова стать рабами международного капитала. На полях Волыни решается судьба не только наша, но и всего мира. Перед нами решительный бой с опасным врагом, вооруженным силой науки и организованностью, но мы не одни в эту страдную минуту, у нас есть могучий и верный союзник — европейский пролетариат.

Этот союзник не дошел еще до места боя, но он уже в дороге, наша задача — продержаться до его прихода. Большое значение имеет каждый час, каждая минута.

Враг наступает небольшими отрядами, не имея возможности двинуть большие массы; опять, как и в борьбе против Каледина и Центральной Рады, придется иметь дело с отдельными колоннами, партизанскими отрядами грабителей. Организуйте свои партизанские отряды, взрывайте мосты, железные дороги, шоссе, вывозите или уничтожайте, отступая, хлеб и все, чем могли бы поживиться голодные разбойничьи банды. У нас нет другого способа. Никакое соглашение невозможно — наши мирные предложения германские империалисты отклонили: они прекрасно понимают, что им невозможно существовать рядом с нашей властью рабочих и беднейших крестьян над своими прежними насильниками. Или мы погибнем и вместе с нами погибнут все наши надежды на лучшую будущность человечества, или продержимся до того времени, когда пожар последней социальной революции охватит весь мир. И мы продержимся во что бы то ни стало. Новая авантюра немецких генералов и их союзников из украинских «социалистов» потерпит такой же самый крах, как и другие попытки — Каледина, Дутова, Петлюры и др. — вооруженною рукой остановить ход истории.

За дело, товарищи! Пусть знают банды насильников, что везде на своем пути они встретят самое решительное сопротивление, пусть знают, что лишь через наши трупы войдут они в столицу Украины.

Проклятье насильникам и эксплоататорам!
Проклятье изменникам!
Да здравствует всемирная революция!
Да здравствует социализм!

Народный Секретариат Украины.

[«Сборник Постановлений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики», Таганрог, 1918 г. № 69.]

Приложение № 17.

Декларация, принятая ЦИК Сов. Украины на заседании 7 марта 1918 г.

1. Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую Республику, как национальную республику, а исключительно, как Советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской Народной республики, рассматривая ее как более или менее самостоятельное целое, связанное с общероссийской рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских об'единений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной общефедеративной Советской властью до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда об'единенная буржуазия, частью открыто, как Центральная Украинская Рада и ее новейшие союзники — австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российская, Дона, Крыма и др., грозят раздавить рабоче-селянскую власть Украины, при том Украину в границах III и IV универсалов, т.-е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики,— именно теперь особенно необходимо тесное об'единение всех советских организаций.

5. Центральный Исполнительный Комитет призывает все Советы к такому об'единению на следующих основаниях:

а) Об'единение создается в целях всемерной вооруженной защиты Советской власти на территории, на которой организуется особый Комитет по борьбе с контр-революцией из представителей поименованных в п. 4 Советских республик;

б) ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия правительств остальных республик выйти из об'единения и заключать секретные соглашения;

в) к этому Комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами;

г) главнокомандующий войсками Украинской Народной республики товарищ Овсеенко (Антонов) назначается общим главнокомандующим всеми военными силами.

6. Все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны (финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т. п.), распределяются об'единенными комитетами.

7. В целях создания всех необходимых об'единенных организаций на 15 марта 1918 года в Екатеринославе созывается конференция представителей поименованных республик по 2 представителя от правительства каждой республики.

[«Сборник постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Народной Республики», г. Таганрог, 1918 г. № 77.]

Приложение № 18.

Призыв Народного Секретариата Украинской Народной Республики к борьбе с Центральной Радой.

В часы опасности, надвигающейся со стороны контр-революционной буржуазной Центральной Рады, поддерживаемой штыками германских империалистов и соединенными силами партизанов буржуазной контр-революции международной, Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины и Народный Секретариат Украинской Республики призывает всех, кому дороги интересы трудящихся масс, кто готов бороться за дело социализма, встать с оружием в руках.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины, Народный Секретариат Украины, постановлением от 7 марта 1918 г., выбирает тов. Овсеенко-Антонова народным секретарем Украинской Республики и назначает его верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской Народной Республики. Все мобилизационные отделы Советов, все мобилизационные штабы местные и районные, все местные штабы, все отряды советских войск, все командующие отдельными революционными отрядами, группами, фронтами и армиями обязаны немедленно снестись с верховным главнокомандующим Овсеенко-Антоновым и получить от него приказы и полномочия. Все военные операции производятся по приказам верховного главнокомандующего тов. Овсеенко-Антонова или назначенных им военных командующих. Все коменданты железнодорожных станций, городов и других опорных пунктов утверждаются и назначаются верховным главнокомандующим. Все советские организации обязаны всемерно содействовать военным действиям, руководимым народным секретарем верховным главнокомандующим. Все комиссары обязаны безусловно исполнять предписания народного секретаря верховного главнокомандующего войсками Украинской Народной Республики, Овсеенко-Антонова. Всякое сопротивление в борьбе рабочего класса и крестьянства против контр-революции будет подавляться беспощадно.

В тяжелые дни испытания Народный Секретариат Украинской Народной Республики от каждого рабочего, крестьянина, от каждого трудящегося, от всех кто был угнетаем тяжелой жизнью, нищетой, гнетом капитала и порабощением,— ждет дружного отзыва на призыв к борьбе.

Соединенная и сплоченная самоотвержением, проникнутая пролетарской дисциплиной, красная социалистическая армия под верховным главкомандо-

ванием испытанного борца с контр-революцией грозной стеной станет на защиту социализма.

Крестьяне, поступайте в красную армию для борьбы против помещиков, капиталистов и с буржуазной Центральной Радой, которую поддерживают штыки германского империализма. Враг будет силен только нашею разрозненностью, наша сплоченность и дружная борьба победно отразят врага.

К оружию, товарищи!

Полтава, 9 марта 1918 г.

Председатель Народного Секретариата Украинской Народной Республики

Николай Скрыпник.

[«Вестник Украинской Народной Республики», орган ЦИК Сов. Укр., г. Екатеринослав, от 14/1 марта 1918 г. № 41.]

Приложение № 19.

Резолюция о политическом моменте, принятая 2 Всеукраинским С'ездом Советов на заседании 18 марта.

1. Вынужденное подписание Россией мирного договора ставит Украинскую Советскую Республику в чрезвычайно тяжелое положение в борьбе украинского трудового народа за достижения революции.

2. Призванные остатками Центральной Рады, свергнутой народом, войска австро-германского империализма уничтожают Советскую власть, закрепощают трудовой народ и завоевывают территорию Украинской Народной Республики; они ведут военные действия под прикрытием У. Р., которая служит лишь политической ширмой для австро-германского империализма и его захватных стремлений.

3. Но для того, чтобы сохранить возможность свободно развивать завоевания социалистической революции, трудящиеся массы Украины на своем втором С'езде Советов перед лицом всего мира заявляют, что они готовы подписать даже те тяжелые условия, которые навязываются Украине мирным договором Центральной Рады с Австро-Германией, но при обязательном условии полного невмешательства Австро-Германии во внутреннюю жизнь Украины и вывода австро-германских войск из всех занятых ими частей Украины.

4. Второй Всеукраинский С'езд Советов, являясь выразителем воли украинской демократии, постановляет, что украинский трудовой народ будет бороться против завоевателей и душителей революции, против империалистов всего мира, но вместе с тем примет через свои полномочные органы все меры к прекращению войны и к выработке приемлемых для трудящихся условий мира.

5. С'езд выражает уверенность, что трудовой народ Украины, идя рука об руку со всем рабочим классом России для защиты революции, об'единившись на международном социалистическом конгрессе с рабочими всего мира, выйдет победителем из тяжелого положения в пожаре мировой революции.

6. С'езд поручает исполнительному органу, который он изберет, послать представителя на международный социалистический конгресс для борьбы за мир всего мира.

7. С'езд провозглашает, что трудящиеся Украины при таких условиях не признают в своей стране буржуазной власти ни в центре, ни в отдельных местах и будут бороться за восстановление власти Советов там, где они уничтожены, всемерно противодействуя буржуазным захватчикам путем организации красной армии, партизанской борьбой, забастовками, неуплатою налогов и всеми другими средствами, которые имеются в распоряжении рабочих и крестьян.

[«Вестник Украинской Народной Республики, орган ЦИК от 19/6 марта 1918 г., № 44., г. Екатеринослав.]

Приложение № 20.

Резолюция

о государственном устройстве, внесенная партией коммунистов (большевиков).

Рабочий класс и все трудящиеся массы Украины рассматривали Украинскую Народную республику, как Советскую республику, об'единяющую всех, живущих на территории Украины, трудящихся, независимо от их национальности и тесно связанную федеративными узами со Всероссийской Рабоче-Крестьянской Республикой.

В настоящее время мирный договор, насилием навязываемый германским империализмом Российской Федерации, формально прекращает федеративную связь Украины со всею Советской Федерацией. Украинская Народная Республика становится самостоятельной Советской Республикой. Но по существу — отношения Советских республик остаются прежними.

Трудящиеся массы Украины выражают твердую уверенность, что дальнейшей борьбой рабочего класса на Украине и в других странах уже в ближайшем будущем должна быть восстановлена эта формальная федеративная связь, и все Советские Республики об'единятся в единую мировую социалистическую федерацию.

Стремясь об'единить для борьбы с контр-революционной Центральной Радой всех трудящихся на всей территории Украины, завладеть которой стремится Центральная Рада, т.-е. Украина в рамках 3-го и 4-го универсалов, трудящиеся массы Украины рассматривают Украинскую Советскую Республику, как Республику федеративную, об'единяющую все советские об'единения, — вольные города и республики, как автономные части Украинской Федеративной Советской Республики.

[«Вестник Украинской Народной Республики», Екатеринослав, 20/7 марта, № 45.]

Приложение № 21.

Тезисы

Таганрогского совещания коммунистов Украины.

Тезисы тов. Скрыпника (за эти тезисы голосовало 26 против 23).

1. Захват территории Украины наступающими немецко-гайдамацкими войсками и военное поражение украинской Советской власти привели к созданию на Украине диктатуры контр-революции. Выражая волю и интересы украинской

Схема №1
Ликвидация Центральной Рады
Январь 1918 г.
Гомель
Новозыбков
Гордеевка
Новгр. Северск
Глухов
Курск
Чернигов
Конотоп
Ворожба
Нежин
Бахмач
Рада
Ирпень
Житомир
Киев
Фастов
Гребенка
Лубны
Ромодан
Харьков
Белгород
Бердичев
Казатин
Проскуров
Винница
Жмеринка
Каменец-Подольск
Черкассы
Полтава
Константиноград
Кременчуг
Умань
Знаменка
Христовка
Лозовая
Екатеринослав
Р. Днестр
Р. Буг
Р. Прут
Бессарабия
Кривой Рог
Александровск
Николаев
Одесса
Р. Днепр
Черное Море
Крым
Азовское море
С
З
В
Ю
Условные знаки
Район Совласти до 6 янв. 1918 г.
" " 11 " "
" " 18 " "
Однокалейная ж. д.
Двухколейная ж. д.
Масштаб 100 верст в дюйме
100 50 25 0 100 200
Чертил: Вл. Вл. Аусем

Схема №2
Оккупация Австро-германцами
Украины
В начале 1918 года
Условные Знаки
(по новому стилю)
Австро-Германцы
Положение советских отрядов Укр. К
-3 марта
- 8 "
-18 "
-24 "
К моменту боя у Кириковки
После сдачи Харькова 8-9/IV
Даты в виде дроби-моменты сдачи городов.
ГЕРМАНЦЫ
ГЕРМАНЦЫ
АВСТРИЙЦЫ
АВСТРО-ГЕРМАНЦЫ
ГЕРМ.
Брест-литовск
Пинск
Лунинец
Р. Прут
Калинковичи
Гомель
Новозыбков
р. Березина
р. Десна
Новг. Северск
Ковель
Сарны
Луцк
Коростень
Чернигов
Глухов
Курск
Льгов
Конотоп
Бахмач
Нежино
Круты
Ворожба
Отр. Бош. Примакова
Рамки
Басы
Прилуки
Житомир
Киев
Дарницы
Фастов
1/III
Бердичев
Казатин
Винница
Жмеринка
Могилев П.
Гребенка
Отр. Ауссема
Лохвица
24/III
Гадач
Отр. Киквидзе
Ромодан
23/III
Зеньков
Ахтырка
Кириковка
Богодухов
Белгород
Волчанск
8/IV
Харьков
Люботин
Мерефа
Чугуев
Змиев
Купянск
о Миргород
Полтава
30/III
Константиноград
Черкассы
Цветково
Бобринская
Кременчуг
р. Днепр
Лозовая
р. Донец
Знаменка
Користовка
31/III
Екатеринослав
Синельниково
Кривой Рог
р. Буг
Б Е С С А Р А Б И Я
р. Прут
р. Днестр
16/III
Николаев
15/III
Одесса
18/III
Херсон
Маркуполь
Таганрог
с 7/IV эвакуация
Черное море
Азовское море
Масштаб 100 верст в д.
100 75 50 25 0 100
N
W
O
S
Чертил: Вл. Вл. Ауссем

буржуазии и союзного с нею оккупировавшего Украину германского империализма, эта контр-революционная диктатура, направленная против рабочего класса и крестьянства, не пользуется поддержкой каких-либо широких слоев украинского населения и опирается исключительно на силу штыков германских войск и наемных гайдамацких банд.

2. Эта контр-революционная диктатура буржуазии своею деятельностью поднимает к борьбе наиболее отсталые слои крестьянства, разоблачает соглашательскую агитацию меньшевиков и эс-эров и вновь ставит перед каждым рабочим и крестьянином задачу вооруженной борьбы за советскую власть. Таким образом победа контр-революции является целиком военною, но не политическою, и перед пролетариатом вновь создается почва для успешной борьбы за социальную революцию.

3. Эта борьба на Украине неизбежно принимает формы инсуррекционного (повстанческого) движения; массы поднимаются в отдельных местностях Украины, и движение сливается в общий пожар восстания.

4. Этот неизбежный и самым ходом классовых отношений вызываемый рост восстания будет пролетариатом направлен к победе его коммунистической революции лишь в меру его классовой, партийной организации, не допускающей того, чтобы поднимающиеся к борьбе массы рабочего класса и беднейшего крестьянства были мелко-буржуазными партиями совлечены на путь «обще-национальной» борьбы с чужеземным завоевателем, на путь соглашения классов и фактического отказа от классовой борьбы и классовых целей пролетариата.

5. Поэтому задачей коммунистической партии большевиков Украины является воссоздание классовой партийной организации пролетариата и ее руководство в деле организации и ведения восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контр-революционной буржуазии.

6. Партия должна резко отмежеваться от меньшевистско-соглашательских течений, признающих социальную революцию на Украине ликвидированною и предлагающих политически — встать на путь работы в рамках буржуазного парламентаризма, а организационно—поставить своей задачей исключительно текущую работу по организации агитации и пропаганды, которая на крайний случай лишь в будущем приведет к революции.

7. Но вместе с тем партия должна не менее резко отмежеваться от течения эс-эровского чистого инсуррекционизма, выдвигающего единственной задачей — организацию повстанческих актов хотя бы и оторванных от масс групп, при чем воссоздание партийной организации имеет для этого течения значение лишь постольку, поскольку эта организация необходима для ведения восстания.

8. Ведя свою работу по организации восстания рабочих и крестьян на Украине, коммунистическая партия большевиков Украины должна выяснить массам всю зависимость успеха этого восстания от сохранения и укрепления советской власти в Российской федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции.

[«Извещение о созыве конференции партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины».—Изд. Организационного Бюро по созыву Конф. парт. орг. комм. (б.) Украины, г. Москва, 1918 г.).]

Приложение № 22.

Тезисы,

предложенные тов. Бубновым, Пятаковым, Кассиором, Исаковым и Коцюбинским (за эти тезисы голосовало 23 против 26).

1. Политический режим, устанавливающийся на Украине после захвата ее территории вооруженными отрядами австро-германского империализма и киевской буржуазной рады, является режимом военной диктатуры. Эта диктатура полностью осуществляет владычество империализма центральных государств Европы, при котором значение буржуазной Рады не может не быть второстепенным, и вследствие чего роль ее в этом империалистическом союзе является подчиненной по отношению к роли правительств центральных держав.

2. Германский империализм, разгромивший в данный момент военной силой Советскую власть на Украине, не только восстановит всевластие помещиков и капиталистов, не только задушит эксплоатируемые массы украинского народа, но и в корне расшатает производительные силы страны, вычерпав все необходимое для продолжения империалистической войны на Западе — продовольствие для армии и сырье для военного производства.

3. Военный режим и грабительская хозяйственная политика завоевателей рабоче-крестьянской Украины будут до крайней степени ухудшать положение трудящихся, вызывать рост недовольства и возмущения против ига империалистов, обострять борьбу рабочих против капиталистов, крестьян против помещиков и кулаков и тем самым усиливать повстанческое движение на Украине.

4. Развивающееся восстание рабочих и крестьян Украины против ига германо-гайдамацких завоевателей является лишь отдельным моментом борьбы эксплоатируемых классов против мирового империализма. Это обстоятельство ставит развитие и исход восстания на Украине в тесную связь с судьбами международной рабочей революции. Вместе с тем повстанческое движение пролетариев и полу-пролетариев Украины будет способствовать развертыванию революции в международном масштабе и не может не оказать своего положительного влияния на укрепление центральной Советской власти на севере России.

5. При таких условиях основной задачей партии пролетариата является организация вооруженного восстания пролетарско-крестьянских масс Украины против угнетателей. Партия должна сосредоточить все свои силы на укрепление массовых организаций, на развитие широкой агитации, призывая рабочих и крестьян к активным выступлениям вплоть до вооруженной борьбы с германо-гайдамацкими бандами, и оказывать организационно-техническую помощь действующим партизанским отрядам, стремясь к внесению наибольшей организованности в их политическую работу.

6. В связи с образованием Центральным Исполнительным комитетом Советов Украины правительства восстания, в виде особого народного секретариата со специальным назначением, при выполнении партийными организациями основных задач момента, координировать свои действия с повстанческой деятельностью рабоче-крестьянского правительства Украины. В частности, вся военно-техническая работа пролетарских организаций должна совершаться под руководством Народного Секретариата.

[«Извещение о созыве конференции партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины». Издание Орг. Бюро, г. Москва, 1918 г.]

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Антонов-Овсеенко В.—107, 123, 124, 127, 174, 175, 176, 177, 191, 193, 198, 199, 200, 201, 202, 209, 253, 254.
Артем (Сергеев) — 30, 34, 80, 86, 87, 93, 100, 103, 137, 175.
Аруссем, В.—34, 87, 93, 131, 133, 134, 140, 162, 172, 173, 175, 192, 209, 210, 211, 213, 214, 218, 249, 250.

Баварский — 134.
Бакинский, С.— 45, 157, 158, 167, 172, 173, 175, 192.
Баранов — 238.
арон — 192.
Башинский (поручик) — 15.
Беленкович — 102, 127, 128.
Берзин — 130, 131.
Биберман — см. Майоров.
Богданов, Н.— 13, 37, 124, 236.
Богуславский — 237.
Бойченко — 175, 177, 179, 180, 181.
Бош, Евг.— 7, 10, 21, 22, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 67, 87, 93, 119, 140, 162, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 192, 198, 200, 201, 202, 218, 236, 237, 238, 249, 250.
Бош, М.— 207.
Бош, О.— 213.
Бык — 156.
Бубнов — 217, 218, 219, 220, 258.
Бутырин — 237.
Бухарцева, В.— 14, 199.
Буценко — 175.

Ватин — 35, 37.
Введенский — 14.
Вейланд, О.— 193.
Виллер, С.— 237.
Вильгельм (б. германск. импер.) — 221, 222, 235, 252.
Винниченко — 9, 19, 64, 78, 79, 84, 114, 185, 252.

Гамарник — 14, 37, 39, 40, 41, 45, 50, 51, 162, 172, 173, 176, 177, 236.
Гальперин, Р. 173, 176.
Ганненко — 175.
Гирканд, И.— 237.
Гишвалинер («Парижанин») — 22, 238.
Гладнев — см. Закс.
Глебов, Н.— 237.
Глотов — 229.
Голубенко, К.— 14, 199, 229.
Головко — 176.
Гончаренко — 175
Горбачев, Е.— 14, 37, 236.
Горвиц, А.— 14, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 50, 52, 59.
Городецкий, Я.— 176.
Горичев — 228.
Гресс — 119, 176.
Гриневич, А.— 22, 34, 149, 191, 237.
Грушевский — 78, 79, 113, 114.

Дейч — 14.
Джугашвили — (см. Сталин).
Дзержинский — 236.
Дзевалтовский — 238.
Дмитренко — 175.
Довнар-Запольский — 13, 199.
Дробнис — 115, 175, 237.
Дубовик, С. 237.
Дудка (Иван Петинский) — 175.
Дунаев, И.— 238.
Дурач — 236.
Дутов (генерал) — 252.
Духонин (генерал) — 201, 247.

Егоров — 134.
Ерман — 237.

Жарко — 237.
Жук — 13, 41, 236.
Жуков, П.— 238.
Журит, П.— 238.

Закс (см. Гладнев) — 25.
Зарницын, М.— 14, 37, 40, 45, 51, 160, 193.

Затонский, В.— 33, 34, 41, 45, 93, 155, 176, 180, 181, 183, 236.
Зиненко, Д.— 175.
Зиновьев, Е.— 238.
Знаменский — 238.
Зюка — 186, 191.

Иванов, Андрей — 17, 37, 39, 140, 172, 175, 177, 178, 228.
Ивасевич — 237.
Ивинский — 236.
Идкин, Д.— 14, 37, 50, 53.
Имошин — 238.
Иоффе — 237.
Исаков — (см. Крейсберг).
Ицковский — см. Рувим.

Казюлина, М.— 198.
Каледин (генерал) — 52, 61, 81, 93, 94, 112, 123, 185, 193, 247, 252.
Карабчук — 173.
Карелин — 180, 181.
Карпович — 238.
Карпенко — 48, 247.
Кассиор, С.— 219, 258.
Катакадп — 236.
Качинский — 180, 181.
Квиринг — 177, 219.
Керенский — 10, 15, 28, 29, 32, 43, 63, 90, 94, 228, 234.
Киквидзе — 184, 187, 192, 214.
Киричек — 237.
Киселев — 237.
Клименко — 173, 175, 229.
Кнюпа — 175.
Коковитин — 238.
Коляденко — 192.
Корельцов — 236.
Корнилов (генерал) — 17, 244.
Косов — 237.
Коцюбинский, Ю.— 127, 131, 133, 134, 157, 158, 161, 162, 167, 172, 173, 175, 219, 249, 258.
Кравченко — 176.
Краснополенский — 238.
Краснов (солдат) — 238.
Крейсберг (Исаков) — 35, 37, 39, 45, 50, 51, 53, 152, 218, 219, 258.
Крыленко, Н. В.— 49, 75, 76, 77, 238.
Кудрин — 14.
Кузьмин — 156.
Кулик — 34, 45, 174, 191, 203, 236, 237.
Кукс — 247.

Лаврентий — 35, 37.
Лазир — 120.
Лапчинский — 33, 34, 93, 131, 134, 165, 166, 172, 176.
Ларин, Ю.— 236.
Лашевич — 238.
Лебедев, Н.— 35, 37, 45, 106, 174 192, 219.
Левицкий — 238.
Ленин, В. И.— 10, 14, 37, 242.
Ленговский — 156.
Леонтьев, М.— 229, 246.
Лещинский, Ю.— 237.
Либер, Г.— 14, 237, 249.
Липшиц, П.— 176, 219.
Лискун (председатель украин. рады 12 армии) — 76.
Литвиненко, Н.— 175.
Литвих — 176.
Логинов — 14, 37.
Лугановский — 93, 141, 149, 176, 249.
Лукъянис — 228.
Луначарский, А. В.— 237.
Люксембург — 93, 237, 249, 250,

Мартьянов — 93, 157, 158.
Марченко, Н.— 238.
Матвеенко — 119.
Матяш, Р.— 175.
Майоров (Биберман) — 14, 35, 37, 50, 51, 173, 176, 236.
Медведев — 89, 155, 177.
Мирный — 84.
Мотора — 237.
Муранов — 237.
Муравьев — 127, 131, 134, 140, 144, 150.

Натанович — 175.
Неранович, Е.— 155.
Неровня — 21, 22.
Никиташенко — 238.
Низкодуб — 176.
Новиков, А.— 228.
Ногин, В.— 237.
Нусбаум — 14.

Овсеенко — см Антонов-Овсеенко.
Овсянников — 237.
Одоевский — 177.
Ордженикидзе — 103.

Павелко, И.— 175.
Павленко (подполковник) — 57.
Павлов — 156, 164, 165, 166, 167, 190.
«Парижанин» — см. Гишвалинер.
Петровский — 237.
Петровский (солдат) — 238.
Петинский Ив — (см. Дудка).
Петриковский — 107.
Петлюра — 79, 84, 112, 114, 115, 122, 136, 185, 252.
Пивень — 13.
Плиско — 175.
Покорнов — 237.
Побиленский — 77.
Повелко — 175.

Подвойский, Н. И.— 238.
Польвадре — 238.
Поляков — 13, 236.
Пономарев, И.— 236, 237.
Порш — 61, 78, 79, 112, 113, 185, 252.
Потапов — 237.
Примаков, В.— 14, 16, 37, 124, 125, 127, 156, 158, 162, 166, 167, 174, 188, 190, 192, 196, 197, 198, 202, 203, 204, 206, 210, 211, 213, 215, 218, 237.
Прокопенко — 175.
Прохорцев — 238.
Пухтинский — 229.
Пятаков, Леонид — 14, 37, 40, 41, 43, 45, 48, 61, 238, 247.
Пятаков, Юрий — 10, 17, 21, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 56, 117, 152, 153, 174, 175, 192, 198, 217, 218, 219, 236, 237, 238, 258.

Рагозинский — 97.
Разживин, С.— 192.
Рафес — 56, 145, 160, 163.
Рафаил (Фарбман)—14, 37, 173, 236.
Ремнев — 140, 144.
Решетько — 176.
Реут — 37, 173, 176.
Реуцкий (полковник) — 111, 115.
Розмирович, Е.— 238.
Рындич, А.— 237.
Рувим (Ицковский) — 14, 176.
Руденко — 155.
Рязанов — 236.

Савельев, М. А. 11, 35.
Савельев — 229.
Савченко — 121.
Свердлов, Я.— 33, 237.
Свистунов — 13, 237.
Сегаль — 236.
Семенов — 77.
Сергеев — см. Артем.
Сердюк — 177.
Сивцов — 236.
Сигач — 176.
Скляровский — 237.
Скрыпник, Н.— 119, 157, 158, 161, 165, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 191, 218, 219, 220, 249, 250, 255, 256.
Слуцкий-Эратов — 172, 176.
Смирнов, И.— 173, 176, 228, 236.
Смирнов (Полтавский) — 236.
Смоляков — 176.
Собченко — 229.
Соколов, А.— 13, 37, 41, 236.
Соколова, Л.— 14, 199.
Сталин — 156, 184, 242.
Стефанский — 118.
Степанов — 77.
Стогний — 53.

Тагеев — 176.
Танеин-Бугай — 77.
Тарнагродский — 21, 22, 34, 67, 98, 237, 238.
Терлецкий — 93, 98, 119, 155, 177.
Ткачинский — 177.
Трохульский — 236.
Троцкий, Л.— 197, 215, 236.
Трубачёв — 238.
Тукэ — 247.

Уншлихт — 236.
Урбайлис — 117.
Урицкий, М.— 236.

Фарбман — см. Рафаил.
Фенглер — 238.
Фердинанд (Румынский король) — 252.
Фиалек — 16, 37, 236.
Фишман — 180, 181.
Фукс — 145.

Хавкин — 229.

Цереteлли — 16.
Цимберг — 229.
Цырлин — 21, 22.

Черненко — 175.
Чернуха — 77.
Чернявский, В.— 37, 51.
Чудновский — 30, 31, 117, 134, 140, 161, 166, 167, 186, 188, 189, 190, 192, 238.

Шаров — 200, 201, 202.
Шахрай — 90, 91, 93, 155, 175, 237.
Шварц, С.— 24, 173.
Шмидт, В. В.— 237.
Шрейберг, С.— 35, 37.
Штейнберг — 182.

Щепанский — 236.
Щербачев (генерал) — 112, 252.
Щур, Д.— 175.

Эдельштейн, Е.— 14, 37, 41, 199.
Эккерт — 173.
Эпштейн — 108.
Эратов — см. Слуцкий.

Юдкович, Я.— А. А. 238.

Якоби — 118.
Яковлев, И. А.— 238.
Яковенко — 175.
Яновский — 175.
Ярош, А.— 175.
Яриз, Г.— 237.
Яруга — 37, 59.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авиопарк — 43, 65, 131.
«Автономия Украины» — 12, 16.
Апрельская (Всерос.) конференция — 37.
Армия 2-я — 140.
Армия 4-я — 112.
Армия 5-я — 76, 77.
Армия 6-я — 112.
Армия 7-я — 156.
Армия 9-я — 77, 117, 119.
Армия 12-я — 75, 76.
Армейский корпус 10-й — 77.
Армейский съезд — 97.
Арсенал — 15, 17, 19, 43, 116, 124, 131, 133, 134, 136, 228.
Арсенальцы (рабочие арсенала) — 15, 43, 50, 64, 133.
«Ауто», завод — 17, 116.

«Батальоны смерти» — 43, 63, 64, 65.
Богдана-Хмельницкого полк — 19, 64, 115, 126.
«Борьба», орган лев. с.-р. — 154.
Бригадный комитет — 70.
Броневой дивизион — 69.
Брянский завод (Екатеринослав) — 126.
Бунд — 11, 18, 21, 54, 55, 59, 144, 145, 159, 160, 163, 177.
Бюро военных организаций — 27.
Бюро Воен.-Рев. Ком. Донецкого бассейна — 126.
Бюро по созыву партийных конференций Украины — см. Орг. бюро по созыву...
Бюро военных организаций РСДРП (бол. и интернационалистов) Юго-Западного фронта — 235.

«Вестник Украинской Народной Республики», орган ЦИКУ — 102, 103, 106, 107, 166, 183, 202, 222.
Викжедор — 32.
«Вильне Козацтво» — 116, 142.
Винницкий парткомитет — 65.
Винницкая парторганизация — 24.
Винницкий Совет Р и КД. — 24, 65, 66, 67, 68, 191.
Военно-обмундировочные мастерские — 17, 228, 229.
Военные организации — 43, 44, 63, 65, 177.
Волынская парторганизация — 21, 22, 24.
Волынский полк — 74.
Вооруженное выступление — 18, 44, 45, 51, 52, 55, 64, 111, 127.
Вооруженное восстание — 50, 53, 258.
Вооруженная борьба — 64, 69, 99, 128, 131, 135, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 213, 258.
«Вперед», орган группы войск Полтавского участка фронта — 193.
Войсковая рада — 19, 62, 75, 112.
Временное правительство — 7, 9, 10, 11, 15, 16, 18, 29, 32, 42, 45, 46, 47, 57, 63, 64, 65, 69, 71, 74, 94, 234, 244, 245, 246.
Всероссийский съезд Советов — 20, 25, 31, 34, 40, 49, 50, 51, 62, 65, 71, 81.
Всероссийский Совет проф. Союзов — 236.
Всеукраинский национальный конгресс — 12.
Всеукраинский I съезд Советов — 33, 49, 75, 78, 80, 81, 85, 86 87, 88, 89, 90, 91, 94, 99, 100, 101, 102, 103, 108, 111, 120, 123, 138, 221, 242.
Всеукраинский II съезд Советов — 95, 122, 141, 173, 176, 177, 178, 179, 182, 217, 221, 242, 255, 256.
Всеукраинская партийная конференция — 217.
Всеукраинский съезд Рад Робитничих, Селяньских и Солдатских депутатив — 59, 60.

Всеукраинская крестьянская конференция—95, 119, 121, 122.
ВЦИК—31, 138, 249.
«Вся Власть Советам»—13, 15, 26, 38, 53, 65, 73, 74.

«Гайдамаки»—98, 111, 115, 116, 117, 118, 126, 128, 129, 130, 133, 184, 220, 221, 222, 257, 258.
Гвардейский 2-й корпус—30, 32, 48, 49, 50, 64, 76, 77, 125, 128.
Генеральный секретариат Ц. Р.—45, 46, 48, 52, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 77, 80, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 93, 94, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 127, 130, 134, 136, 142, 144, 145, 220, 242, 243, 244, 247.
Германские войска—см. оккупационные войска.
Главный Комитет Соц.-Дем. Украины—220.
«Голос Социал-Демократа», орган Киевского парткомитета—35.
Гомельская парторганизация—22, 25.
Государственная Дума—79, 245.
Гренадерский корпус—76.
Гретеровский завод—17, 63, 228.
Грушевского полк—131.

«Дедин», завод—17.
Декрет о мире—93
Декларация Ц. И. К. У—174.
Декларация прав народов—33, 241.
Демократическое совещание—31, 38, 39, 40, 239.
Демиевский район г. Киева—13.
Демиевский снарядный завод—17.
«Дикая дивизия»—28.
Донецко-Криворожский областной парткомитет—30, 33, 34, 80, 86, 87, 100, 109, 217, 218, 220.
Донецко-Криворожская парторганизация—108, 109.
Донецко-Криворожская область—25, 85, 106, 108.
Донецко-Криворожский областной Съезд Советов—87, 94, 108.
Донецко-Криворожская Советская Республика—108, 137, 174, 193, 253.
Донская Республика—193, 253.
Дорошенковский полк—114, 131.
Дума Городская г. Киева—15, 16, 24, 63, 64, 134, 144, 154, 159, 160, 163.
Дума Городская г. Харькова—85.

Екатеринославская парторганизация—21.
Екатеринославский Совет Р. и С. Д.—126, 177.
Елисаветградский парткомитет—25.
Елисаветградская объединенная организация—25.

Железнодорожники—63, 64, 69, 70, 109, 117, 125, 127, 128, 130, 131, 133, 165, 166, 186, 188, 190, 195, 198, 200, 208, 210, 215.
Железнодорожные мастерские—53, 129, 131, 133.
Железнодорожный район г. Киева—13.
Жмеринский Совет Р. Д.—32, 68, 69.

Заманский завод—17.
Захват власти—39.
Зеньковский исполком—212.

«Известия», орган Киевского Совета—136.
«Известие», орган Ц. И. К. Укр.—93, 102.
Интернационал III—219, 241.
Июльская демонстрация—15.
Июльские дни—38, 55, 56.

Кексгольмский полк—74, 75.
Киевская парторганизация—10, 11, 12, 13, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 25, 32, 33, 37, 38, 42, 43, 47, 49, 51.
Киевская общегородская партконференция—10, 11, 12, 14, 35, 37, 38, 39, 41, 42, 49, 53, 239.
Киевская экстренная общегородская партконференция—39, 40, 41, 43.
Киевский партийный комитет—10, 12, 15, 17, 23, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 63, 64, 78, 79, 159, 161, 168, 170, 171, 236.
Киевская губпартконференция—38.
Киевский окружной парткомитет—21, 22.
Киевская окружная партконференция—21.

Киевский Совет Раб. Д.—10, 11, 12, 14, 15, 16, 20, 44, 48, 52, 53, 54, 56, 62, 230, 236, 244.
Киевский Совет Солд. Д.—11, 12, 14, 15, 17, 18, 53, 56, 77.
Киевский Совет Р. и С. Д. (объединенный)—56, 57, 58, 59, 60, 61, 135, 136, 140, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 151, 152, 155, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 168, 170, 171, 172, 173, 175, 184, 188, 228, 238, 245, 246.
Киевская конференция фабр.-заводских комитетов—17, 227, 228, 230.
Киевский союз металлистов—14.
Киевский Совет профсоюзов—42, 52, 53, 60, 116, 142, 229, 230, 231.
«Коалиционное правительство»—234.
Коммунистическая партия (бол.) Украины—219, 257.
Коммунистическая рабочая партия (б.) Украины—219.
«Комитет спасения Революции»—см. Ревком г. Киева.
Комитет спасения Революции г. Жмеринки—68, 69.
Конотопский Совет Р. и К. Д.—24, 200, 201.
Конотопский парткомитет—24, 190, 200, 201.
Конотопская парторганизация—23, 24.
Конотопский губернский съезд советов 199, 200, 201.
Конференция бол-ов и интернационалистов Юго-Западного фронта—27, 232.
Корниловские дни—17, 18, 40, 55.
Контр-революционные выступления—18, 47, 53, 61, 82, 188, 201, 220, 221, 227, 228, 230, 233, 244.
Краевой съезд Советов—25, 33, 34, 62.
Краевой парткомитет—33, 34, 52, 78, 79, 80, 81, 85, 86, 87, 91, 93, 98, 99, 100, 101, 103, 106, 107, 108, 109, 217, 218.
Краевая партконференция—33.
Краевой комитет спасения революции—45.
Краевой I съезд бол-ов Украины—33, 34, 51.
Краевой II съезд бол-ов Украины—33.
Красная гвардия—14, 32, 43, 51, 60, 61, 75, 82, 87, 102, 104, 107, 121, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 134, 143, 150, 153, 159, 162, 163, 167, 168, 170, 171, 186, 189, 190, 191, 193, 199, 244.
Кременчугская организация—25.
Крестьянский комитет—17.
Крымская Советская республика—174, 193, 253.
«Курень смерти»—115, 117.
«К оружию», орган группы войск Бахмачского участка—198, 205, 214.

«Левые» (меньшинство Киевского Ком та)—35, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 50, 51.
Лохвицкий Совет—213.

Малая рада—19, 41, 42, 113.
Манифест—к Украинскому народу—90, 93, 102.
Манифест рабоче-крестьянского правительства Украины—220, 222.
Международный Социалистический Конгресс—178.
Меньшевики—11, 14, 16, 17, 18, 23, 27, 32, 42, 54, 55, 56, 59, 62, 68, 69, 86, 88, 94, 102, 106, 108, 144, 163, 215, 233, 234, 240, 257.
Мирная делегация—97, 155, 175.
Могилевский парткомитет—27, 28.

«Народная Воля», орган Ц. Р.—45.
Народная Революционно-социалистическая армия на Украине—250.
Национальные меньшинства—7.
Национальный центр—9, 10.
Национальный Совет—см. Центр. рада.
Национальный всеукраинский конгресс—12.
Национальные демократы—12.
«Неедли», завод—17.
Немецкие войска—см. оккупационные войска.
Николаевская парторганизация—24, 25.
Николаевский комитет с-д. бол-ов—24, 25.
«Новожизненцы»—35.
«Нова рада»—145.

Областной Совет Р. и К. Д. Киевского округа—26, 28, 33, 62, 68, 70, 71, 77, 78, 79, 94, 100.

Областной партийный центр — 20.
Областной партийный комитет Юго-Западного края — 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 42, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 62, 91, 99, 10), 101, 103.
Объединение партийных организаций (бол-ов) Юго-Западного края — 20, 21.
Областная партоорганизация — 21.
Областная I партконференция — 21, 22.
Областная II партконференция — 21, 22, 24.
Областная III партконференция — 25.
Областная IV партконференция — 30.
Областной съезд Советов Киевского округа — 26, 31, 62, 63.
Областной Харьковский съезд Советов — 85.
Одесская парторганизация — 24, 25, 26.
Одесская Советская Республика — 174, 193, 253.
Октябрьское восстание — 19, 20, 32, 38, 42, 49, 75, 119, 122.
Октябрьские дни — 30, 54, 56, 62, 77, 90, 97.
Оккупационные войска (Германские, немецкие) — 75, 99, 156, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 170, 181, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 197, 202, 203, 204, 205, 209, 212, 214, 216, 221, 222, 255, 256, 257, 258.
Организационное бюро по созыву областного партсовещания — 20, 21.
Организационное бюро по созыву конференции партийных организаций ком.-бол-ов Украины — 217, 220, 222.

Партия бол-ов Украины — 33, 218.
Петроградский комитет (П. К.) — 10.
Первомайская демонстрация — 12, 13.
Печерский район г. Киева — 13, 44, 45, 49, 50.
Поалей-Цион — 54.
Подольский район г. Киева — 13, 64.
Польская секция с-д. бов-ов при Киев-ом комитете — 16.
Полтавская парторганизация — 21, 22, 25.
Полтавский Совет Р. и К. Д. — 61, 126, 168, 175.
Полуботьковский полк — 18, 19, 131.
Понтонный батальон — 131.
Н. П. С. (Левица) — 57, 178.
«Право наций на самоопределение» — 10, 20, 46, 76, 94, 110, 240.
«Правые» (большинство Киевского комитета) — 31, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 59.
Предпарламент — 38, 40.
«Пролетарская мысль», орган Киев. Совета, сов. проф. союзов и т. д. — 61, 117.

Ревком (Военно-Рев. Ком.) (Киевского Совета) — 135, 140, 142, 144, 246.
Ревком («Комитет спасения Революции») г. Киева — 23, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 63.
Ревком г. Винницы — 65, 66, 67, 70.
Революционный Военный Совет 2-го гвардейского корпуса — 71, 73, 74, 75.
Револ. Воен. Комитет 2-го гвардейского корпуса — 74, 75.
Роменский Исполком — 205.
Российская Коммунистическая партия (б.) — 219.
Российская Коммунистическая партия (б.) на Украине — 219.
Р. С. Ф. С. Р. — 222.
Румынский фронт — 32, 83, 111, 112, 117.

Сагайдачного полк — 114, 131.
Селянська спилка — 19, 62, 80.
Совет Народных Секретарей — 53, 90, 103, 104. 105, 107, 108, 109, 110, 115, 119, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 133, 134, 136, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 191, 193, 196, 197, 217, 218, 220, 222, 247, 250, 253, 254, 258.
Совет Народных Комиссаров — 20, 33, 46, 80, 81, 82, 83, 84,

86, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 101, 102, 109, 110, 111, 120, 123, 138, 150, 152, 153, 180, 242.
Совет Обороны — 168, 170, 173, 175.
Совет Народн. Комиссаров Донецко-Криворожск. Респуб. — 136.
Съезд Советов войсковых и селянських рад — см. Всеукраинский I съезд Советов.
Съезд казачьих депутатов всей прифронтовой полосы — 63.
Съезд VI партии — 17, 25, 27, 30, 38, 39, 42.
Съезд краевой Советов Украины — 23.
«Спилноти», фабрика — 17.
С-р, левые — 26, 27, 54, 55, 56, 62, 68, 70, 80, 88, 100, 119, 154, 155, 162, 177, 179, 181, 182, 183.
С-р, правые — 30, 56, 59, 68, 72, 94, 165, 177.
С-р. — 71, 73, 141, 156, 179, 215, 233, 234, 240, 257.
С-р, левые — боротьбисты — 177.
Ставка — 49, 50, 93, 97, 122.
Стокгольмская конференция — 233.
Судостроительная верфь — 17.

Таганрогский парт. комитет — 180.
Таганрогское партийное совещание — 217, 218, 220, 256.
Таганрогский Совет Р. и К. Д. — 179, 180, 216.

Украинизация — 9, 12.
Украинская Народная Республика — 20, 45, 49, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 94, 118, 177, 178, 181, 191, 192, 242, 243, 247, 253, 255, 256.
Украинское Учредительное Собрание — 49, 239, 241, 243, 244.
Украинские с-д. — 54, 58, 59, 62, 80, 89, 90, 100, 177, 179, 182, 249.
Украинские с-д, левые — 88, 177, 179, 182, 183, 219, 220.
Украинская Советская Социалистическая Республика — 89, 90, 190, 191, 253, 256.
Украинский 1-й полк — 48.
Украинский Генеральный Войсковый Комитет — 57.
Украинские с-р, левого крыла — 177, 182.
Украинская Коммунистическая партия — 219.
Уманский парткомитет — 117.
Уманский Совет Р. и С. Д. — 117.
«Унгерман» — завод — 17.
Универсал 3-й (манифест Ц. Р.) — 49, 59, 242, 253, 256.
Универсал 4-й (манифест Ц. Р.) — 253, 256.
Учредительное собрание — 17, 30, 31, 59, 93, 119, 120, 122, 227, 234, 235, 236, 242, 244, 245.

Фабрично-заводские комитеты г. Киева — 47, 52, 53, 57, 60, 116, 142, 228, 229, 233.
Февральский переворот — 7, 9, 10, 13, 28, 46, 54, 241.
«Фильверт», завод — 17.
Фракция б. Совет Р. Д. г. Киева — 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 35, 37, 54, 55, 56, 58, 59, 60.
Фракция б. областного съезда Советов — 26.
Фракция б. Всеукраинского съезда Советов — 85, 87, 88, 90, 91.
Фракция б. Совета Р. и С. Д. (объединенного) г. Киева — 140, 245, 246.
Фракция б. Ц. И. К. Украины — 101.
Фракция б. Совета Р. и С. Д. г. Харькова — 105.
Фракция б. Совета Шостки — 24.
Фракция б. Совета г. Конотопа — 24.
Фракция б. Совета г. Винницы — 65.
Фронтовый съезд — 112.

Харьковский парткомитет — 86, 87, 99, 100, 102, 103, 104, 107, 109, 218.
Харьковский областной парткомитет — 93.
Харьковская парторганизация — 103, 104, 107, 108, 109.
Харьковский Совет Р. и С. Д. — 85, 87, 104, 105, 106.
Харьковская Рада Р. К. и С. Д. см. Ц. И. К. У.
Херсонская парторганизация — 21, 24.
Херсонская область — 25.

Центральная Рада (Ц. Р., «Национальный Совет») — 7, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 19, 20, 23, 32, 34, 38, 41, 42,

45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 98, 106, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 177, 182, 184, 185, 186, 188, 191, 200, 221, 222, 242, 243, 246, 247, 251, 252, 253, 254, 255, 256.
Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины (Ц. И. К. У.) 34, 53, 60, 62, 80, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 117, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 130, 137, 138 140, 141, 147, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 161, 162, 164, 165, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 191, 193, 196, 197, 216, 217, 220, 222, 228, 249, 253, 254 258.
Ц. К. Р. К. П. (б.) — 10, 12, 33, 103, 108, 109, 219.
Центр. Бюро проф. союзов (Киев) — 14, 37, 41, 160.
Ц. К. Румынского фронта — 113.
Ц. К. с.-д. Польши и Литвы — 236.
Центр. Совет фабр.-завод. ком-ов (Киев) — 228.

Червонно-казачий полк 1-й — 114, 123, 125, 127, 134, 143, 153, 161, 191, 250.
Черниговская парторганизация — 21, 22, 23, 24.
Черниговский Совет Раб. и К. Д. — 24.
Черноморский флот — 113.
Чехо-словаки — 163, 165, 166, 167, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 198, 202, 203.
Чрезвычайный комитет Обороны — 156, 157, 158, 159.

Шевченковский полк — 114.
Шостенская парторганизация — 23, 24.
Шостенский Совет Р. и К. Д. — 24.
Шостенский государственный пороховой завод — 23.
Шулявский район (г. Киева) — 13, 64.

Январское восстание — 151, 163.

Юго-Западная область — 24, 25, 33, 66, 108.
Юго-Западное областное объединение — 21, 22, 24, 25, 26.
Юго-Западный Край — 20, 25, 30.
Юго-Западный фронт — 23, 26, 30, 57, 65, 82, 155, 184.
Южно-Русский завод — 17.
Южная область — 24, 25.
«Южный Край» (Харьковская буржуазная газета) — 102, 103.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Вместо предисловия 1
Предисловие автора 7

Часть первая.

1. Киев 9
2. Областной Партийный Комитет соц.-дем. (б-ков) Юго-Западного края. . . . 20
3. Киевский Партийный Комитет с.-д. (б.) 35
4. Киевский Совет Раб. Депутатов Совет, Солд. Депутатов и Областной Исполком Советов Раб., Крестьянских и Солд. Депутатов 54
5. Октябрьские дни 62
6. Первый Всеукраинский С'езд Советов Раб., Крест. и Солд. Депутатов . . 75

Часть вторая.

1. Харьков 85
2. Первые заседания Всеукраинского Ц.И.К. Советов и выборы Народного Секретариата 89
3. Краевой Партийный Комитет с.-д. (большевиков) 98
4. Отношение руководящих партработников (б-ков) Харькова к избранному Ц.И.К. Сов. Украины и Нар. Секретариату 99
5. Отношение раб., крест. и солд. масс Украины к ЦИК Сов. Укр. и Нар. Секретариату 109
6. Первая Всеукраинская крестьянская конференция 118
7. Вооруженная борьба с петлюровскими войсками и падение Центральной Рады и ее Генер. Секретариата 122

Часть третья.

1. Пребывание ЦИК Советов Украины и Нар. Секретариата в Киеве . . . 138
2. Полтава 168
3. Организация фронта и борьба с оккупационными войсками 184
4. Таганрогское парт. совещание и роспуск ЦИК Сов. Украины 217

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1. Резолюция о текущем моменте конференции фабрично-заводских комитетов 227
№ 2. Резолюция о взаимоотношениях фабр.-завод. и професс. союзов . . . 229
№ 3. Резолюция о локаутах 230
№ 4. Резолюция конференции военной организации Р.С.-Д.Р.П. (большевиков и интернационалистов) Юго-Западного фронта, состоявшейся 10—12 сентября 1917 г. 232

Стр.

№ 5. Списки кандидатов в Учредительное Собрание, предлагаемые комитетами Р.С.-Д.Р.П. (б-ков) — по Киевской, Волынской, Полтавской, Черниговской, Подольской губ. и по Юго-Западному фронту 236
№ 6. Резолюция о текущем моменте, принятая на Киевской общегородской конференции 25 сентября 1917 г. 239
№ 7. Декларация большевистской фракции Центр. Украин. Рады, оглашенная на заседании 9 августа 240
№ 8. Декларация прав народов России 241
№ 9. Универсал Украинской Центральной Рады 242
№ 10. Резолюция Киевского Совета Раб. Депутатов (8 сентября) 244
№ 11. Резолюция фракции большевиков, оглашенная на соединенном заседании Исполкома Совета и на пленуме Совета Раб. и Солд. Депутатов от 3 ноября 1917 г. 245
№ 12. К членам Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — большевикам . . 246
№ 13. Киевский Военно-Революционный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов об'являет: . . . . . —
№ 14. Постановление Народного Секретариата Украинской Республики о введении народного суда — 4 января 1918 г. 247
№ 15. Декрет об организации Народной революционно-социалистической армии на Украине—20 января 1918 года 250
№ 16. Воззвание Народного Секретариата от 24 февраля 1918 г. . . . . —
№ 17. Декларация, принятая ЦИК Сов. Украины на заседании 7 марта 1918 г. 253
№ 18. Призыв Народного Секретариата Украинской Народной Республики к борьбе с Центральной Радой 254
№ 19. Резолюция о политическом моменте, принятая 2 Всеукраинским С'ездом Советов на заседании 18 марта 1918 г. 255
№ 20. Резолюция о государственном устройстве 256
№ 21. Тезисы Таганрогского совещания коммунистов Украины.
а) Т зисы Скрыпника . . . . . —
№ 22. Тезисы, предложенные т.т. Бубновым, Пятаковым, Кассиором, Исаковым и Коцюбинским 258

УКАЗАТЕЛИ.

Именной указатель 261
Предметный указатель 264

Схема № 1 — Ликвидация Центральной Рады. Январь 1918 г.
Схема № 2 — Оккупация австро-германцами Украины. В начале 1918 г. (старый стиль).

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.